

Армия Веллингтона, 1809-1814

Чарльз Оман

WELLINGTON'S ARMY 1809-1814

**BY
SIR CHARLES OMAN
M.A. Oxon., Hon. LL.D. Edin.**

Электронная книга проекта Гутенберга об армии Веллингтона, 1809-1814

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Армия веллингтона, 1809-1814

Автор: Чарльз Оман

Дата выхода: 5 января 2018 г. [Электронная книга № 56318]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Брайан Коу, Чарли Ховард и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "АРМИЯ ВЕЛЛИНГТОНА", 1809-1814

Примечание автора: Обложка создана автором и размещена в общественном достоянии.

АРМИЯ ВЕЛЛИНГТОНА

ТАБЛИЧКА I.

Артур Уэлсли, герцог Веллингтон.

С портрета сэра Томаса Лоуренса.

АРМИЯ ВЕЛЛИНГТОНА
1809-1814

К. В. К. ОМАН

МАГИСТР ОКСОНА, доктор юридических наук ЭДИН.

ПРОФЕССОР СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЧИЧЕЛЕ

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

ВТОРОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

ЛОНДОН

ЭДВАРД АРНОЛЬД

1913

[Все права защищены]

ПРЕДИСЛОВИЕ

О Веллингтоне и его знаменитой армии на полуострове написано много с точки зрения официальной истории: однако, я думаю, в этом томе будет содержаться кое-что новое для большинства изучающих, касающееся ее организации, повседневной жизни и психологии. Чтобы понять подвиги людей Веллингтона, недостаточно прочесть простую хронику их походов и сражений. Я попытался собрать на этих страницах сведения о тех аспектах их жизни, с которыми не может справиться ни одна стратегическая работа, хотя тактика и даже стратегия не останутся незамеченными.

Я выражаю особую благодарность моему другу мистеру К. Т. Аткинсону, сотруднику Эксетерского колледжа в Оксфорде, за то, что он позволил мне воспользоваться замечательным списком бригадного и дивизионного состава Армии Полуострова, который входит в Приложение II. Она в значительной степени дополнена статьей на ту же тему, которую он опубликовал восемь лет назад в "Историческом обзоре", и позволяет читателю узнать точный состав каждого подразделения Веллингтона в любой момент между апрелем 1808 и апрелем 1814 годов. Я также должен выразить свою благодарность почтенному. Джону Фортескью, автору великой истории британской армии, за ответы на множество вопросов, которые мне было бы трудно решить без его помощи. Указатель составлен той же любящей рукой, которая работала над столь многими моими предыдущими томами.

С. ОМАН.

Оксфорд,

сентябрь 1912 г..

Содержание

ГЛАВА		СТРАНИЦА
I.	Вводная часть —Старая армия полуострова	1
II.	Источники информации —Литература о войне на полуострове	9
III.	Герцог Веллингтон —Человек и стратег	39
IV.	Тактика пехоты Веллингтона—Линия <i>против</i> колонны	61
V.	Тактика Веллингтона—кавалерия и артиллерия	94
VI.	Лейтенанты Веллингтона —Хилл, Бересфорд, Грэм	115
VII.	Лейтенанты Веллингтона —Пиктон, Кроуферд и другие	129
VIII.	Организация армии: Штаб	153
IX.	Организация армии: бригады и дивизии	163
X.	Организация армии: Полки	178
XI.	Внутренняя организация полка: Офицеры	195
XII.	Внутренняя организация полка: Рядовой состав	208
XIII.	Вспомогательные силы: немцы и португальцы	220
XIV.	Дисциплина и военный трибунал	237
XV.	Армия на марше	255
XVI.	Препятствие: Багаж: Дамы впереди	268
XVII.	Записка об осадах	279
XVIII.	Обмундирование и оружие	292
XIX.	Комиссариат	307
XX.	Записка о духовной жизни	320
Приложение I.	Создание и дислокация британской армии в 1809 году	333
Приложение II.	Дивизии и бригады армии полуострова, 1809-1814 гг., К. Т. Аткинсон, магистр, сотрудник Эксетерского колледжа, Оксфорд	343
Приложение III.	Библиография английских дневников, записных книжек и воспоминаний о войне на полуострове	375
Указатель		385

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Табличка

I.	Артур Уэлсли, герцог Веллингтонский	<i>фронтисписе</i>
----	-------------------------------------	--------------------

*С портрета сэра Томаса
Лоуренса на*

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

II.	Лорд Хилл, Г.К.Б.	118
III.	Генерал Томас Грэм, барон Линедок, Г.К.Б., G.C.M.G. <i>С картины сэра Джорджа Хейтера</i>	126
IV.	Генерал сэр Томас Пиктон, К.К.Б.	138
V.	Стрелковый офицер, 1809 г.	188
	Рядовой, линейная пехота, 1809 г.	188
VI.	Офицер легких драгун, форма 1809 года	194
	, Офицер легких драгун , Форма 1813 г.	194
VII.	Рядовой тяжелых драгун, 1809 г.	284
	Офицер полевой артиллерии, 1809 г.	284
VIII.	Сержант и рядовой пехоты в зимнем походном порядке, 1813 г.	296

АРМИЯ ВЕЛЛИНГТОНА

ГЛАВА I

ВВОДНАЯ —СТАРАЯ АРМИЯ ПОЛУОСТРОВА

Работая в течение последних девяти лет над Историей войны на полуострове, я (что было неизбежно) был вынужден собрать множество заметок и много разной информации, которая не имеет отношения к реальной хронике событий различных кампаний, проходивших между 1808 и 1814 годами, но все же представляет большой интерес сама по себе и проливает побочный свет на общий ход войны. Грубо говоря, эти заметки относятся либо к личным характеристикам той знаменитой старой армии Веллингтона, которая, как он сам говорил, “могла пойти куда угодно и сделать что угодно”, либо к ее внутреннему механизму — деталям ее управления. Я намереваюсь рассказать на этих страницах о лидерах и ведомых; о повседневной жизни, манерах и обычаях армии полуострова, а также о ее составе и организации. Я буду иметь дело с

рядовыми не меньше, чем с офицерами, и должен даже найти место для нескольких страниц об этой любопытной и многоязычной толпе лагерных приверженцев, которая следовала по пятам за армией и часто поднимала проблемы, беспокоившие не только полковников и адъютантов, но даже самого великого князя.

Необходимо собрать огромное количество интересного материала, касающегося внутренней жизни армии полуострова, из публичных документов, таких как депеши, общие приказы, полковые донесения и протоколы военных трибуналов. Но я буду использовать в гораздо большей степени неофициальную информацию, собранную из бесчисленных дневников, мемуаров и серии писем современников, которые дошли до нас от людей, принимавших участие в великой войне. Нельзя пренебрегать и противоречивыми брошюрами, которые продолжали появляться в течение многих лет, когда один оставшийся в живых солдат старой армии находил в трудах другого утверждения, которые он считал вредными для себя, своих друзей, своего полка или дивизии. Наиболее известная и наиболее обильная из этих дискуссий — та, которая сосредоточена вокруг публикации книги Нейпира "Война на полуострове"; последовательное появление ее томов привело к появлению множества протестов, в которых приняли участие некоторые из самых выдающихся офицеров армии Веллингтона - не только лорд Бересфорд, который был особой задницей Нейпира и злодеем, и отвечал историку в выражениях, иногда не слишком достойных, — но и Коул, Хардиндж, Д'Урбан и многие другие. Этот набор "ограничений", как их называли, в основном связан с кампанией в Альбуэре. Но есть меньшие по размеру, но не менее интересные серии противоречивых брошюр, касающихся Цинтрского конвента, отступления Мура, кампании 1810 года (Буссако), штурма Бадахоса и других тем.

Наибольший интерес, конечно, представляют мемуары и автобиографии. И можно отметить как примечательный факт, что тех, кто приходит из рядовых, не намного меньше, чем тех, кто приходит из офицерских рядов. Если существуют десятки дневников и воспоминаний полковников, капитанов и младших офицеров, то существуют по меньшей мере десятки маленьких книжечек сержантов, капралов и рядовых. Многие из этих произведений действительно очень причудливы и напечатаны в местных типографиях — в Перте, Ковентри, Сайренчестере, Лауте, Эшфорде и даже на Корфу. Очень часто какая-нибудь группа военных или гражданских друзей уговаривала ветерана, много путешествовавшего, записать на бумаге рассказы, которые были предметом восхищения в столовой или у камина какой-нибудь деревенской гостиницы. Как правило, они очень хорошо читаются, но часто передают скорее дух времени и полка, чем точный отчет о его давно минувших подвигах. Один или два бесхитростных рассказа этих ветеранов демонстрируют все особенности воспоминаний принца их племени — восхитительного, но самоотверженного Марбо. Я счел целесообразным привести в приложении имена и титулы лучших из них. Одна или две, прежде всего маленькая книжка "Стрелка Харриса" из 95-го, вполне заслуживают переиздания, но все еще ждут этой чести. Возможно, полковой патриотизм когда-нибудь подарит нам серию переизданий лучших солдатских рассказов.¹

Воспоминания рядовых

Это очень примечательный факт, который требует объяснения (но никогда до сих пор не получал его), что именно с приходом девятнадцатого века британские солдаты и офицеры начали вести дневники и воспоминания в больших масштабах и в большом количестве. Я,

конечно, не хочу сказать, что в восемнадцатом веке ничего подобного не производилось. Помимо серьезных военных историй, таких как истории Кейна, Стедмана или Тарлтона, существует определенное количество рассказов о личных приключениях, написанных офицерами, такими как разведчик майор Роджерс или словоохотливый и часто забавный автор дневников (к сожалению, анонимный), который участвовал в кампании при Каллодене с герцогом Камберлендским, не говоря уже о полуапохрифическом капитане Карлтоне. Но их немного, а писем рядовых еще меньше, хотя есть некоторые солдатские письма, восходящие ко временам Мальборо, и одна или две небольшие книги, такие как "Воспоминания Бристоу и Скарри об индейцах" и "Дневник сержанта Лэмба о войне за независимость США", которые заслуживают упоминания. Но совершенно очевидно, что за десять 1805-1815 годов в армии писали больше, чем за весь восемнадцатый век.

Каково было объяснение этого феномена? Я думаю, следует иметь в виду две основные причины: первой был славный и вдохновляющий характер кампаний Веллингтона, которые заставляли как офицеров, так и рядовых справедливо гордиться собой и которые больше, чем любое предыдущее поколение, стремились изложить на бумаге историю своих собственных подвигов. Должно быть, это был человек особенно жизнерадостного нрава, который позаботился составить личное повествование о своих приключениях во время Старой Американской войны, которая по большей части представляла собой летопись катастроф, или даже о взлетах и падениях Семилетней войны, когда за каждым Минденом или Квебеком стояло такое же злое воспоминание, как за Тикондерогой или Клостер-Кампеном. Именно этой инстинктивной нелюбви ворошить старые воспоминания о несчастьях мы можем приписать тот факт, что первые британские кампании Французской войны за независимость, неудачные походы и сражения армии герцога Йоркского в 1793, 1794, 1795 годах описаны в исключительно немногих книгах воспоминаний — есть только (насколько мне известно) размашистые стихи "Офицера гвардии" с ценными примечаниями и простые мемуары сержанта Стивенсона из шотландского гвардейского стрелкового полка и капрала Брауна из "Колдстрима". Это чрезвычайно малый результат для длинной серии кампаний, в которых участвовало около 30 000 британских военнослужащих и где имели место такие доблестные подвиги, как при Фамаре и Виллер-ан-Коши. Но общая история была не из тех, о которых любой участник мог бы вспоминать с удовольствием. Отсюда, без сомнения, нехватка книг воспоминаний.

Но я полагаю, что есть другая и совершенно отчетливая причина необычайного всплеска интересной военной литературы, с которой начинается девятнадцатый век, и мы можем отметить, что этот всплеск определенно начался незадолго до войны на Пиренейском полуострове. Существует несколько очень хороших личных рассказов о завоевании Египта в 1801 году, о войнах с индейцами во время вице-королевства лорда Уэлсли и о короткой кампании при Мейде. И этой причиной я считаю тот факт, что поколение, выросшее под давлением длительной войны за независимость с Францией, было гораздо более серьезным и умным, чем то, которое видело, как она началась, и осознавало высшую важность целей, за которые боролась Великобритания, и опасность, которая угрожала ее национальному существованию. Империя и раньше подвергалась опасности, как во время Семилетней войны, так и в Войне за независимость Америки, но враг никогда не был таким ужасающим и отвратительным, как якобинцы Красной Республики. Францию Робеспьера ненавидели и боялись так же, как Францию Людовика XV. или Людовика XVI. никогда ею не была. Для большей части британской нации война против Революции вскоре превратилась в своего рода крестовый поход против "трехглавого монстра республиканизма, атеизма и подстрекательства к

мятежу”. Ощущение того, что Великобритания должна бороться не столько за империю, сколько за национальное существование и за все, что делает жизнь стоящей — религию, мораль, конституцию, законы, свободу, — заставляло людей отчаянно стремиться к борьбе, чего никогда не было у их предков.

Меч и перо

Среди многих аспектов, которые проявляла их увлеченность, одним, безусловно, было желание запечатлеть свое личное участие в великой борьбе. Только таким образом я могу объяснить тот факт, что действительно современные дневники становятся настолько хорошими по мере того, как продолжается война, по сравнению со всем, что было раньше. Мемуары и воспоминания, написанные позже, не учитываются в аргументации, потому что они были составлены и напечатаны задолго до окончания французской войны и осознания ее величия. Но обилие хороших материалов, записанных (и часто отправляемых в прессу) во время войны, поражает. В некоторых случаях мы можем быть уверены, что этой записью мы обязаны причине, которую я только что высказал. Например, мы, безусловно, обязаны ей длинными и интересными военными дневниками лорда Линедоха (сэра Томаса Грэма из Баррозы), который решительно вступил в Войну за независимость как крестоносец и ни больше ни меньше. Как я объясню, когда буду говорить о его замечательной карьере, он начал военную карьеру в сорок четыре года, заложив свои поместья, чтобы набрать батальон, и внезапно из члена парламента-виг нормального типа превратился в стойкого и добросовестного борца против Франции и французских идей - независимо от того, выражались ли они (как когда он впервые обнажил меч) в безумных выходках якобинцев или (как в последние годы его жизни) в беспощадном деспотизме Бонапарта. Его дневник от начала до конца - это запись человека, который чувствует, что выполняет элементарный долг добропорядочного гражданина, делая все возможное, чтобы разбить французов, где бы они ни находились.

Я полагаю, что та же идея была в глубине сердца многих менее известных людей, которые не отрывали своего пера от тех двадцати насыщенных событиями лет. Некоторые откровенно говорят, что они пошли на службу вопреки первоначальному плану своей жизни, потому что видели опасность для государства и были готовы принять свое участие в ее преодолении. “Угроза вторжения воспламенила каждую верную пару плеч в поисках красного мундира”.²

Из людей, чьи мемуары и письма я прочитал, одни были бы юристами (как сэр Хасси Вивиан), другие политиками, третьи врачами, четвертые государственными служащими, четвертые торговцами, если бы не разразилась Великая война. Я бы предположил, что доля офицеров, получивших чин по иным причинам, чем то, что они имели старую семейную связь с армией или любили приключения, была в этот период бесконечно выше, чем когда-либо прежде. Весьма заметное число из них были людьми с сильным религиозным уклоном — что, как мне представляется, было крайне необычно в армии восемнадцатого века (хотя мы не должны забывать о полковнике Гардинере). Один молодой автор дневников возглавляет дневник своей первой кампании длинной молитвой.³ Другой отправляется на фронт с последним письмом своим родственникам, в котором говорится, что “стремясь выполнять свои военные обязанности, он никогда не забудет о своих религиозных обязанностях: тот, кто соблюдает первые и пренебрегает вторыми, ничем не лучше цивилизованного животного”.⁴

Религиозные деятели

Были офицеры полуострова, которые проводили молитвенные собрания и основывали религиозные общества - не совсем к удовольствию герцога Веллингтона,⁵ чей собственный очень сухой и официальный взгляд на религию был столь же нетерпим к "энтузиазму", как и у любого епископа-виги времен Средней Джорджии. Некоторые из самых интересных дневников войны принадлежат людям, которые, подобно Глейгу, Далласу и Бутби, приняли священный сан, когда война подошла к концу. Один или два автора из числа рядовых демонстрируют те же тенденции. Квартирмейстер Сертис переживал муки очень болезненного обращения во время кампании 1812 года и обнаружил, что воспоминания о его духовных переживаниях притупили его представление о судьбе своего полка в то время.⁶ В очень любопытной книге ирландского сержанта 43-го полка религиозным размышлениям посвящено гораздо больше страниц, чем маршам и бивуакам.⁷ Другой писатель того же типа описывает себя на титульном листе как "Двадцать один год в британской пехоте, шестнадцать лет унтер-офицером, сорок лет лидером уэслианского класса, однажды ранен и два года в плену".⁸

В целом я склонен приписать значительное улучшение как количества, так и качества имеющейся у нас информации о внутренней жизни армии во второй половине великой борьбы с Францией не только тому факту, что опасность для империи и великие интересы, поставленные на карту, воспламенили воображение многих участников, но еще больше другому факту: в офицерском составе было гораздо больше вдумчивых и серьезных людей, чем когда-либо прежде. И то же самое *mutatis mutandis* происходило и с рядовыми офицерами. Не что иное, как то, что — разумеется — некоторые из наиболее интересных сведений доставлены нам жизнерадостными и словоохотливыми погремушками совсем другого типа, которых привлекли на службу приключения солдатской жизни, и они описывают в основном ее живописную или юмористическую сторону.

ГЛАВА II ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ —ЛИТЕРАТУРА О ВОЙНЕ На ПОЛУОСТРОВЕ

Возможно, будет полезно дать краткий обзор основных источников, из которых почерпнуты наши знания об армии полуострова. Сначала следует привести официальные. Наиболее важными из всех, естественно, являются депеши Веллингтона. Из них есть две серии; первая, в двенадцати томах, была опубликована при жизни герцога полковником Гурвудом между 1837 и 1839 годами. Вторая, или дополнительная серия, в пятнадцати томах, была опубликована с обильными примечаниями вторым герцогом Веллингтоном между 1858 и 1872 годами.

Серия, отредактированная Гурвудом, абсолютно необходима каждому изучающему войну на полуострове, но с ней очень утомительно обращаться, и она ни в коем случае не является полной. Герцог запретил публиковать большое количество своих наиболее конфиденциальных писем и приказал опустить часть других. У него было твердое убеждение, что значительная

часть исторической информации может и должна быть замалчиваема; этот факт доставляет много хлопот современному историку, который желает получить не просто официальный и урезанный взгляд на войну, но полный и завершённый обзор ее. Чтобы показать отношение Веллингтона, возможно, будет достаточно процитировать его ответ Уильяму Нейпиру, который попросил разрешения воспользоваться всеми его бумагами. “Он не мог сказать всей правды, не ранив чувств многих достойных людей и не причинив вреда. Пространно рассуждая на эту тему, он рассказал множество анекдотов, иллюстрирующих это наблюдение, показывающих ошибки, совершенные генералами и другими лицами, особенно при Ватерлоо, — ошибки, столь существенно повлиявшие на его операции, что он не смог бы воздать должное самому себе, если бы замалчивал их, и все же, предав их огласке, он бы нелюбезно повлиял на расположение многих достойных людей, единственным недостатком которых была тупость”.⁹

Гурвуд и депеши герцога

Гурвудское издание “депеш” было опубликовано примерно через пятнадцать лет после того, как Нейпир подал свое заявление, но многие старые офицеры полуострова были еще живы, и герцог придерживался своего уже высказанного мнения, что было бы нехорошо разоблачать старые ссоры и старые ошибки. Соответственно, при перепечатке абзацы часто опускаются, и в подавляющем большинстве случаев, когда вина была вменена или кому-либо были предъявлены обвинения, имя было оставлено незаполненным. Это делает чтение данного издания наиболее утомительным. Досадно обнаруживать, что, *например*, “ничто не вызывало у меня большего беспокойства в ходе последних операций, чем поведение лейтенанта. - Полковник - из - Regt”.¹⁰ или что “не существует средств для наказания за военные беспорядки, подобные тем, которые совершают бригадный генерал - и полковник ...”. Или снова, когда Веллингтон пишет секретарю по патронажу в Конной гвардии, что “Я очень признателен вам за освобождение меня от генерал-майора - и полковника ...”. Я видел генерала - и я думаю, что у него все получится, как и у...”¹¹; или это “... кажется чем-то вроде безумца” и “... не очень мудро” приводит читателя в отчаяние. Единственный способ узнать имена, которые часто принадлежат офицерам высокого ранга, неоднократно фигурирующим в любом повествовании о войне на полуострове, - это обратиться к оригиналам депеш в Архивном бюро или, если сообщение носит частный, а не публичный характер, к письмам в Эпсли-Хаус. Между тем, мало у кого есть досуг или терпение, чтобы сделать это, так что суждения Веллингтона о своих лейтенантах до сих пор практически недоступны.

Возможно, все же было необходимо оставить все эти пробелы в 1837 году. И Гурвуд, без сомнения, действовал в строгом соответствии с приказами герцога. Но ничто не может оправдать его собственное небрежное редактирование массивных томов, которые он опубликовал. В томах нет оглавлений, и на титульном листе каждого из них не указаны даты, между которыми они выходили. Чтобы выяснить, в каком томе будет содержаться письмо от ноября 1810 года, мы должны разобрать тома VI и VII и посмотреть, начиная с даты последнего отправления в одном и первой в другом, когда наступит перерыв. Предположим, мы хотим выяснить, сколько писем было отправлено Грэхему или Спенсеру в 1811 году, и нет другого способа достичь нашей цели, кроме как просмотреть каждую страницу двух томов, в которых содержится переписка того года! Существует так называемый указатель ко всей серии, но он практически бесполезен из-за небольшого количества приведенных заголовков. Читатель тщетно будет искать в нем очевидные места - названия, такие как Шавес, Казаль-Ново, Кастелло-Бранко, Вера, Сен-Пьер, личные имена, такие как Лаписс, Латур-Мобур, Бонне,

Монбрен, Абадия, Пенне-Виллемур, О'Доннелл, Дель Парк, Эрскин, Энсон, Виктор Альтен, Барнард, Беквит. С другой стороны, он найдет глупые заголовки, такие как под буквой L: “Ложь, поощрение” или под I: “Непобедимость британских войск”. Возможно, самой нелепой записью в этом абсурдном сборнике является запись “Легкая дивизия”, к которой приложена всего одна заметка “удовлетворительное поведение 6 апреля 1811 года”, как будто это был единственный случай, когда было необходимо упомянуть это выдающееся подразделение британской армии. Рубрик “Полки” вообще нет, так что если кто-то захочет узнать, что герцог сказал о 52-м или Черном Дозоре, он просто не получит никакой помощи.

Но есть еще одна уловка Гурвуда, которая даже хуже, чем отсутствие у него оглавлений или адекватных индексных записей. Он опустил все без исключения подробные статистические данные, которые обычно сопровождали депеши герцога. Красивые таблицы потерь, которые объясняют распределение потерь между полками и дивизиями, в каждом случае сводятся к трем общим цифрам “убитыми, ранеными и пропавшими без вести” для всей армии, без указания оставшихся подразделений. Даже скромные два тома лорда Лондондерри, первая попытка изложения общей истории войны на полуострове, дают гораздо больше полезной информации по важным темам о сильных сторонах и потерях, чем все тома Гурвуда. Ибо этот разумный автор справедливо понял, что ничто не может быть более полезным для читателя, чем случайная таблица организации и численности всей армии союзников, и что подробный список потерь в таких сражениях, как Талавера или Альбуэра, незаменим. Недалекий Гурвуд предпочел добавить примечание: “сведения о дивизиях, полках и батальонах были опущены, поскольку были слишком объемными”, ¹² когда он имел дело с важным возвратом. Историк должен выразить ему небольшую благодарность за его драгоценное мнение.

Для меня огромное облегчение перейти от плохо организованной работы Гурвуда к томам Дополнительных депеш Веллингтона, которые были опубликованы вторым герцогом между 1858 и 1872 годами. Хотя объем материалов о полуострове, содержащихся в этой серии, сравнительно невелик, они включают большое количество фамильной и частной переписки, которая была намеренно опущена в предыдущей публикации. И, более того, он превосходно отредактирован; второй герцог знал, что важно и что требует объяснения, приложил ценные и обильные примечания и смог (поскольку старшее поколение к тому времени практически вымерло) отказаться от раздражающей скрытности, к которой прибегал Гурвуд. Более того, он добавил огромное количество писем, написанных не его отцом, а ему самому, которые служат объяснением порой загадочных ответов старого герцога своим корреспондентам. Были добавлены даже несколько необходимых французских документов. В целом эти тома превосходны и заставляют пожалеть, что редактирование всех газет Веллингтона не попало в одни руки.

“Общие приказы” Веллингтона

Существует третья серия официальных публикаций, которая, хотя и не так “общеобязательна для спасения”, как Депеши, для любого исследователя войны на полуострове очень ценна и нуждается в постоянной доработке. Это семь томов Общих приказов с 1809 по 1815 год, которые являются документами строго того времени, поскольку они были собраны и изданы во время войны — тома 1809-10 годов были напечатаны в 1811 году, том 1811 года - в 1812 году и так далее. Последний том, или “Ватерлоо”, отличался тем, что был выпущен британским военным

издательством в Париже "сержантом Бьюкеном, 3-м гвардейским" в качестве печатника. Общие приказы содержат не только все документы, строго так называемые, уведомления, изданные главнокомандующим сухопутными войсками, но и бесценный *краткий* обзор всех военных трибуналов, кроме полковых, а также отчет о продвижении по службе, списки офицеров в полки, правила выдачи жалованья и пайков и указания по всем деталям, касающимся организации, госпиталей, складов, складских помещений, маршрутов и т.д. Если кто-то желает знать, в какой день 42-й был переведен из первой дивизии во вторую, когда именно генерал Кроуферд получил отпуск, чтобы отправиться домой по частным делам, какова была принятая стоимость испанского доллара или португальского Cruzado Novo на разные даты, выраженная в английских деньгах, или какова была награда, назначаемая, когда истекший срок службы соглашался продлить свою службу на ограниченный период, - вот тома, в которых он найдет удовлетворение своему любопытству. Их нельзя назвать интересным чтением, но они содержат факты, которых нет нигде в другом месте.

Существует точно соответствующая серия Общих приказов для португальской армии в шести ежегодных томах под названием Ordens do Dia: она была издана маршалом Бересфордом и содержит все документы, подписанные им. Всякий раз, когда студент интересуется карьерой одного из многочисленных британских офицеров на португальской службе, он должен найти записи о его деяниях в этих томах. С ними нелегко работать, поскольку у них нет годовых индексов, и требуется много терпения, чтобы найти отдельные уведомления о частных лицах. Эти тома практически недоступны в Англии. Мой лиссабонский друг с большим трудом разыскал мне экземпляр после долгих поисков, и я не знаю, есть ли еще один по эту сторону моря. Но только по его использованию мы можем проследить службу любого англо-португальского офицера. Предполагалось, что каждое утро будет "Орден", и когда ничего не предвиделось в виде повышений по службе, отчетов о военном трибунале или указов, начальник штаба Бересфорда обычно публиковал торжественное заявление о том, что новостей нет, так как таким образом...

Quartel-General de Chamusca, 7. 1. 1811.

Nada de novo.

Генеральный судья Мосиньо.

Это происходило в среднем примерно два раза в неделю.

В дополнение к этим печатным сериям в Архиве хранится огромное количество ненапечатанной официальной корреспонденции, посвященной войне на полуострове. Его можно найти не только в отделе Военного министерства, но и в тех, что принадлежат Министерству иностранных дел и Адмиралтейству. В качестве примера загадок официальной классификации я могу упомянуть, что все документы, относящиеся к французским пленным, придется искать в архивах Адмиралтейства, в подразделах *Транспорт* и *Медицина*. Если, как это иногда случается, кто-то хочет узнать имена и полки французских офицеров, взятых в плен при каком-то конкретном случае, *например, при* отступлении Сульта из Порту или штурме Бадахоса, то нужно обратиться к архивам Адмиралтейства! Офицеров всегда можно опознать, но иметь дело с рядовыми - это титаническая задача, поскольку раньше их расстреливали в одной из крупных тюрем Норманс-Кросс, Порчестер, Стэплтон и т.д. произвольными партиями, без учета номеров их полков. Потребовалась бы неделя, чтобы просмотреть тюремные записи с целью установления количества рядовых 34-го легионерского полка, захваченных в плен на Родриго, поскольку они

могли отправляться небольшими группами в любое из дюжины направлений. Многие тюремные реестры утратили ту или иную внешнюю сторону, и обращение с ними - грязное занятие для пальцев, поскольку с ними практически никогда не справляются.

Архивное управление и его богатство

Хотя почти все депеши Веллингтона были напечатаны, такая же удача сопутствовала лишь небольшой части “вложений” герцога, добавленных к каждой депеше. Они всегда оправдывают беглый осмотр и часто очень важны. Большая часть переписки сэра Джона Мура с лордом Каслри и многие депеши подчиненных Мура — Бэрда, Лейта и лорда У. Бентинка — с рядом ценных отчетов и статистических данных - напечатаны в большом томе, озаглавленном “Документы, касающиеся Испании и Португалии, представленные парламенту в 1809 году”. Насколько мне известно, нет подобных томов, относящихся к кампании Грэхема из Кадиса в 1811 году или к операциям Мейтленда и Мюррея на востоке Испании в 1813-14 годах. Много информации о последнем, однако, можно почерпнуть из обширного отчета военного трибунала по делу Мюррея за его жалкое *фиаско* при осаде Таррагоны, который полон ценных фактов. Подробности о других мелких британских предприятиях на полуострове — таких, как предприятия Дойла, Скеррета, сэра Хоума Попхэма и лорда Блейни, — все они остаются в рукописи, легко доступной для поиска, но к ним не слишком часто обращаются. Секция Министерства иностранных дел в Архиве чрезвычайно ценна не только для историка дипломатии, но и для чисто военного историка, потому что Стюарт, Воан, Генри Уэлсли и другие представители британского правительства в Мадриде, Севилье и Кадисе обычно отправляли домой вместе со своими собственными депешами бесчисленные испанские документы. К ним относятся не только официальные бумаги Регентства, но и частные документы огромной ценности, письма генералов и государственных деятелей, которые желают информировать британского агента о своих взглядах, когда они вступают в противоречие с решениями их собственного правительства. Существует довольно много военных рассказов испанских офицеров, которые стремятся снять с себя ответственность за катастрофы своих коллег. И политики иногда предлагают в приватные и конфиденциальные минуты очень любопытные планы и интриги. Сэр Чарльз Воэн хранил некоторое количество этих конфиденциальных документов при себе, когда покидал Кадис, и не передал их Министерству иностранных дел. Они хранятся вместе с его частной перепиской в библиотеке Колледжа всех святых в Оксфорде.

Поскольку мы имеем дело с британской армией, а не с общей историей войны на полуострове, мне остается только упомянуть, что тысячи неопубликованных документов, относящихся к французской, испанской и португальской армиям, можно найти в Париже, Мадриде и Лиссабоне, и что исследователю неизменно рады и с ним вежливо обращаются. Возможно, стоит сделать замечание для начинающих, о том, что французские военные документы не сосредоточены в одной массе, а разделены между Национальными архивами и Военными архивами Военного министерства. Если возврат или рассылка не будут найдены в одном из этих репозиториев, они все же могут появиться в другом. Испанские записи очень “отрывочны”, в одних кампаниях их полно, в других их почти нет. Например, документов о неудачной кампании в Оканье 1809 года на удивление мало; не существует ни одного полного “утреннего штата” по полкам и дивизиям несчастной армии Арейзаги. Я полагаю, что все официальные бумаги его штаба были захвачены во время разгрома и уничтожены невежественными грабителями - они не попали во французские коллекции. Следовательно, сохранилось лишь несколько депеш, которые Арейзага и некоторые из его подчиненных отправили военному министерству Испании.

Современные журналы

Вот и все для официальных отчетов. Переходя к публикациям отдельных участников войны, мы должны провести четкую грань между теми, которые были выпущены во время или сразу после кампаний, о которых они рассказывают, и теми, которые были записаны, с помощью современных заметок или журналов или без них, много лет спустя. Первые, конечно, представляют особый интерес, потому что повествование авторов не окрашено никаким знанием того, что еще впереди. Офицер, пишущий о Корунье или Талавере с воспоминаниями о Виттории и Ватерлоо, неизбежно придерживался иного взгляда на войну, чем человек, описывающий свою раннюю кампанию, не имея ни малейшего представления о том, что должно было последовать. Первые проверки и трудности становятся еще более значимыми в час сомнений и разочарований, чем тогда, когда воспоминание о них затуманивается последующими часами триумфа. Таким образом, ранний материал очень ценен, но он не так обилен, как тот, что был записан позже, и в основном существует в форме писем и дневников, которые менее читабельны, чем официальные повествования. В качестве хороших образцов материалов такого рода мы можем назвать дневники Ормсби и Керпорта о кампании 1808-09 годов, Журнал Хокерса о кампании в Талавере, Дневник Стозерта за 1809-11 годы и дневник генерала Маккиннона за те же три года, все из которых были опубликованы в течение нескольких месяцев после последней записи, содержащейся в каждом из них. Следующими за ними идут книги, состоящие из современных материалов, опубликованные без изменений по сравнению с оригинальными рукописями, но только спустя много лет после того, как они были написаны. Лучшим из них по части неопровержимых фактов, часто фактов, которые нигде нельзя найти, является дневник Томкинсона из 16-го легкого драгунского полка:¹³ вместе с ним можно упомянуть Дневник Джорджа Симмонса из 95-го полка, опубликованный в 1899 году под названием “Британский стрелок”,¹⁴ Дневники сэра Уильяма Гомма за 1808-15 годы,¹⁵ Письма сэра Джорджа Уорра за 1808-12 годы,¹⁶ которые увидели свет всего два года назад, и Личный дневник Ларпента, напечатанный в 1852.¹⁷ Все эти тома снабжены краткими примечаниями редакторов, но текст написан во времена полуострова, без искажений и без изменений.

Эти книги и их второстепенные современники стоят особняком, как современный материал, точно отражающий дух времени. Однако гораздо более многочисленными являются книги, которые, хотя и были созданы участниками Великой войны, появились в более или менее отдаленные от тех лет даты, о событиях которых они повествуют. Официальных исторических работ сравнительно немного, причина в том, что великолепные (хотя и несколько предвзятые) тома Нейпира полностью оттолкнули других возможных авторов, которые чувствовали, что им не хватает его гения и силы выражения, от идеи написать длинное повествование о войне в целом. Это было несчастьем, поскольку единственная книга, которую, таким образом, заставляют читать всех изучающих военную историю, была написана ожесточенным политическим приверженцем, который настроен очернить правительство Тори, преувеличенно восхищается Наполеоном и имел много личных врагов в британской армии, которые почти не пострадали от его рук. В то же время мы должны быть благодарны за то, что эта работа была написана человеком, который был фактическим свидетелем многих кампаний, о которых он рассказывает, добросовестно стремился заполучить всех других свидетелей из первых рук и перерыл французские, а также британские официальные документы, насколько он мог получить к ним доступ. Достоинства его стиля принадлежат только ему, и они заставят читать историю

войны на полуострове как английскую классику, как читают "Историю Великого восстания" Кларендона, даже когда исследования показали (как в случае с Кларендоном), что большая часть повествования нуждается в реконструкции и что общему тезису, на котором оно построено, недостает беспристрастности.

Нейпир, Саути и лорд Лондондерри

Единственными другими общими историями войны, которые появились, были книги Саути (три тома, опубликовано в 1832 году) и лорда Лондондерри.¹⁸ Первое было написано литератором без какого-либо военного опыта, который ничего не видел на полуострове за годы борьбы и имел едва ли не единственное достоинство - хорошее знание испанских источников, к которым он относился слишком некритично. Книга упала замертво, будучи неспособной конкурировать с Нейпиром и лишенной всего авторитета личных знаний, который был сильной стороной последнего. Небольшая книга лорда Лондондерри (два тома, опубликована в 1829 году) отнюдь не лишена достоинств, но имеет много недостатков, всегда балансируя на грани между формальной историей и личными воспоминаниями. Там, где Чарльз Стюарт не присутствовал, он легкомысленно останавливается на эпизодах войны и, очевидно, не прилагал особых усилий для сбора материала из первых рук. В то же время книга имеет ценность как изложение взглядов высокопоставленного штабного офицера, который имел возможность увидеть каждый эпизод с точки зрения Штаба и имел собственные твердые убеждения и теории. Он также обладал спасительной милостью любителя статистики и напечатал множество ценных приложений к "Морнинг Стейтс" и списков пострадавших - вещей, о которых Нейпир был слишком скуп и которые Гурвуд вообще умалчал. Как общий отчет, книга не смогла справиться с Нейпиром и была забыта — несколько незаслуженно — не меньше, чем обширные квартеты Саути. Нет абсолютно никакой другой всеобщей истории, написанной современником, которая нуждалась бы в упоминании. Конечно, я опускаю иностранные источники, которые мало помогают нам в отношении британской армии, хотя они необходимы для общего изучения войны. Незаконченная "Война на полуострове" Фоя, если мы можем судить по томам, вышедшим перед его смертью, была бы очень предвзятой — его отчет о британских войсках в Первом томе представляет собой горькую сатиру, достаточно странно контрастирующую с его признаниями относительно их достоинств в его журнале, большая часть которого была опубликована несколько лет назад Жиродом де л'Аном под названием "Военная жизнь генерала Фоя". После всего умаления в его официальной истории интересно прочитать письмо Фрэнка, в котором в 1811 году говорится, что в решающем сражении на ограниченном фронте он признает превосходство английской пехоты над французской: "Я держу это мнение при себе, - добавляет он, - и никогда не разглашал его, поскольку необходимо, чтобы солдат в строю не только ненавидел своего врага, но и презирал его".¹⁹ Фой держал это мнение настолько при себе, что никто не заподозрил бы его, если бы прочитал только его официальную историю полуострова. Война.

Еще одна всеобщая история Франции - это "Великая война Испании" маршала Журдана, опубликованная всего десять лет назад виконтом де Груши, хотя большая ее часть использовалась в книге Дюкасса "Жизнь" и переписке короля Жозефа Бонапарта. Это охватывает всю войну вплоть до Виттории и примечательно своей острой и часто неопровержимой критикой Сульта и Массены, Мармона и, не в последнюю очередь, самого Наполеона. Это менее удовлетворительно в качестве оправдания собственных действий Журдана. Автобиография Мармона охватывает только пятнадцать месяцев его командования с

мая 1811 года по июль 1812 года, в то время как очень интересные отчеты Сен-Сира и Сюше об их собственных периодах деятельности полностью касаются Каталонии и восточной части полуострова. Сен-Сир вообще не касается британских дел; Сюше описывает свои кампании против Мейтленда и Мюррея гораздо более поверхностно, чем свои предыдущие успехи против испанских армий.²⁰ Другие французские официальные повествования современников и очевидцев - это по большей части монографии о конкретных кампаниях, в которых принимали участие авторы, такие как работа Тибо о Жюно в Португалии, полная преднамеренных неточностей, опубликованная в 1817 году, и "Завоевание Андалузи" Лапена, 1810-12 и "Кампания 1813-14" (обе опубликованы в 1823 году в томах разного объема), в которых говорится только об армии Сульта. Однако существуют две общие истории немецких офицеров — Шепелера (который служил с испанцами) и Ригеля (который служил с французами), — которые оба требуют упоминания. Первое особенно ценно.²¹

Торено, Бельмас, Джон Джонс

Среди историков полуострова особого внимания заслуживают двое. Конде де Торено, испанский государственный деятель, в молодости участвовавший в войне, выпустил в 1838 году три массивных тома, которые после Нейпира являются величайшей книгой, посвященной этой войне. Он является авторитетным специалистом из первых рук, и с ним всегда следует консультироваться по поводу испанской версии событий. Он был великим мастером деталей, но при этом умел рисовать широкой кистью. Иногда необходимо помнить, что он партизан, и у него есть свои фавориты и враги (особенно Ла Романа) среди генералов и государственных деятелей Испании. Но в целом он историк высоких заслуг и рассудительности. Наряду с работой Торено следует упомянуть пять небольших томов португальского "Хосе Аккурсио дас Невеш", опубликованных в 1811 году, когда Массена только что отступил перед strokeами Торриша Ведраса. Это очень полное и интересное описание вторжения Жюно в Португалию и страданий этого государства, которым пришел конец с Конвентом в Цинтре. Это единственное подробное изображение Португалии 1808 года. К сожалению, автор не завершил историю 1809-10 годов.

В конце этой заметки об исторических трудах, в отличие от мемуаров или приключенческих дневников, мы должны назвать две превосходные книги, одну английскую и одну французскую, посвященные специальной теме осадных операций. Эти две монографии специалистов, обоих выдающихся офицеров—инженеров - "Дневник осад в Испании" сэра Джона Джонса за 1811-13 годы и "Дневник осады полуострова" полковника Бельмаса за 1808-13 годы, опубликованные соответственно в 1827 и 1837 годах, — являются одними из самых ценных книг, посвященных войне на полуострове, обе содержат множество подробностей и пояснительных примечаний. Работа Бельмаса особенно богата перепечатками оригинальных документов, касающихся осад, а также статистикой гарнизонов, потерь, израсходованных боеприпасов и т.д. Они были настолько полными и так хорошо дополняли друг друга, что мало что было сделано для дополнения содержащейся в них информации, пока несколько лет назад не начало выходить замечательное издание "Документов Диксона" майора Дж. Лесли, которое заметно расширило наши знания об английской стороне осадных операций.

Покончив с официальными историями, написанными современниками и очевидцами, остается поговорить о классе литературы, гораздо более обширном по объему и в целом гораздо более интересном, рассматриваемом в свете чтения для обычных студентов, — книгах автобиографий

и личных воспоминаний, которые были написаны участниками войны спустя некоторое время после ее окончания - в любое время от десяти до сорока лет после 1814 года. Имя им - легион. Я постоянно открываю для себя новые из них, многие из них напечатаны малоизвестно, небольшими тиражами и в местной прессе, так что само знание об их существовании исчезло. И во Франции существует так много неопубликованных рукописей подобного рода, не меньше, чем в Англии, что ясно, что мы даже еще не исчерпали запас оригинальных материалов, касающихся войны. Некоторые из наиболее интересных, *например*, живая автобиография Блейкни из 28-го, [22](#) и адъютанта Нея Шпрюнглина, [23](#), появились только в последние несколько лет.

Неточности авторов мемуаров

Эти тома личных приключений сильно различаются по ценности: некоторые были добросовестно переписаны по дневникам современников; другие содержат лишь фрагменты, наиболее яркие или типичные инциденты кампаний, менее интересная повседневная работа которых была забыта или, по крайней мере, потускнела. К сожалению, в пожилом возрасте памяти часто бывает трудно отличить увиденное от услышанного. Нередко можно встретить писателя, который представляет себя присутствующим при сценах, где он не мог быть ассистентом, и еще чаще можно обнаружить, что он применяет к одной дате совершенно подлинные анекдоты, которые принадлежат другой. В одном или двух наиболее читаемых повествованиях откровенно перепутана последовательность событий, с примечанием, что точную датировку восстановить невозможно. Общеизвестно, что так обстоит дело с самой яркой из всех книг воспоминаний о рядовых - небольшим томиком "Стрелка Харриса", чьи рассказы о генерале Роберте Кроуфорде и Легкой дивизии тянутся вереницей, в которой хронология вынуждена использовать свой шанс и часто не находит его.

Другим источником размытых или фальсифицированных воспоминаний является то, что автор, пишущий много лет спустя после событий, которые ему приходится описывать, обычно читал о них печатные книги и смешивает эти вторичные знания с рассказом о своих приключениях из первых рук. "Война на полуострове" Нейпира вышла сравнительно рано и была так широко прочитана, что отрывки из нее проникли в очень большое количество книг, написанных после 1830 года. Действительно, некоторые простые ветераны выдают источник своих рассказов о событиях, свидетелями которых они сами быть не могли, повторяя фразы или эпиграммы Нейпира, которые безошибочно распознаются. Некоторые даже заполняют пробел в собственной памяти *кратким* изложением страницы или главы из великой истории. Всегда необходимо следить за тем, чтобы мы не принимали за подтверждение какой-либо истории то, что на самом деле является лишь ее повторением. Дневник сержанта 43-го полка, упомянутый выше, [24](#), содержит невыносимое количество вываренного Нейпира. Гораздо любопытнее найти его следы у знаменитого Марбо, который явно читал перевод Матье Дюма, когда он вышел на французском.

Книги о личных приключениях, как мы можем назвать весь этот класс, можно условно разделить на три раздела, ценность которых с точки зрения авторитета уменьшается. Первая и наиболее важная состоит из работ, написанных на основе старого дневника, в котором сохраняется четкая последовательность событий по современным записям, а автор дополняет и записывает реальный материал из первых рук. Наглядными примерами этого являются "Грубые наброски жизни старого солдата" Лича, [25](#) "Военный дневник" Лесли Балкуэйна, [26](#) который, несмотря на

название, не имеет журнальной формы, а читается как непрерывное повествование, и "Грубые заметки сэра Джорджа Белла о пятидесятилетней службе", ²⁷ все из которых, как определенно заявляют авторы, основаны на их записных книжках военного времени и поэтому, как правило, могут рассматриваться как свидетельства из первых рук. Им, как правило, можно доверять как авторитетам в отношении любых расходящихся историй, основанных на рассказах писателей, которые писали свои воспоминания без какого-либо подобного основания, и там, где они расходятся с современными свидетельствами, они обычно предупреждают читателя.

Например, Лич приводит ценный материал, показывающий неточность преувеличенной оценки Напье продолжительности и темпов марша Легкой дивизии к Талавере, ошибочные цифры которой повторялись во многих последующих книгах. И все же Лич не осознавал того факта, что данные, которые он приводит, несовместимы с историей Нейпира, и повторяет ее в общих чертах - потому что он опубликовал свою книгу через несколько лет после появления второго тома Нейпира и (как и многие другие члены Легкого подразделения) воспринял легенду как вопрос веры авторитету Нейпира. Оно было зарезервировано для сэра Джона Белла,²⁸ лет, который служил под началом Кроуферда, но присоединился к Талавере слишком поздно, чтобы раскрыть эту историю. Но его демонстрация ее неточности не распространилась далеко, в то время как оригинальная легенда обошла весь мир и до сих пор воспроизводится, как пример беспрецедентной быстроты передвижения, в серьезных военных произведениях.

Глейг, Блейкни, Хеннеган

Бесконечно менее ценными, чем книги, основанные на частных дневниках или письмах современников, являются те, которые были написаны спустя долгое время после войны, только по памяти. Они, конечно, становятся все менее ценными в качестве доказательств по мере того, как дата, на которую они были указаны, отдаляется от периода, с которым они связаны.

"Очаровательному подчиненному" Глейга, напечатанному еще в 1825 году, в вопросах деталей можно доверять больше, чем столь же яркому повествованию Блейкни, написанному на отдаленном острове Паксос около 1835 года, а Блейкни более ценен, чем в высшей степени романтический роман Хеннегана "Семь лет кампании", опубликованный только в 1847 году, когда тридцать зим стерли воспоминания и позволили накопить много вторичного и сомнительного материала вокруг оригинальной истории. Сила воспоминаний мужчин различна, как и их понимание относительной ценности драматического повествования по сравнению с фотографической записью личных переживаний. Но в целом мы должны признать, что каждый год, прошедший между событием и изложением его повествования на бумаге, постепенно снижает ценность записи. В качестве примера того, как слабеющие силы старости могут затуманить даже сильную память, мы можем упомянуть любопытный факт, что сам Веллингтон через двадцать лет после своей последней кампании, по-видимому, рассказал двум слушателям, что он посетил лагерь Блюхера накануне Ватерлоо, в ночь с 17 на 18 июня 1815 года, - заявление совершенно невероятное.²⁹ Очевидно, это было смутное воспоминание о его реальном визите в прусский штаб во второй половине дня 16-го, о котором известно достаточно подробностей.

Слабеющая память, любовь к подробным рассказам, приправа к автолатрии и любовь к живописному снизили ценность воспоминаний многих ветеранов. Особенно если он хорошо известный *рассказчики* много раз повторял свое повествование, прежде чем изложить его на бумаге, склонно ли оно принимать романтическую форму? Классическим примером, конечно, является Марбо, чьи мемуары содержат много явно ложных сведений, *например*, о том, что он

сообщил Наполеону о восстании *Дос Майо* в Мадриде или что в 1812 году он отвел свой полк из Москвы в окрестности Полтавы и привел его обратно (400 миль!) менее чем за две недели с обозом провизии, или что он видел, как 6000 человек утонули на разбитом льду озера Сатшан в конце битвы при Аустерлице.³⁰ Марбо, конечно, является крайним примером забавного эгоизма, но параллели меньшего масштаба можно было бы привести у многих его современников, которые написали свою историю слишком поздно. Мы можем упомянуть отчет Тибо о битве при Альдеа-да-Понте, когда он заявляет, что сражался с 17 000 англо-португальцами и потерял 500 человек в их рядах, тогда как на самом деле ему противостояли одна британская бригада и два португальских батальона, которые потеряли ровно 100 человек в общей сложности. Тем не менее, отчет настолько просторен и подробен, что, если бы перед нами не было британских источников, мы были бы склонны думать, что читаем точное повествование о реальном сражении, а не романтическую выдумку, реконструированную по смутным воспоминаниям. Это было единственное сражение на полуострове, в котором Тибо осуществлял независимое командование — и с каждым годом оно становилось все красивее по мере того, как генерал старел.

Поэтому, хотя мы с интересом и часто с пользой читаем написанные позднее повествования о жизни на полуострове как отражение духа времени и армии, мы всегда должны быть осторожны, принимая их свидетельства. И мы должны начать с попытки составить суждение о “личном уравнении” — был ли автор трезвомыслящим наблюдателем или любителем романтических анекдотов? Какая доля фактов, которые он приводит, если таковая имеется, может быть доказана несовместимой с современными записями? Или, опять же, какая доля (хотя и не явно ложная) кажется маловероятной перед лицом других авторитетов? Читал ли он книги других людей в большом масштабе? Обычным доказательством этого является подробный рассказ о событиях, при которых он никак не мог присутствовать, с указанием источника, из которого он получил информацию, или без него. Только когда автор с честью сдаст экзамен по этим пунктам, мы можем начать относиться к нему как к серьезному авторитету и доверять ему как свидетельству в сценах, при которых, как мы знаем, он действительно присутствовал. Многим писателям о личных приключениях в конце концов может быть выдано свидетельство о том, что они являются хорошим авторитетом в анналах своего собственного батальона, но не более того. Возможно даже, что нам придется ввести дополнительное ограничение, чтобы ему можно было доверять в удачные дни, но не в менее счастливые, в истории его собственного любимого корпуса. Умолчание о “неблагоприятных инцидентах” не является чем-то необычным. Что касается событий за пределами полка, то за границей часто ходило много недостоверных сплетен, которые врезались в память даже по прошествии долгих лет.

Книги о полковых приключениях

Среди всех книг о полковых приключениях я бы отдал первое место за интерес и хорошее написание лейтенанту. Граттан в “Рейнджерах Коннахта”. Не будет преувеличением сказать, что если бы автор обратился к формальной истории, его стиль, яркий без преувеличения и часто исполненный достоинства без помпезности, сделал бы его достойным соперником Нейпира как английского классика. Его описания внешнего вида и психологии штурмовиков, марширующих к передовым окопам в Сьюдад-Родриго, и кризиса в битве при Саламанке ничуть не хуже всего, что когда-либо писал Нейпир. Читатель, знакомый со многими его абзацами, без колебаний сказал бы, что это выдержки из великого историка. К сожалению, Граттан страдал одним из

недостатков, которые я назвал выше — он *будет* предоставлять недостоверную информацию о эпизодах, при которых он не присутствовал — это в лучшем случае излишне, а иногда вводит в заблуждение. Но за то, что 88-й сделал в Буссако и Фуэнтесе, в Бадахосе и Саламанке, он пользуется большим авторитетом. И его всегда приятно читать. Две хорошие книги — "Подчиненный" Глейга и "Воспоминания о полуострове" Мойла Шерера — обладают долей литературных достоинств творчества Граттана, но лишены его силы. Они рассказывают соответственно о повседневной лагерной жизни 85-го полка в 1813-14 годах и 48-го полка в 1811-13 годах в приятной и жизненной манере, и поскольку оба были опубликованы в течение десяти лет после окончания войны — Глейга в 1825 году, Шерера в 1824 году — воспоминания авторов все еще были сильны, и на их утверждения о фактах можно положиться. Достоинство обоих заключается в том, что они строго придерживаются личного опыта и избегают историй из вторых рук.

Эти живые приключенческие рассказы — "Приключения Кинкейда в стрелковой бригаде", Автобиография сэра Гарри Смита и мемуары Блейкни (которые их редактор назвал "Мальчик на войне на полуострове")³¹ — были написаны гораздо позже, через двадцать-тридцать лет после Ватерлоо, и их отдаленность от того времени, которое они описывают, проявляется не столько в недостатке деталей или живописной силе описания, — все три автора хорошо владели пером, — сколько в подборе фактов, которые они фиксируют. Большая часть повседневной жизни полка была забыта или потускнела, и записаны только великие дни, или самые яркие личные переживания, или причудливые и гротескные инциденты. Именно этот факт делает их очень приятными для чтения — они содержат (так сказать) все сливы пирога и сравнительно немного менее аппетитной корочки. Главы Гарри Смита - это практически рассказ о его Одиссее в кампаниях 1812-13 годов вместе с героической маленькой женой-испанкой, которую он подобрал и на которой женился во время штурма Бадахоса. Кинкейд — юморист - он помнит все гротескные инциденты, нелепые ситуации, розыгрыши и злоключения, в которых были замешаны он и его товарищи, и излагает их в виде череды анекдотов, слабо связанных повествованием, за точную последовательность или датировку которого, по его словам, он отказывается нести ответственность. Это очень забавно, и некоторые из наиболее поразительных историй могут быть проверены другими, более авторитетными источниками. Но общий эффект часто такой, как будто мы читаем главу из романа Чарльза О'Мэлли Левра или какой-нибудь другой старомодный роман о полуострове. Книга Блейкни производит лучшее впечатление из-за солидности, и он дополняет многие происшествия, известные нам в остальном лишь в общих чертах, живописными подробностями, которые имеют все признаки правды. Но раз или два я обнаруживал, что его повествование отказывается соответствовать документам того времени, и в таком случае история, написанная через двадцать пять лет после события, должна быть выброшена за борт.³² Его следует использовать с осторожностью, хотя он делает все возможное, чтобы показать подлинность своих действий.

Воспоминания из рядов

Почти все воспоминания рядовых подвержены тем же недостаткам. Почти без исключения они были записаны спустя много лет после описываемых событий. Обычно у рассказчика не было ни книг, ни записок, которые могли бы ему помочь, и мы получаем подлинную историю, не подверженную влиянию внешних источников, но размытую и укороченную течением времени. Подробности личного приключения в меру памяти ветерана совершенно достоверны; эпизоды сражений, лагерных тягот, какого-то знаменитого военного трибунала и последующего парада

наказаний всплывают в памяти четко. Но есть большие промежутки в забытых месяцах, частые ошибки в датировке и часто ошибки в лицах, которым приписывается подвиг, эпиграмма или злоключение. Тем не менее, эти небольшие тома самым замечательным образом передают дух рядового состава и позволяют нам понять внутреннюю жизнь батальона так, как этого не может сделать ни один официальный документ. Есть несколько случаев, когда автору в руки попадала книга, в основном "Великая история Нейпира", и он в значительной степени портил свою работу, добавляя отрывки неуместного красноречия или стратегические изыскания в простую ткань своих реальных воспоминаний.³³

Томик "Одного солдата" выделяется среди всех остальных своими литературными достоинствами — это произведение человека с высшим образованием, который записался в армию в момент досады и унижения, чтобы не столкнуться дома с последствиями собственного тщеславия и глупости. Этот короткий рассказ на 150 страницах под названием "Дневник Т. С., солдата 71-го хайлендского легкого пехотного полка, 1806-15 годы" был записан еще в 1818 году,³⁴ когда память была еще свежа. Его ценность заключается в том факте, что автор писал из рядовых, но при этом настолько отличался по образованию и умственному развитию от своих товарищей, что не принимает их взгляды и привычки как должное, а продолжает объяснять и комментировать их. "Я не мог получать, - как он отмечает, - никакого удовольствия от их забав, но счел необходимым потакать им во многих вещах и быть услужливым ко всем. Они считали меня дерзким и мало за мной ухаживали, им не нравились мои сухие манеры, как они это называли". Его рассказ - это рассказ умного наблюдателя за поведением полка, психологией которого он глубоко интересуется, а не рассказ типичного солдата. Имея наготове ручку и острый наблюдательный глаз, он выпустил небольшую книжечку, представляющую необычайный интерес. Хроника его походов и подробности действий, о которых он рассказывает, кажутся очень точными по сравнению с официальными документами.

Сержант Дональдсон из 94-го полка был еще одним известным шотландцем, чью книгу "Богатая событиями жизнь солдата" стоит прочитать. Он не был так хорошо образован, как Т. С., и у него не было такого же яркого литературного стиля. Но он был умным человеком и обладал более широким кругом интересов, чем это было принято в рядах, так что всегда стоит ознакомиться с его записями и наблюдениями. Его описание ужасов отступления Массены из Португалии в 1811 году - очень яркое произведение зловещего жанра. После него можно упомянуть квартирмейстера и сержанта — Сертиса и Костелло — обоих из Стрелковой бригады, — чьи воспоминания полны типичных историй, отражающих достоинства и недостатки знаменитой Легкой дивизии. Что касается взглядов и образа мыслей рядового лучшего сорта, то небольшие книги "Стрелка Харриса", уже цитировавшиеся выше, Лоуренса из 40-го и Купера из 7-го стрелкового,³⁵ являются ценным авторитетом. Они являются замечательным свидетельством того, как рядовые смотрели на битву, форсированный марш или длительную нехватку пайков. Но мы не должны чрезмерно доверять им как авторитетам в более важном вопросе войны.

Воспоминания французских ветеранов

Существует значительная часть французских воспоминаний, посвященных чисто британской стороне войны на полуострове. Помимо мемуаров Марбо и Тибо, о которых я уже упоминал, каждый, кто желает увидеть армию Веллингтона со стороны, не должен пренебрегать еще тремя или четырьмя. Безусловно, самый яркий из них - Лемонье-Делафосс из 31-го Легиона, чьи

военные сувениры были изданы в Гавре в 1850 году. Он злейший враг и хочет доказать, что Веллингтон был посредственным генералом и его всегда следовало побеждать. Но он делает все возможное, чтобы рассказать правдивую историю, и щедро признает свои поражения, хотя и думает, что при большей удаче они могли бы стать победами. Провал в памяти может быть обнаружен в одном или двух местах, где из-за него офицер пал не в том бою или неправильно назвал деревню. Фантен де Одоар, также (как ни странно) участник 31-го легиона, вел дневник, так что его воспоминания о 1808-11 годах очень точны. Он особенно ценен для отступления Мура и кампании Сульта в Порту. Гораздо более справедливый человек, чем Делафосс, он полон признания заслуг своих британских противников и не скрывает своего отвращения к войне в Испании — кошмару грабежей и военных казней, естественному результату несправедливой агрессии. Третий ценный автор - полковник Сен-Шаманс, адъютант Сульта, которого он искренне ненавидел и чью подлость и дух интриги он любит разоблачать. У него легкий и юмористический характер — он сильно отличается от другого адъютанта, швейцарского последователя Нея, Шпрюнглина, чей дневник³⁶ является самым солидным и тяжеловесным произведением, ценным благодаря мельчайшим фактам и цифрам, но не живым. В отличие от Сент-Шаманса в другом отношении, он предан своему шефу, маршалу, самым преданным поклонником которого он был. Но я полагаю, что Ней был гораздо более щедрым и любящим хозяином, чем коварный Султ.

Другими полезными французскими томами воспоминаний являются воспоминания Генгре из 6-го корпуса, полные ужасных подробностей португальских неудач Массены; Д'Илленса, кавалерийского офицера, который служил против Мура и Уэлсли в 1808-09 годах; и Вигоруссильона из 8-й линии, который приводит единственный хороший французский рассказ о Баррозе. Паркен - простой саблезуб, который написал свои мемуары слишком поздно и чьим анекдотам нельзя доверять. Он выжил и стал одним из последователей Наполеона III. в своих ранних и несчастливых приключениях в Булони и других местах. Другие французские писатели, такие как Рокка и Гонневиль, долгое время находились в Испании, но мало контактировали с британцами, работая на каталонском побережье или в армии Юга на стороне Гранады. Вот и все о работах актеров Великой войны, которые рассказывают о том, что видели сами. Нам нужно уделить гораздо меньше места книгам более поздних поколений, которые представляют собой всего лишь информацию из вторых рук, как бы тщательно они ни были собраны.

Истории британских полков должны представлять большую ценность, поскольку серия, составленная орденом конной гвардии под общей редакцией Ричарда Кэннона в 1830-х годах, могла бы быть обогащена информацией, полученной от сотен ветеранов полуострова, которые все еще оставались в живых. К сожалению, почти каждый ее том - не более чем плохая халтура. В большинстве томов мы не находим ничего, кроме обширных выдержек из Нейпира, дополненных перепечатками официальных отчетов, взятых из London Gazette. Весьма необычно найти даже полковую статистику, которую можно было бы легко получить из платежных ведомостей и других документов, имеющих в распоряжении батальона или хранящихся в Архиве. Сведения, полученные в результате опроса офицеров-ветеранов, прослуживших всю войну, являются совершенно исключительными. Некоторые из его томов менее сухие и тощие, чем другие, — и это, пожалуй, все, что можно сказать в пользу даже лучших из них.

Полковые истории

Все без исключения хорошие полковые истории находятся за пределами официальной серии "Кэннон". Некоторые из них превосходны; можно сказать, что, как правило, лучшими являются те, которые написаны последними: стандарты точности и оригинальных исследований повышаются с 1860 года. Среди тех, которые заслуживают особых похвал, - замечательная книга полковника Гардина "Жизнь полка" ("Гордонские горцы"), опубликованная в 1901 году; "История стрелковой бригады" Коупа (полная выдержек из источников из первых рук), вышедшая в 1877 году; "История 52-го Оксфордширского легкого пехотного полка" Мурсома (первая по-настоящему хорошая история полка, которая была написана), опубликованная в 1860 году; "История 2-го пехотного полка" Дэвиса ("Королевский Западный Суррей") и "14-й гусарский полк полковника Гамильтона". К тому времени, когда они начали появляться, уровень исследований начал повышаться, и больше не считалось лишним посещать Архив или наводить справки о неопубликованных документах в семьях старых офицеров. Все упомянутые выше книги представляют собой большие тома, но даже более мелкие истории теперь составляются с особой тщательностью, и их размер, как правило, является результатом не кропотливой работы (как раньше), а того факта, что некоторые полки, в силу своего места службы, несли меньше службы, чем другие, и, следовательно, им меньше нужно записывать. В качестве книг меньшего масштаба, которые оказались полезными для меня, я могу упомянуть "Историю 76-го" Хейдена, "Историю 20-го" Смита и "историю 47-го" Пердона. Редким примером анналов меньшего подразделения, батареи, а не батальона, является история полковника Уинниетса об отряде "С", R.N.A., который он вызвал из Ла-Коруньи в Севастополь, в котором можно найти много верной и добросовестной работы. Но история всей артиллерии армии полуострова, как португальской, так и английской, в настоящее время с замечательными подробностями раскрывается в "Диксон Пейперс" под редакцией майора Джона Лесли, генерал-лейтенанта, который знает все, что только можно знать о подразделениях своего корпуса, служивших под командованием Веллингтона. Следует отметить, что сэр Александр Диксон был командующим артиллерией в более поздних кампаниях 1813 и 1814 годов, и до получения этого поста руководил всеми тремя осадами Бадахоса, а также осадами Оливенцы и Сьюдад-Родриго. Поскольку он был направлен в португальскую артиллерию, его документы содержат обильную информацию о вспомогательных батареях этой страны, которые были приданы армии полуострова. Искренне хотелось бы, чтобы какой-нибудь офицер взялся за соответствующую задачу, составив анналы королевских инженеров времен войны на Пиренейском полуострове. "История королевских саперов и шахтеров" Коннолли (опубликована еще в 1857 году) содержит много полезной информации, но бесконечно больше можно было бы собрать, просмотрев архивы и сопоставив мемуары Бутби, Бергойна, Ландманна и других офицеров-инженеров, оставивших дневники или воспоминания.

Наряду с "Историями британских полков" следует назвать два тома того же типа, хотя они относятся к более крупным подразделениям, чем полк, и не касаются наших собственных войск. Первый класс посвящен нашим немецким вспомогательным войскам, и возглавляет его ценный и добросовестный специалист по истории королевского немецкого легиона майор Ладлоу Бимиш. Это было написано в 1832 году, но является очень удачным примером исследования для книги того времени, когда жалкая серия Кэннона представляла уровень истории английского полка. Эти два тома содержат множество оригинальных писем и документов, а также несколько превосходных образцов военной формы. В 1907 году капитан Швертфегер повторил то же самое в своем "Geschichte der Königlich Deutschen Legion",³⁷ и значительно пополнил запас фактов Бимиша. У полка Брауншвейг-Элс, который служил Веллингтону с 1811

по 1814 год, также есть немецкий биограф в лице полковника Кортфлейша, который служил в 88-м немецком пехотном полку, который сейчас представляет этот древний корпус. У *бретонских егерей*, последнего из старого корпуса иностранных войск полуострова, нет подобной истории.

Португальские власти

Что касается португальской армии, то хорошее описание положения дел в 1810 году, когда она только что была реорганизована, содержится в книге Холлидея "Современное состояние Португалии", опубликованной в 1812 году. "Исторические выдержки" Чаби³⁸ содержат много ценного материала для его последующей истории, но, к сожалению, плохо организованы и фрагментарны. Только португальская артиллерия в войне на полуострове была рассмотрена в книге майора Тейшейры Ботелью "Вспомогательный материал по истории искусств порта Эгеа", которая очень полна и хорошо документирована. Жизнь британского офицера, служившего в португальском полку, можно изучить по Мемуарам Банбери (20-я строка),³⁹ и Блэкистона (5-й касадорес).⁴⁰

После полковых историй следующим по важности источником информации, помимо книг, написанных не теми, кто служил под командованием Веллингтона, являются личные биографии. "Жизнь лорда Линедоха" капитана Делавау (сэр Томас Грэм)⁴¹, пожалуй, самая полезная среди них, не столько из-за каких-либо достоинств стиля или аранжировки, сколько из-за превосходного использования современных документов, недоступных где-либо еще. Большая часть тома состоит из выдержек из длинного и интересного военного дневника Грэма, а письма от него и к нему напечатаны *in extenso*. Таким образом, мы получаем информацию из первых рук о многих событиях, при которых не присутствовал ни один другой британский свидетель, например, кампания Кастаньоса на Эбро в 1808 году, а также комментарии к более известным операциям, таким как отступление сэра Джона Мура из Ла-Коруньи и экспедиция Баррозы 1811 года. К сожалению, ни дневник, ни письма не соответствуют кампании 1813 года, в которой Грэм принимал такое выдающееся участие.

"Мемуары Х. Б. Робинсона о сэре Томасе Пиктоне"⁴² были книгой, на которую Напье обрушился с критикой — в его противоречивых приложениях к ней есть много едких комментариев. Но это далеко не такая плохая работа, как можно было бы ожидать, судя по его подходу к ней. На самом деле, я полагаю, что Нейпир расплачивался за старую обиду Легкого дивизиона на самого Пиктона, которого он лично недолюбливал. Повествование справедливое, а количество вставленных писем современников придает подборке определенную ценность. "Жизнь лорда Хилла" Сиднея⁴³ года намного уступает книге Робинсона: автор недостаточно хорошо знал свою войну на полуострове, чтобы оправдать задачу, за которую он взялся, и письма, которых он, к счастью, печатает немало, являются единственным ценным материалом в ней. Любопытно, что и Пиктон, и Хилл написали свои жизнеописания священнослужителями, когда в живых оставалось еще немало старых офицеров полуострова, которые могли бы взяться за эту задачу.

Из других обер-лейтенантов Веллингтона Бересфорд так и не нашел биографа, хотя роль, которую он сыграл на войне, была очень важной. Должно быть, где-то в частных руках хранится огромное количество его бумаг, но я не знаю, где они лежат. Единственный отчет о нем состоит из нескольких страниц в полезной, но довольно формальной и отрывочной книжечке Дж. У. Коула, озаглавленной "Мемуары британских генералов, отличившихся во время войны на Пиренейском полуострове".⁴⁴ Лорд Комбермир (Стэплтон Коттон) находился в верховном

командовании на протяжении кампаний Веллингтона, но вряд ли соответствовал своему положению, хотя он заслужил терпимость своего шефа строгим подчинением приказам, что в глазах герцога является большей заслугой, чем военный гений или инициатива. Есть его биография, написанная леди Комбермир и капитаном У. Ноллисом (1866), но главы, посвященные полуострову, короткие. Единственные биографии сэра Лоури Коула, сэра Джона Гаспара Ле Маршана и нескольких других выдающихся дивизионных генералов и бригадиров приведены в упомянутой выше книге Дж. У. Коула. Сэру Джеймсу Лейту повезло больше, у него был небольшой томик, посвященный его памяти анонимным поклонником в 1818 году, но он был написан без достаточного количества материала, частной переписки Лейта (как кажется) не было в руках автора, в то время как официальные документы по большей части были недоступны на столь ранний срок. Однако многое о личности и приключениях этого упорного в боях генерала можно почерпнуть из мемуаров его племянника и адъютанта Лейта Хэя.

Биографии Гофа, Колборна и др.

Об офицерах, которые не достигли высшего звания при Веллингтоне, но которые в последующие годы сделали большую карьеру, есть две биографии, в которых большой раздел посвящен вопросам полуострова: биографии лорда Гофа Р. С. Райта (два тома, 1903) и лорда Ситона (Колборн 52-го полка) Мура Смита. Это оба превосходных произведения, в которых много частной переписки того времени, и они построены на современных принципах, с полным вниманием ко всем возможным источникам из первых и вторых рук. Они оба незаменимы для любого, кто желает детально изучить кампании на полуострове. Существуют также краткие мемуары сэра Дениса Пака, [45](#) и лорда Вивиана, [46](#), каждый из которых подготовлен внуком генерала и содержит полезные выдержки из дневников и переписки. Кампанию сэра Джона Мура, возможно, вряд ли можно рассматривать как попадающую в историю армии Веллингтона, но невозможно не упомянуть полную (и весьма противоречивую) биографию героя Коруньи сэра Дж. Ф. Мориса, [47](#), которая содержит бесценный дневник и много переписки. В любом случае, это незаменимая книга для тех, кто желает изучить первый год войны на Пиренейском полуострове и отметить разницу между личностями и военными теориями Мура и Веллингтона.

Из официальных и подробных историй войны на полуострове, написанных в последние годы, есть одна на испанском языке, написанная генералом Артече, очень добросовестным и скрупулезным специалистом по оригиналам документов, который привлек к ответственности немало английских властей, но далеко не всех. Для испанской версии всей войны он абсолютно необходим. Итак, что касается португальской версии, то это огромная работа Сориано да Луша, которая во многом основана на Нейпире, но часто отличается от него и выявляет множество неопубликованных документов. Полковник Баланьи начал писать историю войны на французском языке в очень большом масштабе, прекрасно документированную и демонстрирующую замечательные исследования. В пяти томах он только что перешел к 1809 году, так что вся книга получится объемистой. В последнем томе "Прекрасной истории британской армии" мистера Фортескью только началась кампания на полуострове. О моих собственных четырех томах, которых, надеюсь, скоро будет пять, мне достаточно упомянуть лишь вскользь. Есть одна огромная монография о кампании Дюпона французского автора, полковника Тито, которая вообще не касается английских военных дел. Две небольшие, но хорошие работы того же типа, написанные полковником Дюма и комендантом Клерком, обе, как ни странно, посвящены одной и той же кампании — "Защите пиренейской границы" Сульта в

1813-14 годах: первая из двух лучше: оба попытались, на современный манер, использовать отчеты обеих сторон, а не писать по документам только одной; но Дюма лучше знает свои английские источники, чем Клерк.

Выше моих сил догадаться, почему аналогичные монографии об отдельных кампаниях войны не появляются и на английском языке. Но несколько *брошюр*, претендующих на то, чтобы рассматривать подобные вопросы, которые появились в последнее время по эту сторону ла-Манша, в основном представляют собой учебные пособия для экзаменов, не основанные на обширном знании источников и часто представляющие собой немногим больше, чем анализ Нейпира, с некоторыми дополнительными комментариями. Они очень неблагоприятно контрастируют с такой книгой, как книга полковника Дюма.

ГЛАВА III

ГЕРЦОГ ВЕЛЛИНГТОН — ЧЕЛОВЕК И СТРАТЕГ

Вот и все о наших источниках. Теперь мы можем приступить к выяснению того, какие выводы мы можем сделать из них. И мы неизбежно должны начать с рассмотрения великого лидера британской армии. Я не пишу биографию Веллингтона и тем более не комментирую его кампании, с которыми я пытаюсь разобраться в другом месте. Моя цель скорее состоит в том, чтобы нарисовать его таким, каким он предстал перед своей собственной армией, и таким, каким его действия и сочинения раскрывают его во время кампаний на полуострове. Артура Уэлсли 1809 года трудно отделить в наших собственных воспоминаниях от знакомой фигуры из викторианских реминисценций. Мы думаем о нем как о “великом герцоге”, первом и наиболее почитаемом подданном короны, вокруг которого вращается так много историй, более или менее обоснованных, иллюстрирующих его бескорыстие, его ненависть к фразам, неискренности, сантиментам и надувательству вообще, его пунктуальность, его мрачную бережливость и его редкую едкую прямоту в речах — ибо он никогда не мог “с радостью терпеть дураков”. Он стал легендой задолго до своей смерти, и требуется усилие ума, чтобы отличить старика 1850 года от генерала 1809 года, который все еще сохранял в глазах большинства людей свою репутацию. Ибо тех, кто понимал величие его индейских подвигов, было немного. Не только Наполеон считал, что назвать Уэлсли “генералом-сипаем” достаточно, чтобы свести его репутацию к репутации легкого победителя над презренными врагами.

Когда он принял командование армией полуострова в апреле того же года, Артуру Уэлсли было тридцать девять: он только что достиг среднего возраста. Это был худощавый, но жилистый мужчина среднего роста, хорошо сложенный и прямой, с продолговатым лицом, орлиным носом и пронизательными, но холодными серыми глазами. Его репутация как солдата уже была высока, но мало кто, кроме тех, кто служил под его началом в Индии, понимал весь размах его способностей. Многие недооценивали его, потому что он был членом хорошо известной, но нелюбимой семьи и политической группы и был обязан этому факту своим ранним продвижением по службе и возможностями отличиться. Критики все еще могли утверждать, что человек, командовавший батальоном в давней войне за независимость в возрасте двадцати

трех лет и возглавлявший армию в Индии до того, как ему исполнилось тридцать, продвинулся на фронт дальше, чем заслуживал по своему политическому влиянию. И это было правдой (хотя об этом факте так часто забывают), что в ранние годы ему очень помогали его связи, что он получил свой уникальный шанс в Индии, потому что был братом вице-короля, и что после своего возвращения с Востока он был скорее политиком, чем генералом. Разве он не был, даже когда победил Вимейро, министром по делам Ирландии в тогдашнем правительстве Тори? Это был пост, обладателю которого приходилось выполнять много грязной работы, имея дело с нуждающимися пэрами, пресмыкающимися квартиросъемщиками и интригующими дублинскими юристами. Уэлсли прошел через все это, и ни в коем случае не примирительным образом. Он сдавал необходимые работы, но не скрывал от джобберов своего презрения к ним. Когда министру по делам Ирландии приходилось иметь дело с кем-либо, кто ему не нравился, он проявлял счастливую смесь аристократического высокомерия и холодного интеллектуального презрения, которые отсылали просителя прочь в горьком расположении духа, независимо от того, было ли удовлетворено его прошение или нет. К сожалению, он перенес эту манеру с должности ирландского министра в штаб армии полуострова. Это не способствовало тому, что его любили.

Веллингтон и виги

К счастью для Великобритании, из этого не всегда следует, что из-за того, что политическое влияние быстро выдвинуло человека на передний план, он, следовательно, некомпетентен или недостоин отведенного ему места. Каждый, кто лично контактировал с Артуром Уэлсли, вскоре понял, что Каслри и другие министры не ошиблись, отправив "генерала сипаев" в Португалию в 1808 году, и когда они, несмотря на весь шум, поднявшийся после Цинтрской конвенции, отправили его во второй раз в Лиссабон в 1809 году, на этот раз с полным контролем над армией полуострова. С самого начала его кампании в Вимейро войска, которыми он командовал, испытывали к нему самое твердое доверие — они видели, с каким мастерством он управлялся с ними, и критика очень скоро утихла. Политикам-вигам у себя дома, карперам, не имеющим ни малейшего представления о войне, оставалось еще пару лет утверждать, что он был офицером с завышенной оценкой, что он был опрометчив и безрассуден, и что его лидерство закончится в один не очень отдаленный день изгнанием британской армии с полуострова. На фронте было очень мало таких сомневающихся, хотя письма современников доказали мне, что один или двое все же нашлись.⁴⁸

Сказать, что Веллингтону с самого начала одинаково доверяли его офицеры и его солдаты, ни в коем случае не значит сказать, что они любили его. Он делал все, что могло завоевать доверие, но мало что могло вызвать привязанность. Они признали, что он был удивительно способным, но что у него не было высшего дара сочувствия к другим. "Вид его длинного носа среди нас, " писал один из его ветеранов, " стоил десяти тысяч человек в любой день недели. Я осмелюсь сказать, что в армии не было сердца, которое не забилось бы легче, когда мы слышали радостную весть о его прибытии".⁴⁹ Но это не означает, что к нему относились с энтузиазмом эмоционального и нежного рода. Другой офицер легкой дивизии резюмирует эту позицию самыми холодными словами, которые я когда-либо видел применительно к отношениям великого полководца с его победоносной армией. "Я знаю, что говорили, что Веллингтон был непопулярен в армии. Теперь я могу утверждать относительно Легкой дивизии, что войскам он скорее нравился, чем что-либо другое.... Хотя Веллингтона нельзя было назвать популярным,

тем не менее войска питали к нему большое доверие, и я никогда не слышал, чтобы хоть один человек высказывал противоположное мнение”.⁵⁰

Действительно, должно было быть что-то, что отталкивало энтузиазм и привязанность к лидеру, о котором после пяти лет одержанных побед и совместно перенесенных лишений можно было сказать, что его войска “скорее любили его, чем что-либо другое”. Но они обнаружили, что он был суровым хозяином, медлительным на похвалу и быстрым на обвинение и наказание. Хотя он знал о военных достоинствах своих рядовых и признавал, что они не раз “вытаскивали его из передряг”, выполняя почти невозможное, он не любил их. Он оставил в протоколе непростительные слова о своих людях. “Они - отбросы общества. Английские солдаты — это парни, которые записались в армию ради выпивки - это очевидный факт: они все записались в армию ради выпивки”.⁵¹ Столь же скверным по духу является одно из его высказываний перед Королевской комиссией по армии. “Я понятия не имею, какой большой эффект может произвести на британских солдат что-либо, кроме страха перед немедленным телесным наказанием”. Вполне естественно, что лидер с такими взглядами никогда не взывал к лучшей стороне своих людей: он никогда не говорил и не писал им о чести или патриотизме, но часто напоминал им о плетях и расстрелах, которые были неизбежным наказанием для отставших, пьяниц, грабителей и дезертиров. Ничто так не охлаждало дух офицеров и рядовых, как сила и напористость его упреков по сравнению с официальной формальностью его похвал. Можно было в полной мере оценить его удивительные способности ума и полностью доверять ему как лидеру, не испытывая ни малейшей привязанности к этой жесткой и несимпатичной фигуре.

Веллингтон и его люди

Печальным моментом во всем этом является то, что армия полуострова, хотя в ней и была своя доля закоренелых негодяев и преступников, была полна хороших солдат, которые знали, что такое честь и верность, и были вполне способны откликнуться на любой волнующий призыв своего сердца или разума. Существуют десятки дневников и автобиографий, написанных в рядах, которые показывают существование огромного класса хорошо подготовленных, умных, трезвых, даже религиозных людей, которые добросовестно выполняли свою работу и были бы признательны за похвалу — они часто получали ее от своих полковых офицеров — и редко от своего главнокомандующего. И мы можем добавить, что если что-то и было рассчитано на то, чтобы ожесточить армию, так это злая жестокость британского кодекса военных наказаний, который Веллингтон поддерживал до конца своей жизни. Существует множество свидетельств того факта, что человек, однажды получивший свои 500 ударов плетью за незначительную провинность или не влекущий за собой никакой моральной вины, часто превращался таким образом из хорошего в плохого солдата, теряя самоуважение и лишаясь чувства справедливости. Хорошие офицеры знали это достаточно хорошо и делали все возможное, чтобы избежать девятихвостого кота, и пробовали более рациональные средства - чаще всего с успехом.⁵²

Можно было ожидать, что Веллингтон, по крайней мере, проявит больше уважения к чувствам своих офицеров, как бы сильно он ни презирал своих рядовых. Как правило, он этого не делал. У него было несколько близких людей, к которым он относился с определенной фамильярностью, и ясно, что он проявлял внимание и даже доброту к своим адъютантам и другим личным слугам. Но с подавляющим большинством своих офицеров, даже со многими из своих генералов и глав департаментов, он вел себя очень чопорно: он делал им унижительные замечания или

выговаривал в присутствии других и самым демонстративным образом игнорировал их замечания или советы. Может послужить несколько примеров. Сэр Томас Пиктон был одним из его самых выдающихся лейтенантов и был специально вызван им в Брюссель для участия в кампании 1815 года. В тот момент, когда он прибыл в бельгийскую столицу, он разыскал герцога, который прогуливался по Большому парку. У нас есть свидетельство адъютанта Пиктона о следующем приеме. “Манеры генерала всегда были более фамильярными, чем герцогу нравилось в его лейтенантах, и в этом случае он подошел к нему небрежно, точно так же, как приветствовал бы равного. Герцог холодно поклонился ему и сказал: ‘Я рад, что вы приехали, сэр Томас. Чем скорее вы сядете верхом, тем лучше: нельзя терять времени. Вы примете командование войсками в наступлении. Это было все. Пиктону, по-видимому, не понравилось поведение герцога, и когда он поклонился и ушел, он пробормотал слова, которые убедили тех, кто был с ним, что он не очень доволен своей беседой”.⁵³ Таков был прием, оказанный одному из лучших офицеров армии, за которым Веллингтон специально послал и которого он не видел долгое время. Другую картину манер Веллингтона можно почерпнуть из мемуаров одного из начальников его департамента, сэра Джеймса Макгригора. “Однажды утром я был в маленькой комнате его светлости, когда пришли два офицера, чтобы попросить разрешения вернуться домой, в Англию. Капитан инженерной службы первым обратился со своей просьбой: он получил письма, в которых сообщалось, что его жена опасно больна и что вся его семья больна. Его светлость быстро ответил: ‘Нет, нет, сэр. В данный момент я не могу обойтись без вас. Капитан со скорбным лицом отступил назад. Затем генерал-офицер из благородной семьи, командующий бригадой, выступил вперед со словами: ‘Милорд, в последнее время я сильно страдаю от ревматизма ...’. Не дав ему времени закончить фразу, лорд Веллингтон быстро добавил: “И вы хотите поехать в Англию, чтобы вылечиться. Во что бы то ни стало. Отправляйтесь туда немедленно’. Генерал, удивленный тоном и манерами его светлости, выглядел смущенным, но, чтобы помешать ему сказать что-либо еще, его светлость повернулся и обратился ко мне, расспрашивая о потерях предыдущей ночью и их характере”.⁵⁴ Беседа с главнокомандующим была таким тяжелым испытанием для нервов, что некоторые офицеры уходили с нее в потоке слез - как это сделал Чарльз Стюарт после одного известного упрека - а другие задыхались от сдерживаемых проклятий.

Веллингтон и его офицеры

Характер Веллингтона испытывался из—за того, что ему приходилось иметь дело с некоторыми неэффективными и расхлябанными офицерами, навязанными ему из дома, поскольку никогда до конца войны (на что он горько жаловался) ему не предоставлялась полная свобода в выборе своих подчиненных. Но не на них одних обрушились его раскаты грома. Он часто злился на ревностных и способных подчиненных, которые только и делали, что думали самостоятельно в острой кризисной ситуации, когда полученные ими приказы казались уже неприменимыми. Сэр Джеймс Макгригор, которого я только что процитировал выше, однажды перевез некоторые склады комиссариата в Саламанку, где скопилось большое количество больных и раненых. “Когда я пришел сообщить ему, что его светлость встрепнулся и в яростной манере начал отвергать то, что я сделал. ‘Я был бы рад узнать,’ спросил он, ‘кто командует этой армией — я или вы? Я устанавливаю один маршрут, одну линию связи — вы устанавливаете другую, заказывая по ней снабжение. Пока вы живы, сэр, никогда не делайте этого снова. Никогда не делайте *ничего* без моего приказа.’ Я взмолился, что у меня не было времени посоветоваться с ним и что я должен был спасать жизни. Он безапелляционно пожелал мне ‘никогда больше не действовать без его приказа’. Три месяца спустя Макгригор осмелился сказать: “Милорд, вы

помните, как сильно вы обвиняли меня в Мадриде за шаги, которые я предпринял, когда не мог посоветоваться с вашей светлостью и действовал сам. Так вот, если бы я этого не сделал, каковы были бы последствия?” Он ответил: “Все в порядке, как оказалось, но все же я рекомендую вам *получать мои приказы в отношении того, что вы делаете*”. Это была особая черта характера его светлости.

Все, что казалось Веллингтону присущим самостоятельному мышлению, было непростительным грехом для подчиненного. Вот почему он предпочитал слепое повиновение своих помощников рвению и энергии, которые могли привести к некоторому противоречию его собственным намерениям. Таким образом, получилось, что он предпочел в качестве лейтенантов не только Хилла, который был человеком с первоклассным умом, несмотря на свою покорность, но и Спенсера и Бересфорда, которые, безусловно, таковыми не были. Отсюда также то, что он доверил командование кавалерией на протяжении всей войны такому посредственному персонажу, как Стэплтон Коттон (о котором он отзывался самыми нелестными словами).⁵⁵ Этим людям можно было доверять, они подчинялись без рассуждений, в то время как Роберт Кроуферд, самый способный генерал на полуострове, или Пиктон, не мог, но был склонен думать самостоятельно. Можно отметить, что Хилл, Бересфорд, Грэм и Кроуферд были единственными офицерами, к которым Веллингтон когда-либо снизошел в своей переписке, чтобы объяснить, почему он отдал приказ: остальные просто получали приказы без каких-либо комментариев. Известны случаи, когда разумное объяснение подчиненному позволило бы ему понять ситуацию и понять, почему ему были даны указания, которые в противном случае были бы непонятны. Иногда следовали утомительные результаты. Эту слабость — отказывать подчиненным в информации без уважительной причины — разделяли и другие великие генералы — например, Стонуолл Джексон, как достаточно хорошо показывает биография этого странного гения полковника Хендерсона. Это уловка автократического ума.

Вряд ли нужно указывать, что эта решимость не давать свободы действий своим лейтенантам и оставлять даже незначительные решения в своих руках фактически помешала Веллингтону сформировать школу генералов, способных проводить крупные независимые операции. Он готовил замечательных командиров дивизий, но не руководителей армий. Источники уверенности в себе были иссушены из людей, которые долгое время подчинялись его *режиму*.

Депеши Веллингтона

Вероятно, больше всего подчиненных Веллингтона раздражала его привычка делать официальное упоминание имен в депешах не более чем формальным перечислением по порядку присутствующих старших офицеров. Там, где были допущены серьезные ошибки, он по-прежнему заносил имена правонарушителей в список, среди тех людей, которые действительно выполняли эту работу. Была бы произведена полная мистификация относительно их относительных достоинств, если бы у нас были для чтения только депеши и никаких внешних комментариев к ним. Он с честью упомянул Мюррея в своей депеше в Порту, Эрскина в своей депеше о действиях во время отступления Массены в 1811 году, Трипа в своей депеше при Ватерлоо, хотя каждый из этих офицеров сделал все возможное, чтобы сорвать операции, в которых он участвовал. С другой стороны, он допустил бы самые необъяснимые упущения: в его депеше Фуэнтес де Оньоро нет упоминания о британской артиллерии, которая сослужила блестящую службу в том сражении, не только в связи с хорошо известным подвигом Нормана Рамзи, который Веллингтон, возможно, считал бы слишком незначительным, чтобы

упоминать о нем, но и в решающем сдерживании главной французской атаки. Сохранились душераздирающие письма от старших офицеров, командующих артиллерией, в которых выражается сожаление по поводу того, что их полностью игнорировали: “если прочитать депешу, то, возможно, там вообще не было британской артиллерии”. Аналогичное необъяснимое отсутствие каких-либо упоминаний о ревностной службе встречается в донесении Веллингтона о падении Бадахоса, где нет особой похвалы заслугам его офицеров-инженеров, хотя и 50%. многие из них были убиты или ранены во время осады. “Вы можете предположить, что все мы чувствуем себя обиженными, обнаружив, что наши усилия не были признаны достойными какой-либо похвалы”, - пишет Джон Джонс, историк осад полуострова, одному из своих коллег. АФлетчер, командующий инженерным корпусом, пишет другу: “Вы заметите, что лорд У. не упомянул инженеров в последних действиях: как я ненавижу такую капризность!”⁵⁶ Холодная фраза, в которой была признана их отчаянная служба, гласит: “офицеры и рядовые инженерного корпуса и артиллерии одинаково отличились во время операций при осаде и ее завершении”. Флетчер с радостью променял бы личную награду, которой его наградили вместе с другими старшими офицерами, на три строчки с теплой похвалой усилиям своих подчиненных.

Лорд Робертс в Веллингтоне

Возможно, однако, самым поразительным примером нелюбезных упущений Веллингтона является то, что в его знаменитой депеше при Ватерлоо вообще не упоминается о заслугах Колборна и 52-го батальона, который нанес решающий удар по флангу императорской гвардии во время последней отчаянной атаки Наполеона на британскую линию фронта. Колборн, самый бескорыстный и великодушный из людей, никогда не мог забыть этого пренебрежения. Он попытался оправдаться за это, сказав: “депеша пишется в спешке, и генерал не может отдать должное своей армии”. И когда он услышал, как его офицеры жалуются, что вся заслуга в окончательном отражении французской колонны принадлежит британской гвардии, он сказал: “Как вам не стыдно, джентльмены! Можно подумать, вы забыли, что 52-я когда-либо раньше участвовала в боях”. Но в застольных разговорах о его последних годах прозвучал горький комментарий. “Герцог иногда не гнушался писать в своих депешах, чтобы угодить аристократии.... Я не хочу сказать, что это было для него характерно. Раньше это было обычным делом для генералов”.⁵⁷ Однако достаточно этих показательных анекдотов об ограниченности очень великого солдата и очень благородного человека. Они должны быть упомянуты, чтобы объяснить, как получилось, что Веллингтону безоговорочно доверяли и никогда не любили. Но они вынуждают меня согласиться с суровым суждением, которое написал лорд Робертс в своей книге “Возвышение Веллингтона”: “чем больше мы подробно вникаем в его действия и его труды, тем больше мы уважаем и восхищаемся им как генералом и тем меньше он нам нравится как человек”. Я завершаю этот абзац двумя цитатами из двух красноречивых писателей, которые долгие годы участвовали в кампаниях на полуострове. “Так закончилась война, а вместе с ней и все воспоминания о заслугах ветеранов” - последние слова предпоследней главы Уильяма Нейпира.⁵⁸ Граттан из 88-го полка, ныне забытый писатель, но тот, кто владел описательным пером не менее ярко, чем Нейпир, выражает свою жалобу более горько. “В своем прощальном Общем приказе армии полуострова он сказал нам, что никогда не перестанет проявлять самую теплую заинтересованность в нашем благополучии и чести. Как это обещание было выполнено, знает каждый. Мало кто станет отрицать, что герцог Веллингтон - один из самых замечательных (возможно, величайших) людей современности. Но то, что он пренебрег интересами и чувствами своей армии полуострова как единого целого, не подлежит никакому

сомнению. И если бы завтра он был в могиле, сотни голосов, которые сейчас молчат, повторили бы то, что я пишу”.⁵⁹

Если я, возможно, чересчур долго останавливался на ограниченности сердца Веллингтона, то будет только справедливо отдать должное его замечательным способностям ума. Чтобы понять действительные заслуги его военной карьеры, недостаточно обладать простым знанием деталей его тактики и стратегии. Условия, в которых ему приходилось проявлять свои таланты, были исключительно тяжелыми. Когда он принял командование в Лиссабоне 22 апреля 1809 года, французы владели всей Северной и Центральной Испанией, а также немалой частью Северной Португалии. Все испанские армии были разбиты вдребезги — не было ни одной из них, которая не потерпела сокрушительного поражения, и некоторые из них (такие как армия Куэсты в Эстремадуре и армия Ла Романа в Галисии) были на данный момент немногим лучше, чем бродячие банды беглецов. Британская армия, командование которой Уэлсли принял, высадившись в Лиссабоне, хотя в ней насчитывалось всего 19 000 человек, или 21 000, включая мужчин в госпиталях, была единственной солидной силой, находящейся в хорошем порядке и неповрежденной с *моральным духом*, на которую союзники могли рассчитывать на Пиренейском полуострове. Задача, поставленная перед Уэлсли, состояла в том, чтобы посмотреть, сможет ли он защитить Португалию и сотрудничать в защите Южной Испании, поскольку было очевидно, что французы значительно превосходили его численностью и вполне могли перейти в наступление, если бы они этого захотели. Лиссабону угрожали две армии. Та, что под командованием Сульта, незадолго до высадки Уэлсли уже захватила Порту и захватила две португальские провинции. Другая, под командованием Виктора, находилась в Эстремадуре, недалеко от португальской границы, и недавно уничтожила самую большую уцелевшую испанскую армию в битве при Медельине 28 марта. Возможно ли, что 19 000 британских солдат смогли бы спасти полуостров от завоевания или даже что они смогли бы продолжить войну в Центральной Португалии? Никогда еще перед командующим небольшой армией не ставилась более бесперспективная задача.

Сила предвидения Веллингтона

К счастью, у нас есть три документа, написанные собственной рукой Уэлсли, которые показывают нам, как он оценивал ситуацию, которая была перед ним, и излагал свои взгляды на будущий ход войны на полуострове. Он понимал, что это будет очень долгое дело и что его задача состояла просто в том, чтобы продолжать войну как можно дольше, имея в своем распоряжении ограниченные ресурсы. Амбициозные планы по изгнанию французов со всего полуострова оказались в 1809 году совершенно тщетными. Гипотеза, которую он излагает в первом из трех документов, на которые я ссылаюсь, - его Меморандуме об обороне Португалии, представленном Каслри 7 марта, перед тем как он сел на корабль, отплывающий в Лиссабон, - является чудом пророческого гения. Более провидческого документа никогда не было написано. Отвергая решение сэра Джона Мура, заявившего, что Португалию совершенно невозможно защитить, Уэлсли заявляет, что британская армия численностью не менее 30 000 человек, подкрепленная рекрутами Португалии, должна быть в состоянии продержаться почти неопределенный период на фланге французской армии в Испании. Его присутствие на Тежу парализовало бы все наступательные действия противника и позволило бы испанцам захватить непокоренные провинции своего королевства до тех пор, пока Португалия оставалась бы нетронутой. Французам следовало бы, если бы они были мудры, направить все свои свободные силы против британской армии и Португалии, но он считал, что даже тогда, когда будет принято

во внимание география страны, они потерпят неудачу в своей попытке захватить ее. Они не могли добиться успеха, как он считал, если бы не смогли выделить для выполнения этой задачи 100 000 человек, и он не понимал, как весной 1809 года они могли выделить такой большой отряд из тех сил, которыми они тогда располагали на полуострове. Если бы они попытались сделать это с меньшей армией, он подумал, что смог бы помешать им. Он верил, что сможет справиться с Сультом и Виктором, двумя врагами, которые непосредственно угрожали Португалии.⁶⁰

Дальше вперед смотреть было невозможно. Если бы между Наполеоном и Австрией вспыхнула война, что казалось вероятным в тот момент, в марте 1809 года, тому, кто (как и он сам) был посвящен в секреты британского кабинета министров, император не смог бы послать подкрепление в Испанию в течение многих дней. Но, несмотря на это, положение французов на полуострове было настолько сильным, что оно могло оказаться под угрозой только в том случае, если бы против них были брошены очень крупные силы союзников, действующие согласованно под руководством одного генерала. О сборе таких сил, а тем более о возможности их передачи под его собственное командование, пока еще не было и речи. Уэлсли знал о ревности испанской хунты к иностранному вмешательству: было мало вероятности, что они доверят ему высший контроль над своими армиями. Действительно, только в 1812 году, когда он приобрел для себя гораздо большую репутацию, чем имел в 1809 году, и когда испанское правительство испило чашу унижения до дна, ему, наконец, предоставили должность главнокомандующего испанскими армиями.

Этот меморандум - поистине вдохновляющий документ, который показывает Уэллсли с лучшей стороны. Не будет преувеличением сказать, что это предсказывает весь ход войны на полуострове — центральным моментом которой должно было стать вторжение в Португалию в 1810 году французской армии численностью 65 000 человек вместо требуемых 100 000 человек, и эту армию, как он и предвидел, Уэлсли смог остановить и сорвать.

Второй документ пророческого рода, на который мы должны обратить внимание, - это ответ Уэллсли на вопрос мистера Каннинга относительно будущей общей политики в войне, написанный 5 сентября 1809 года. Весь аспект событий сильно изменился с марта из-за того факта, что Австрия попыталась счастья в войне против Наполеона, потерпела поражение при Ваграме и была вынуждена заключить мир. Поэтому было ясно, что теперь у императора снова будут развязаны руки, и он сможет усилить свои армии на полуострове. Уэлсли отвечает, что безнадежно пытаться защитить как Южную Испанию, так и Португалию, даже если британская армия будет увеличена до 40 000 человек. Но Португалию все еще можно защитить.⁶¹ Он выражает решительное несогласие с любыми попытками охватить Андалусию и Севилью, поскольку попытка сделать это должна означать, что от Лиссабона придется отказаться.

Линии Торреса Ведраса

Третье великое пророческое послание - Меморандум от 26 октября 1809 года, предписывающий строительство линий Торрес-Ведрас. Уэллсли заглядывает на целый год вперед. Он видит, что Наполеон теперь может усилить свои испанские армии, но что новые войска не смогут подняться до следующей весны. Когда они появятся, британской армии придется отступить к Лиссабону, где можно спланировать линии такой силы, что есть хорошая перспектива остановить захватчиков. Тем временем сельская местность будет очищена от населения и провизии, так что французы, если они сохранят концентрацию, должны будут умереть с голоду,

а союзная армия будет вести свои операции таким образом, что противник будет вынужден оставаться в *массовом порядке*. Затем следуйте указаниям полковника Флетчера (командующего инженерами), чтобы составить его планы относительно огромной линии редутов, покрывающих Лиссабонский полуостров от моря до моря. Произошло то, что было предсказано: прибыло французское подкрепление: вторжение в Португалию под командованием Массены произошло в 1810 году. Но вся сельская местность была лишена продовольствия, и когда маршал добрался до Линии фронта со своей полуголодной армией, он был полностью блокирован, отказался атаковать грозные позиции и, после нескольких недель стойкости перед ними, отступил со своими измученными голодом войсками. 26 октября 1809 года Веллингтон приказал проложить Линию Фронта. 14 октября 1810 года Массена появился перед ними и был сорван: Веллингтон подготовился ровно на год вперед!

Тщательный дальновидный расчет, пожалуй, был сильной стороной герцога. Он обладал потрясающим знанием деталей, держал на каждом фронте офицеров разведки с исключительными способностями и составил почти абсолютно точный список противостоящих ему сил. Редко у генерала его времени было такое полное представление о своих противниках, и этим он был обязан тем трудам, которые приложил, чтобы получить его. Его великие разведчики Колкхаун Грант, [62-летний](#) Уотерс и Руманн всегда были далеко на передовой, часто в тылу французов, ежедневно посылая ему информацию, которую он фиксировал и анализировал. Кроме того, у него было много испанских и португальских корреспондентов, информация которых была бы более ценной, если бы в ней не было слишком много слухов и если бы они могли судить о цифрах наметанным глазом солдата. Однажды он пожаловался, что они с Мармоном почти одинаково ограничены в получении информации от туземцев — ибо если французы ничего не получали, то он сам получал слишком много: доля неточной информации снижала ценность всего остального. Но Грант или Уотерс никогда не совершали ошибок. Частью его системы был перекрестный допрос каждого дезертира и пленного относительно численности и бригадного состава его полка, а также количества батальонов, которые в нем были. Постоянно сравнивая эти отчеты, он узнал точное количество подразделений в каждом французском корпусе и их среднюю численность.

Но это было менее важно, чем его способность судить об индивидуальных характерах своих противников. Через несколько недель у него сложилось определенное мнение о Массене или Викторе, Сульте или Мармоне, и он строил свои планы, тщательно учитывая их особые слабости. Я думаю, что именно это он имел в виду, когда однажды заметил, что его собственная заслуга, возможно, заключалась в том, что он знал больше о том, “что происходило по ту сторону холма” — на невидимой территории, занятой врагом и скрытой туманом войны, — чем большинство людей.

Взгляд Веллингтона на характер

Это понимание вероятных действий противника, когда были известны его сила, цель и личные склонности лидера, было наиболее ценной частью ментального оснащения Уэлсли. Самый известный случай, когда это вступило в игру, был в день Сораурена. В разгар Пиренейских сражений, когда британская армия заняла свои боевые позиции, хотя ее численность еще ни в коем случае не была полной, и две дивизии все еще находились на марше, с запада прибыл Веллингтон, чтобы принять командование. Он мог видеть Сульта на противоположном холме, окруженного своим штабом, и был столь же уверен, что Сульт мог видеть его и знал причину

радостных возгласов, которые прокатились по фронту союзной армии, когда он подъехал. Веллингтон рассудил, и совершенно справедливо, что известие о его прибытии и вид его на позиции заставят маршала отложить атаку до тех пор, пока на поле боя не выступят последние французские резервы. “У меня был отличный бокал: я видел, как он подглядывал за нами, а потом написал и отослал письмо: *Я знал, что он напишет*, и отдал соответствующие приказы”.⁶³ Веллингтон считал Сульта осторожным генералом, знал, что его собственное присутствие удвоит его осторожность, и поэтому рассудил, что приказ, отданный маршалом, будет направлен на сдерживание угрозы атаки, которая в данный момент была бы очень опасной, если бы ее предприняли. “У 6-й дивизии будет время подойти, и мы разобьем его”, - как говорят, таков был его комментарий, когда он увидел, как Султ поспешно написал и отправил приказ на свою линию фронта.

Веллингтон разыграл аналогичный блеф на Мармоне при Фуэнте-Гинальдо в сентябре 1811 года, когда занял действительно сильную позицию, но превосходящую ту, что была у него в руках, и, казалось, предложил бой. Он сознавал, что его собственная репутация осторожного человека была настолько велика, что, если противник увидит, что он остановился и занимает свои позиции, они решат, что он сосредоточил все свои силы, и не станут атаковать его, пока не подойдут их собственные резервы. Ночью он беспрепятственно скрылся, в то время как тыловые колонны Мармона готовились к ожидаемому сражению следующего дня.

В течение длительного времени в 1809-10 годах Уэллсли приходилось занимать оборонительную позицию. Только в 1811 году у него наконец появилась возможность подумать о наступлении, и только в 1812 году, в славный год Сьюдад-Родриго, Бадахоса и Саламанки, мечта достигла своего воплощения. Отсюда и получилось, что долгое время на него смотрели только как на осторожного и расчетливого генерала, мастера оборонительной войны. Это представление о нем было ошибочным; как показали события 1812-1813 годов, он мог быть настоящей грозой войны, когда благоприятный случай предоставлял ему такую возможность, мог наносить самые смелые удары и бросать свою армию на врага с самой безжалостной энергией. Но в первые годы своего командования он всегда был в безнадежном меньшинстве и вынужден был скорее парировать, чем наносить удары. Он не должен был рисковать своей драгоценной маленькой армией, 30 000 британских солдат, от которых действительно зависела вся оборона полуострова: потому что, если бы она была уничтожена, ее невозможно было бы заменить. С этими 30 000 человек он заключил ковенант в своем соглашении с Каслри, когда впервые отплыл, чтобы принять командование в Лиссабоне, что будет продолжать войну бесконечно. Если бы, пойдя на какой-то большой риск, он потерял 15 000 или даже 10 000 человек, правительство отозвало бы его домой и прекратило бы борьбу. Таким образом, ему приходилось бороться с сознанием того, что одна катастрофа может разрушить не только его собственные планы, но и все дело союзников в Испании. Неудивительно, что его действия кажутся осторожными! Тем не менее, даже в 1810-1811 годах он пошел на серьезный риск, например, предложил сражения при Буссако и Фуэнтес-де-Оньоро. Когда даже частичное поражение означало бы его отзыв и эвакуацию Португалии, требовалась немалая решимость даже для того, чтобы противостоять таким шансам, как эти. Но его безмятежный и уравновешенный характер мог провести точную грань между законным и чересчур опрометчивым предприятием, и это никогда его не предавало.

Веллингтон в наступлении

Поэтому тем более поразительным было внезапное перерастание в смелую наступательную политику, которая ознаменовала начало победного 1812 года. Наконец—то представился шанс: Наполеон перестал перебрасывать подкрепления в Испанию - война с Россией начинала вырисовываться на горизонте. Французы больше не обладали своим прежним подавляющим превосходством: чтобы сдерживать армию Веллингтона, которая теперь, наконец, увеличилась за счет войск из дома до 40 000 британских сабель и штыков, им пришлось концентрироваться со всех сторон и рисковать своим господством во многих провинциях, чтобы собрать силы настолько большие, что британский генерал не мог осмелиться противостоять им. Наконец, зимой 1811-1812 годов сам Наполеон вмешался в качестве помощника Веллингтона, слишком широко рассредоточив свои армии. Фактически роковым шагом стала отправка 15 000 человек из “Португальской армии” Мармона, непосредственного противника англо-португальского войска, для дальней экспедиции к побережью Средиземного моря в помощь маршалу Суше. Именно отсутствие этого большого отряда, который не мог вернуться в течение многих недель, придало Веллингтону смелости нанести свой первый крупный наступательный удар - штурм Сьюдад-Родриго 19 января 1812 года, после двенадцатидневной осады.

Вслед за этим первым успехом последовал дорогой купленный, но решающий успех штурма Бадахоса 7 апреля; это было дорогостоящее дело, потому что Веллингтону приходилось действовать “вопреки времени”, поскольку, если бы он слишком долго медлил, французские армии с севера и юга объединились бы, превзойдя его численностью, и отбросили бы его обратно в Португалию. Бадахос пришлось брать штурмом с применением чистой силы, прежде чем все искусство инженера и артиллериста сработало в полную силу. Огонь осажденных не был подавлен, и подходы нападавших не были подведены вплотную к стенам, как того требовала наука. Но, предприняв три одновременные атаки на разные точки крепости и добившись успеха в двух из них, Веллингтон достиг своей цели и решил свою “проблему времени”. Здесь он впервые показал, что мог бы, если бы это было необходимо, безжалостно распоряжаться жизнями своих людей, чтобы за несколько дней выполнить задачу, от которой, если бы она была отложена еще на некоторое время, пришлось бы отказаться. Для его врагов-французов это стало открытием новой стороны его характера. Его уважали за то, что он отказывался отриска и не признавал потерь. Если бы они знали подробности его старой индийской победы при Ассайе, они бы более верно оценили его характер.

Но Саламанка стала настоящим проявлением всей мощи Веллингтона. Это был молниеносный удар, внезапное наступательное движение, предпринятое в критический момент, когда представилась сиюминутная возможность, которое прекратилось бы, если бы этот час не был использован со всей быстротой. Веллингтон неожиданно бросил свою армию на врага, который маневрировал в полной уверенности и спокойствии перед своей линией фронта, думая, что ему приходится иметь дело с противником, который может принять сражение (как при Вимейро, Талавере или Буссако), но которому можно доверять и который не станет его навязывать. Саламанка удивила и встревожила наиболее проникательных французских офицеров. Фой, самый умный наблюдатель среди них, шесть дней спустя записал в своем дневнике: “Это сражение - самое искусно проведенное, самое крупное по масштабу, самое важное по результатам из всех, которые англичане выиграли за последнее время. Это поднимает репутацию лорда Веллингтона почти до уровня репутации Мальборо. До сего дня мы знали его благоразумие, умение выбирать выгодные позиции и умение, с которым он ими пользовался. Но в Саламанке он показал себя великим и способным мастером маневрирования. Он скрывал свою диспозицию почти весь день: он позволил нам развить наше движение до того, как он

объявил свое собственное; он вел близкую игру; он использовал “косвенный порядок” в стиле Фридриха Великого.... Катастрофа Испанской войны наступила — за шесть месяцев мы должны были понять, что это вполне вероятно”.⁶⁴

Это один из самых ярких и красивых комплиментов, когда-либо сделанных генералом разбитой армии командующему победоносными противниками. Это абсолютная правда, и это свидетельствует о величайшей заслуге Фоя в его беспристрастности и готовности видеть факты такими, какими они были. Завоеватель Саламанки в будущем стал гораздо более страшным врагом, чем победитель при Буссако или Талавере. Одно дело получить отпор, что часто случалось с французами раньше, и совсем другое — быть внезапно атакованным, рассеянным и изгнанным с поля боя с сокрушительными потерями и в безнадежном беспорядке, как это случилось с врагами Веллингтона под сенью Арапилей 22 июля 1812 года.

Веллингтон как великий мастер наступления получил известность в 1812 году, и до конца войны именно эта его сторона проявлялась чаще всего, хотя отступление из Бургоса показывает, что его благоразумие было таким же живым, как и прежде. В течение нескольких дней, предшествовавших этому отступлению, было очень велико искушение нанести сильный удар по одной из французских армий, которые сходились на двух половинах его собственных сил. Наполеон, несомненно, предпринял бы такую попытку. Но Веллингтон, зная, что его собственная численность намного уступает численности противника и что сосредоточение сил перед Сультом или Сухамом означало бы пойти на ужасный риск на другом фланге, предпочел концентрическое отступление к своей базе на границе Португалии битве на равнинах Кастилии, где он был далеко от дома и поддержки, и где поражение могло привести к полному разорению.

Кампании 1813-1814 гг.

Это был последний раз, когда он оказался в меньшинстве и был вынужден вернуться к своим старым методам. В 1813 году, благодаря призыву Наполеона из испанской армии, который был отозван для замены войск, потерянных в Московской кампании, союзники, наконец, получили численное превосходство, хотя это превосходство полностью состояло в испанских войсках сомнительной прочности. Но даже эти условия были гораздо более благоприятными, чем те, которыми Веллингтон когда-либо пользовался раньше - он знал, как использовать свои недавно присоединенные испанские дивизии полезным образом, не ставя их на более опасные и ответственные позиции. Кампании 1813 и 1814 годов обе по существу носят наступательный характер, хотя в них есть один или два эпизода, когда Веллингтон на данный момент находился в обороне в своем старом стиле, особенно ранняя часть сражений при Пиренеях, где, пока не подошли его резервы, он отражал нападение Сульта с помощью своих более передовых дивизий. Но в тот момент, когда его армия была собрана, он нанес сильный удар и прогнал врага за границу, снова в серии операций, начавшихся в последний день Сораурена. Был очень похожий эпизод во время операций, которые обычно известны как битва при Ниве, когда Веллингтону пришлось дважды менять позицию, в то время как одно из его крыльев подверглось атаке основных сил Сульта. Но это было явно то, что мы можем назвать оборонительной тактической деталью в кампании, которая в целом была по существу наступательной. Главный характер операций 1813-14 годов можно описать как вытеснение противника с ряда позиций — как правило, сильно укрепленных — путем успешного прорыва линий, которые Сульта каждый раз не удавалось удержать. Неизменно французская армия была

пригвождена к позиции, которую она заняла, демонстрациями по всему фронту, в то время как решающий удар наносился в избранных пунктах массой войск, собранных для главного удара.

ГЛАВА IV

ПЕХОТНАЯ ТАКТИКА ВЕЛЛИНГТОНА—ЛИНИЯ *ПРОТИВ* КОЛОННЫ

Каждый, кто серьезно интересуется военной историей, знает, что в целом победы Веллингтона над его французскими противниками были обусловлены умелым использованием линии в два ряда против массивной колонны, которая стала обычным боевым построением французской армии, действующей в наступлении, в последние годы великой войны, бушевавшей с 1792 по 1814 год. Но я не уверен, что методы и ограничения системы Веллингтона полностью оценены, и их стоит объяснить. И, с другой стороны, было бы неверно воображать, что все французские сражения без исключения велись колоннами или что удары, наносимые сплоченными массами, облик которых англичане так хорошо знали, были единственным идеалом наполеоновских генералов. Недостаточно сформулировать общий тезис о том, что Веллингтону противостояли войска, которые неизменно действовали в колонне, и что он победил эти войска простым приемом, встретившись с ними лицом к лицу с другими войсками, которые столь же неизменно сражались в боевом порядке в два ряда. Это утверждение верно в общем виде, но нуждается в пояснении и модификации.

Использование пехоты в строю, конечно, не было изобретением Веллингтона и не является универсальной панацеей от всех кризисов войны. В течение восемнадцатого века, от Мальборо до Фредерика Великого, вся европейская пехота обычно сражалась в шеренге по три-четыре человека в ряд и добивалась успеха в бою за счет быстроты и точности своего огня, а не за счет стремительного продвижения тяжелыми массами, как это практиковалось пикинерами шестнадцатого или семнадцатого веков и было вновь введено французскими генералами революционного периода. Всем известно, что победы Фридриха Великого отчасти объяснялись тщательной огневой подготовкой его пехоты, которая с помощью своих железных шомполов и быстрых физических упражнений выпускала гораздо больше и эффективнее мушкетных пуль в минуту, чем их противники. Но обе стороны, как правило, сражались в три шеренги глубиной, австрийцев было не меньше, чем пруссаков. Армии имели стереотипное построение: пехотные батальоны были развернуты в длинные шеренги в центре, а тяжелые массы кавалерии прикрывали фланги. Беглый взгляд на планы сражений войны за австрийское наследство или Семилетней войны показывает удивительное сходство в общих тактических порядках войск противника, и столкновения длинными параллельными линиями были довольно обычным делом, хотя у гениальных командиров были свои способы варьировать тактику того времени. Знаменитый “косой порядок” Фредерика Великого, или наступление *вэшелоне*, когда сильное ударное крыло выдвигалось вперед, а более слабое “сдерживающее крыло” сдерживалось и отказывалось, достаточно хорошо известен. Иногда ему удавалось изменить его, как при Россбахе и Лойтене, и перебросить большую часть своих войск через фланг противника под прямым углом, чтобы полностью уничтожить его. Но это были “необъявленные милости”, полученные из-за ненормальной лени или неумелости генерала противника. Торғау нуждается в

особом упоминании, поскольку единственное сражение Фредерика проходило в совершенно нерегулярном строю.

В старых войнах XVIII века были один или два случая сражений, выигранных прорывом центра противника, таких как победа маршала Сакса при Руку (1746), и мы можем найти в других операциях этого великого полководца примеры использования глубоких массированных действий, батальон за батальоном, для атаки выбранного участка позиции противника, и другие, когда линия развернутой пехоты была окружена с флангов или поддержана подразделениями практически в колонне. Но это было исключительным событием — таким же исключительным, как и несколько похожее построение британской и ганноверской пехоты Камберленда при Фонтенуа, которое, хотя часто описывается как колонна, первоначально состояло из трех последовательных линий развернутых батальонов, которые в конечном итоге были сжаты в массу боковым давлением. Некоторые сражения маршала Бройля и Фердинанда Брауншвейгского во время Семилетней войны также велись в более свободном боевом порядке, чем это было обычно.

Обычно тактика восемнадцатого века была направлена на разгром одного из флангов противника, либо путем обхода его с фланга, либо путем атаки очень превосходящими силами, в то время как остальная армия противника была “сдержана” равной или меньшей численностью, в зависимости от того, было ли у нападающего больше или меньше войск, чем у его противника. Решающий удар очень часто наносился превосходящими силами кавалерии, сосредоточенными на атакующем крыле, которое начинало действие с разгрома меньшей кавалерии противника, а затем оборачивалось во фланг пехоте того крыла, которое оно атаковало. Такой тип сражения иногда можно встретить гораздо позже, даже во время войны на полуострове, где Оканья был прекрасным примером этого.

Frederic II. и маршал Саксен

Однако, грубо говоря, период постоянных сражений, в которых враги наступали друг на друга более или менее параллельными линиями, закончился с началом войны за Французскую революцию. С 1775 по 1791 год во Франции шли ожесточенные споры между сторонниками линейного, или фредерицианского, боевого порядка, возглавляемого генералом Гибером, и офицерами, которые хотели ввести более глубокое построение, которому, как они утверждали, научились по указаниям маршала Саксенского, начальником которого был генерал Мениль-Дюран. Первая школа восторжествовала незадолго до начала войны, и *Правление Инфантерии* 1791 года приняло все их взгляды. Именно по этому учебнику французская пехота готовилась к бою в следующем году, когда началась война на Рейне и в Бельгии.⁶⁵

Но попытка первых генералов Революционной Франции воевать по старой линейной системе потерпела неудачу. Войска Республики были деморализованы увольнением или дезертирством большей части своих офицеров, а их *кадры* были спешно заполнены полуобученными новобранцами. В то же время сотни новых подразделений, добровольческих батальонов, вообще не были сформированы из старых *кадров*, но с офицерами и рядовыми, которые были немногим лучше необученных гражданских лиц, вышли на поле боя вместе с реорганизованными остатками старой королевской армии. Вряд ли нужно упоминать, что эти необученные армии потерпели серию позорных поражений от австрийских и других союзных войск в 1792-1793 годах. Они потерпели поражение как в тактике, так и в маневрировании и в огневой дисциплине от хорошо обученных батальонов ветеранов, которым они противостояли.

Французская Республика, когда она попала под контроль якобинцев, попыталась исправить положение, обвинив своих генералов в измене, арестовала и гильотинировала значительную часть несчастных главнокомандующих, которым были доверены ее армии. Но ни этот героический шаг, ни отправка в армии хорошо известных “представителей миссией” от Национального собрания, которые должны были стимулировать энергию генералов, не имели удовлетворительных результатов. Поскольку представители, как правило, были столь же невежественны в военном деле, сколь самонадеянны и автократичны, они лишь сбивали с толку и изводили несчастных генералов, которым их навязывали.

Однако кое-чего якобинское правительство все же добилось: оно перебросило на поле боя подкрепления в таких количествах, что армии союзников безнадежно превосходили их численностью на всех границах. Первые успехи республиканских армий на Севере были достигнуты грубой силой, когда противник был вдвое и втрое сильнее. И новая тактика революционных лидеров развилась из сознания превосходства в этом отношении, решимости сокрушить войска, которые управлялись лучше, чем их собственные, бросив на них превосходящие массы, невзирая на потери, которые неизбежно должны были быть понесены. Ибо у них за спиной были неисчерпаемые резервы из-за недавно объявленных массовых *призывов*, в то время как базы союзников находились далеко, и их обученных людей, когда они были уничтожены, можно было заменять только медленно и с трудом.

Тактика Французской революции

Когда генералы Революции отбросили старую линейную тактику, изученную в школе Фридриха Великого, как неприменимую к войскам, которые не могли маневрировать с той же скоростью и точностью, что и их враги, импровизированная система, которая увенчалась успехом, была жестокой и расточительной, но имела то достоинство, что позволяла им использовать свое численное превосходство. Возможно, что те из них, кто вообще рассуждал на эту тему — а рассуждать было нелегко в то напряженное время, когда голова командира легко держалась на плечах, — видели, что они в некотором роде использовали идею, которая в пробном виде была опробована Морисом де Саксом и одним или двумя другими генералами старых войн — идею о том, что столкновение в длинной шеренге на параллельном фронте можно заменить частичными атаками большими массами в обозначенных точках. Но вполне вероятно, что даже в маневрах лучших из них было больше импровизации, чем продуманной тактической теории.

Обычный метод состоял в том, чтобы перебросить на фронт противника очень плотную линию обороны, которая прикрывала массу тяжелых колонн, сосредоточенных в одной или двух критических точках поля боя. Идея заключалась в том, что передняя линия *тирайлеров* настолько захватила бы противника, и удерживала бы его занятым по всему фронту, что на решающем участке боя поддерживающие колонны подошли бы на расстояние удара практически без потерь и могли быть брошены, оставаясь целыми, на те точки вражеского строя, которые они намеревались пробить; они прошли бы сквозь них одним своим напором и весом, поскольку они подвергались обстрелу всего несколько минут и могли бы вынести потери, понесенные за это время, не потеряв своих *элан* или свою технику. темп. Существенной частью системы была чрезвычайно густая и мощная линия перестрелки: целые батальоны были рассредоточены цепями *тирайлеров*, которые откровенно отказались от любых попыток упорядоченного передвижения, укрылись за всевозможными укрытиями и были настолько многочисленны, что всегда могли вклиниться в слабую линию перестрелки противника и

вступить в плотный бой со всем его фронтом. Организованные батальонные залпы австрийцев или других союзных войск, противостоявших им, причинили сравнительно небольшой вред этим скоплениям, которые по возможности укрывались и не представляли собой сомкнутого тела или твердой мишени для обрушившегося на них ружейного огня. Похоже, что надлежащим противоядием против такой атаки роем были бы локальные и частичные кавалерийские атаки эскадронами, предусмотрительно размещенными в линии противника, поскольку ничто не могло быть более уязвимым для внезапного кавалерийского натиска, чем беспорядочная цепь легких войск. Во многих случаях в кампаниях 1792-1793 годов французская пехота проявляла себя очень беспомощной против всадников, которые отталкивали их атаку, не только в тех случаях, когда она была застигнута врасплох, но даже когда ей удавалось более или менее быстро выстроиться в каре.⁶⁶ Но это конкретное средство против нападения стаи, по-видимому, не применялось должным образом, и действительно, многие районы Фландрии настолько изрезаны небольшими оградами, что использование кавалерии в качестве универсальной панацеи часто оказывалось невозможным.

Тактика французской колонны

Массы, поддерживавшие плотные ряды *тиральщиков*, были сформированы либо в колонны рот, либо в колонны "дивизий", то есть двойных рот.⁶⁷ В первом случае восемь рот, каждая по три в глубину, были выстроены друг за другом. В последнем случае фронт был образован "дивизией", а глубина составляла всего двенадцать человек. В любом случае никто, кроме двух первых шеренг, не мог должным образом использовать свое огнестрельное оружие, а остальные были бесполезны, если не считать толчка, который они придавали катящейся массе. Но такая колонна, должным образом прикрытая линией перестрелки до последнего момента, обычно совершала очень эффективный наскок на противостоящую ей линию союзников, которая уже некоторое время была занята *тирайлерами* и, вероятно, была сильно истощена их огнем. Столь же ясно, что без защитной оболочки из стрелков такая тяжелая колонна была бы очень неуклюжим орудием войны, поскольку она сочетала в себе минимальную огневую мощь с максимальной уязвимостью. Но при таком прикрытии колонны, которые атаковали массами в решающем месте, оставляя остальную часть вражеской линии "сдерживаемой" соответствующими силами, имели неплохие шансы на прорыв, хотя процесс прорыва в течение последних двух-трех минут мог дорого обойтись войскам, формирующим голову колонны.

Лучшее из известных мне ранних описаний этого изменения французской тактики содержится в анонимной английской брошюре, опубликованной в 1802 году, в которой суть дела изложена в двух словах. Французская армия состояла из линейных войск без всякого порядка и из необразованных и недисциплинированных добровольцев. Вначале они терпели поражения, но тем временем война формировала как офицеров, так и солдат. На открытой местности они стали формировать свои армии в колонны, а не в линии, которые им не без труда удавалось сохранять. Они свели сражения к атакам на определенные пункты, где бригада сменяла бригаду, и свежие войска заменяли тех, кто был отброшен назад, пока им не удалось форсировать блокпост и заставить врага отступить. Они полностью осознавали, что не смогут дать сражение в обычном порядке, и стремились свести бои к важным делам на постах: этот план удался. Они смотрят на потери как на ничто, при условии, что достигнут своей цели; они мало полагаются на своих людей, потому что уверены, что смогут заменить их, а обычное численное превосходство дает им преимущество, которое может быть уравновешено только большим мастерством, поведением и активностью".⁶⁸

После 1794 года, когда республиканские армии одержали свою первую серию крупных успехов и отбросили своих врагов за их собственные границы, в тактических концепциях французов произошли явные изменения. В войсках значительно повысился моральный дух и уверенность в себе: появилась новая раса генералов, которые не были одержимы воспоминаниями о системе Фридриха Великого, как некоторые из их предшественников, и не стремились к слепому насилию и жестокому расходованию огромного количества людей, как некоторые другие. Новые генералы изменили грубые и ненаучные методы якобинских армий 1793-94 годов, которые действительно одержали победу, но только численным превосходством и безрассудными человеческими жертвами. Однако постоянным уроком предыдущих кампаний остались два принципа — недопущение рассредоточения и растягивания, при которых армии “прикрывают все и ничего не защищают”, и необходимость наносить удары в решающих точках, а не вести “линейные” сражения с одинаковой интенсивностью по всему фронту. В целом французская тактика стала очень гибкой, подразделения маневрировали со свободой, которая была неизвестна предыдущим поколениям. Система разделения армии на дивизии, введенная теперь как регулярная организация,⁶⁹ дала всей армии возможность независимого передвижения, неизвестную в те дни, когда боевая линия считалась жесткой, состоящей из бригад, расположенных локоть к локтю, ни одна из которых не должна была двигаться без прямого приказа главнокомандующего. Фронт может состоять из отдельных дивизий, прибывающих на поле боя разными дорогами, и каждая из них принимает свой собственный строй, единственная необходимость заключается в том, чтобы между ними не оставалось больших промежутков. На самом деле эта последняя необходимая предосторожность соблюдалась далеко не всегда, и в средние и даже более поздние годы войны за независимость были случаи, когда французские генералы выводили свои армии на поле боя такими разрозненными группами, с таким отсутствием взаимодействия и удачного выбора времени, что они были заслуженно разбиты по частям.⁷⁰ Сам Бонапарт подлежит этому обвинению за свой приказ о наступлении при Маренго, где он предпринял генеральные действия до того, как колонна Дезэ оказалась достаточно близко к полю боя, и, насколько это было возможно, потерпел сокрушительное поражение из-за отсутствия массы войск, действия которых были ему абсолютно необходимы. Гош, Журден и Моро (особенно последний) время от времени совершали подобные ошибки. Но эти ошибки были, по крайней мере, лучше, чем приверженность стереотипной тактике старшего поколения, где формально установленные боевые порядки считались абсолютно необходимыми.

Недостатки колонки

Как правило, мы видим, что французы действовали в последние годы Республики методами, сильно отличающимися от методов 1793 года, с мастерством и быстротой, уже не используя простую грубую силу численного превосходства, побеждая блестящими маневрами, а не простой работой дубинкой. И все же, как ни странно, официального пересмотра официальной тактики не произошло; составленный в 1791 году Инфантерский режим, основой которого была старая линия Фридриха Великого в три ряда, никогда не отвергался, даже когда им по большей части пренебрегали, в период, когда массированные атаки *тирайеров*, поддерживаемые чудовищно тяжелыми колоннами, волей-неволей стали практическим методом французских армий. Когда это неудовлетворительное время прошло, продолжали пользоваться тем же старым учебником, и он уже не был так далек от реальной практики, как раньше. Поскольку использование развернутого батальона снова начало возникать по мере того, как возросла боеспособность войск и восстановилась их уверенность в собственных силах. Только ранняя

война за независимость оставила два следа во французской тактике — для тяжелой работы, такой как форсирование перевалов, мостов или ущелий, или прорыв критической точки в линии фронта противника, по-прежнему использовалась глубокая колонна: в то время как старая идея упорядоченной непрерывной линии сражения исчезла навсегда или почти исчезла, поскольку (как ни странно) в последней и наименее удачной битве Наполеона, Ватерлоо, порядок императорского войска был больше похож на стройные и симметричные порядки армии Фредерика, чем на любую французскую боевую линию, которую видели в течение многих лет. Конечно, это понравилось бы взору прусского короля гораздо больше, чем явно нерегулярные, хотя и тщательно продуманные планы сражений, по которым были выиграны Йена или Ваграм, Бородино или Баутцен.

“Смешанный порядок”

Было бы несправедливо по отношению к Наполеону представлять его как генерала, чей основной тактический метод основывался исключительно на использовании массивных колонн для проведения критических операций на каждом поле боя. Он прекрасно понимал, что пехота должна действовать своим огнем и что каждый человек в задних рядах - это потраченный впустую мушкет. Если у императора и было какое-то любимое формирование, то это был *смешанный орден*, рекомендованный Гиббертом еще задолго до его прихода, в котором было получено определенное сочетание преимуществ линии и колонны, путем построения бригады или полка с чередующимися батальонами в шеренгу по три в ряд и в колонну. Такое построение обеспечивало изрядное количество фронтального огня со стороны запасных развернутых батальонов, в то время как рассредоточенные между ними колонны придавали прочность и неуязвимость от фланговой атаки кавалерии, которая в противном случае могла бы свернуть линию фронта. Если, например, полк из трех батальонов по 900 человек в каждом был выстроен *в смешанном порядке*, с одним развернутым батальоном, прикрываемым с флангов двумя батальонами в колонне, на линии огня было около 730 человек, в то время как при построении в три колонны в нем было бы только около 200 человек, способных свободно использовать свои мушкеты. И все же, в лучшем случае, это построение было тяжелым, поскольку все сомкнутые задние ряды флангирующих батальонов не имели сил присоединиться к стрельбе. По простому огневому эффекту она настолько же уступала линии, насколько и превосходила простую колонну.

Однако Наполеону это определенно нравилось. Начиная с переправы через Тальяменто (1797), когда он, как впервые записано, использовал его, он очень часто им пользовался. В депеше Сульту, отправленной ему незадолго до Аустерлица, он приказал ему использовать это *“независимо от того, насколько справедливо это выглядит”*. Любопытно, однако, отметить, что маршал, менее чем через неделю после того, как ему пришлось нанести решающий удар в том сражении, в конце концов, не использовал *смешанный порядок*, а сражался в строю батальонов в “колоннах дивизий”, как он особо упоминает в своем докладе императору.⁷¹

Но *смешанный порядок*, несомненно, применялся снова и снова, не только в тех частях сражения, где наполеон просто “сдерживал” своего врага, и где он просто поддерживал бой и прижимал противника к его позиции, но и в решающих точках, где он пытался нанести свой главный удар. У нас есть примечания о том, что корпуса Ланна в Йене, Ожеро в Эйлау и Виктора во Фридланде, которые все были “ударными силами”, а не “сдерживающими силами”, использовали это построение. Его предполагаемая прочность не всегда спасала его от

катастрофы, как это было видно во втором из процитированных выше случаев, когда весь корпус Ожеро, несмотря на его батальоны в колонне, был отброшен фланговой атакой русской кавалерии, атакующей под прикрытием снежной бури.

Однако, несмотря на теоретическое предпочтение Наполеона *смешанному порядку* и его знание того, что колонна была дорогостоящим формированием для борьбы с противником, огонь которого не был подавлен, несомненно, что он часто использовал ее не только для форсирования мостов или ущелий (как при Арколе и Эберсберге⁷²), но и для нанесения последнего удара в точке, где он был полон решимости прорваться, и где враг держался с утомительным упорством. У Ваграма фланговые охранения победоносного наступления Макдональда были сформированы 13 батальонами в сплошной колонне, один за другим, хотя фронт состоял из восьми развернутых батальонов. Дивизия Фриана на правом фланге также атаковала тремя полками, сформированными *“en colonne serrée par bataillons”*. При Фридланде правая дивизия Нея (Маршан) вышла на фронт гуськом из десяти батальонов один за другим, но так и не была развернута, а атаковала массово и была остановлена. В 1812 и 1813 годах наступление большими массами было обычным делом — целые полки формировались в “колонну дивизий”, батальон за батальоном,⁷³ с дистанцией всего 200 ярдов между полками.

Наполеон был вполне осведомлен о недостатках таких формирований: “сражайтесь на поле боя”, - заметил он в знаменитом интервью Фуа, - “колонны и основные силы, способные противостоять превосходству артиллерии, и подготовка к атаке”.⁷⁴ И его продвижение в колонне обычно подготавливалось сокрушительным артиллерийским огнем по тому пункту, который он собирался атаковать, огнем, который он сам, как участник боевых действий, старый артиллерийский офицер, умевший наводить с величайшей точностью и эффективностью. Похоже, что он гораздо больше полагался на такую подготовку сосредоточенных батарей для прикрытия своих колонн, чем на то, чтобы окружить их плотной линией обороны, старым приемом генералов Республики. Огневой рубеж противника может быть занят и деморализован выстрелами и снарядами, а также заслоном из стрелков. Йена, действительно, кажется, была чуть ли не единственным из его сражений, в котором вражеская линия была замаскирована и истощена тяжелой *тирайлерской* атакой, прежде чем колонны поддержки атаковали и разгромили ее. Часто кажется, что легкой пехоты практически не существовало, и в сражении участвовали только артиллерия и сформированные батальоны. Французские генералы в имперских кампаниях, по-видимому, обычно использовали для перестрелки не более *вольтижерской* роты каждого батальона, ⁷⁵ человек, что составляло лишь одну девятую всего подразделения, пока в 1808 году количество рот не сократилось с девяти до шести, когда *вольтижеры* стали одной шестой от общего числа. К 1805 или 1809 году мы очень далеки от дня великих “нападений роя” ранней Республики.

Тактика наполеоновских генералов

Это была тактика Империи, а не Республики, с которой пришлось столкнуться Веллингтону, когда он принял командование армией союзников на полуострове в 1809 году. Он должен был принимать во внимание противника, методы которого были в основном наступательными, боевой порядок пехоты которого был в лучшем случае — *всмешанном порядке* - довольно тяжелым, а во многих случаях, когда использовалась колонна батальона или полка, исключительно грубым и многолюдным. Он знал, что у противника будет гораздо более многочисленная кавалерия, чем была в его собственном распоряжении, и что она будет

использована с безрассудной смелостью — удар кавалерии в наполеоновской битвесопровождал, если не предшествовал, удар пехоты. Более того, французская армия располагала бы очень мощной и эффективной артиллерией, обученной готовить путь для атак пехоты величайшим артиллеристом в мире. Его собственное соотношение орудий к пехоте было смехотворно низким: в 1809 году на дивизию не приходилось даже одной батареи.

Что можно было противопоставить этому опасному врагу с точки зрения тактической эффективности? Грубо говоря, мы можем сказать, что единственным преимуществом, на которое рассчитывал Уэлсли, и рассчитывал правильно, было превосходство английского пехотного строя в два ряда в глубину перед более плотным порядком батальонов противника. За это формирование он, конечно, не нес ответственности сам: он воспринял его как нечто общепринятое и думал, что знает, как использовать его наилучшим образом.

Влияние войны во Франции на британскую тактику было заметным и интересным. Первые опубликованные размышления о новом типе войны по эту сторону Ла-Манша, по-видимому, были в основном навеяны опытом армии герцога Йоркского в 1793-94 годах, когда густые цепитирайлеров, которые образовывали защитный экран, или первую линию, республиканских армий, нанесли такой большой урон войскам, которые сражались с ними в старом порядке в три эшелона, перенятом у Фредерика Великого, без какого-либо достаточного обеспечения стрелками. В начале войны мы находим жалобы на то, что у британских войск не было адекватной пропорции легких войск — что одна легкая рота на батальон, обычно используемая, была совершенно неспособна помешать французскому тирайлерскому отряду продвигаться к главной линии и нанести ей большой урон до того, как была нанесена настоящая атака. Были предложены два средства — первое заключалось в том, что доля легких рот в батальоне должна быть увеличена с одной до двух,⁷⁶ или что в каждом полку определенное количество людей должно быть отобрано за хорошую меткую стрельбу и обучено муштре легкой пехоты, оставаясь при этом прикрепленными к своим ротам. Из этих предложений первое так и не было опробовано; второе фактически практиковалось некоторыми полковниками, которые обучали по пятнадцать-двадцать человек на роту в качестве стрелков: их называли “фланкерами”, и они должны были выступать вместе с легкой ротой. Единственное британское сражение, где я нашел их особо упомянутыми, — это Майда, где их упоминание иллюстрирует опасность системы. Генералы, желавшие иметь больше легких войск, обычно похищали легкие роты полков, чтобы сформировать “легкие батальоны”; но они не только делали это, но иногда даже крали “фланкеров” также и из центральных рот. Стюарт располагал в Мейде не только легкими ротами, но и “фланговыми” полками, оставленными на Сицилии, которые, следовательно, были лишены всех имевшихся у них стрелков — отвратительный прием. Система, однако, была лишь предварительной; вскоре она исчезла; Веллингтон никогда не пренебрегал центральными ротами с их хорошими стрелками, хотя иногда он создавал легкий батальон из легких рот — даже это было исключением.

Использование британцами легких войск

Но перед британцами был открыт второй альтернативный путь: вместо увеличения числа стрелков в каждом батальоне они могли бы создать новый корпус легкой пехоты или превратить целые линейные подразделения в легкие войска. Для первых был хороший прецедент: в войне за Американскую революцию британские генералы по необходимости сформировали корпус стрелков, чтобы противостоять смертоносным стрелкам из лесной глуши, которые составляли

наиболее боеспособную часть американских армий. Таковы были рейнджеры Симко и спешенная часть знаменитого легиона Тарлтона, остальная часть которого состояла из настоящей конной пехоты — первой в своем роде в британской армии, с тех пор как драгуны забыли свое старое ремесло и превратились в линейную кавалерию. Но все рейнджеры и т. д. Были расформированы в 1783 году, и об их использовании, похоже, забыли еще до начала войны с Францией; систему пришлось начинать *заново*. Только в 1798 году был создан первый британский стрелковый батальон, а именно 5-й батальон 60-го полка, или Royal Americans, который был сформирован как егерское подразделение из остатков многих несуществующих иностранных легких корпусов на британском жаловании: он оставался в основном немецким по составу даже во время войны на Пиренейском полуострове. Это был первый батальон в зеленых мундирах; вторым был “Экспериментальный стрелковый корпус” Кута Мэннингема, сформированный в январе 1800 года и, наконец, принятый на службу после некоторых превратностей, как 95-й - название, известное в летописях полуострова, хотя теперь почти стертое его новым названием “Стрелковая бригада”. Полк был увеличен до трех батальонов, прежде чем перешел в руки Веллингтона. Позже, хотя количество стрелковых корпусов не было увеличено, все же легкие войска британской армии были пополнены путем преобразования некоторых отборных батальонов в легкую пехоту. Они были вооружены специальным облегченным мушкетом, а не винтовкой, и все роты в равной степени были проинструктированы по ведению перестрелок. Первым корпусом, к которому отнеслись таким образом, был 90-й или Пертширский полк легкой пехоты, получивший это название в 1794 году. Однако этот прецедент больше не повторялся до тех пор, пока в 1803 году 43-й и 52-й, знаменитые полки Легкой дивизии полуострова, не были удостоены того же звания. Последними дополнениями в период наполеоновских войн были 68-й и 85-й в 1808 году и 51-й и 71-й в 1809 году. Большинство этих корпусов имели по два батальона, но, даже в этом случае, снабжение легкой пехотой было невелико для армии, насчитывавшей тогда почти 200 батальонов. Следует также принять во внимание некоторые иностранные подразделения, которые были включены в списки британских призывников, такие как два легких батальона Королевского германского легиона, Брауншвейгский егерский полк и британские егеря, которые все четверо служили на полуострове. Все они, за исключением последнего, были созданы после 1803 года: но, по крайней мере, во время второго периода великой французской войны наши армии практически не были лишены легких войск, как это было в 1793 году. Мы увидим, что это имело немалое значение в тактических приемах Веллингтона.

Британская линия в два ряда

Другим уроком, который, возможно, можно было бы извлечь из кампаний первых лет великой войны, была эффективность колонн для нанесения ударов по критическим точкам линии фронта противника. Континентальные враги Франции были поражены тем, что они видели такого рода успех, и часто копировали построение своих противников. Но примечательно, что старое и здоровое предубеждение британцев в пользу этой линии ни в коей мере не было нарушено тем, что произошло в последнее время. Идея о том, что колонна была неуклюжим и дорогостоящим формированием, не была поколеблена, и теория о том, что пехота должна побеждать за счет быстроты и точности своей стрельбы, и что каждый мушкет, не находящийся на линии огня, был потрачен впустую, продолжала преобладать. Ответом британцев на *смешанный приказ* было сокращение глубины развертывания батальона с трех шеренг до двух, поскольку было обнаружено, что огонь третьей шеренги был затруднен, опасен для тех, кто находился впереди, и практически неэффективен. Учебник сэра Дэвида Дандаса 1788 года с прусскими тремя

шеренгами, который в последнее время был официальным руководством британской пехоты, формально поначалу не был отменен, но им практически пренебрегли, и армия вернулась к двухрядному строю, который она обычно использовала в американской войне и от которого с сожалением отказалась. Очевидно, герцог Йоркский не совсем одобрил это изменение: он по крайней мере один раз издал Общий приказ, чтобы напомнить полковникам, что построение в три шеренги по-прежнему официально признано и его не следует забывать. Но разрешение, данное приказом в 1801 году, согласно которому инспектирующие офицеры могли разрешать полкам появляться “даже на смотрах” в двух рядах, вероятно, ознаменовало практический конец прусской системы.⁷⁷ Многие офицеры, безусловно, вышли из употребления задолго до этой даты, и несомненно, что в египетской кампании Аберкромби широко использовалась двойная шеренга вместо тройной.⁷⁸ Британское военное мнение решило, что огонь - это все, и что правильным ответом на атаку французской колонны было выставить больше людей на линию огня.

Убедительное доказательство эффективности двойного строя в противовес тройному было очень четко продемонстрировано в полузабытой калабрийской битве при Майде, через три года после начала второй половины великой французской войны. В этом сражении французский генерал Ренье развернул весь или большую часть своих батальонов, которые не сражались, как обычно, ни в *смешанном* порядке, ни в батальонной колонне. Результат был очень решающим — 5000 британских пехотинцев в более разреженном строю отразили атаку 6000 французов в более тяжелом строю и нанесли им, исключительно благодаря превосходству в огневой эффективности, одно из самых сокрушительных поражений небольшого масштаба, которое когда-либо видели, выведя из строя или забрав с собой 2000 человек при общих потерях всего 320.⁷⁹ Стоит помнить, что некоторые из офицеров, которые впоследствии стали доверенными лейтенантами Веллингтона, присутствовали при Майде, включая Коула, Кемпта, Освальда и Колборна.⁷⁹ Это был, пожалуй, единственный известный мне случай, когда англичане и французы вступили в бой одновременно развернутыми и на более или менее параллельном фронте. Обычно это был случай “столбец против строки”.

Система веллингтона

Сэр Артур Уэлсли девять лет отсутствовал в Индии, прежде чем вернулся в Англию в 1805 году, так что ему пришлось на новом опыте узнать разницу между республиканской и имперской армиями. Эта проблема уже давно интересовала его. Говорят, что перед отъездом из Калькутты он заметил своим доверенным лицам, что французы сметают все перед собой в Европе, используя построение колонн, но он был убежден, что колонна может быть разбита и будет разбита линией фронта. То, что он услышал после возвращения в Англию, очевидно, утвердило его в этом мнении. Разговор, который он имел с Крокером незадолго до того, как тот отправился в экспедицию, которая должна была завершиться в Вимейру, по всей вероятности, сохранился в бумагах последнего под датой 14 июня 1808 года. Долгое время он сидел молча, погруженный в задумчивость, пока Крокер не спросил его, о чем он думает. “По правде говоря,” ответил он, - я думаю о французах, с которыми собираюсь сражаться. Я не видел их со времен кампаний во Фландрии [1793-94] когда они были отличными солдатами, и дюжина лет побед под командованием Бонапарта, должно быть, сделали их еще лучше. Этого достаточно, чтобы заставить задуматься. Но хотя они могут ошеломить меня, я не думаю, что им удастся меня перехитрить. Во-первых, потому что я не боюсь их, как, кажется, все остальные, а во-вторых, потому что (если все, что я слышу об их системе, правда) Я считаю ее ложной против

постоянных войск. Я подозреваю, что все континентальные армии наполовину разбиты еще до начала битвы. Я, по крайней мере, не буду пугаться заранее”.

Уэлсли отправился в Португалию, чтобы попробовать там, что можно сделать с устойчивыми войсками против “французской системы”. Но было бы ложным представлением о значении его слов, если бы мы заявили, что он просто вышел, чтобы побить колонну очередь, хотя основной факт достаточно верен. Он отправился опробовать свою собственную концепцию правильного использования линейного построения, которая имела свои особенности и ограничения. Главными из них были следующие:

(1) Линия не должна быть открыта до момента фактического конфликта: *т.е.* Ее необходимо максимально скрывать.

(2) Что до критического момента она должна быть прикрыта линией стрелков, непроницаемой для *тирайлеров противника*.

(3) Что она должна быть должным образом прикрыта с флангов либо характером местности, либо кавалерией и артиллерией.

Когда мы исследуем все его предыдущие ожесточенные сражения, мы увидим, что каждое из этих трех условий было максимально обеспечено.

(1) Для успеха было необходимо, чтобы линия как можно дольше оставалась скрытой от огня артиллерии и пехоты противника на расстоянии. Следовательно, мы находим, что одной из наиболее заметных особенностей многих оборонительных сражений Уэлсли было то, что он занимал, когда это было возможно, позицию, которая маскировала бы его главную линию и не показывала противнику ничего, кроме его стрелков и, возможно, его артиллерии, поскольку последней приходилось действовать до начала боя с пехотой и занимать позиции, которые контролировали бы местность, по которой враг должен наступать, и часто были видны с самого начала. При Вимейро Уэлсли так скрыл свою армию, что Жюно, думая повернуть свой левый фланг, обнаружил, что его поворачивающую колонну обошли с флангов войска, перемещенные под прикрытием горизонта. При Буссако Массена, неплохой генерал, ошибочно принял центр Веллингтона за свой крайний правый фланг и обнаружил, что его атакующие колонны ⁸⁰ человек были обойдены с флангов, когда атака была доведена до конца. В Саламанке было почти то же самое; основная часть британской линии была хорошо скрыта за невысокой грядой холмов, в то время как дивизия Пакенхэма и сопровождавшая ее кавалерия, силы, нанешие главный удар, были укрыты в лесистой местности, далеко от французской маршевой колонны, которая тщетно пыталась обойти правое крыло союзников. При Ватерлоо, самом очевидном случае из всех, вся пехота Веллингтона на передовой была настолько оттянута назад от края склона, что ее не было видно, пока враг не поднялся на край плато, на котором она была выстроена. Глаз Наполеона мог различить только артиллерию, линию перестрелки и войска на отдаленных постах Угумона и Ла-Э-Сент. Талавера, как я упомяну ниже, является единственным исключением из этого общего правила в оборонительных сражениях герцога.

Преимущества покрытия

Идеальной позицией Веллингтона была возвышенность с длинным *ледником* впереди и плато или впадиной за ним. Пехота отводилась от линии горизонта и размещалась за гребнем, если холм был седловидным, или в нескольких сотнях ярдов от края, если он был плоским. Там они

стояли или лежали, пока не понадобятся, в безопасности от артиллерийского огня: они выдвинулись на свой настоящий участок боевых действий только тогда, когда должен был начаться огневой бой пехоты. Каждый, наверное, помнит едкий комментарий Веллингтона по поводу боевого порядка пруссии при Линьи, где Блюхер растянул свою армию в шахматном порядке по всему склону уходящего вниз склона. “Эти парни будут жестоко изувечены — каждый человек будет виден врагу”.⁸¹ Или, выражаясь более торжественными словами, как он впоследствии изложил это на бумаге: “Я сказал прусским офицерам в присутствии полковника Хардинджа, что, по моему мнению, подвергать передовые колонны, да и всю армию канонаде, когда они стояли, выставленные перед целью вражеского огня, было неразумно”.⁸²

К концу войны на Пиренейском полуострове, как я уже имел возможность наблюдать, французам стало настолько хорошо известно, что армия Веллингтона, готовая к сражению, будет находиться в укрытии, что он смог, как при Фуэнте Гинальдо в 1811 году и при Сораурене в 1813 году, разыграть против них трюк, предложив сражаться в неполном составе, потому что он знал, что они сочтут само собой разумеющимся, что невидимая для них территория удерживается достаточными силами. Есть интересное свидетельство того же эффекта в кампании при Ватерлоо. Утром перед началом битвы при Катр-Бра генерал Рейль, ветеран испанской войны, некоторое время оставался на месте перед позицией, которую удерживала всего лишь одна голландско—бельгийская дивизия, потому что (как он выразился) “Се пурре бьен в бою в Испании—английские трупы в Монреале в затруднительном положении и в спокойные времена”.⁸³ Это был урок, преподанный многолетним опытом работы на полуострове, но в данном случае он был применен крайне неудачно. — поскольку энергичный рывок показал бы Рейлю, что за деревьями леса Боссю еще не прятались красные мундиры.

Только в случае крайней необходимости, из-за отсутствия прикрытия в некоторых частях выбранной им позиции, Веллингтон очень редко оставлял войска на своем переднем крае, видимые противнику и открытые для артиллерийского огня издалека. Наиболее известный пример этого произошел с его центральными бригадами в Талавере, которые волей-неволей были разоблачены, потому что между мощным холмом, защищавшим его левый фланг, и оливковыми рощами, прикрывавшими правый, было много сотен ярдов открытой местности, без каких-либо удобных углублений или неровностей, которые могли бы скрыть линию фронта. И это было почти единственное сражение, в котором мы находим свидетельства того, что его войска сильно пострадали от артиллерийского огня до того, как началось столкновение пехоты.⁸⁴

(2) Второй постулат системы веллингтона состоял, как я отмечал выше, в том, что пехота его боевой линии должна быть прикрыта таким мощным заслоном стрелков, чтобы передовая линия *тирайлеров* противника никогда не смогла подойти к ней достаточно близко, чтобы причинить ей какое-либо реальное беспокойство, и что с ней не следует вступать в серьезный бой до того, как подойдут французские вспомогательные колонны для нанесения главного удара. Его старый опыт во Фландрии в 1794 году научил его, что линия фронта не может иметь преимущества перед роем легких войск, которые сдаются при атаке, но возвращаются в тот момент, когда атака прекратилась и линия отступила на исходное положение. Недобрые воспоминания такого рода остались не только от Фландрии, но и от Египетской экспедиции 1801 года, когда менее боеспособные бригады Аберкромби серьезно пострадали в битве при Александрии от непрекращающегося огня стрелков с дальних дистанций, которым не было оказано должного противодействия.⁸⁵

Прием, который применил Уэлсли, заключался в том, чтобы убедиться, что у него всегда должен быть свой собственный заслон для перестрелок, настолько сильный, что французские *тирайлеры* никогда не смогут прорваться через него и приблизиться к основной линии. В тот момент, когда он принял командование в апреле 1809 года, он приступил к работе по обеспечению этого *желания*. Его первой мерой было добавить к каждой бригаде в своей армии дополнительную роту обученных стрелков, чтобы усилить три легкие роты бригады.⁸⁶ В апреле 1809 года он расформировал старейший стрелковый батальон британской армии, пятый в составе 60-го полка, и начал распределять его по роте в каждую из своих бригад, за исключением Королевского германского легиона, которые обслуживались собственными специальными стрелковыми ротами.⁸⁷ Таким образом, каждая из бригад, сражавшихся при Талавере, имела специальное дополнительное обеспечение легкими войсками. Более того, когда 1 марта 1810 года была сформирована новая легкая дивизия, каждой из двух ее бригад было придано по несколько рот 95-го стрелкового полка: а из других бригад, сформированных в 1810-11 годах, большинство были обеспечены дополнительной легкой ротой за счет пополнения частей 95-го или недавно прибывших брауншвейгских егерей, а те, которые не были, имели в своем составе собственные легкопехотные корпуса. Но это было еще не все.⁸⁸

Достаточное обеспечение легких войск

Летом 1810 года Веллингтон ввел систему включения португальской бригады из пяти батальонов в каждую британскую дивизию. Из этих пятерых один всегда был⁸⁹ касадором, или легким батальоном, специально обученным для ведения боевых действий. В старой португальской армии таких батальонов не было, все они были недавно сформированными корпусами, предназначенными исключительно для работы с легкой пехотой. Первоначально их было всего шесть, но Веллингтон приказал создать еще шесть в 1811 году, используя в качестве личного состава 7-й, 8-й, 9-й старые верные Лузитанские легионы, которые сэр Роберт Уилсон сформировал в начале войны. Поскольку португальская армия насчитывала всего двадцать четыре линейных полка в составе двенадцати бригад, батальон "Касадор" придал каждой бригаде ровно по одному подразделению, за исключением того, что два были включены в Легкую дивизию, в то время как ни одного не осталось с двумя полками, которые остались в гарнизонах в Абрантише и Кадисе соответственно.

Поскольку батальоны Касадора были по существу легкими войсками и использовались исключительно для перестрелок, это привело к тому, что когда англо-португальская дивизия обычной численностью в шесть британских и пять португальских батальонов встала в боевое построение, она выслала линию перестрелки численностью не менее восьми британских и десяти португальских рот, а именно. по одному от линейных батальонов, два британских стрелковых полка, шесть касадорцев, или в общей сложности от 1200 до 1500 человек общей численностью от 5000 до 5500 человек. Это, как будет очевидно, была очень мощная защитная оболочка для прикрытия фронта дивизии. Это не всегда требовалось — французы не всегда высылали линию перестрелки перед своей главной атакой: но когда они это делали, она всегда была сдержана и держалась в стороне от основного фронта дивизионной линии. Если противник хотел продвинуться вперед, он должен был подтянуть свои сформированные батальоны через своих *тирайлеров*, и только таким образом он мог выйти на передний край сражения. Французские полки, независимо от того, были ли они сформированы в *смешанном*

порядке или (что было более распространено) в колонне, должны были выступить на фронт, и только так они могли достичь до сих пор нетронутой британской линии. Можно отметить, что противник редко использовал для своей перестрелочной линии больше, чем роту *вольтижеров* в каждом батальоне; поскольку его дивизии насчитывали в среднем от десяти до двенадцати⁹⁰ батальонов, а подразделение представляло собой батальон из шести рот численностью 600 человек или меньше, всего с одной ротой *вольтижеров*, французская дивизия выставила бы от 1000 до 1200 стрелков, что значительно меньше, чем легкие войска британской дивизии примерно равной силы. Следовательно, Веллингтону, по-видимому, никогда серьезно не мешали французские стрелки.

Преимущества экрана перестрелки

Заслон британских легких войск был настолько значительным, что французы нередко принимали его за линию фронта и говорят о своей колонне как о прорывающейся или оттесняющей первую линию своих противников, в то время как все, что они сделали, - это оттеснили мощный и упорный отряд стрелков, препиравшихся перед настоящим боевым порядком.⁹¹ Мы можем сказать, что им неизменно приходилось использовать свои колонны для атаки линии в два ряда глубиной, пока последняя была еще цела, в то время как их собственные массы уже некоторое время находились под огнем и больше не были свежими.

Возможно, возникнет вопрос, почему маршалы и генералы Наполеона не развернули свои колонны до момента соприкосновения. Почему мы так редко читаем даже об используемом *смешанном* порядке — Альбуэра - единственное сражение, где мы отчетливо находим его упоминание? Ответ на это возражение заключается, во-первых, в том, что они были твердо убеждены в том, что колонна была лучшей ударной силой для взятия данного пункта, и что обычно они атаковали не всю британскую линию, а конкретный участок или участки, где они намеревались прорваться. Но, во-вторых, мы можем добавить, что они часто пытались развернуться, но всегда слишком поздно, поскольку они ждали, пока не вклинятся в британскую линию перестрелки, и пытались занять более тонкий строй, когда они уже были под огнем и вели ожесточенный бой. Британцы не всегда замечали это начинание — так поздно оно было начато, так мгновенным был его провал. Но есть свидетельства, что это пытались сделать гренадеры Келлермана при Вимейру, по крайней мере, часть дивизии Леваля при Баррозе, колонна Мерле при Буссако, когда она уже достигла вершины Серры и вступила в тесный бой с войсками Пиктона. В Альбуэре у нас есть хорошее описание этого места с британской стороны. Когда фузилерная бригада Майерса выступила во фланг 5-му корпусу, в критический момент этого сражения Султ направил против них свой резерв, три полка Верле, которые сразу же вступили в бой с фузилерами на очень короткой дистанции. “Во время ближнего боя,” пишет британский офицер (Блейкни из 7-го полка), - я видел, как их офицеры пытались развернуть свои колонны, но все безрезультатно. Потому что, как только треть роты выходила, они немедленно убегали назад, чтобы быть прикрытыми передней частью своей колонны”. Дело в том, что эффект от огня британского полка намного превосходил все, с чем противник обычно сталкивался при столкновении с континентальными войсками, и был совершенно разрушительным. Снова и снова французские офицеры, которые впервые попали под это, допускали ошибку в расчетах, пытаясь совершить невозможное. Ничто не могло привести к большей неразберихе и беспорядку, чем попытка развертывания под таким сильным огнем. По этой причине многие французские командиры вообще никогда не пробовали этого делать и считали более безопасным перейти к последнему удару со своими батальонами в обычной

“колонне дивизий”, в которой они начали свою атаку. Это было немногим лучше и, в конце концов, не менее затратно. “На самом деле, - писал Веллингтон в момент непривычного возбуждения после битвы при Сабугале, - эти атаки колоннами против наших позиций весьма достойны презрения”.⁹² Это было после того, как он осмотрел с другого берега Коа, “где я мог видеть каждое движение с обеих сторон”, 43-й полк отразил подряд три атаки французских колонн, которые столкнулись с ним, одну за другой.

Необходимость флангового прикрытия

(3) Теперь мы переходим к третьему постулату системы Веллингтона — боевая линия в два слоя должна быть прикрыта с флангов либо наземной, либо кавалерийской и артиллерийской поддержкой, либо пехотой, растягивающей фронт за пределы непосредственной точки действия противника. В Талавере один из его флангов был прикрыт крутым холмом, другой - густыми оливковыми плантациями. При Буссакко обе атаки французов были безнадежно обойдены с флангов войсками, размещенными на возвышенности и недоступной местности, и их можно было отбивать только фронтально. В Фуэнтес-де-Оньюро последняя боевая позиция располагалась на одном конце сильно занятой деревни, а на другом - в ущелье реки Турон. У Саламанки 3-я дивизия, ударная сила, выигравшая сражение, прикрывала свою линию с внешнего фланга британской и португальской кавалерийскими бригадами. При Виттории вся французская армия была охвачена концентрической и сходящейся атакой гораздо более длинной британской линии. При Ватерлоо защита фланга была обеспечена передовым постом Угумон и “отказавшимся” правым крылом на одном конце позиции: группой укрепленных ферм (Папелотт, Ла Хэй и др.) и массой кавалерии на другом. Короче говоря, Веллингтон был очень осторожен со своими флангами. Действительно, только однажды, насколько я помню, французы обошли его армию с тыла и причинили ему неприятности. Это было в первом эпизоде при Фуэнтес-де-Оньюро, где 7-я дивизия, размещенная в некотором отдалении в качестве флангового охранения, понесла некоторые потери, будучи захваченной в тыл французской кавалерией, совершившей большой обход, и избежала худшей катастрофы только потому, что два ее батальона, 51-й *ибританских егерей*, успели сформироваться фронтом во фланг и приспособиться к ситуации, а также потому, что несколько британских эскадронов пожертвовали собой, сдерживая, насколько это было возможно, превосходящую кавалерию противника.

Во время войны был один общеизвестный случай, продемонстрировавший ужасный риск, которому могла подвергнуться линия, если бы она не была должным образом защищена с флангов. У Албуэры бригада 2-й дивизии Колборна была брошена в бой с абсолютно обнаженным флангом — в радиусе полумили не было никакой поддержки - из-за безрассудства ее дивизионного генерала Уильяма Стюарта. Он был застигнут врасплох двумя полками французской кавалерии, атаковавшими под углом, почти с тыла, и три батальона были буквально разрезаны на куски, потеряв 1200 человек из 1600 присутствующих и пять знамен. Веллингтон никогда бы не послал его вперед без надлежащей поддержки на флангах, и примечательно, что позже в тот же день Коул ввел 4-ю дивизию в бой на том же холме и против того же противника с совершенным успехом, потому что он прикрывал один фланг батальоном в колонне, а другой (внешний и более незащищенный) батальоном в каре и бригадой кавалерии.

Таким образом, это были необходимые постулаты, необходимые для успешного использования строя против колонны, и когда они должным образом учитывались, победа была обеспечена

при любом разумном соотношении сил. Существенный факт, лежащий в основе часто встречающегося вывода, заключался просто в том, что линия в два ряда в глубину позволяла войскам эффективно использовать каждый мушкет, в то время как “дивизионная колонна” поставила семь девярых образующих ее людей в положение, при котором они вообще не могли стрелять, и даже *смешанный* порядок, восхваляемый Наполеоном, поставил от семи двенадцатых до двух третей рядового состава в такое же плачевное состояние.⁹³ Но Альбуэра - единственное сражение в войне, в котором есть определенные доказательства того, что противник сражался в *смешанном порядке* развернутыми батальонами и батальонами в колонне, поочередно выстроенными впереди.⁹⁴ Обычно он наступал со своими подразделениями всеми колоннами дивизий, и очень часто (как при Буссако и в некоторых эпизодах при Талавере) у него был батальон за батальоном в каждом полку. Это был грубый боевой порядок, но Д'Эрлон изобрел худшее и более неуклюжее построение при Ватерлоо, когда он послал вперед целые дивизии с восемью или девятью батальонами, развернутыми один за другим, чтобы создать фронт численностью всего в 200 человек и глубиной в двадцать четыре - только один человек из двенадцати мог пользоваться своим мушкетом.

Превосходящий огонь с Линии огня

Очевидно, однако, что колонна дивизий (двойные роты) была обычным французским порядком, *т.е.* в батальоне из 600 человек в шести ротах мы должны были получить впереди 66 мушкетов и 132 человека, способных стрелять, в то время как 468 человек находились в задних рядах, способных быть застреленными, но не стрелять. Если бы английский батальон равной силы располагался впереди, в линию в два ряда, он мог бы дать залп из 600 мушкетов против одного из 132, и это было еще не все. Его фронт был почти в пять раз больше, чем у французского батальона, так что его огонь охватывал фланги наступающей массы, деморализуя ее, потому что не было должных сил для ответа. Часто британская линия в моменты огневого боя несколько выдвигала вперед свои крылья пологим полумесяцем и вела огонь сразу с трех сторон колонны. Это было сделано 43-м и 52-м полками в Буссако с большим эффектом против французской бригады Симона, которая поднималась по склону перед ними, а ее передовой полк располагался в трех батальонах в глубину, в наиболее уязвимом месте. Как можно было ожидать, что колонна одержит верх? Эффективный против врага, который позволил запугать себя и победить при виде грозной наступающей массы, он был беспомощен против стойких войск, которые стояли на месте и разряжали свои мушкеты так быстро, как только могли заряжать, в цель, промахнуться по которой было невозможно. Вероятно, именно это имел в виду Веллингтон, когда (как упоминалось выше) заявил Крокеру перед отплытием в Португалию, что “если все, что я слышу об их системе, правда, я считаю ее ложной против постоянных войск. Я подозреваю, что все континентальные армии наполовину разбиты еще до начала сражения. Иными словами, колонна могла победить благодаря ужасу, который внушали ее огромный вес и напор; но если бы враг отказался поддаваться террору, он смог бы выстоять и нанести огромные потери скупенному строю.

Остается только сказать, что с батальоном в колонне дивизий как единым целым у французов было два способа построения линии атаки. Они могли либо выстроить батальоны каждого полка в линию колонн, либо расположить их один за другим, превратив весь полк в единую колонну. Время от времени применялись оба метода. Разница заключалась не в деталях расположения, подобных этому, а в существенной слабости “колонны дивизий”, которая составляла основу всего строя — она была слишком беспомощна в огневом противостоянии с линией фронта.

Физический аспект состязания между линией и колонной мы уже достаточно рассмотрели. Каков был моральный аспект? К счастью, мы можем объяснить это с точностью, потому что один из многих тысяч французских офицеров, прошедших войну на Пиренейском полуострове, оставил нам не личные анекдоты или путанные впечатления, как многие его товарищи, а реальный отчет о душевном состоянии батальона, идущего колонной в атаку на британскую линию фронта. Я не ищу оправдания за то, что полностью цитирую абзацы Бюжо, *батайского повара* 1812 года — маршала африканской славы тридцать лет спустя, — потому что они дают нам именно то, что мы хотим знать. Однако следует исходить из того, что Бюжо не служил в армии Португалии и не сталкивался с собственными войсками Веллингтона. Он служил в армии Суше на Средиземноморском побережье полуострова, и его личные наблюдения, должно быть, были сделаны в Касталле и в других боях на Востоке. Следует также отметить, что он не сообщает о столкновениях стрелков, которые так часто происходили, и описывает свою колонну как идущую вперед с обнаженным оружием к главному месту сражения.

Бюжо о сравнении столбца и строки

“Я семь лет прослужил на полуострове, - говорит он; - за это время мы иногда побеждали англичан в отдельных столкновениях и рейдах [*например, Ordal*], которые я, как отдельный полевой офицер, мог подготовить и направить. Но в течение этого длительного периода войны я с прискорбием видел, что лишь в очень небольшом количестве общих действий британской армии не удалось одержать над нами верх. Мы почти неизменно атаковали наших противников, не принимая во внимание ни наш собственный прошлый опыт, ни принимая во внимание, что тактика, которая достаточно хорошо срабатывала, когда нам приходилось иметь дело только с испанцами, почти неизменно терпела неудачу, когда перед нами оказывались английские войска.

“Англичане, как правило, занимали хорошие оборонительные позиции, тщательно выбранные и обычно на возвышенности, за гребнем которой они находили укрытие для значительной части своих людей. Операция начиналась обычной обязательной канонадой, затем в спешке, без надлежащей разведки позиции, без выяснения, предоставляет ли местность какие-либо возможности для боковых или поворотных движений, мы шли прямо вперед, "беря быка за рога".⁹⁵

“Когда мы удалялись примерно на тысячу ярдов от английской линии, люди начинали проявлять беспокойство и возбуждение: они обменивались идеями друг с другом, их марш становился несколько поспешным и уже становился немного беспорядочным. Тем временем англичане, молчаливые и бесстрастные, с опущенным оружием, возвышались длинной красной стеной; их вид был внушительным — это немало впечатляло новичков. Вскоре расстояние стало сокращаться: из нашей массы вырвались крики "*Да здравствует Император*", "*вперед, а-ля байонетка*". Некоторые мужчины надели кивера на мушкеты, быстрый шаг перешел в бег: ряды начали смешиваться, возбуждение мужчин стало бурным, многие солдаты начали стрелять на бегу. И все это время красная английская линия, по-прежнему молчаливая и неподвижная, даже когда мы были всего в 300 ярдах от нас, казалось, не обращала внимания на шторм, который вот-вот должен был обрушиться на нее.

Контраст был разительным. Многие из нас начали задумываться о том, что огонь противника, который так долго сдерживался, будет очень неприятным, когда он все-таки разразится. Наш пыл начал остывать: моральное влияние (непреодолимое в действии) спокойствия, которое

кажется ненарушимым, в противоположность беспорядку, который стремится шумом восполнить недостаток твердости, тяжелым грузом легло на наши сердца.

В этот момент тягостного ожидания английская линия должна была сделать четверть оборота — мушкеты приводились в состояние ‘готово’. Неопределимое ощущение пригвоздило к месту многих наших людей, которые остановились и открыли беспорядочный огонь. Ответный вражеский залп, одновременно точный и смертоносный, обрушился на нас подобно удару молнии. Подкошенные им, мы пошатнулись, шатаясь под ударом и пытаюсь восстановить равновесие. Затем три громких “Ура” прервали долгое молчание наших противников. С третьим они обрушились на нас, вынуждая к беспорядочному отступлению. Но, к нашему великому удивлению, они не стали развивать свое преимущество более чем на несколько сотен ярдов и спокойно вернулись на свои прежние рубежи, чтобы ожидать новой атаки. Мы редко терпели неудачу, когда подходило наше подкрепление — с таким же отсутствием успеха и большими потерями”.⁹⁶

Беспомощность колонны

Это картина, которая нам нужна для завершения нашего исследования конфликта колонны с линией. Психология сбившейся в кучу массы, идущей навстречу неизбежному поражению, как нельзя лучше передана. Единственное, что нам трудно понять, - это причина, побудившая таких способных людей, как Сульт, Д'Эрлон или Фой, продолжать использовать построение колоннами на протяжении всех мрачных дней 1813-14 годов и даже в последней кампании при Ватерлоо. Однако вся честь должна быть отдана рядовым, которые, имея за плечами пятилетний подобный опыт, все еще были достаточно стойкими и мужественными, чтобы достойно сражаться даже в своих последних наступательных боях в Пиренеях, а также в оборонительных действиях при Ортезе и Тулузе.

ГЛАВА V ТАКТИКА ВЕЛЛИНГТОНА —КАВАЛЕРИЯ И АРТИЛЛЕРИЯ

До сих пор мы ограничивали наш взгляд на тактику Веллингтона использованием им пехоты. Но необходимо добавить несколько слов о его методах обращения с двумя другими родами войск — кавалерией и артиллерией. К счастью, есть один или два его собственных *меморандума*, которые позволяют нам интерпретировать его взгляды на использование этого оружия, которое было для него в основном вспомогательным; поскольку эпитафия о том, что он был “по сути генералом пехоты”, в основном верна, хотя и нуждается в некоторых комментариях и пояснениях. В начале своей кампании на полуострове он был вынужден стать “генералом пехоты”, поскольку правительство метрополии держало его на неоправданно низком уровне в отношении всадников и пушек, пока 1811 год не подошел к концу. Более того, необходимо учитывать территорию, за которую ему пришлось сражаться в 1809-10-11 годах.

Пиренейский полуостров, с точки зрения кавалерийского тактика, можно разделить на две группы регионов, в одном из которых конница имеет первостепенное значение, в то время как в

другом ее можно, почти без преувеличения, охарактеризовать как практически незначительный элемент военной мощи, пригодный только в небольших масштабах, для разведки и наблюдения, и не способный эффективно использоваться массово.

К первому названному классу регионов, территорий, в высшей степени подходящих для применения кавалерии, принадлежат обширные плато Центральной Испании, широкие пахотные равнины Старой Кастилии и Леона, от Бургоса до Сьюдад-Родриго и от Асторги до Аранды. Здесь, на слегка волнистой возвышенности, мало огороженной и в основном раскинувшейся на обширных просторах, кавалерия имеет одну из подходящих для нее территорий, которые можно найти в Европе, — такую же благоприятную, как Шампань или низменности Северной Германии. Это также, почти в той же степени, относится к более высокогорным и менее возделанным плато Новой Кастилии и к унылым малонаселенным вересковым пустошам Ламанчи и Эстремадуры, где всадник может проехать вперед двадцать или тридцать миль, не встречая никаких серьезных естественных препятствий, за исключением через большие промежутки времени крутой расщелины оврага, пересыхающего летом, а зимой наполняющегося бурным потоком. Обширные центральные нагорья — не единственные районы Испании, где кавалерия находит замечательное поле для действий: центральная долина Эбро в Арагоне и вся широкая равнина Гвадалквивира в Андалусии одинаково подходят для применения конницы в самых крупных масштабах. Таким образом, Наполеон был полностью прав, когда он выделил очень большую часть кавалерии в состав своей армии в Испании и когда он произнес свое *изречение* о том, что значительная ее часть неизбежно должна принадлежать генералу, который владел большей и более боеспособной массой эскадронов.

С другой стороны, на полуострове есть большие участки, где кавалерия почти так же бесполезна, как в Швейцарии или Калабрии. Таков весь Пиренейский тракт на севере, простирающийся от Каталонии через Арагон и Наварру до астурийских и галисийских земель вдоль южного берега Бискайского залива. Следует помнить, что во время Пиренейской кампании 1813 года Веллингтон отослал почти всю свою кавалерию на равнину Эбро, в то время как Султ оставил свою на равнине Адур. Небольшой, но прекрасный кавалерийский отряд сэра Джона Мура оказался бесполезен для него при отступлении из Ла-Коруньи, когда Асторга была пройдена и вошли в Галисийские горы. Он отправил его вперед, за исключением одного-двух эскадронов, оставленных в арьергарде. Более многочисленный конный отряд Султа в той же кампании был полезен только для того, чтобы подбирать отставших солдат Мура и постоянно поддерживать британцев на марше — он останавливался каждый раз, когда отступающая армия показывала пехотный арьергард и останавливалась в одном из бесчисленных галисийских ущелий.

Есть еще один участок полуострова, почти столь же непригодный для использования кавалерии, как Пиренейское и Галисийское нагорья, — и это Португалия, где проходила большая часть предыдущих кампаний Веллингтона. За вычетом некоторых прибрежных равнин сравнительно небольшой протяженности, вся Северная и Центральная Португалия гориста — по большей части не в крупном масштабе, с высокими вершинами и широкими долинами, а в небольшом масштабе, с неровными холмами высотой 2000 или 3000 футов, между которыми в узких ущельях протекают глубокие потоки, где все дороги ведут в гору и под гору, а каждые несколько миль встречаются разломы. Именно характер этой местности сделал армию Веллингтона 1810-11 годов с ее очень небольшими силами кавалерии — всего семью британскими и четырьмя или пятью португальскими полками — безопасной против

чрезвычайно превосходящих по численности эскадронов Массены. На протяжении всего длительного отступления от Алмейды к рубежам Торриш-Ведрас армию союзников так и не удалось поймать, повернуть или потревожить; кавалерия с обеих сторон использовалась только в мелких арьергардных действиях, в ходе которых небольшие силы сдерживали более крупные силы в ущельях и, как правило, отступали только тогда, когда захватчик подтягивал пехоту для поддержки своей атаки. Несмотря на всю пользу, которую это ему принесло, Массена, возможно, оставил бы свои 7000 кавалеристов позади себя, когда входил в Португалию — несколько эскадронов для разведки - это все, что ему было нужно. Зажатые в узких ущельях, где они были беспомощны, его всадники часто были для него скорее обузой, чем помощью.

С другой стороны, когда склоны португальских гор остались позади, Веллингтон был вынужден проявлять максимальную осторожность и ограничивать свои действия благоприятной местностью (как при Талавере и Фуэнтес д'Оньоро), пока противник безнадежно превосходил его в количестве эскадрилий. Только после 1811 года, когда численность его кавалерийских полков увеличилась примерно вдвое, он смог спуститься на равнины и вести крупные сражения на открытой местности, такие как Саламанка, — первое сражение, в котором он когда-либо участвовал на полуострове, где его кавалерия не уступала французской ни на треть, ни даже наполовину.

Помимо Пиренейских регионов и Португалии, есть и другие районы полуострова, где кавалерийскому подразделению мешает рельеф местности — например, Каталония, где внутренняя часть страны представляет собой сплошную массу изрезанных долин, прибрежная территория королевства Гранада и огромный узел горных земель, где встречаются Арагон, Валенсия и Новая Кастилия. Но поскольку это были участки, где британская армия почти не участвовала, я не упоминаю о них. Но следует также помнить, что каждое из больших горных плато Испании — Леон, Новая Кастилия, Ламанча и Эстремадура - отделено от других широкими горными поясами, где банды испанских партизан устроили свои штаб-квартиры и сделали сообщение между равнинами трудным и опасным.

Тактика французской кавалерии

Как в такой стране контрастов различные воюющие стороны использовали своих всадников в течение долгих шести лет между Вимейро и Тулузой? Какова была относительная ценность различных национальных кавалерийских формирований, и какова была их тактика ведения боя и не менее важной работы по разведке, а также прикрытия и сокрытия передвижений других родов войск?

К 1808 году, когда началась война, тактика французской кавалерии превратилась в такую же определенную систему, как и тактика пехоты. Наполеон любил собирать своих всадников в очень крупные отряды и бросать их в центр не меньше, чем во фланг противостоящей ему армии. Во времена Мальборо и Фредерика Великого кавалерия почти всегда выстраивалась в длинные шеренги на флангах и использовалась сначала для разгрома сдерживающей кавалерии противника, а затем для удара по незащищенному флангу пехоты противника в центре. Кавалерийский наскок на слабое место в середине вражеского фронта был действительно очень редким явлением, и пробовали его лишь очень немногие генералы первоклассной разведки, которые освободились от старой рутины, предписывающей регулярное построение армии. Атака кавалерии Мальборо на французский правый центр при Бленхейме - едва ли не единственный первоклассный пример такого удара в старых войнах

восемнадцатого века. Великая кавалерийская атака Фредерика при Россбахе, которую иногда приводят в качестве параллели, была, в конце концов, не более чем внезапным броском прусской кавалерии с фланга на незащищенное крыло армии, которая неразумно пыталась обойти позиции своего противника. Но Наполеон был приверженцем мощных фронтальных атак кавалерии на выбранные слабые места вражеской линии, которые уже были хорошо обстреляны артиллерией или ослаблены каким-либо другим способом. Для одного из этих мощных ударов он использовал бы 6000, 8000 или (как при Ватерлоо) даже 12000 человек. При Аустерлице и Бородино эти атаки велись прямо по фронту противника; Маренго и Дрезден были завоеваны такими же бросками; Эйлау был спасен от катастрофы только ударом такого же рода. Но кавалерию нужно было использовать точно в нужный момент, умело руководить ею и оттеснять домой без угрызений совести и несмотря на все потери, если это должно было увенчаться успехом. Но даже тогда она может быть отбита хладнокровной и непоколебимой пехотой, как при Ватерлоо. Только против измотанных, отвлеченных или необученных батальонов она могла рассчитывать с разумной уверенностью на успех.

На протяжении всей войны необученные испанские армии предоставляли французским эскадрильям именно такие возможности. Они всегда были застигнуты врасплох до того, как их генералы выстроили их в боевой порядок, или застигнуты врасплох во время выполнения какого-нибудь сложного маневра. Если на них нападали, когда они были в строю или марширующей колонне, они всегда становились жертвами кавалерийской атаки, поскольку из-за отсутствия дисциплины необычайно медленно выстраивались в каре. Как будто этого было недостаточно, они часто были достаточно слабы морально, чтобы позволить сломить себя, даже когда у них было время выстроиться в каре. Сражения при Медельине, Оканье, Геборе и Сагунте были хорошими примерами силы сравнительно небольшой массы кавалерии, которой умело управляли, над многочисленной, но плохо дисциплинированной пехотой. Но малоизвестное сражение при Маргалефе в 1810 году, пожалуй, является самым ярким примером подобного рода, поскольку там шесть эскадронов кавалерии Суше (13-й кирасирский полк, поддерживаемый двумя эскадронами 3-го гусарского) фактически уничтожили подряд целую дивизию численностью около 4000 человек, которых они поймали, когда выстраивались в боевую линию из маршевой колонны. Это тоже было сделано, несмотря на то, что испанскую пехоту сопровождали три эскадрона кавалерии (которые, как обычно, бросились враспыльную в начале боя), а также сводная батарея артиллерии.

Успехи французской кавалерии

Конечно, совсем другое дело, когда французской кавалерии приходилось сталкиваться с постоянными батальонами британской армии. Просматривая все записи сражений и перестрелок с 1808 по 1814 год, я могу вспомнить только два случая, когда кавалерия противника действительно добилась заметного тактического успеха. Как ни странно, оба пали в мае 1811 года. При Альбуэре произошла та самая полная катастрофа для британской пехотной бригады, которая уже была описана в предыдущей главе. Упоминался и другой, гораздо меньший успех, достигнутый французской кавалерией над британской пехотой при Фуэнтес-де-Оньоро, за несколько дней до более серьезной катастрофы при Альбуэре.⁹⁷ Эти две катастрофы были совершенно исключительными; обычно британская пехота держалась стойко, если только ее не застали врасплох, и это даже при фронтальной атаке кавалерии, когда она была развернута в две глубокие линии, не образуя каре. Если британцы прикрывали свои фланги, они были в полной безопасности и с легкостью отражали любую атаку.

Действительно, отпор кавалерии британскими войсками в строю, которые не утруждали себя построением в каре, потому что их фланги были прикрыты, не был редкостью в войне на полуострове. Классическим примером является 5-й Нортумберлендский стрелковый полк при Эль-Бодоне в 1811 году, который наступал в линию, ведя огонь против двух французских кавалерийских полков, и сбросил их с высот, имея возможность сделать это, потому что у них был эскадрон или два британских кавалерийских отряда, чтобы защитить их от нападения. Очень похожий подвиг был совершен 52-м полком при Сабугале в 1811 году: и португальская бригада Харви сделала то же самое при Албуэре.

Гораздо более неприступной, конечно, была площадь. Оказавшись в безопасном расположении в таком строю, британские войска обычно не только выдерживали кавалерийские атаки, стоя на месте, но и совершали длительные передвижения по полю боя, наводненному вражеской кавалерией. У Фуэнтес-де-Оньоро Легкая дивизия в составе трех британских и двух португальских каре не спеша отступила *надве мили*, окруженная четырьмя бригадами французской кавалерии, и достигла территории, которую им было приказано занять, с общей потерей одного убитого и тридцати четырех раненых. Точно так же в Эль-Бодоне каре, состоящее из 5-го и 77-го полков, отступило на шесть миль перед лицом двух кавалерийских бригад, которые так и не смогли прорваться к ним.⁹⁸

Действительно, можно утверждать, как правило, почти без исключений, что войска в каре, будь то британские или французские, никогда не были сломлены во время войны на полуострове даже очень отчаянными и доблестными атаками. Одним из лучших примеров этого общего правила был случай сражения при Баркилье, когда две гренадерские роты 22-го французского полка, застигнутые врасплох пятью эскадронами британской кавалерии во время прикрытия фуражировочного отряда, ушли в равнинную местность после того, как были последовательно атакованы тремя эскадронами 1-го гусарского немецкого легиона, 16-го и 14-го легких драгун. По крайней мере, одна из этих трех атак эскадрона (14-го) была отброшена так успешно, что офицер и девять солдат пали прямо в первых рядах французов, и французский наблюдатель заметил, что штыки сломаны, а стволы мушкетов глубоко изрезаны размашистыми ударами легких драгун, которым все же не удалось полностью прорваться внутрь.

Действие кавалерии против Каре

Действительно, за всю войну был только один экстраординарный случай прорыва правильно сформированных квадратов, случай столь же исключительный в одном отношении, как катастрофа бригады Колборна под Альбуэрой - в другом. Это было в бою при Гарсии Эрнандесе, на следующее утро после битвы при Саламанке, где тяжелые драгуны КГБ нанесли удар, который Фой (французский историк войны) назвал лучшей атакой, которую он когда-либо видел. Арьергард армии Мармона был сформирован из одной дивизии, которая не принимала серьезного участия в сражении, так что нельзя было сказать, что она состояла из потрясенных или деморализованных войск. Тем не менее, два его каре были фактически прорваны легионерами-драгунами, хотя и выстроились без спешки на склоне холма, благоприятном для оборонительных действий. Согласно "Истории немецкого легиона" Бимиша, произведению, составленному несколько лет спустя на основе показаний очевидцев, первое каре было прорвано смертельно раненой лошадью, несущей мертвого всадника, прыгнувшей прямо на коленопреклоненный передний ряд каре и сбившей с ног полдюжины человек своей борьбой и пинками. Офицер, капитан Глейхен, пришпорил своего коня в образовавшуюся таким образом

брешь, его люди последовали за ним, в каре был вбит клин, и он распался, подавляющее большинство людей сдалось. Второе каре, принадлежащее тому же 6-му легионерскому полку, находилось немного выше по склону холма, чем первое: оно было свидетелем уничтожения сестринского батальона и, по-видимому, было потрясено этим зрелищем: во всяком случае, когда несколькими минутами позже на него напал другой эскадрон немецких драгун, оно дало довольно дикий, хотя и разрушительный залп и дрогнуло в момент принятия атаки, отступив при первой атаке. Это было, конечно, смертельно. Разбитые квадраты потеряли 1400 пленных, не считая примерно 200 убитых и раненых. Победоносные драгуны заплатили довольно высокую цену за свой успех, потеряв 4 офицера и 50 человек убитыми и 2 офицера и 60 человек ранеными из 700 присутствующих; чрезвычайное соотношение убитых и раненых, 54 к 62, свидетельствует о смертоносном эффекте мушкетной стрельбы на максимально близком расстоянии.

Это (как я уже говорил ранее) было исключением, подтверждающим правило: неуязвимость постоянного каре была настолько обычным явлением, что Фой и другие старые офицеры армии Испании с тревогой смотрели на грандиозную попытку Наполеона при Ватерлоо сломить длинную линию британских каре между Ла-Э-Сент и Угумоном атаками примерно десяти-двенадцати тысяч кавалеристов, сосредоточенных на коротком фронте менее мили. Император не учел превосходства в сопротивлении со стороны хорошей пехоты.

Сражений между кавалерией и кавалерийским полком, когда обе стороны присутствовали в количестве настолько практически равном, что это делало схватку справедливой проверкой их относительной эффективности, в войне на Пиренейском полуострове было сравнительно немного. В первые дни войны Веллингтон был слишком скудно обеспечен всадниками и никогда не мог позволить себе ввязаться в крупномасштабное кавалерийское сражение. В 1809 году у него было всего шесть полков в Талавере, а в кампании Буссако 1810 года - только семь. Когда он разделил свою армию для одновременной кампании в Бейре и Эстремадуре в марте 1811 года, он смог выделить Бересфорду только три полка и оставить четыре для себя. Этот дефицит также не мог быть восполнен (как это было сделано в артиллерийском подразделении) с помощью португальских вспомогательных войск. Кавалерия этой нации была настолько слаба и так плохо коннизирована, что сомнительно, чтобы их когда-либо было столько, сколько 2000 человек на поле боя одновременно. Многие из двенадцати полков никогда не были конными и на протяжении всей войны несли гарнизонную службу в качестве пехоты.

Веллингтон и его кавалерия

Только летом и осенью 1811 года Веллингтон, наконец, начал получать крупные подкрепления в виде конной армии из Англии, что более чем удвоило его силы, поскольку в кампании 1812 года у него было не менее пятнадцати полков вместо семи. Зимой 1812-1813 годов подошли дополнительные подкрепления, и в кампании при Виттории он, наконец, получил мощную кавалерию, равную или превосходящую французскую.⁹⁹

Тем не менее, даже принимая во внимание слабость конных сил Веллингтона в его предыдущих кампаниях, мы должны признать, что они играли сравнительно небольшую роль в его плане операций. Хотя его драгуны хорошо несли службу, прикрывая его фронт, и совершили много доблестных подвигов (нам достаточно упомянуть Талаверу и Фуэнтеса де Оньоро, чтобы привести пример хорошо выполненной самоотверженной работы), они редко использовались в составе основной ударной силы, которая одерживала победы. Действительно, атака тяжелой

бригады Ле Маршана под Саламанкой - это, пожалуй, единственный пример, который можно привести о действительно решительных действиях кавалерии в любом из сражений герцога. Были и другие заметные успехи, о которых следует помнить, но они были второстепенными и часто не попадали в поле зрения шефа полиции — как, например, прорыв Бока по каре у Гарсии Эрнандеса на следующий день после Саламанки и очень похвальная победа Ламли над Латур-Мобургом при Узагре 25 мая 1811 года.

Даже когда в 1812-14 годах у Веллингтона наконец появились крупные кавалерийские силы, их редко можно было обнаружить собранными, и я полагаю, что никогда не было обнаружено более трех бригад, действующих вместе. Такие силы, как шесть полков, редко можно было увидеть в строю и сражающимися. Что касается использования кавалерии в качестве прикрытия, мы можем упомянуть сражение при Вента-дель-Посо во время отступления из Бургоса в 1812 году. Это была перестрелка, в которой участвовали две бригады, прикрывавшие отход пехоты, которой пришлось очень спешить по пути к Саламанке и безопасности.

Кое-что, без сомнения, следует учитывать в том факте, что у Веллингтона никогда, до кампании при Ватерлоо, не было офицера с доказанными способностями в качестве главного командира его кавалерии. Стэплтон Коттон, так долго проработавший на этом посту, не был выдающимся человеком. Ламли, у которого была короткая, но выдающаяся карьера командира дивизии, уехал домой по болезни в 1811 году, а Ле Маршан, вышедший из дома с высокой репутацией, к большому сожалению, был убит в своем первом сражении при Саламанке, где его бригада так много сделала для решения судьбы того дня. Но, принимая во внимание все это, остается очевидным, что Веллингтон сравнительно мало использовал кавалерию — чего вряд ли можно было ожидать, если вспомнить, как эффективно он использовал свою лошадь при Ассайе, довольно рано в своей карьере. Возможно, тот факт, что в 1809-11 годах он был так безнадежно проигран в этой борьбе, настолько запал ему в душу, что, когда позже у него появился свой шанс, он не был готов им воспользоваться. Конечно, можно привести несколько случаев, когда это не было должным образом использовано для достижения полной победы — особенно после победы Виттории и Ортеза. Невозможно скрыть тот факт, что нежелание Веллингтона использовать мощные кавалерийские атаки было, по сути, вызвано его сомнениями в тактическом мастерстве своих старших офицеров и способности его полков к маневрам. Он поделился своими взглядами на этот счет через двенадцать лет после окончания войны в письме лорду Джону Расселу от 31 июля 1826 года. “Я считал, что наша кавалерия, - писал он, - настолько уступает французской из-за отсутствия порядка, что, хотя я считал, что один из наших эскадронов может сравниться с двумя французскими, все же мне было неприятно видеть четырех британцев против четырех французов, и тем более по мере того, как численность увеличивалась, и порядок (конечно) становился все более необходимым. Они могли скакать галопом, но не могли сохранить свой порядок”.

Несколько Безрассудных Кавалерийских атак

Это кажется очень суровым суждением, когда мы подробно изучаем кавалерийские анналы войны на Пиренейском полуострове. Несомненно, были случаи, когда английские полки упускали свои шансы из-за слепой ярости в атаке и либо теряли возможность использовать первоначальное преимущество до безрассудного предела, либо, во всяком случае, упускали возможность из-за чрезмерного рассеивания или выезда с поля боя. Самый ранний случай был замечен при Вимейро сразу после первой высадки Веллингтона на полуостров, когда два

эскадрона 20-го легкого драгунского полка, успешно рассекши потрепанную колонну пехоты, в большом беспорядке продвинулись на полмили, чтобы атаковать кавалерийские резервы Жюно, и подверглись ужасному обращению — потеряли примерно одного человека из четырех. Столь же иррациональный подвиг произошел при Талавере, где 23-й легкий драгунский полк, отбитый в атаке против каре, которое им было приказано атаковать, устремился дальше, против трех последовательных линий французской кавалерии, прорвал первую, был остановлен второй и был вынужден отрезать себе путь назад с потерей 105 пленных и 102 человек убитыми и ранеными - почти половины своей численности. Столь же стремительной была атака 13-го легкого драгунского полка на Кампо Майор 25 марта 1811 года, когда этот полк, разбив в честном бою французский 26-й драгунский полк и захватив восемнадцать осадных орудий, отступавших по дороге, проскакал галопом более шести миль, добывая саблями рассеянных беглецов, пока они не были фактически остановлены огнем крепости Бадахос, к самому гласису которой они пробивались. Захваченные орудия, тем временем, были подобраны французской пехотой, отступавшей по большой дороге вслед за своей разбитой кавалерией, и унесены в целости — 13-й не оставил ни одного человека для их охраны. Здесь, во всяком случае, были понесены небольшие потери, хотя и был упущен крупный захват, но аналогичная тактика галопа 11 июня 1812 года в битве при Магилье привела к полной катастрофе. Тяжелая бригада Слейда (1-й королевский и 3-й гвардейский драгунский) сошлась с французской бригадой Л'Алемана, 17-м и 27-м драгунскими полками. Все они подтянулись, но Л'Алеман разместил одну эскадрилью в резерве далеко за линией неба, вне поля зрения. Слейд бросился в атаку, разбил пять эскадронов, непосредственно противостоявших ему, а затем (без переформирования и без какой-либо поддержки) галопом проскакал за разбитой французской бригадой в полном беспорядке миле, пока не поравнялся с никем не замеченным резервным эскадроном, который атаковал его с фланга и тыла: остальные французы остановились и повернули; Слейд не выдержал и был разбит, потеряв 40 человек убитыми и 118 пленными. Веллингтон написал по этому поводу Хиллу: “Я никогда не был так раздражен, как романом Слейда. Наши кавалерийские офицеры усвоили навык бросаться галопом на все подряд. Они никогда не обдумывают ситуацию, никогда не думают о маневрировании перед лицом врага, никогда не отступают и не создают резерв. Вся кавалерия должна атаковать в две линии, и по крайней мере одной трети следует заранее приказать подтянуться и перестроиться, как только атака будет предпринята, а враг разбит”. 100

В первых трех из упомянутых выше случаев дискредитация поспешного и бесцеремонного предъявления обвинения ложится на офицеров полка, в последнем - на бригадного генерала Слейда. Следует признать, что Веллингтон был не очень доволен своими старшими кавалерийскими офицерами — Эрскин, Лонг и Слейд имеют о них плохие отзывы, особенно о последнем, чьи действия, кажется, чуть не разбили сердце живому и умному автору дневников Томкинсону из 16-го легкого драгунского полка, который имел несчастье долго служить под его началом. Степлтон Коттон, командующий всей кавалерией, был всего лишь посредственностью; каждый помнит нелестные замечания своего старого начальника о нем по поводу осады Бхартпура. Человеком, который должен был командовать британской кавалерией на протяжении всей войны, был лорд Пейджет, который с таким замечательным мастерством и отвагой руководил пятью кавалерийскими полками сэра Джона Мура во время кампании в Ларунье: его две небольшие битвы при Саагуне и Беневенте были в своем роде образцами. Но, к несчастью, он больше не работал до Ватерлоо, где его деяния под новым именем лорда Аксбриджа достаточно хорошо известны. Но вопрос о старшинстве и несчастливая семейная

ссора с Уэллсли (сбежав с женой брата Веллингтона Генри, он впоследствии дрался на дуэли с ее братом) помешали ему попасть на службу к герцогу в насыщенные событиями 1809-14 годы. Из генералов кавалерии, принимавших участие в великих кампаниях, после Педжета самым успешным был Ламли, на счету которого два очень замечательных достижения — сдерживание превосходящей кавалерии Сульта во время кризиса в битве при Альбуэре и битва при Усагре 25 мая 1811 года, отмеченная выше. Противник счел это настолько замечательной работой, что она подробно описана в "Истории кавалерии" Пикара, единственной среди всех британских успехов в войне на полуострове.

Победа Ламли при Усагре

На это нужно обратить особое внимание, поскольку об этом почти не упоминается в депешах Веллингтона и очень кратко говорится Нейпиром. Султ послал Латур-Мобура оттеснить передовые посты Бересфорда и выяснить его позицию. У него были очень большие силы — две бригады драгун и четыре полка легкой кавалерии, всего 3500 сабель. У Ламли, который прикрывал передвижения Бересфорда, было всего три британских полка (3-й гвардейский драгунский, 4-й драгунский, 13-й легкий драгунский), 980 сабель, и португальские бригады Мэддена и Отуэя, 1000 сабель, с 300 испанскими кавалеристами Пенне Вильмура. Желая как можно дольше сдерживать наступление французов, он занял позицию за мостом и деревней Узагре, ущельем, через которое французы должны были пройти, чтобы добраться до него. Латур-Мобур, полагаясь на огромное численное превосходство, которым он обладал, был безрассуден в своей тактике. Отправив бригаду легкой кавалерии обойти позиции Ламли очень длинным обходом и дальними бродами, он втолкнул три другие свои бригады в деревню, приказав перейти мост и теснить врага спереди. Ламли не показывал ничего, кроме линии португальских "ведетт", отведя свои эскадрильи за линию неба. Он был проинформирован о готовящемся повороте, но, зная местность лучше французов, понимал, что это займет гораздо больше времени, чем ожидал противник, поэтому решил удерживать свою позицию до последнего момента. Он позволил двум передовым полкам драгун Брона перейти мост и построиться на ближайшем берегу, а затем, когда третий полк переправлялся через реку, а вторая бригада входила в лонг-виллидж, внезапно атаковал первую бригаду с шестью английскими эскадронами впереди и шестью португальскими эскадронами на правом фланге. Два развернутых французских полка были отброшены на третий, который застрял на мосту. Следовательно, они не могли уйти, чтобы переформироваться и сплотиться, дорога позади них была полностью перекрыта, в то время как вторая бригада в деревне не могла добраться до фронта, чтобы оказать помощь. Все, что могли сделать Латур-Мобур, - это спешиться со своего передового полка и занять с ним дома по обе стороны моста, откуда они огнем из карабинов сдерживали победоносных британцев. Ламли, тем временем, на досуге расправился с тремя разгромленными полками, убив или ранив 250 человек и захватив 80 пленных, прежде чем разбитым кораблям удалось вновь переправиться через реку. Латур-Мобур, предупрежденный этой кровавой встречей, в будущем не выказывал ни малейшего беспокойства по поводу наступления на кавалерийский заслон Бересфорда.

Следует отметить, что как не поступать в точно такой же ситуации, показали 23 октября следующего, 1812 года два британских бригадира, которым было поручено прикрывать отступление армии Веллингтона из Бургоса, они удерживали позицию за мостом Вента-дель-Посо или Вилладриго, когда часть французской кавалерии, непосредственно противостоявшая им, бригада Фаверо, численностью в десять эскадронов, спустилась в ущелье. Фаверо, как и

Латур-Мобур при Узагре, предпринял рискованный шаг, приказав своему передовому полку перейти мост рысью и построиться на другой стороне. Этот Бок, старший британский бригадный генерал, допустил это и был прав, поступив так, поскольку подходящим моментом для нанесения удара было то, что противник должен был перебросить половину или три четверти своих людей через мост, а остальные закрепиться на нем. Но Бок упустил психологический момент и не атаковал до тех пор, пока французская бригада почти полностью не переправилась и не смогла выставить против него почти равные силы. Затем, двигаясь слишком поздно, с несколькими эскадрильями бригады Энсона в поддержку, он вступил в отчаянный постоянный бой с врагом, в котором оба противника очень сильно пострадали. Но когда все полки британского и германского легионов уже вступили в бой, крайние французские эскадроны, которые перешли мост под прикрытием боевой линии, атаковали Бока с фланга и развернули одно из его крыльев; британской кавалерии пришлось уступить дорогу и отступить, пока ее не прикрыла пехота 7-й дивизии. Если бы Бок бросился в атаку пятью минутами раньше, он бы зажал французскую колонну в середине и, вероятно, уничтожил передовые полки. Французская бригада и так потеряла 18 офицеров и 116 рядовых, Энсон и Бок - около 200, среди которых было четыре офицера и 70 человек пленными.

Сюрприз Арройо Дос Молиноса

В целом, я склонен думать, что Веллингтон был несколько строг со своей кавалерией. Конечно, у его критики были веские основания. Некоторым из его бригадиров не хватало решительности и ума, а у многих офицеров его полка была склонность к безрассудным атакам прямо вперед. Но, беспристрастно наблюдая за работой кавалерии с обеих сторон, невозможно сказать, что французским маршалам служили лучше. В анналах британских кампаний 1809-14 годов нет ни одного яркого примера, когда армия или даже дивизия были застигнуты врасплох из-за отсутствия бдительности со стороны кавалерийского прикрытия, в то время как с французской стороны можно привести несколько таких примеров — особенно удивление Нея при Фос д'Арусе 15 марта 1811 года, вызванное тем, что его легкая кавалерия под командованием Ламотта совершенно не следила за дорогами, или более известный разгром Жирара при Арройо-дус-Молинос позже в том же году. В том случае пехотная дивизия, сопровождаемая не менее чем двумя бригадами легкой кавалерии, была атакована на рассвете и рассеяна с большими потерями из-за того, что кавалерийские бригадиры Брон и Бриш не приняли никаких мер предосторожности, чтобы нащупать врага. Они, как и пехота, были совершенно застигнуты врасплох, будучи застигнутыми с расседланными лошадьми, а люди рассеялись по домам; следовательно, егеря были взяты в плен в большом количестве в результате внезапного наскока Хилла, один из бригадиров и полковник кавалерии были среди 2000 взятых невредимых пленных. Такого масштабного сюрприза, как этот, нет ни в одном послужном списке британской кавалерии. Худшими из известных мне были действия эскадрона 13-го легкого драгунского полка 6 апреля 1811 года близ Элваса и очень похожего эскадрона 11-го легкого драгунского полка двумя месяцами позже, недалеко от того же места. В последнем случае, как говорят, катастрофа произошла из-за того, что полк только что прибыл из Англии после долгой службы дома, и командовавший им капитан потерял голову из-за явной неопытности. В связи с этим я могу процитировать следующую содержательную фразу из Дневника Томкинсона, который написал самый подробный отчет о жизни кавалерийского полка в те насыщенные событиями годы. “Попытка дать солдатам или офицерам какое-либо представление о службе на заставе в Англии считалась абсурдной, и когда они приезжали за границу, им приходилось всему учиться. Дело в том, что учить их было некому. Сэр Стэплтон Коттон (впоследствии командовавший

кавалерией в Испании) однажды попробовал провести эксперимент с 14-м и 16-м легкими драгунскими полками близ Вудбриджа в Саффолке. В конце концов, он заставил ведетты предполагаемого противника и свои собственные смотреть в одну и ту же сторону. В Англии я никогда не видел и не слышал о том, чтобы кавалерию учили атаковать, рассредоточиваться и переформировываться, что на глазах у врага является самым важным. Наклоны по прямой вправо или влево очень полезны, а это почти никогда не практиковалось”. В 1819 году он добавляет: “Вернувшись на службу в Англию после заключения мира, мы все продолжили старую систему, каждый полк оценивал свои заслуги по простой скорости передвижения. Ни одна идея, подсказанная нашим военным опытом, не была запомнена, и через пять лет нам придется начинать все сначала, если нас пошлют за границу”.

Короче говоря, правильной работе кавалерии, помимо простой атаки, нужно было учиться на испанской земле, когда какой-либо полк высаживался. Но в конце концов это было подхвачено лучшим корпусом, и в целом работа аванпостов и разведки армии полуострова, похоже, была выполнена хорошо, хотя некоторые полки имели лучшую репутацию, чем другие. Многие в работе такого рода говорит само за себя. Самым замечательным достижением во время войны, несомненно, было достижение 1-го гусарского полка КГБ, которому впоследствии помогли 14-й и 16-й легкие драгунские полки, которые в течение четырех месяцев (с марта по май 1810 г.) удерживали линию Агуэда и Азава длиной 40 миль против четырехкратного превосходства французской кавалерии, ни разу не пропустив вражескую разведку, не потеряв ни пикета, ни даже колонны и не отправив ложную информацию генералу Кроферду, фронт которого они прикрывали.

Кавалерийская тактика Веллингтона

Во вступительных словах этой главы был сделан намек на меморандум Веллингтона о тактическом управлении кавалерией. Она была издана только после Ватерлоо в форме “Инструкций офицерам, командующим кавалерийскими бригадами Оккупационной армии”, но, без сомнения, отражает тактику, которую он выработал на основе своего опыта на полуострове.¹⁰¹ Слишком длинная, чтобы приводить ее полностью, ее стоит проанализировать. Заголовки выглядят следующим образом:—

- (1) Всегда необходимо сохранять резерв, чтобы улучшить успех или покрыть неудачную атаку. Этот резерв должен составлять не менее половины общего количества сабель, а иногда и целых две трети от него.
- (2) Обычно кавалерийские силы должны строиться в три линии: первая и вторая линии должны быть развернуты, резерв может быть в колонне, но так, чтобы его можно было легко перестроить в линию.
- (3) Вторая линия должна находиться на расстоянии 400 или 500 ярдов от первой, резерв на таком же расстоянии от второй линии, если кавалерия собирается действовать против кавалерии. Считается, что это расстояние не слишком велико, чтобы помешать тыловым линиям усилить преимущество, полученное линией фронта, и не слишком мало, чтобы помешать побежденной линии фронта пройти между интервалами своих опор, не нарушив их порядка.
- (4) Однако, когда кавалерия атакует пехоту, вторая линия должна находиться всего в 200 ярдах позади первой, цель состоит в том, чтобы она была в состоянии нанести свой удар без

промедления по батальону, который израсходовал свой огонь на первую линию и не будет готов ко второй атаке, быстро продвигающейся вслед за первой.

(5) Когда первая линия начинает атаку галопом, вспомогательные части должны следовать только шагом, чтобы их не унесло вперед в спешке, и они не смешались с линией впереди в начале атаки. Порядок в опорах должен поддерживаться строго — они бесполезны, если попали в переплет, когда их хотят поддерживать и прикрывать отмеченную первую линию.

Замечание о лошадях может завершить наши наблюдения над кавалерийской стороной тактики Веллингтона. В бесчисленных местах, в дневниках не меньше, чем в депешах, мы находим жалобы на то, что кавалерист 1810 года, когда за ним не очень хорошо ухаживали его офицеры, был плохим мастером верховой езды — небрежно относился к кормлению своего скакуна, а тем более к седлу и тому подобному. Часто отмечают, что единственный немецкий полк легкой кавалерии в первоначальной армии полуострова, 1-й гусарский королевский германский легион, подал пример, который некоторые другие полки могли бы с успехом скопировать, будучи гораздо более добросовестными и внимательными к своим животным. Интересно обнаружить, что в отчетах французской кавалерии содержатся точно такие же жалобы, а количество спешившихся солдат, указанное во французских полковых штатах из-за больных лошадей, было таким же большим, как и у нас. Несколько раз я встречал сообщения о том, что, когда значительное количество французских кавалеристов попадало в плен, довольно небольшую часть их лошадей удавалось вернуть в качестве запасных для их похитителей из-за ужасного состояния, в котором они были найдены. Дело в том, что климат и корм, по-видимому, были одинаково вредны для английских и французских лошадей: рацион из рубленой соломы и зеленой кукурузы — часто все, что можно было достать, — был смертельно опасен для лошадей, привыкших к стабильному рациону в Англии или Франции. Веллингтон иногда действительно импортировал сено и овес из Англии; но их нельзя было достать далеко в глубь страны, и они служили только для полков, которые случайно оказались на зимних квартирах у моря. Практически все восстановленные лошади были привезены из Англии — португальских и испанских лошадей много раз испытывали и находили неподходящими. В 1808 году 20-й легкий драгунский полк был отправлен без лошадей, получив приказ сесть на коней в Португалии; но эксперимент полностью провалился.

Артиллерийская тактика Веллингтона

Требуется лишь краткое замечание относительно использования Веллингтоном артиллерии. В первые годы своего командования он был почти так же слаб в этом виде войск, как и в кавалерии. В 1809 году в распоряжении каждого дивизиона не было ни одной британской батареи. Но португальская артиллерия, многочисленная и вскоре ставшая очень эффективной, после 1810 года в основном использовалась для пополнения британцев. И все же, даже когда она стала пропорциональна численности всей его армии, герцог не использовал ее в стиле Бонапарта. Он никогда не работал с огромными массами орудий, маневрирующих на передовой и поддерживающих атаку, как это делал император. Только при Буссако, Виттории и Ватерлоо мы находим что-либо похожее на сосредоточение множества батарей, играющих важную роль на линии фронта. Обычно герцог предпочитал работать с небольшими подразделениями — отдельными батареями, — размещенными в хорошо выбранных местах и часто замаскированными до критического момента. Они были разбросаны по передней части позиции, а не сосредоточены, и в большинстве случаев должны рассматриваться как ценная

поддержка пехоты, которая должна была выиграть сражение, а не как подразделение, предназначенное для достижения своих независимых целей и принятия особого участия в войне. О нескольких победах Наполеона мы можем сказать, что это были артиллерийские сражения; ничего подобного нельзя сказать ни о каких триумфах Веллингтона, хотя орудия всегда были хорошо расставлены и использовались с наибольшей пользой, чему свидетельствуют Буссако, Фуэнтес де Оньоро и Ватерлоо.

Что касается использования Веллингтоном осадной артиллерии, мы должны поговорить об этом в следующей главе.¹⁰² Это было, не по его вине, самым слабым местом в его армии: действительно, до 1811 года у него никогда не было британского бронепоезда, и в первых осадах Бадахоса он работал *in forma pauperis*, с подручными материалами, в основном португальскими, и очень низкого качества. История не из приятных; но следует сказать, что местные власти, а не Веллингтон, были ответственны за любые проверки, которым подвергались. Великий полководец, который не является специалистом по артиллерии или инженерному делу, должен доверять своим офицерам-ученым и, конечно, не может нести ответственность за нехватку людей и материалов из-за скупости своих хозяев дома.

Вот и все о тактике великого герцога. Сейчас мы рассмотрим его систему военной организации - внутренний механизм его армии. Но прежде чем заняться этим, нам придется уделить некоторое внимание его старшим лейтенантам, чьи личности сыграли важную роль в управлении его армией.

ГЛАВА VI

ЛЕЙТЕНАНТЫ ВЕЛЛИНГТОНА — ХИЛЛ, БЕРЕСФОРД, ГРЭМ

Не может быть более сильного контраста, чем между впечатлением, которое Железный герцог произвел на своих старых последователей, и тем, которое произвел его доверенный и наиболее ответственный лейтенант сэр Роулэнд Хилл. Хилл был благословлен, и о нем доброжелательно вспоминали, куда бы он ни пошел. Он был человеком, до краев пропитанным человеческой добротой, и упоминание о нем в любом дневнике обычно сопровождается каким-нибудь анекдотом о глубокомысленном поступке, каким-нибудь дружеским словом или проявлением непреднамеренной, часто домашней благотворительности. Раненый офицер из Албуэры, который с трудом тащится обратно в Лиссабон, докладывает о себе Хиллу, проходя мимо его штаба. На следующее утро “генерал сам проводил меня в дорогу, чтобы вручить на прощание корзинку с чаем, сахаром, хлебом, маслом и большим пирогом с олениной”.¹⁰³ Благодарный сержант, который вез письмо Хиллу в 1813 году, вспоминает, что он не ожидал ничего, кроме кивка и ответа от такого великого человека, и был удивлен, обнаружив, что генерал приказал своему слуге накормить посланца ужином, устроил его на ночлег, а на следующее утро набил его рюкзак хлебом и мясом, подарил ему доллар и посоветовал ему было где переночевать на обратном пути.¹⁰⁴ Он мог напоить измученного рядового из банки, которую только что принесли для его личного употребления, или найти время, чтобы дать дружеский совет незнакомому подчиненному. Этот простой, набожный, внимательный старый офицер, чьи более

поздние портреты обнаруживают явное сходство с мистером Пиквиком, был повсюду известен среди рядовых как “папочка Хилл”. Офицер 2-й дивизии резюмирует свой характер в хорошо написанном письме следующим образом¹⁰⁵: “Основой всей его популярности в войсках были его безупречная репутация и героический дух, но его популярность окрепла и возросла, как только его узнали лично. Он был воплощением английского сельского джентльмена: для солдат, приехавших из сельских районов старой Англии, он олицетворял дом; его свежий цвет лица, безмятежное выражение, добрые глаза, приятный голос, отсутствие всякой парадности или шума в его манерах приводили их в восторг. Недовольство сэра Роуланда было для них хуже, чем самый громкий гнев других генералов. Его внимание ко всем их нуждам и удобствам, его визиты к больным в госпитале, его бдительная защита бедных крестьян, его справедливая суровость к мародерам, его великодушное обращение с такими французскими пленными и ранеными, которые попали к нему в руки, сделали для него теплое местечко в сердцах его солдат; и там, где сейчас рассеяны выжившие из этой армии, несомненно, имя и образ Хилла до сих пор бережно хранятся”.

Заслуги сэра Роуланда Хилла

Описание звучит скорее как описание доброжелательного старого сквайра, чем как описание выдающегося генерал-лейтенанта. Тем не менее, Роулэнд Хилл был великим военачальником. Веллингтону он нравился как подчиненный из-за его необычайной пунктуальности в повиновении и полного отсутствия в нем того беспокойного личного честолюбия, которое заставляет многих способных людей больше думать о возможностях отличиться, чем о точном выполнении данных им приказов. Где бы ни находился Хилл, он был уверен, что ничем не будет рисковать и ничто не будет забыто. Его прекрасное сочетание интеллекта и исполнительной власти не раз приносило облегчение его начальнику в критический момент, особенно во время марша к Буссако в сентябре 1810 года, когда для планов Веллингтона было крайне важно, чтобы его собственные отдельные силы под командованием Хилла присоединились к нему, как только аналогичные отдельные силы Массены под командованием Ренье достигли основных сил французской армии. Хилл совершил долгий и трудный марш по гористой местности с завидной скоростью и был должным образом выстроен за день до битвы при Буссако, которая, по здравому смыслу, не состоялась бы, если бы он опоздал.

Этого можно было ожидать от человека с таким характером, как у Хилла; но что еще более удивительно, так это то, что, когда ему доверили — что не часто случалось *прирежиме* Веллингтона — командование, в котором ему разрешили перейти в наступление самостоятельно, он проявил не только организаторскую силу, но и яростную движущую энергию, которую не смог бы превзойти ни один из наиболее нетерпеливых и беспокойных подчиненных Веллингтона. Быстрое преследование врага в движении не входило в число отличительных черт великого герцога; его часто, и небезосновательно, обвиняли в том, что он не извлекает максимальной выгоды из своих побед. Но быстрое преследование Хиллом Жирара в ноябре 1811 года, закончившееся полной неожиданностью и рассеиванием или пленением французских войск в Арройо-дус-Молинос, было работой, которую по скорости и непрерывности передвижения по горным дорогам в отвратительную дождливую погоду не смогли бы превзойти лучшие из лейтенантов Наполеона. Другим ударом, отличавшимся самой похвальной быстротой и отвагой, был штурм фортов Альмараз пять месяцев спустя, когда Хилл с незначительными силами ворвался прямо в центр французских военных городищ и разрушил важнейший мост, по которому Султ и Мармон обычно сотрудничали. Форты были взяты

штурмом, мост полностью разрушен, а Хилл оказался вне досягаемости еще до того, как соседние французские дивизии были наполовину сосредоточены.

Но венцом славы службы Хилла на полуострове стало единственное генеральное сражение, в котором ему посчастливилось самостоятельно командовать. Это было в конце войны, в битве при Сен-Пьере, близ Байонны. Он формировал правый фланг линии Веллингтона, когда его связь с основной армией была прервана подъемом реки Нив, которая унесла мосты, по которым он сообщался с основными силами. Сульт, перебросив основную часть своих полевых сил затем перед Веллингтоном, через мосты в городе Байонна, обрушился на Хилл пятью дивизиями. У Хилла было только два, теми, которыми он командовал последние три года, 2-й и португальский под командованием Гамильтона (ныне Ле Кора). С 15 000 человек он вел оборонительный бой против 30 000 большую часть короткого декабрьского дня. Его резервы были израсходованы, каждый полк много раз атаковал, потери были тяжелыми, и казалось едва ли возможным выстоять против таких сил. Но Хилл сделал это, и, наконец, ближе к вечеру начали появляться подкрепления с другого берега реки Нив, и Сульт отказался от своей атаки и отступил, разбитый. Это было одно из самых отчаянных сражений в войне на полуострове, и Хилл был душой обороны. Его видели в любой опасной точке, и он неоднократно лично возглавлял сплоченные полки, чтобы спасти то, что казалось проигранным сражением. Очевидцы говорят о нем как о совершенно изменившемся человеке, утратившем свое обычное спокойствие — воплощение воинственной энергии. Было даже слышно, как он ругался, что было настолько редким явлением, что мы уверены, что это отступление от его привычных привычек имело место только дважды за всю войну. Первый случай произошел в отчаянной рукопашной схватке во время ночной атаки, с которой началась битва при Талавере.

ТАБЛИЧКА II.

Лорд Хилл, Г.К.Б.

Ясно, что Хилл был человеком, способным на высочайшие военные подвиги, который мог бы зайти очень далеко, если бы ему дали шанс полностью независимо командовать. Но такова была не его удача, и в своей последней кампании, при Ватерлоо, он был почти потерян из виду как командир корпуса, войска которого действовали всегда под непосредственным наблюдением Веллингтона. Он дожил до глубокой старости, был назначен главнокомандующим британской армией, когда Веллингтон отказался от должности, приняв пост премьер-министра в 1827 году, и занимал его в течение нескольких месяцев после своей смерти в 1842 году. Почти последними записанными словами доброго старика на его смертном одре были: “Мне есть за

что быть благодарным; я верю, что у меня нет врага во всем мире”. И это было буквально правдой: знать “папочку Хилла” означало любить его.

Лорд Бересфорд

Другой лейтенант, которому Веллингтон неоднократно поручал полунезависимое командование, не был ни таким безупречным, ни таким способным, как Роуленд Хилл. И все же Уильяма Карра Бересфорда ни в коем случае нельзя было презирать как солдата.

Незаконнорожденный сын знатного ирландского пэра, он был зачислен в маршевый полк в семнадцать лет и прошел огромную службу даже в те тревожные дни войны за независимость, когда британский офицер мог быть быстро отправлен на любой из четырех континентов. Так было в буквальном смысле с Бересфордом, который работал в Индии, Египте, на мысе Доброй Надежды, в Буэнос-Айресе и Португалии в течение восьми лет между 1800 и 1808 годами.

Когда португальское правительство попросило британского генерала реорганизовать их полуразрушенную армию в 1809 году, Бересфорд был выбран — отчасти потому, что у него была репутация хорошего сторонника дисциплины, отчасти потому, что он знал португальский язык, поскольку много месяцев служил гарнизоном на Мадейре, но в основном (как нам сказали) из-за политического влияния. Семья его отца никогда не теряла его из виду, и его хорошо “подталкивал” клан Бересфордов, которые были большой силой в Ирландии, и с ними приходилось мириться всем правительствам.

Если это назначение командовать португальской армией было работой, мы можем сказать (с точки зрения Гилберта), что с точки зрения организации это была “тоже хорошая работа”. Ибо он оказал выдающуюся услугу в создании порядка из хаоса и за короткий срок в год сформировал хорошо дисциплинированные войска, способные достойно выступить наравне с британской армией, и заслужил похвалы Веллингтона и всех других справедливых критиков за участие, которое они приняли в Буссако, своем первом сражении. Новая армия создавалась не без особых трений и недовольства: увольнение десятков неспособных офицеров — многие из них были *фидалго* с большим влиянием при дворе — продвижение молодых и неизвестных людей на их места, введение строгости воинской повинности в стране, где она существовала теоретически, но всегда уклонялась на практике, снискало Бересфорду огромную непопулярность, с которой он столкнулся самым бесстрастным и непреклонным образом. Наконец португальская армия набралась сил и научилась не только сражаться, но и повиноваться. Обучение проводилось самыми радикальными методами: Бересфорд увольнял офицеров и расстреливал дезертиров или мародеров рядового состава, с жестким пренебрежением как к личному влиянию и влиянию двора, так и к общественному мнению, чего не смог бы превзойти сам Веллингтон. Он действительно был честным, непреклонным и трудолюбивым администратором; но на этом, а также на личном мужестве, которое доходило почти до предела, его способности закончились. Его добродетель в глазах Веллингтона заключалась в том, что после короткой борьбы желаний он полностью и очень мудро подчинился тому, чтобы быть простым инструментом своего более могущественного коллеги, и делал все, что ему говорили, наилучшим образом используя португальскую армию в качестве вспомогательной силы для британцев и не делая попыток утвердить независимую власть. Вместо того чтобы держаться под его началом единым корпусом, она была разделена на бригады, каждая из которых, за редким исключением, была просто придана британской дивизии.

Ограничения Бересфорда

Несомненно, именно потому, что Бересфорд показал себя таким послушным и лояльным и проявил такое полное самоотречение, Веллингтон как в 1809, так и в 1811 годах доверил ему командование большими отдельными силами на расстоянии от основной армии. Но маршал ни в коем случае не справился с возложенной на него задачей, и после неудачного эксперимента с первой осадой Бадахоса и жестокой битвы при Альбуэре Веллингтон отстранил его от отдельного командования под предлогом того, что в Лиссабоне требовалась большая организованность, и держал его либо там, либо с основной армией (где у него не было возможности отдельного командования) до последнего года войны. В 1814 году ему на несколько недель было поручено руководство экспедицией в Бордо, но поскольку противник не оказал сопротивления — а так и должно было быть, как хорошо знал Веллингтон, — это не возлагало на него большой ответственности. В течение трех последних лет войны он действительно находился в довольно уединенном и двусмысленном положении, как номинальный главнокомандующий армией, которая не рассматривалась как единое целое, а была рассеяна за границей среди британских дивизий. Иногда его использовали в качестве командира корпуса под личным присмотром Веллингтона, как, например, в Тулузе, где он возглавил поворотную колонну 4-й и 6-й дивизий, которая прорвала фланговую оборону Сульта. Для выполнения такой задачи, когда требовались только упорные бои и подчинение приказам, он был полностью компетентным лейтенантом. Именно оказавшись брошенным на произвол судьбы и вынужденным самостоятельно принимать решения, он показал себя настолько неполноценным по сравнению со своим преемником Хиллом.

Бересфорд был очень высоким и крепким мужчиной геркулесовой силы — все знают о его личной встрече с польским уланом при Альбуэре: он парировал выпад поляка, схватил его за воротник и одним движением своей мощной руки вышиб из седла прямо под ноги лошади. Черты его лица были необычайно грубыми и неправильными, а злобный вид придавал его лицу обесцвеченный и бесполезный левый глаз, который был поврежден в результате несчастного случая со стрельбой, когда он был совсем молодым человеком. Говорят, что блеск этого поврежденного зрительного нерва приводил в замешательство преступников, которых ему приходилось упрекать и увещавать, и эту задачу он всегда выполнял со скрупулезностью. За пять лет своего командования португальской армией он был вынужден растоптать так много мелких и крупных правонарушений, что пользовался всеобщей непопулярностью. Но я никогда не находил ни одного случая, в котором его можно было бы обвинить в несправедливости или притеснении; факт заключался в том, что ему приходилось иметь дело с огромным количеством неудовлетворительных подчиненных. Его собственный штаб и лучшие офицеры португальской службы достаточно хорошо относились к нему, и ценность его работы не может быть слишком высоко оценена. Он мало контактировал с британской частью армии, но я отмечаю, что 88-й полк, которым он командовал до начала войны в Испании, предпочитал его своему более позднему командиру Пиктону и сохранил о нем добрые воспоминания. Существует исключительно мало историй или анекдотов, связанных с его именем, из чего я делаю вывод, что в британских военных кругах его не слишком любили и не слишком ненавидели.

Ранняя карьера Грэма

Гораздо более колоритной фигурой является третий из трех генералов, которым Веллингтон в тот или иной момент поручил командование отдельным корпусом, — Томас Грэм из Балгована,

позже получивший титул лорда Линедока. Я уже упоминал о нем в своем предисловии как о в некотором смысле наиболее типичной фигуре эпохи — олицетворении всего того класса британцев, которые подняли оружие против Франции, когда разразилась война за независимость, выполняя простой долг, возложенный на них в дни, когда страна и Корона были в опасности. Он видел якобинскую толпу лицом к лицу в ее неистовстве, в достаточно ужасной форме. В 1792 году он увез свою больную жену — красавицу миссис Грэхем с хорошо известной картины Гейнсборо - на Ривьеру в тщетной надежде, что ее чахотку удастся остановить. Тем не менее она умерла, и он отправился домой, в Шотландию, с ее гробом, чтобы положить ее в могилу своих предков. По пути он проезжал через город, где безумная охота за невозможными роялистскими заговорами была в самом разгаре. Толпа пьяных национальных гвардейцев была охвачена идеей, что он переодетый эmissар, несущий оружие аристократам. Гроб, заявили они, вероятно, был полон пистолетов и кинжалов, и пока несчастный муж тщетно пытался удержать их, они вскрыли его и обнажили давно умершее тело его жены. После этого инцидента Томас Грэхем вполне естественно пришел к мысли, что его единственный долг в жизни - расстреливать якобинцев. Когда он похоронил свою жену в Метвене, он был готов к выполнению этого долга, и всего через пять месяцев после этого разразилась война с Францией. Хотя он был гражданским лицом, членом парламента от вигов, и ему было сорок четыре года, хотя он ничего не смыслил в военном деле и никогда не слышал выстрела в гнев, он сразу же отправился на фронт и участвовал в осаде Тулона в качестве своего рода добровольного адъютанта лорда Малгрейва. Странно, что и Юлий Цезарь, и Оливер Кромвель начинали в том же возрасте солдатами. Это была первая из бесконечной череды кампаний против французов; Грэм получил квазиевоенный статус, создав за свой счет 90-й пехотный полк, или пертширских добровольцев, в награду за который он был произведен в почетные полковники. Получив любопытное звание почетного полковника — ниже он никогда не был — он стал британским атташе в австрийской армии Италии, получив этот пост потому, что англичане, говорящие как по-немецки, так и по-итальянски, были редкостью. Он был свидетелем неудачных кампаний 1796-97 годов под командованием Болье, Вюрмзера и эрцгерцога Карла, таким образом, будучи одним из немногих британских наблюдателей, которые были свидетелями первых стратегических эссе Бонапарта. Затем он занимал штабные должности во время операций на Менорке и Мальте и снова служил с австрийцами в Италии в 1799 году. После долгой службы, последней из которых была служба британским атташе в армии Кастаньоса в Испании, во время кампании при Туделе, ему, наконец, сообщили, что, несмотря на все прецеденты, из звания почетного полковника он был произведен в генерал-майоры регулярной армии за его долгую и выдающуюся службу. Вплоть до 1809 года он повидал больше сражений, чем выпадает на долю большинства мужчин, не имея ни одного надлежащего военного звания, поскольку его звание полковника от 1794 года, которое он занимал в течение пятнадцати лет, было лишь титульным и временным и не давало ему постоянного звания. Технически он никогда не был кем-то большим, чем гражданским лицом с почетным званием!

Однако в 1810 году ему был доверен важный пост командующего британскими войсками в Кадисе, и он начал принимать важное участие в войне на полуострове. Сейчас ему было шестьдесят два года, и по понятиям восемнадцатого века он считался бы не выслужившим службы. Но его железная фигура не подавала признаков приближающегося увядания, никакая усталость или лишения не могли утомить его, и он был одним из самых отважных наездников в армии. На его портрете изображен мужчина с правильным овалом лица, довольно меланхоличным выражением — веки печально опущены - и густыми седыми волосами,

довольно длинными. Рот у него твердый и непреклонный, общее выражение лица очень решительное, но немного усталое — выражение человека, который почти двадцать лет вел крестовый поход против врага, с которым нельзя заключать мир, и который еще не видит конца, но намерен сражаться до упаду. Он был прекрасным ученым, знал шесть языков, объездил всю Европу и был таким мастером своего пера, что и его депеши, и его личные письма, и дневник являются одними из наиболее хорошо написанных и интересных оригинальных материалов, существующих за этот период.

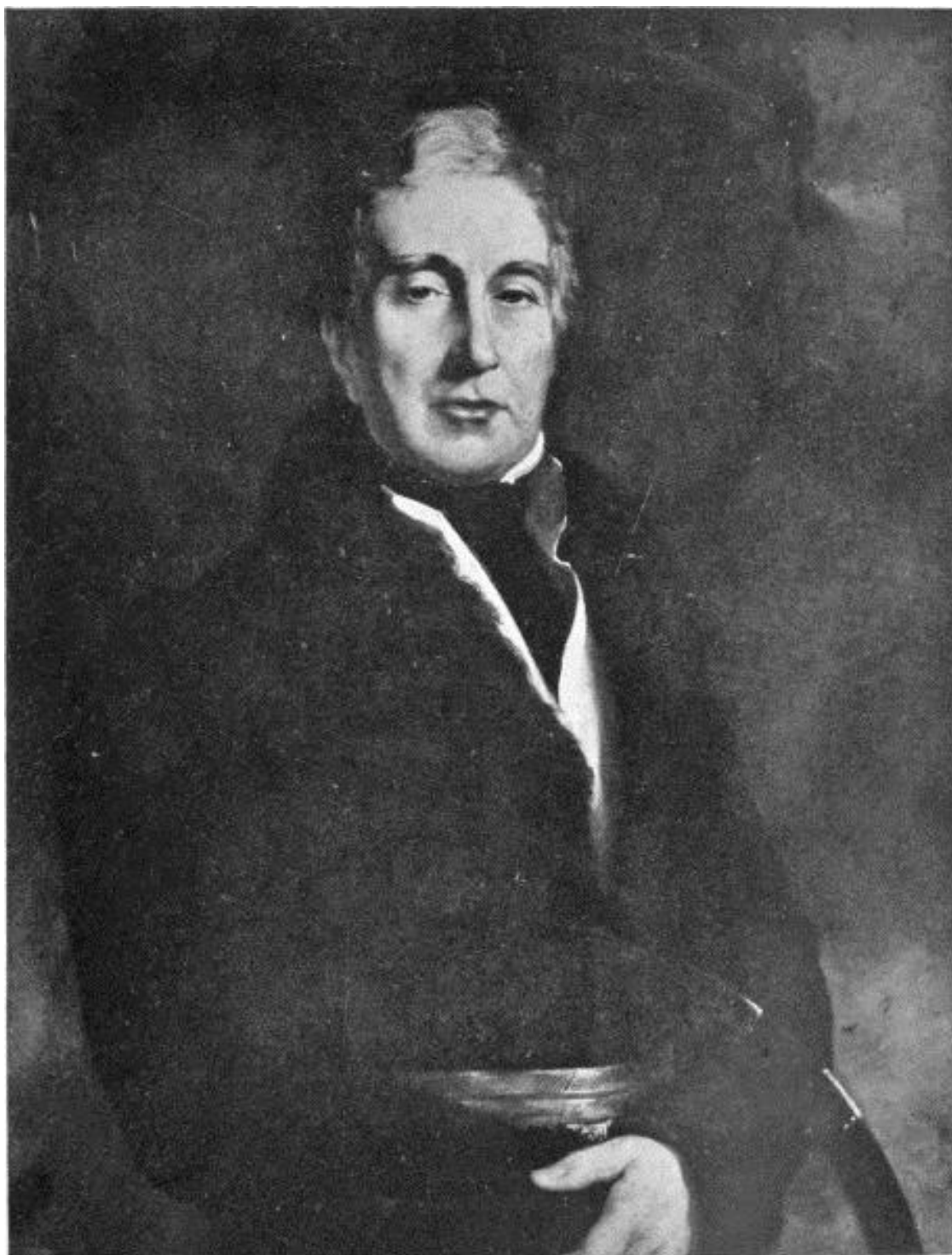
Грэм в " Баррозе "

Венцом подвига Грэхема была победа, которую он одержал, несмотря на все шансы против него, при Баррозе 7 марта 1811 года, замечательный пример триумфа острого глаза и внезапного решительного удара, несмотря на большие шансы. Застигнутый на марше внезапной фланговой атакой маршала Виктора из-за идиотских действий испанского генерала Ла Пенья, по приказу которого он служил, Грэхем, вместо того чтобы ждать нападения, которое было бы смертельным, сам перешел в наступление. Его войска были растянуты на марше через лес, и у него не было времени выстроиться в правильный боевой порядок, потому что французы буквально ринулись на него. Виктор думал, что перед ним легкая победа над силой, застигнутой врасплох в невозможной позе. Но Грэм, выставив сильную линию стрелков, чтобы сдерживать врага на несколько необходимых минут, выстроил своих людей на опушке леса, не обращая внимания на единство бригады или даже батальона, и атаковал французов с такой внезапной стремительностью, что по-настоящему удивился Виктор, а не он сам. Враг был атакован еще до того, как он построился в боевую линию или развернул хотя бы один батальон, и был изгнан с поля боя через час после самого кровопролитного боя. Грэхем возглавлял центр своей левой бригады, как средневековый генерал, выезжая на десять ярдов впереди строя, размахивая шляпой с плюмажем в правой руке, а его седые волосы развевались на ветру. Это было неподходящее место для командира; но момент был отчаянный, и все зависело от быстроты и внезапности удара; маневрировать было невозможно, и никаких дальнейших приказов, кроме как идти прямо вперед. Импровизировав свой боевой порядок за пять минут, имея всего 5000 человек против 7000, и атакуя довольно высоко в гору, он одержал великолепную победу, которая закончилась бы полным уничтожением французов, если бы испанец Ла Пенья пришел ему на помощь. Но этот несчастный офицер остался стоять со всей своей дивизией всего в двух милях от поля боя и не пошевелил ни одним человеком, чтобы помочь своему коллеге.

Через несколько месяцев после Баррозы Грэхема перевели из Кадиса в главную армию Португалии по просьбе Веллингтона, который передал ему командование своим левым крылом во время осенней кампании 1811 года и снова на протяжении всей кампании 1813 года. Большую часть 1812 года Грэхем впервые в жизни находился в отпуске по болезни, так как его глаза заболели от длительного пребывания на южном солнце. К несчастью для него, его повышение до командования крылом великой армии означало, что он, как правило, находился под присмотром самого Веллингтона, имея мало возможностей действовать самостоятельно. Но его командир выбрал его для руководства самой важной операцией кампании в Виттории, длинным фланговым маршем через горы Трас-ос-Монтес, который развернул правое крыло французов и выбивал их с позиции за позицией в непрерывном бою протяженностью 200 миль. Все еще обходя противника с фланга, именно он перерезал главную дорогу во Францию у Виттории и вынудил разбитую армию Журдана отступать по обходным путям, потеряв всю свою артиллерию, обоз, обоз и припасы.

Для драматической завершенности карьеры этого великолепного старика мы могли бы пожелать, чтобы она закончилась в 1813 году. Но правительство Метрополии, ищущее надежного офицера для командования экспедицией в Голландию следующей зимой, выбрало Грэма для ее проведения, и его последняя кампания была омрачена катастрофой. Он, правда, изгнал остатки французской армии из Голландии, хотя его силы были невелики — всего 7000 человек, и сформированы из необученных вторых батальонов, наспех собранных из английских гарнизонов. Но его дерзкая попытка взять штурмом великую крепость Берген-оп-Зом, единственный оплот, все еще удерживаемый врагом, потерпела печальный провал. Воспользовавшись сильным морозом, который на данный момент сделал бесполезной оборону этого укрепленного города на болотах, Грэхем спланировал ночную атаку четырьмя колоннами, из которых двум удалось преодолеть все препятствия и войти в город. Но когда все казалось выигранным, а часть плана генерала увенчалась успехом, вызвавшим восхищение, офицеры, непосредственно руководившие атакой, проигнорировали многие свои приказы, рассеяли своих людей в неразумных мелких предприятиях, и, наконец, были атакованы и вытеснены из города по частям сплотившимся гарнизоном. Потери были ужасными, целых 2000 человек, половина из которых были пленными. Но на счет Грэхема следует отнести смелую концепцию предприятия, а не его провал. Бесхозяйственность его подчиненных была невероятной. Говорят, что Веллингтон, осматривавший крепость год спустя, заметил, что проникнуть внутрь, должно быть, было чрезвычайно трудно. “Но, - добавил он, - оказавшись внутри, я удивляюсь, как, черт возьми, они вообще допустили, чтобы их снова выбили”.

ТАБЛИЧКА III.

Генерал Томас Грэхем, барон Линедок, генерал-майор Генерального штаба, Г.К.М.Г.

С картины сэра Джорджа Хейтера.

Последняя кампания Грэма была омрачена этой проверкой. Но при общем распределении наград во время мирного процесса 1814 года ему было присвоено звание пэра, титул лорда Линедока, и он поделил другие почести армии полуострова. Хотя к моменту окончания войны ему было шестьдесят шесть лет, он дожил до 1843 года, когда достиг патриархального возраста

девятиности шести лет. Он оказал хорошую услугу своим старым товарищам, основав United Service Club, который он изначально задумал как место встречи старых офицеров с полуострова, из которых, как он заметил, многие были одинокими людьми без семейных уз, как и он сам, в то время как у других, оказавшихся на несколько дней в Лондоне, не было центрального места, где они могли бы рассчитывать на встречу со старыми друзьями.¹⁰⁶ Его портрет висит, как и положено, на самом видном месте в самом большом зале основанного им учреждения.

Грэм и его поклонники

Я никогда не находил ни одного недоброго слова о генерале Грэме в многочисленных дневниках и автобиографиях офицеров и рядовых, служивших под его началом. Все они отмечают его величественную осанку, его вдумчивую вежливость, его неизменную справедливость и доброжелательность. “Я могу искренне сказать, что он живет в их привязанности; они не только с доверием смотрели на него как на своего командира, но и уважали его как своего верного друга и защитника, которым он действительно всегда проявлял себя”.¹⁰⁷ “Чего только не могли сделать британцы, когда ими руководил такой вождь?” - спрашивает другой.¹⁰⁸ Я мог бы составить обширный список имен британских офицеров, которые связывают свои личные обязательства с его добротой;¹⁰⁹ но, пожалуй, самым убедительным доказательством из всех является имя французского полковника Виго-Руссильона. , один из врагов, которых он захватил в плен при Баррозе, у которого нет достаточно сильных слов, чтобы выразить то деликатное великодушие, с которым к нему относились, когда он был раненым пленником в Кадисе. Грэхем пришел навестить его на постели больного, прислал к нему своего собственного врача и обильно позаботился о его еде и жилье. Ибо искренняя ненависть к французскому влиянию, будь то влияние красной якобинской республики или наполеоновского деспотизма, не мешала ему проявлять свою благосклонность к отдельным французам, оказавшимся на его милости.¹¹⁰

ГЛАВА VII

ЛЕЙТЕНАНТЫ ВЕЛЛИНГТОНА —ПИКТОН, КРОУФЕРД И ДРУГИЕ

Если у Грэма не было врагов и его любили все, с кем он соприкасался, то этого нельзя сказать о двух выдающихся офицерах, с которыми мне предстоит иметь дело, генерале Роберте Кроуфорде и сэре Томасе Пиктоне. Они оба были выдающимися людьми, причем Кроуферд даже в большей степени, чем Пиктон; они оба пали в бою в момент победы; они оба служили у Веллингтона на самых ответственных должностях, и он многим обязан их замечательной исполнительной власти; но оба они время от времени оказывались вне его благосклонности. У каждого из них было много восхищенных друзей и много злейших врагов, причины симпатии и антипатии которых нетрудно выяснить. Оба они были в определенной степени озлобленными и разочарованными людьми, которые думали, что их работа никогда не получала должного признания, и эта точка зрения имела под собой веские основания. В остальном они были совершенно непохожи; их характеры отличались коренным образом, настолько, что при встречах нередко происходили столкновения и ссоры.

Пиктон, деревенский джентльмен из Уэльса по происхождению, был типичным солдатом восемнадцатого века, который (по старинке) поступил в армию в тринадцать лет и поступил на дипломатическую службу в пятнадцать. Его манеры, как мы понимаем, были манерами казарменными; он был сильно пьющим, сильно сквернословящим, грубым и готовым на все посетителем. Веллингтон, который не был брезгливым, назвал его “грубым, сквернословящим дьяволом, который когда-либо жил,¹¹¹ но он всегда вел себя на службе чрезвычайно хорошо”. Печально известный герцог Куинсберри, “Старина Кью”, был его другом и поклонником и оставил ему в своем завещании солидное наследство в размере 5000 фунтов стерлингов. Образцовые герои Старого Кью не принадлежали к типу уэслианских методистов. Одно из самых сильных впечатлений, оставляемых в памяти дневниками тех, кто служил под его началом, - это его поразительная сила проклятия. В рассказе Кинкейда о разграблении Сьюдад-Родриго доминирует “голос сэра Томаса Пиктона, обладающий мощью двадцати труб, провозглашающих проклятие всем и каждому”.¹¹² Но если он и был лишен всех достоинств, Пиктон был очень хорошим солдатом, с острым глазом, безграничной уверенностью в себе и храбростью десяти бульдогов. Когда началась война за независимость, он с большой скоростью отправился на фронт. Будучи капитаном в 1794 году, он стал бригадным генералом к 1799 году, и его продвижение по службе было обеспечено бесспорно хорошей службой. К своему величайшему несчастью, в 1797 году он был назначен губернатором недавно завоеванного испанского острова Тринидад в Вест-Индии, будучи еще всего лишь полковником. Это было началом его неприятностей; должность была прибыльной, опасной и трудной. Гарнизона было недостаточно, и остров кишел распущенными испанскими солдатами, беглыми неграми-рабами, французскими авантюристами, каперами и пиратами всех наций с Испанского побережья. Пиктону приходилось создавать порядок из хаоса, а затем поддерживать его; его методы были радикальными: плеть и позорный столб, клеймо и, при необходимости, военная казнь. При беспристрастном рассмотрении не кажется, что он когда-либо проявлял себя своекорыстным, пристрастным или коррумпированным в своей администрации; он просто пытался, по-своему грубо, навести порядок в очень неуправляемом и незаконном сообществе. Большинство представителей высших классов одобряли его правление, которое, как сказал один из них, “было такого рода, какого требовала колония”, где губернатор “должен был сделать так, чтобы его боялись так же, как и любили”. Естественно, у него появилось много врагов - белых, черных и коричневых, англичан и испанцев, авантюристов и чиновников. Они продолжали подавать на него петиции в Министерство по делам колоний, в которых он был представлен как своего рода Нерон. Самому язвительному и изобретательному из них, полковнику Фуллартону, удалось найти метод нападения, который, несомненно, приобрел бы большую популярность, когда был опробован в Англии. На Тринидаде все еще действовал старый испанский закон, и в соответствии с ним в отношении подозреваемых, находящихся под арестом, были разрешены различные формы лишения свободы и пыток. Произошел случай, когда девушка-мулатка, замешанная в краже 2000 долларов у испанского торговца табаком, была подвергнута варварскому наказанию в виде пикетирования (насаживания пятками на кол) местными магистратами, чтобы заставить ее признаться, кто взял деньги и где они были спрятаны. Через несколько минут она призналась, что ее любовник украл его с ее помощью и согласия, и это было доказано. Таким образом, при правлении Пиктона и (как оказалось) с его ведома женщина была подвергнута пыткам, хотя пытка была незначительной и женщина виновна.

Пиктон в Тринидаде

Таким образом, по возвращении в Англию Пиктон был обвинен полковником Фуллартонем во многих тиранических действиях, но, прежде всего, в том, что он подвергнул женщину пыткам с целью добиться признания, что в равной степени противоречит законам Англии и общечеловеческим чувствам. Последовал длительный политический процесс (поскольку он стал делом сторонников вигов и тори), в ходе которого правительство наконец прекратило судебное преследование, потому что было достаточно доказано, что в 1801 году на Тринидаде действовали испанские, а не английские законы, поскольку остров не был аннексирован до заключения Амьенского мира в следующем году, и что губернатор просто позволил местным судьям действовать в соответствии с их обычной практикой. Все остальные обвинения провалились.

Тем не менее грязь прилипла, как и предполагал Фуллартон, и Пиктона все запомнили как человека, который позволил пытать женщину. Судебный процесс затянулся на несколько лет и обошелся обвиняемому очень дорого. Поскольку вердикта не было вынесено из-за того, что обвинение было просто прекращено, он даже не испытал удовлетворения от того, что мог сказать, что он был оправдан судом присяжных, состоящим из его соотечественников. Его имя было оклеветано, каким бы несправедливым оно ни было.

Таким образом, это свидетельствовало о значительной независимости и пренебрежении общественным мнением со стороны Веллингтона, когда он написал домой с просьбой направить Пиктона к нему командовать дивизией,¹¹³ исключительно на основании его военного послужного списка как стойкого бойца. Генерал приехал в Португалию с именем, пользующимся дурной славой, а также к коллегам и подчиненным, которые были готовы критически отнестись к нему. “Невозможно отрицать,” пишет офицер, служивший под его началом, “ что была распространена очень сильная неприязнь к генералу. Его поведение на острове Тринидад ... у всех сложилось неблагоприятное мнение об этом человеке. Его первого появления ждали с немалой тревогой. Когда он спустился на землю в сопровождении своего посоха, все взоры были обращены к нему, и за его внешностью и поведением пристально наблюдали. На вид ему было от пятидесяти до шестидесяти, и я никогда не видел более совершенного образца великолепно выглядящего солдата. Напрасно те, кто считал его жестоким тираном, пытались найти такие черты в его облике. Напротив, в его облике была мужественная открытая прямота, которая в корне противоречила клевете. И на самом деле Пиктон не был тираном, и он никогда не действовал как таковой в течение многих лет, что командовал 3-й дивизией. Но если по выражению его лица и нельзя было сказать, что он жесток, то в нем была саркастическая суровость и определенный изгиб губ, которые выдавали в нем человека, скорее презиравшего аплодисменты, чем добивавшегося их. Суровое лицо, крепкое телосложение, едкая речь и аскетичное поведение четкими буквами говорили о том, что он был из тех, кто вряд ли что-то скажет, а потом не сделает так, как сказал. Одним словом, его внешность свидетельствовала о том, что он человек сильного ума и крепкого телосложения”.¹¹⁴

Пиктон и 88 - й Фут

Было сочтено характерным, что он завершил свою первую инспекцию дивизии тем, что устроил военный трибунал над двумя солдатами, укравшими козу, и стал свидетелем их наказания. Затем он подъехал к 88-му полку, к которому принадлежали преступники, и “выражаясь не с той выправкой, которую должен использовать офицер его ранга”, сказал: “Вы известны в армии не

под именем Коннаутские рейнджеры, а под именем Коннаутские *разбойники*”, с некоторыми ненужными замечаниями об их стране и религии.

Этот неприятный инцидент стал началом долгой вражды между Пиктоном и 88-м полком, которая длилась всю войну и в конце привела к тому, что рейнджеры отказались подписаться на хвалебный адрес и табличку, которые остальная часть 3-й дивизии подарила своему генералу после почти пяти лет славной службы. И все же вражда не была несовместима с большой долей невольного уважения с обеих сторон. Наутро после штурма Сьюдад-Родриго, в котором рейнджеры приняли самое доблестное участие, нам рассказывают, что некоторые солдаты, более чем обычно приподнятые духом, крикнули своему командиру: “Ну, генерал, прошлой ночью мы подбадривали вас: теперь ваша очередь”. Пиктон, улыбаясь, снял шляпу и сказал: “Ну вот, вы, пьяная компания храбрых негодяев, ура! И мы скоро будем в Бадахосе”, на сцену еще большей славы для 3-й дивизии он действительно повел их в течение нескольких недель.

Значительная вереница историй, правдивых, полуправдивых или апокрифических, которые связаны с именем Пиктона, примерно в равных пропорциях повествуют, с одной стороны, о его крайней отваге и хладнокровии в действиях, а с другой - о его пылкости как в речи, так и в действиях, которая вселяла ужас в объекты его гнева. Лучшее из первых, с чем я знаком, исходит от того же автора дневников, Граттана из 88-го, которого я уже цитировал. Это относится ко дню Эль-Бодона (25 сентября 1811 г.), когда 3-я дивизия, оказавшаяся в несколько изолированном положении из-за одной из немногих тактических ошибок Веллингтона, отступала колонной по ровной возвышенности, окруженной Монбреном и тремя бригадами французской кавалерии. “На протяжении шести миль по идеальной равнине, без малейшей защиты от каких-либо наземных происшествий, без артиллерии, почти без кавалерии, 3-я дивизия продолжала свой марш. За все это время французская кавалерия ни разу не оставила нас, и шесть легких орудий, наступая вместе с ними и охватывая дивизию с фланга и тыла, поливали нас ужасающим огнем картечью и картечными картечницами. Генерал Пиктон вел себя со своим обычным хладнокровием. Он ехал на левом фланге колонны и неоднократно предупреждал различные батальоны соблюдать четверть дистанции и ‘отсчитывать время’. Наконец мы приблизились на расстояние мили к нашему укрепленному лагерю в Фуэнте-Гинальдо, когда Монбрен, нетерпеливый, чтобы добыча не ускользнула из его рук, приказал своим солдатам выпрямить правое плечо и двинуться навстречу нашей колонне. Это движение не означало, что его эскадрильи выстраивались в линию, но было чем-то близким к этому. Они были на расстоянии половины пистолетного выстрела от нас. Пиктон снял шляпу и, надвинув ее на глаза, чтобы защититься от солнца, строго, но встревоженно посмотрел на французов. Топот лошадей и лязг ножен были настолько громкими по мере приближения правого эскадрона, что многие сочли это предвестием общей атаки. Какой-то конный офицер крикнул: ‘Не лучше ли нам построиться в каре?’ ”Нет, - ответил Пиктон, - это всего лишь уловка чтобы напугать нас, и она *никуда не годится*”. Еще через полчаса мы были в безопасности на наших позициях”. ¹¹⁵

Это был прекрасный пример хладнокровия и счастливого завершения того, что было очень тревожным часом для Веллингтона. Но я полагаю, что событием, которым Главнокомандующий был больше всего обязан командиру 3-й дивизии, был штурм Бадахоса. Следует помнить, что в ту кровавую ночь главная атака на брешу полностью провалилась, несмотря на отчаянные усилия 4-й и Легкой дивизий. Попытка эскалады атаковать высокие стены замка, которая оказалась успешной и привела к падению крепости, не входила в первоначальный план

Веллингтона, но была предложена ему Пиктоном, который осмотрел бреши и не был убежден, что их можно преодолеть. Пиктон умолял, чтобы ему, возможно, разрешили попробовать замок с его собственным подразделением в качестве вспомогательной операции.¹¹⁶ Он с триумфом добился успеха и тем спас положение. Если бы он не сделал своего предложения, вероятность падения города была бы бесконечно меньше, даже несмотря на то, что бригаде 5-й дивизии удалось войти в Бадахос в другом месте, удаленном от смертельных брешей. Хотя Пиктон получил множество похвал за свое мужество в ту ночь, не все знали, что его следовало хвалить еще больше за его предвидение.

Пиктон в Бадахосе

Можно привести бесчисленное множество примеров мастерства и упорства Пиктона на протяжении всех шести лет его службы под началом Веллингтона. Но анекдот, который лучше всего иллюстрирует его спартанское мужество, относится к последним трем дням его жизни. Под Катр-Бра, где его дивизия так долго сдерживала яростные атаки Нея, он получил мушкетную пулю в левый бок, которая, хотя и нанесла несколько скользящий удар и не прошла навылет, сломала ему два ребра. Полагая, что сражение продолжится на следующий день, он решил не возвращаться раненым, чтобы хирурги не настояли на отправке его в тыл. Он грубо перевязал рану с помощью своего слуги-солдата и весь 17 июня был на коне, руководя отступлением своей дивизии. 18-го, как всем известно, он был убит выстрелом в голову, возглавляя решающую атаку, в результате которой корпус д'Эрлона был сброшен с высот Мон-Сен-Жан. Только когда его тело раздели, чтобы положить в гроб, выяснилось, что он участвовал в бою при Ватерлоо с опасным, возможно смертельным, ранением двухдневной давности. Потому что его бок так распух и почернел вокруг сломанных ребер, что хирурги подумали, что запущенная рана, вполне возможно, стала бы причиной его смерти, если бы он прошел невредимым через битву 18 июня.

Такие добродетели не были несовместимы с серьезными недостатками. Грубый язык Пиктона и безрассудное пренебрежение общепринятыми нормами приличия являются предметом многих историй. Когда он подумал, что помощник инженера, руководивший 3-й дивизией во время штурма Бадахоса, сбил их с пути истинного, он выхватил свой меч и с клятвой сказал, что зарубит слепого дурака, если тот ошибется. Это мы знаем из первых рук от этого офицера, который, к счастью, смог продемонстрировать, что был выбран правильный путь.¹¹⁷ Более известной историей является история Пиктона и комиссара, история, которая также была приписана Кроуферду, а недавно мистером Фортескью генералу Шербруку. Во время одного из длительных маршей Веллингтона комиссару было приказано подготовить пайки 3-й дивизии в определенном месте в определенный час. Они не были откровенны, а лишь привели ряд отговорок, объясняющих их неприбытие. Пиктон мрачно указал на соседнее дерево и сказал: “Что ж, сэр, если вы не доставите пайки для моей дивизии в указанное место завтра к двенадцати часам, я повешу вас на нем в половине шестого”. Комиссар поскакал прямо к лорду Веллингтону и с сильно оскорбленным достоинством пожаловался на грубые и неджентльменские высказывания генерала. Его светлость холодно заметил: “О, он сказал, что *повесит* вас, не так ли?” “Да, милорд”. “Что ж, генерал Пиктон - человек слова. Я думаю, вам лучше доставлять пайки вовремя”. Дальнейшие советы были излишни; пайки на данный момент были на месте.¹¹⁸ Странно обнаружить, что через много лет после смерти Пиктона в парламенте был задан вопрос, и в газетах разгорелась полемика о том, кто из трех названных комиссаров был объектом гнева Пиктона.

Однако было бы неправильно изображать Пиктона просто пузырьком гнева, вспенивающимся в неуправляемой ярости время от времени. Когда он злился, у него обычно были на то веские причины; только чрезмерная горячность его высказываний привела к тому, что он стал центром легенд. Как это ни странно, рядовые не считали его тираном; было признано, что он был очень справедлив, что он никогда не наказывал, не выслушав защиту, что он был способен прощать, что, когда он бил сильно, он делал это не без причины. Сержант 45-го полка написал о нем так: “Иногда он был строг, особенно в отношении грабежей, всегда говорил о том, как неправильно грабить бедных людей, потому что страны находятся в состоянии войны. Он обычно порол солдат, когда их разоблачали; но там, где он порол, многие генералы лишались жизни. Кроме того, солдаты думали, что он заботился об их благополучии. Каждый солдат в дивизии знал, что, если ему есть на что пожаловаться, “Старина Пиктон” выслушает его историю и исправит, если сможет. В целом, наши товарищи всегда считали его *добрым* генералом, несмотря на его крепкие выражения”.

Пиктон и Веллингтон

То же самое чувство справедливости проявляется в дневниках нескольких офицеров, которые с чувством рассказывают о его попытках вознаградить неясные заслуги и сократить количество злоупотреблений при продвижении по службе,¹¹⁹ или тирании старших офицеров над младшими. Он был очень доступен и даже дружелюбен и внимателен к своим подчиненным. Эта фамильярность, которая привлекала к нему младших офицеров, была (как мы уже заметили) неприятна лорду Веллингтону. Их общение было формальным и не очень частым. Однажды Веллингтон сделал все возможное, чтобы сказать, что это неправда, что он когда-либо ссорился с Пиктоном или был с ним в каких-либо иных отношениях, кроме хороших. Но, признавая его заслуги, он никогда не притворялся, что испытывает к нему какую-то личную симпатию.

Пиктон всегда считал, что в конце войны он подвергся серьезной несправедливости из-за того, что не был включен в список пяти офицеров полуострова, получивших звание пэров за свои заслуги. “Если бы корона лежала на вершине бреша, у меня было бы столько же шансов, сколько у любого из них”, - было его едкое замечание. Формально его упущение объяснялось тем, что все пять заслуженных генералов - Бересфорд, Хилл, Грэм, Хоуп и Стэплтон Коттон - в течение некоторого времени занимали “отдельные должности”, а Пиктон - нет. Но хотя это объяснение подходило для первых трех, на самом деле оно не распространялось на дела Хоуп и Коттона, чьи независимые командования были немногим более чем номинальными; и Пиктон в нескольких случаях — особенно в Пиренеях — осуществлял независимую власть очень похожим образом. Факт заключался в том, что он был непопулярным человеком, и что министерство обошлось без него, в то время как Веллингтон не предпринимал никаких попыток выдвинуть свои претензии. Он выразил свое недовольство, объявив о своем намерении уволиться из армии в 1814 году, и сделал бы это в следующем году, если бы возвращение Наполеона с Эльбы не призвало его на поле боя, чтобы погибнуть при Ватерлоо.

Чтобы закончить наш очерк этого любопытного и противоречивого персонажа, мы должны упомянуть, что Пиктон глубоко презирал всякого рода пышность и церемонии. Его одежда, за исключением торжественных дней, была небрежной и часто невоенной. Как отметили несколько свидетелей, он сражался в Катр-Бра в высокой бобровой шляпе, а во время кампании в Виттории, поскольку у него болели глаза, носил широкополую шляпу того же типа. Его

адъютанты копировали его, что было естественно, в своем пренебрежении к внешности, и говорят, что из-за своих манер и одежды они были известны как “медведь и оборванный посох”,¹²⁰ термин, который применялся в нескольких недавних случаях к подобным вечеринкам.

ТАБЛИЧКА IV.

Генерал сэр Томас Пиктон, К.К.Б.

Генерал Роберт Кроуферд

Человеком, сильно отличавшимся от сэра Томаса Пиктона, был последний из дивизионных генералов, с характером которого нам предстоит иметь дело, Роберт Кроуферд. Они оба были эффективным оружием в руках Веллингтона, но эффективность Пиктона была скорее как у тарана, в то время как у Кроуферда была скорее как у рапиры. Роберт Кроуферд, как и Пиктон, прибыл на полуостров довольно разочарованным человеком, недовольным тем, что, несмотря на блестящую службу, он отстал в продвижении по службе и оказался младшим бригадным генералом, в то время как люди на несколько лет моложе его, такие как Хилл, Бересфорд и сам Веллингтон, занимали гораздо более важные посты. Кроуферд был одним из наших немногих ученых солдат; еще в 1782 году он изучал тактику армии Фридриха Великого в Берлине и перевел на английский официальный прусский трактат "Об искусстве войны". Его знание немецкого языка, которым не обладал никто из офицеров Веллингтона, кроме Грэма, привело к тому, что в 1794 году ему был предоставлен важный пост военного атташе при австрийской армии в Нидерландах, а затем на Рейне, и он в течение трех лет следовал за Кобургом и эрцгерцогом Карлом в серии кампаний, в которых неудачи были гораздо чаще, чем успехи. Когда снова разразилась война между Австрией и Французской республикой, в 1799 году его снова отправили служить к его старым друзьям, и он сопровождал штаб армии генерала Хотце в Швейцарии, пока его не отозвали участвовать в плохо организованном вторжении герцога Йоркского в Голландию в конце того же года. Таким образом, как и Грэм, Кроуферд с горечью стал свидетелем длинной череды катастроф, за которые он не нес ни малейшей ответственности. Как показывают его отчеты и депеши, он выполнял свой долг с рвением и превосходными способностями; но его саркастический язык и вспыльчивый нрав, по-видимому, помешали его продвижению по службе. Майор в 1794 году, после тринадцати лет службы, он все еще был всего лишь подполковником в 1801 году, и за эти годы видел, как бесчисленные товарищи перелезали через его голову, хотя все это время он исполнял важные обязанности способом, который вызывал восхищение у всех, с кем он вступал в личный контакт. Похоже, что постоянные сообщения о катастрофах, с которыми ему приходилось сталкиваться, связали его имя в официальных кругах с понятием невезения. В 1801 году, разочаровавшись в официальном poste в Ирландии, на который он претендовал, он перешел на половинное жалование и вошел в парламент в качестве члена от провинциального городка, который случайно достался в дар его брату.¹²¹ В течение следующих пяти лет он постоянно выступал в парламенте на военные темы и был очень резким критиком политики Питта, Дандаса и Аддингтона. Его взгляды относительно надлежащей организации британских войск в первой и второй линии для отражения французского вторжения были изложены очень подробно и всегда противоречили взглядам министров. Справедливо будет сказать, что он был в основном прав, а они неправы; он выступал за сокращение бесчисленного плохо дисциплинированного добровольческого корпуса и хотел видеть в первой линии очень большую регулярную армию, набранную для короткой службы, а за ней вторую линию, набираемую по призыву, как своего рода *массовую армию*, обученную для нерегулярных боевых действий, от которой не ожидали маневров или участия в крупных сражениях. Резкая критика Кроуферда была очень красноречивой, но вряд ли способствовала его продвижению по службе как военного, пока у власти находились министерства Аддингтона и Питта. Однако, когда Питт умер, и к власти пришла администрация вигов под названием "Все таланты", новый военный министр Уильям Уиндхэм был расположен сделать все возможное для Кроуферда, который был не только его

личным другом, но и часто консультировал его по вопросам организации и технической военной тематики.

Крауфурд в Буэнос - Айресе

Наконец, после пяти лет, проведенных в условиях довольно резкой парламентской критики, его друг Уиндхэм предоставил Кроуферду возможность занять более высокий пост, чем когда-либо прежде, выпадавший на его долю. Хотя он только что получил звание полного полковника, ему было поручено командование бригадой из 4000 человек, предназначенной для дальней экспедиции. Эта авантюра была одной из самых безрассудных из многих тщетных затей незадачливого кабинета министров, находившегося тогда у власти. Кроуферду предстояло предпринять не что иное, как путешествие вокруг мыса Горн с целью завоевания Чили! Однако он так и не увидел Магелланов пролив, поскольку его войска после отплытия были отвлечены, чтобы присоединиться к неудачному вооружению под командованием генерала Уайтлока, совершившего катастрофическое нападение на Буэнос-Айрес в 1807 году. Выдвинутый вперед, под командование Легкой бригады Уайтлока, и вклинившийся в путаницу улиц, среди которых неспособный генерал рассредоточил свои войска множеством небольших колонн, Кроуферд пробился так далеко, что был окружен, отрезан от основных сил и вынужден капитулировать с остатками своих людей. Таким образом, его первый шанс отличиться на поле боя во главе значительного отряда закончился абсолютной катастрофой. Военный трибунал Уайтлока снял с него все обвинения, но мысль о том, что его запомнили как офицера, сдавшего британскую бригаду, терзала его разум и тяжелым грузом лежала на душе до конца его жизни.

Однако тот факт, что он был признан невиновным, был отмечен его назначением командовать бригадой армии полуострова в 1808 году. Но поначалу казалось, что ему, как обычно, не везет. Он прибыл в Вимейро слишком поздно; служа под началом Мура, он был отделен от основной армии и не сражался при Корунье. В следующем году, вернувшись служить под началом Уэлсли, он опоздал в Талаверу, хотя, чтобы добраться до поля боя, совершил свой хорошо запомнившийся марш в сорок три мили за двадцать шесть часов, который Напье по ошибке превратил в невозможное достижение - марш в шестьдесят две мили за это время, который не смогли бы совершить даже Кроуферд и знаменитые 43-й, 52-й и 95-й полки.

Кроуферд и Легкая дивизия

С 1809 года Кроуфорд, наконец, получил свой шанс, и большую часть трех лет ¹²² командовал наступлением Веллингтона, его "Легкая бригада" 1809 года стала "Легкой дивизией" в 1810 году. Наконец он получил то, в чем Судьба отказывала ему на протяжении всей его предыдущей карьеры, - почетный и ответственный пост и зрелище победы; в течение пятнадцати лет он не был свидетелем ничего, кроме отступлений и катастроф. В свои счастливые дни, а их было немало, Кроуферд, несомненно, был самым блестящим лейтенантом, который когда-либо был у Веллингтона. И все же его шеф не доверял ему так, как доверяли Хиллу, например, из-за того, что он время от времени терял осторожность и из-за слепого повиновения, которого требовал его шеф. Иногда он шел на риск или отваживался изменять данные ему приказы — ошибки нетерпеливого и честолюбивого духа в час волнения.

Его достижения были велики и благородны. Самым блестящим из них была защита северо-восточной границы Португалии в течение всей весны и лета 1810 года, когда ему было поручено со своей собственной небольшой дивизией и двумя кавалерийскими полками расположиться

на расстоянии многих миль перед основными силами армии и наблюдать за собирающимся войском Массены до того момента, когда оно должно было двинуться вперед для серьезного вторжения. В течение пяти месяцев он защищал длинный фронт от врага, вшестеро превосходящего его по численности, не позволяя прорвать свою линию обороны и не позволяя французам получить какую-либо информацию о том, что происходит у него в тылу. Это был великий подвиг, совершенный только благодаря максимально полной и тщательной организации его весьма скромных ресурсов. Вдоль Агуэды, реки, русло которой он должен был поддерживать, было пятнадцать бродов, за всеми из которых приходилось следить в сухую погоду, а за многими даже при высоком уровне воды. У французов было 3000 кавалеристов против него в марте и апреле, 5000 в мае и июне, причем последние по численности превосходили всю его дивизию. Он знал, что за неприятельским кавалерийским заслоном находятся два полных армейских корпуса, или более 40 000 человек; и многие подразделения этой пехоты находятся всего в четырех или пяти милях от аванпостов Кроуфорда и могут атаковать его в любой момент. И все же он ни разу не был застигнут врасплох; его наблюдательные пункты были так хорошо расставлены и управлялись, что о малейшем движении противника ему докладывали в невероятно короткие сроки. Вся сеть коммуникаций дрожала от малейшего прикосновения, и Легкая дивизия была сосредоточена, готовая сражаться или отступать, как подсказывало благоразумие, задолго до того, как могла развиться атака. Он так великолепно обучил свои войска, что любой батальон, как сообщает Нейпир, был готов к бою в течение семи минут после первого сигнала тревоги и в течение четверти часа мог быть в боевом порядке на назначенном посту, с загруженным и собранным багажом, готовым к отправке на удобном расстоянии в тыл.

Как пишет историк этого лета, его адъютант Шоу Кеннеди, “Чтобы понять действия Кроуферда, никогда не следует упускать из виду *расчет*, поскольку он все время действовал, руководствуясь расчетом”. Каждое утро делались специальные репортажи о многочисленных переходах Агуэды вброд, и периодически отмечалась стремительность ее подъема. Маяки были установлены на заметных высотах, чтобы передавать информацию о наступательных действиях противника. Чтобы не допустить ошибок в ночное время, на станциях связи хранились указатели, направленные на маяки. Кавалерийский полк на аванпостах был первым гусарским подразделением Королевского германского легиона, корпуса ветеранов, выбранного потому, что его офицеры считались превосходящими в разведывательной силе любое другое подразделение легкой кавалерии в армии. Кроуфурд, хорошо владевший немецким языком, общался напрямую с командирами каждой из своих эскадрилий; каждый знал свой долг на фронте, который он прикрывал, и каждый превосходно выполнял свою роль. Генерал был неутомим, мог оставаться на коне без усталости почти сколь угодно долго и лично знал каждый брод, ущелье и боковую тропинку. Следовательно, ничто не было оставлено на волю случая.¹²³

Кроуферд и Веллингтон

Жаль, что Кроуферд завершил эту великолепную службу, длившуюся более пяти месяцев ежедневных опасностей, сражением в ненужной “Битве при Коа” 4 июля 1810 года. Задержавшись на день дольше, чем следовало, за этим ручьем, несмотря на четкое указание Веллингтона отступить в тот момент, когда он окажется в затруднительном положении, он был внезапно атакован всем корпусом Нея, численностью 20 000 человек или более, и форсировал Коа с потерями, которые могли бы быть большими, если бы не превосходство обученных им батальонов и хладнокровное тактическое мастерство офицеров его полка. Он успешно

удерживал мост через реку Коа, когда переправлялся через нее, и потерял не более 300 человек; но он не подчинился приказу и рисковал своей дивизией. Веллингтон был справедливо недоволен и дал знать об этом своему лейтенанту. Но он не упрекнул его в своих донесениях и оставил его в должности командира. Он написал домой в конфиденциальном письме: “Вы скажете: ‘Почему бы не обвинить Кроуферда?’ Я отвечаю: “Потому что, если меня за это повесят, я не могу обвинять человека, у которого были добрые намерения и чья ошибка была вызвана суждением, а не намерением ’. Но на будущее он держал Кроуферда ближе к себе и не помещал его так далеко, чтобы у него было много шансов проводить стратегические эксперименты под свою ответственность. Тем не менее, были и другие случаи, когда склонность генерала думать самостоятельно приводила его к неприятностям. Одно из них произошло 25 сентября 1811 года, в день битвы при Эль-Бодоне, когда Кроуферд, брошенный вперед на опасную позицию по приказу своего командира, опоздал с присоединением к основной армии на двенадцать часов. Ему было приказано совершить ночной марш, но он ждал до рассвета, потому что двигался по труднопроходимой местности, полной оврагов и бурных потоков, где, по его мнению, движение в темноте было опасным. Из-за его задержки армия была сосредоточена на полдня позже, чем предполагал Веллингтон. “Я рад видеть вас в безопасности”, - с некоторой резкостью заметил главнокомандующий, когда Легкая дивизия выдвинулась на скудно укомплектованную позицию в Фуэнте-Гинальдо. “О, уверяю вас, мне ничего не угрожало”. “Но, судя по вашему поведению, я был в опасности”, - ответил Веллингтон. После чего Кроуферд заметил своему штабу: “Он сегодня чертовски раздражительный”.¹²⁴ В данном случае следует отметить, отдавая справедливость Кроуферду, что именно его начальник поставил его в опасное положение, а не он сам, и что его суждение о том, что ночной марш был невыполним, было, скорее всего, правильным. Но он ослушался приказа, и непреклонный Веллингтон вспомнил об этом против него.

Этим промахам должна быть противопоставлена долгая карьера осторожного и выученного солдата, с блестящими маневрами и внезапными ударами, в которых ни один другой генерал полуострова не мог соперничать с ним. Отражение удара корпуса Нея при Буссако было, пожалуй, самым славным подвигом Кроуферда и его легкой дивизии. То, как французы в этом случае были задержаны и преследуемы легкими войсками, а затем, как только они достигли вершины позиции, атакованы и сметены с холма натиском гораздо меньших сил, пущенных в ход в нужный момент, было прекрасным примером тактики. Самым удивительным во всем этом было то, что благодаря тщательному выбору позиции и разумному сокрытию своего рубежа до критической минуты, Кроуферд разбил своего врага практически без потерь; у него было всего 177 убитых, тогда как французы противостояли ему более 1200. Тем не менее, был еще один подвиг, который, хотя и менее эффектный, был, вероятно, еще большим примером тактического мастерства, чем удар при Буссако. Это было наступление и отступление Легкой дивизии при Фуэнтес-де-Оньюро (5 мая 1811 г.), когда Кроуферд был отправлен с главной британской позиции на выручку 7-й дивизии, которая была отрезана и почти окружена превосходящими силами французской кавалерии. Выведя из строя скомпрометированную дивизию, Кроуферд был вынужден отступить обратно к основным силам с пятью бригадами отборной кавалерии при поддержке конной артиллерии, окружавшими его со всех сторон и искавшими возможности ворваться внутрь. Отступать квадратом через две мили открытого плато, очень хорошо приспособленного для действий всадников, было деликатной и опасной задачей. Тем не менее, Кроуферд достиг этого с полной безопасностью и привел всю свою дивизию на позиции Веллингтона с потерей менее пятидесяти человек. В качестве демонстрации мужества и

мастерства это даже превзошло отступление Пиктона при Эль-Бодоне, поскольку французская кавалерия в этом случае была более многочисленной и воодушевленной предыдущим успехом, а Легкая дивизия была меньше 3-й дивизии на 4000 человек против 5200. Однако пройденное расстояние во время кризиса при отступлении у Фуэнтеса было намного короче - всего две мили против семи у Эль-Бодона.

Крауферд пал в бою еще до того, как 1812 году исполнилось много дней, будучи убит случайным выстрелом во время наблюдения и руководства штурмом малого пролома в Сьюдад-Родриго с другой стороны гласиса (19 января). В противном случае его особые таланты, без сомнения, проявились бы при командовании арьергардом во время отступления из Бургоса и наступлении во время кампании при Виттории. Характер боевых действий в Пиренеях также превосходно соответствовал бы его особому стилю руководства. Его офицерам было очень не хватать Чарльза Альтена, его преемником в командовании легкой дивизией был генерал гораздо более простых качеств, [125](#) который, возможно, никогда не упускал случая попытаться выполнить приказы Веллингтона в меру своих возможностей, но никогда не мог дополнить их какой-либо собственной импровизацией, на которую он был неспособен. Операции Легкой дивизии после смерти Кроуферда всегда вызывали восхищение в том, что касалось поведения офицеров и рядовых, но в том, как ими руководили, больше не было ничего гениального.

Ошибки Кроуфорда

У Кроуферда, в отличие от Хилла или Грэма, и, как у его соперника Пиктона, было много врагов. Он был строгим сторонником дисциплины по отношению к своим офицерам даже больше, чем к своим солдатам, обладал вспыльчивым характером и язвительным языком. Его гнев обычно выражался не во взрывах ругани, как это делал Пиктон, а в хорошо оформленных и доходчивых речах с горьким сарказмом, которые, вероятно, оскорбляли больше, чем любое количество ругательств. Будучи высокообразованным человеком и опытным спикером парламента, он мог вложить в упрек столько изысканного презрения, что его нелегко было забыть. Вероятно, именно эта уловка сделала Нейпиров врагами, оба с горечью отзываются о нем в своих дневниках и других трудах, хотя Уильям Нейпир в своей "Истории" отдает ему должное за многие блестящие достижения. [126](#) Несколько других его офицеров с горечью отзываются о его интеллектуальном высокомерии; один называет его "тираном"; другой говорит, что он никогда не забывал обид. Но друзей у него было не меньше, чем врагов; многие из лучших его подчиненных, такие как Шоу Кеннеди и Кэмпбелл, очень любили его, и (что еще более удивительно) рядовые, на которых его гнев часто обрушивался в виде ударов плетью, испытывали к нему не только доверие, но и энтузиазм. Лучшая из всех его хвалебных речей принадлежит 95-летнему стрелку Харрису, и ее стоит процитировать из-за ее простой мужественности.

"Не думаю, что я когда-либо восхищался человеком, носившим британскую форму, больше, чем генералом Кроуфердом. Я мог бы заполнить его описаниями целую книгу, потому что часто наблюдал за ним в спешке. Стрелкам он нравился, но они боялись его, потому что он мог быть ужасен, когда в рядах проявлялось неповиновение. "Вы думаете, что, поскольку вы стрелки, вы можете делать все, что считаете нужным", - сказал он однажды несчастной и дикой команде, окружавшей его во время отступления к Корунье. "но я научу вас различать, прежде чем покончу с вами". Я помню, как однажды вечером во время этого отступления он заметил двух человек,

отбившихся от основных сил; это было на ранней стадии того катастрофического бегства, и Кроуферд знал, что он должен сохранить свою дивизию единой. Он остановил бригаду громовым голосом, немедленно отдал приказ о военно-полевом трибунале, и они были приговорены к сотне штрафа за штуку. Пока шло поспешное разбирательство, Кроуферд, спешившись с лошади, стоял посреди толпы, выглядя суровым и злым, как встревоженный бульдог. Он не любил отступать, этот человек.

“Когда суд закончился, было слишком темно, чтобы вынести приговор. Он всю ночь шел пешком, и когда забрезжило утро, его волосы, борода и брови были покрыты инеем; мы все были в таком же состоянии. Едва забрезжил рассвет, когда генерал объявил привал среди заснеженных холмов. Приказав выстроиться в каре, он обратился к бригаде.

“Хотя этим я не добьюсь расположения ни офицеров, ни солдат, находящихся здесь, я полон решимости наказать этих людей в соответствии с вынесенным приговором, даже несмотря на то, что французы преследуют нас по пятам. Начни с Дэниела Хованса.

“Людей вывели, и в то же время их подполковник Гамильтон Уэйд выступил вперед и, опустив шпагу, попросил простить этих людей, поскольку они оба были хорошими солдатами, участвовавшими во всех битвах Португалии. - Я приказываю вам, сэр, ’ сказал генерал, - выполнять свой долг. Эти люди будут наказаны’. После семидесяти пяти ударов плетью Кроуферд прекратил порку. Но прежде чем он снова привел бригаду в движение, он произнес еще одно короткое обращение, почти в таком же стиле:

“Уведомляю вас всех, что я снова остановлю бригаду, как только замечу, что кто-либо не подчиняется моим приказам, и предам его военному трибуналу на месте’. Затем он отдал приказ, и мы возобновили наш марш.

Суровость Кроуферда

“Многие, кто читает это, могут предположить, что это была жестокая и ненужная суровость в ужасных и изматывающих обстоятельствах того отступления; но я, который был там, простой солдат полка, к которому принадлежали эти люди, говорю, что это было совершенно необходимо. Ни один человек, кроме такого, как генерал Кроуферд, не смог бы спасти бригаду от полной гибели. Если он выпорол двоих, то своим руководством спас сотни от смерти ”.

Недавно в *Saturday Review* был опубликован любопытный анекдот о похоронах Кроуферда,¹²⁷ из неопубликованных воспоминаний современника, который достаточно хорошо иллюстрирует то почтение, с которым Легкая дивизия относилась к своему старому начальнику. Одним из его самых сильных принципов было то, что войска на марше никогда не должны делать крюк, чтобы избежать переходящих вброд ручьев или глубокой грязи, и не должны нарушать свои ряды, чтобы позволить каждому солдату выбрать мелководье или твердые камни среди мокрой воды. Вызванная таким образом задержка, по его мнению, была таким препятствием для быстрого передвижения, что ее нельзя было допустить. Было известно, что он порол людей, которые выбивались из строя в воде, чтобы наполнить свои бутылки или наклониться, чтобы сделать большой глоток.¹²⁸ Он даже заставил офицера, которого поймал, когда тот уклонялся от намокания, катаясь верхом на своем солдате-слуге, с плеском упасть посреди ручья.¹²⁹ Возвращаясь с похорон Кроуферда, передовая рота Легкой дивизии проезжала мимо выемки в

тылу осадных сооружений, наполовину заполненной грязью и водой. Вместо того чтобы повернуть в конец, чтобы избежать намокания, солдаты посмотрели на затопление, взяли себя в руки и прошли прямо через него с большой регулярностью и стойкостью, как будто они проходили перед генералом на смотре. Вся дивизия следовала за ним по слякоти. Им казалось, что лучшим свидетельством памяти их старого командира было почтить его самую известную теорию, когда его уже не было рядом, чтобы добиться ее принятия своими обычными радикальными методами.

Я мог бы написать гораздо больше об этом выдающемся персонаже, со всеми его недостатками и достоинствами. Но этого должно быть достаточно. У меня также нет места рассказывать о других высокопоставленных генералах войны на полуострове, хотя некоторые из них, такие как Лейт и Коул, были великими воинами, просто инструментами, которые подходили Веллингтону. Однако им никогда не доверяли самостоятельных командиров, так что невозможно судить об их полном умственном развитии. Я склонен быть очень высокого мнения о Коуле из-за его поведения при Альбуэре, поскольку именно он отдал приказ под свою ответственность, без какого-либо разрешения Бересфорда, о знаменитом наступлении фузилерской бригады и португальцев Харви, которое обернулось победой в том самом опасном сражении.¹³⁰ Но о большинстве офицеров дивизии Веллингтона мы можем сказать только, что они были компетентны для поставленной перед ними задачи — энергичного выполнения приказов, которые были им отданы, но в формировании которых они не участвовали. В лучшем случае им можно приписать тактическое мастерство исполнения, и в этом недостатка не было, о чем свидетельствуют подробности событий в Саламанке, Виттории и разрозненных боев в Пиренеях. Почти то же самое можно сказать и о некоторых великих бригадирах, которые хорошо управлялись со своими деталями, но никогда не имели шанса показать всю свою мощь. Было бы легко составить их длинный список; по крайней мере, Кемпт, Пак, Барнс, Маккиннон, Колборн, Хэй, Ламли, Росс, Хэлкетт, Бинг, Пакенхэм, Беквит и Барнард должны быть включены в этот список. Некоторые из них рано умерли или стали инвалидами, другие снова командовали бригадами при Ватерлоо, но никто, кроме Бинга, из этой череды имен, никогда не получал постоянного командования дивизией, хотя некоторые из них временно командовали дивизией на полуострове, когда их постоянные начальники были больны или отсутствовали. Только Росс и Пакенхэм были переведены в отдельное командование, оба в Америке. Первый возглавлял экспедицию, отправившуюся к Потوماку и Чесапику в 1813-14 годах; он взял Вашингтон энергичным ударом, но вскоре после этого пал в бою, проводя атаку на Балтимор, которая прекратилась, когда он пал. Экспедиция Пакенхэма в Новый Орлеан была чередой несчастий, из которых, по крайней мере, какую-то часть следует отнести к его собственной вине. Несомненно, что Веллингтон никогда не готовил генерала, который проявил бы себя первоклассным знатоком военного искусства; но его система (как мы уже говорили выше) не была рассчитана на развитие инициативы или уверенности в себе среди его лейтенантов.

Некоторые Неудовлетворительные Подчиненные

У Веллингтона были и другие подчиненные, о которых мы можем сказать, что они не справлялись со своей работой, даже выполняя отданные им приказы с обычной уверенностью в себе и трезвостью ума. Таковы были Спенсер и Слейд, которые были способны идти вперед только для выполнения определенного приказа; было необходимо, так сказать, чтобы их просто поставили, как трамваи на линию, и подтолкнули вперед, иначе они замедлили бы шаг и остановились из-за недостатка инициативы и движущей силы. Некоторые из них, такие как сэр

Уильям Эрскин, вызывавший излюбленное отвращение Веллингтона — но несменяемый из—за политического влияния, которое его поддерживало, - были положительно опасны из-за сочетания близорукости, беспечности и своеволия. В одном донесении Веллингтон говорит, что, по его мнению, у него немного не в порядке с головой.¹³¹ Поразительно, что после ошибок Эрскина при Казаль-Ново и Сабугале Веллингтон не избавился от него любой ценой; но он просто попытался направить его туда, где он вряд ли мог причинить большой вред, и продолжал торжественно повторять его имя с одобрением в своих депешах, наряду с именами всех других офицеров его ранга, пока несчастный не покончил с собой в момент безумия в промежутке между кампаниями 1812 и 1813 годов. Это был сильнейший случай затруднения, с которым Веллингтон, по соображениям политики и покровительства дома, не позаботился столкнуться решительным шагом, отправив домой генерала с позором. Но было несколько бригадных генералов, о назначении которых он не просил, которые ему не нравились, и чей отъезд с полуострова он приветствовал небольшим благодарственным псалмом в своих частных письмах.¹³² Безусловно, удивительно, что даже после 1811 года ему не дали свободы действий, чтобы избавиться от подчиненных, которые, как он знал, были некомпетентны или непокорны, так же как ему не дали полномочий повышать офицеров без утомительного упоминания Конной гвардии. Это правда, что в последние годы войны его рекомендации в целом (но не всегда) выполнялись; и все же потребовались целые месяцы, чтобы просьба, сделанная в письме из Саламанки или Мадрида, достигла Лондона, была там принята, а затем вступила в силу благодаря публикации "Газетт". Право наказывать или вознаграждать незамедлительно никогда не предоставлялось; всегда существовала длительная задержка. И как наказание, так и награда в значительной степени теряют свой благотворный эффект, когда между деянием и его последствиями проходит интервал в несколько месяцев. У Наполеона было уникальное преимущество в том, что он был одновременно главнокомандующим и раздавал милости и наказывал; с ним не терялось времени на пространные обращения к правительству своей страны.

ГЛАВА VIII

ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ: ШТАБ

Разобравшись с выдающимися личностями среди лейтенантов Веллингтона, остается поговорить об организации, благодаря которой его армия была приведена в движение.

Некоторые великие командиры во многом доверяли своему штабу и держали при себе самых способных подчиненных. В случае с Веллингтоном это было в высшей степени не так: он был так же не склонен обеспечивать себя постоянным начальником штаба, как и позволять официальному заместителю командующего сопровождать его армию. Обязанности, которые, согласно современным представлениям, должны были бы лежать на начальнике штаба, были им разделены между тремя офицерами, один из которых был совсем младшего ранга, и только один из них имел более высокое звание, чем полковник. Этими офицерами были военный секретарь, генерал-квартирмейстер и генерал-адъютант.

Военный министр был просто ответственен за правильное составление и передачу соответствующему лицу или ведомству корреспонденции главнокомандующего. Этот пост занимал с 27 апреля 1809 года по 19 сентября 1810 года подполковник Батерст из 60-го полка. В последний указанный день он отправился домой в отпуск, а капитан лорд Фицрой Сомерсет получил статус исполняющего обязанности секретаря и был утвержден в качестве фактического секретаря три месяца спустя, 1 января 1811 года. Этот офицер, которого лучше запомнили по его более позднему титулу лорда Раглана времен Крымской войны, занимал этот пост до конца войны, к тому времени он дослужился до звания полковника. Он был одним из самых доверенных подчиненных Веллингтона и его личным другом, но, будучи очень молодым и младше по званию всех руководителей департаментов, он ни в коем случае не был заметным фактором в ведении Веллингтоном войны. Фактически, он был не более чем секретарем, на что указывало его звание, и никоим образом не отвечал за организацию и не имел права давать советы.

Гораздо важнее были два великих руководителя департаментов, генерал-квартирмейстер и генерал-адъютант. На первого были возложены все вопросы, связанные с посадкой или высадкой, снаряжением, расквартированием, привалом, размещением лагерей и прокладыванием маршрута различными подразделениями армии. Он должен был передавать всем генералам, командовавшим ими, приказы главнокомандующего, и для этой цели имел под своим контролем ряд офицеров, носивших неуклюжие звания помощников генерал-квартирмейстера и заместителей помощников генерал-квартирмейстера. Из первых было пять, из последних семь, когда армия была впервые организована в апреле 1809 года, но их численность постоянно увеличивалась на протяжении всей войны, поскольку к каждому подразделению были прикреплены помощник генерал-квартирмейстера и заместитель помощника генерал-квартирмейстера, и по мере роста численности дивизий и бригад им подчинялись офицеры департамента генерал-квартирмейстера. Параллельно росло и число тех, кто оставался в штаб-квартире, непосредственно подчиняясь своему начальнику.

У Веллингтона есть интересный момент, описывающий отношения между дивизионными генералами и штабными офицерами министерства: он указывает, что, хотя последние являются органами штаба, имеющими дело с дивизиями, все же они находятся под командованием дивизионного генерала: и ответственность как за выполнение отданных через них приказов, так и за их действия в целом лежит на командире дивизии. “Каждый штабной офицер, - говорит он, - должен рассматриваться как действующий под прямым приказом и руководством вышестоящего офицера, для помощи которому он нанят и который несет ответственность за свои действия. Рассмотрение относительного положения генерала и штабного офицера в каком-либо другом свете привело бы к изменению характера Службы и, фактически, могло бы передать командование войсками младшему штабному офицеру вместо их генерального офицера”.¹³³

Генеральный квартирмейстер

Офицерам управления генерал-квартирмейстера, помимо своих обязанностей по перемещению армии или ее подразделений, часто приходилось выполнять независимую работу вдали от штабов, а иногда и от театра военных действий. Именно они делали топографические съемки, отчеты о дорогах и мостах, а также о ресурсах районов, через которые армии, возможно, придется двигаться в ближайшем или отдаленном будущем. В начале 1810

года было выпущено небольшое руководство под названием "Инструкции для офицеров департамента генерал-квартирмейстера", которое раздавалось всем его сотрудникам: оно содержит подборку приказов и бланков, относящихся ко всем возможным обязанностям, которые могли быть возложены на его получателей. Наиболее интересный раздел посвящен топографическим съемкам, к которому прилагается примерный отчет о дороге от Трухильо до Мерида, содержащий заметки обо всем, на что должен обращать внимание штабной офицер, — позициях, ущельях, размерах деревень, характере участков дороги, количестве кукурузных угодий в отличие от пастбищ или пустошей, предупреждениях о нездоровых местах, примечаниях о глубине рек и возможности перехода вброд и т.д.

Насколько я могу установить, у Веллингтона было только два генерал-квартирмейстера за весь длительный период его верховного командования. Полковник Джордж Мюррей из 3-го гвардейского полка занимал этот пост с апреля 1809 года по 28 мая 1812 года: его следует тщательно отличать от двух других Мюрреев, которые иногда упоминаются в депешах. Один из них - генерал-майор Джон Мюррей, который командовал бригадой в кампании в Порту, уехал домой, потому что считал, что Бересфорда несправедливо повысили в должности, а позже вернулся на полуостров на каталонской стороне, где он был ответственен за неумелые операции в Таррагоне. Другой - Джон Мюррей, генеральный комиссар. Когда Веллингтон иногда использует в своих донесениях такие фразы, как "Мюррей знает это" или "проследите, чтобы Мюррей был проинформирован", часто наиболее трудно быть уверенным, кто из трех человек имеется в виду. В начале 1811 года полковник Джордж Мюррей стал генерал-майором, а в мае следующего года, судя по всему, отправился домой. Его сменил на посту генерального квартирмейстера полковник Джеймс Гордон, которого, опять же, не следует путать с полковником сэром Александром Гордоном, который был одним из старших адъютантов Веллингтона и был убит при Ватерлоо. Это еще одна путаница между омонимами, которая часто создает проблемы. Если автор дневника говорит о "полковнике Гордоне", мы должны выяснить, какой из двух имеется в виду. Джеймс Гордон, исполнявший обязанности генерал-квартирмейстера с мая 1811 по январь 1813 года, уехал домой, а Джордж Мюррей, вернувшийся в начале того же года, отработал оставшиеся пятнадцать месяцев войны на своей старой должности.

Генерал-адъютант

Параллельно с генерал-квартирмейстером существовал другой крупный начальник отдела в штабе, генерал-адъютант, сферой деятельности которого были дисциплинарные и статистические вопросы. На него были возложены все детали распределения обязанностей, сбор и обобщение для использования главнокомандующим всех возвращений людей и лошадей в "утренних штатах" и т.д., Высший надзор за дисциплиной в армии и большая часть официальной переписки, которая не передавалась военному секретарю. Грубо говоря, на его долю выпало внутреннее состояние войск, в то время как их передвижение принадлежало генерал-квартирмейстеру. Он должен был помогать ему в первой организации армии в 1809 году: восемь генералов-помощников-адъютантов и шесть генералов-заместителей-помощников-адъютантов, но (как и в управлении генерал-квартирмейстера) количество подчиненных увеличивалось по мере продолжения войны, и время от времени создавались новые подразделения, поскольку к каждой дивизии был прикреплен генерал-адъютант.

Первым обладателем этой должности был генерал-майор distinguished . Чарльз Стюарт (впоследствии лорд Лондондерри, первый историк войны на полуострове), который исполнял свои обязанности с апреля 1809 по апрель 1813 года, всего четыре года. Затем его отправили с дипломатической миссией в Берлин, и Веллингтон предложил этот пост своему шурину, генерал-майору Эдварду Пакенхэму, который, будучи командующим 3-й дивизией, предпринял решающую атаку при Саламанке. Пакенхэм был генерал-адъютантом в последний год войны, с апреля 1813 по апрель 1814 года, и прямо из Бордо отправился командовать неудачной Новоорлеанской экспедицией, в ходе которой он погиб.

Следует отметить, что за пять лет своего командования на полуострове Веллингтон фактически имел в своем подчинении только двух генерал-квартирмейстеров и двух генерал-адъютантов — достаточное доказательство того, что, найдя своего человека, он остался верен ему. Чарльз Стюарт, служивший ему так долго, был персоной определенного политического значения, будучи братом и доверенным лицом лорда Каслри. В начале своего пребывания на этом посту он, кажется, иногда делал предложения своему начальнику, но не встречал особого поощрения, поскольку Веллингтон любил поступать по-своему и не поддавался влиянию даже своих высших штабных офицеров.¹³⁴ Он не хотел иметь рядом с собой Гнейзенау или Мольтке: ему нужны были только усердные и компетентные главные клерки.

Младшие руководители отделов

При штаб-квартире в дополнение к трем уже названным крупным функционерам были руководители нескольких других очень важных департаментов. Это были —

(1) Генерал-офицер, командующий королевской артиллерией, который осуществлял общее руководство батареями, приданными дивизиям, и более конкретный контроль над боевым составом и резервной артиллерией, когда они появились в 1811 году, а также над колоннами боеприпасов. Первым начальником артиллерии был бригадный генерал Э. Ховарт, прибывший в Лиссабон в 1809 году, примерно в то же время, что и сам Веллингтон. В 1811 году он был произведен в генерал-майоры и в том же году отправился домой. Затем командование быстро перешло из рук в руки. За Ховартом последовал генерал-майор Бортвик, который, по-видимому, пересек Веллингтон и вернулся домой в марте 1812 года, пробыв на этом посту менее года. Бортвика сменил полковник Х. Фрэммингем, а через несколько месяцев его сменил полковник Г. Б. Фишер, который (как и Бортвик) поссорился с главнокомандующим и подал прошение об отпуске, чтобы вернуться домой, прежде чем 1813 году исполнилось шесть месяцев. Затем, в конце мая, Веллингтон назначил командующим полковника Александра Диксона. Этот офицер последние два года командовал португальской артиллерией под командованием Бересфорда. Он принес такое удовлетворение при Родриго и Бадахосе, что Веллингтон вновь перевел его на британскую службу и завершил кампанию 1814 года с Диксоном во главе этого подразделения.

(2) После начальника артиллерии мы встречаем в качестве видной фигуры в штабе командующего королевскими инженерами. Он руководил своим личным составом и офицерами-инженерами, прикрепленными к дивизиям, и контролировал “королевских военных механиков”, как назывались рядовые сотрудники научного корпуса до 1812 года, когда они изменили свое название на королевских саперов и минеров.¹³⁵ Главный инженер также отвечал за инженерный парк и понтонный поезд. Офицером, занимавшим этот пост с 1809 года до своей гибели в Сент-Себастьяне в сентябре 1813 года, был полковник Ричард Флетчер, оставивший после себя известность как конструктор линий Торрес Ведрас. После его смерти

командование перешло к лейтенанту. -Полковник Эльфинстон, который отвечал за строительство знаменитого лодочного моста через устье реки Адур, сделавшего возможной осаду Байонны в 1814 году.

(3, 4) В штабе также находились офицеры, командующие кавалерией штаба корпуса и Корпусом проводников. Первое, небольшое подразделение численностью около 200 человек, созданное в 1812 году, выполняло полицейские обязанности армии и работало вместе с главным маршалом. Иногда их также нанимали в качестве санитаров и на другие конфиденциальные должности. ¹³⁶ Проводники также были небольшим отрядом, численностью около 150-200 человек, частично британцами, частично португальцами, причем последние преобладали. Их выделяли по двое или по трое, чтобы они выполняли функции переводчиков и проводников для частей войск, передвигавшихся по неизвестной им стране. По этой причине они должны были быть двуязычными: либо англичане немного знали португальский, либо португальцы немного знали английский, поскольку им всегда приходилось выступать посредниками между армией и крестьянством, наводя справки о дорогах, припасах и т.д. Офицер, командовавший Проводниками, отвечал также за почтовое отделение и передачу писем на фронт и обратно.

(5) Главный маршал также был прикреплен к штабу: в его ведении находились все заключенные, подлежащие суду общего военного трибунала, дезертиры и военнопленные. У него были юрисдикционные полномочия в отношении преступников, пойманных с поличным, но, как замечает Веллингтон, “Каким бы ни было преступление, в котором виновен солдат, главный маршал не имеет права назначать за него дисциплинарное наказание, если только он не увидит его на месте совершения”. ¹³⁷ Мужчин, арестованных только на основании улик, должен был судить военный суд. Для лучшего управления этими последними Веллингтон в 1812 году добавил в свой штат генерального судью-адвоката, в обязанности которого входило следить за тем, чтобы судебные процессы проводились с соблюдением надлежащих форм и должной оценкой достоверности доказательств, в которых, по мнению главнокомандующего, они часто терпели неудачу. Мистер Фрэнсис Ларпент, оставивший интересный дневник своих обязанностей и личных приключений, исполнял функции этой должности с момента своего прибытия в конце 1812 года и до конца войны. ¹³⁸

Что касается адъютантов, то Веллингтон держал их очень ограниченное число — в ходе войны он нанял всего около двадцати человек, и не более восьми или десяти одновременно. Почти все они были молодыми людьми из великих политических семей, ¹³⁹ почти половина из них были гвардейскими офицерами, а остальные в основном принадлежали к кавалерии. Принц Оранский служил среди них в 1811-12 годах. Никто из них, за исключением лорда Фицроя Сомерсета (лорда Раглана) и полковника Кадогана, не достиг какого-либо высокого военного положения или репутации.

Вот и вся военная часть штаба. К нему также были присоединены семь гражданских департаментов, малых и крупных, список которых, возможно, стоит привести. Об одном или двух из них нам придется более подробно поговорить в последующих главах— в частности о комиссариате и Медицинском департаменте. Они состояли из—

(1) Медицинский департамент при инспекторе госпиталей, который в целом отвечал за врачей, хирургов, ассистентов и т.д., прикрепленных к различным подразделениям армии. В автобиографии сэра Джеймса Макгригора, начальника медицинского штаба в 1812-13-14 годах, есть превосходный отчет об управлении этим отделением и всех его трудностях. Его

предшественником после первой высадки Веллингтона в 1809 году был доктор Франк, который стал инвалидом осенью 1811 года.

(2) Отдел снабжения был независим от медицинского, хотя вполне мог быть прикреплен к нему: учреждение состояло из Поставщика для Вооруженных сил с заместителями и помощниками, которые отвечали за больницы и все необходимые для них материалы и детали — от лекарств для больных до расходов на погребение умерших.

(3) Генеральный казначей со своими помощниками отвечал за передачу полученных денег полковым казначеям различных подразделений. Он был очень встревоженным человеком, обычно задолжавшим от трех до шести месяцев наличными, причем не по своей вине, а из-за огромных трудностей с получением звонкой монеты, дублонов и “крусадос новос”, которые единственные имели хождение на полуострове до последнего периода войны. Было бесполезно выдавать войскам английские деньги, поскольку местные жители не принимали крон и гиней и отказывались даже смотреть на однофунтовые банкноты, которые в тот период были почти единственным средством обращения в Великобритании. Только в конце года войны правительства Испании и Португалии наконец ввели пошлины на золотую гинейю, и она стала легко доступной.¹⁴⁰

Комиссариат

(4) Самым важным из всех Гражданских ведомств был Комиссариат при генеральном комиссаре, который имел в своем подчинении заместителей генерального комиссара, помощников и заместителей помощников комиссаров, клерков комиссариата и многих других подчиненных. Отдел был разделен на два отделения: магазины и бухгалтерии. Пост генерального комиссара последовательно занимал Джон Мюррей (уже упомянутый выше) с 1809 по июнь 1810 года, Кеннеди с июня 1810 по сентябрь 1811 года и Биссет с сентября 1811 года и далее. Помощник комиссара был прикреплен к каждой пехотной бригаде и каждому кавалерийскому полку, но один чиновник должен был заботиться о нуждах всей артиллерии армии, а другой - о нуждах штаба.¹⁴¹

Все будущее армии в 1809 году зависело от того, сможет ли Комиссариатский отдел справиться со своими обязанностями. Было абсолютно необходимо, чтобы Веллингтон мог сохранять сосредоточенность своей армии, если эти небольшие силы в 20 000 или 30 000 человек хотели иметь какой-либо вес в ведении войны на полуострове. Сильно проклинаяемый и критикуемый комиссариат преуспел в выполнении своего долга, и продолжительность времени, в течение которого британская армия могла сохранять концентрацию, была предметом зависти французов, которые, живя за счет страны, были вынуждены рассеиваться всякий раз, когда они исчерпывали ресурсы конкретного региона, в котором они были сосредоточены. В некотором смысле этот факт стал ключом ко всей войне. Спасение Веллингтона заключалось в том, что он мог удержать всю свою армию вместе, в то время как его противники не могли. На это преимущество он полагался снова и снова: от него зависела вся его стратегия. Как работал комиссариат, мы покажем в следующей главе.

(5) Главный кладовщик отвечал за полевое снаряжение, палатки и тяжелый армейский багаж. Часто тяжелый багаж оставляли в Лиссабоне, и на протяжении 1809-10-11 годов ни одной палатки на фронт не брали. Только во время кампании в Виттории и Южно-Французской

кампании вся армия регулярно перевозила их. В те дни, когда движение транспортных поездов не было полностью организовано, было необходимо оставлять даже ценные препятствия.

(6) Контролеру армейских счетов все департаменты, за исключением Комиссариата, представили свои статистические данные о полученных и потраченных деньгах.

(7) Наконец, мы можем назвать типографию, поскольку передвижная типография и небольшой штат военных типографщиков сопровождали штаб, когда это было возможно, и печатали общие приказы и другие документы и бланки, которых требовалось много копий. Я видел большую часть его работы в Архиве, [142](#) но никогда не сталкивался с отчетом о его организации или какими-либо анекдотами о его бродячей жизни, в которой он, должно быть, прошел через множество превратностей. Пресса находилась под общим надзором генерал-адъютанта.

ГЛАВА IX

ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ: БРИГАДЫ И ДИВИЗИИ

Вероятно, некоторые читатели удивятся, узнав, что сэр Артур Уэлсли участвовал в первой кампании, в которой он принимал верховное командование, в кампании при Порту в мае 1809 года, не имея более организованного подразделения, чем бригада. Но факт остается фактом: 18 000 пехотинцев, которыми он мог располагать, были разделены на восемь бригад по два-три батальона в каждой, численностью от 1400 до 2500 штыков. Но Уэлсли не так уж запоздал с формированием дивизий, как можно было бы подумать. Они все еще были скорее необычным, чем обычным подразделением для британской армии: действительно, в подавляющем большинстве экспедиций, в которых Великобритания участвовала с 1793 года, численность была настолько мала, что не требовалось никакого подразделения выше бригады. Но примечательно, что ни в первой экспедиции герцога Йоркского в Нидерланды в 1793-94 годах, ни во второй в 1799 году, ни в египетской кампании Аберкромби 1801 года дивизии сформированы не были — хотя в каждом из этих случаев были собраны очень большие силы. Когда несколько бригад действовали вместе, не находясь под непосредственным наблюдением главнокомандующего, присутствующий старший бригадир временно брал на себя руководство сбором. В Нидерландах Йорк обычно говорит о своей армии как о разделенной на “колонны” по две или три бригады в каждой, [143](#) но в их расположении не было постоянства. Аберкромби, с другой стороны, в последней депеше, которую он написал перед своей победой и смертью в Александрии, излагает теоретическую организацию, согласно которой армию следует рассматривать как разделенную на три “линии” — первая состоит из трех бригад, вторая и третья по две в каждой. Если слово *division* используется в каких-либо официальных документах этих кампаний, этот термин не имеет военно-технического смысла, а используется как расплывчатый синоним подразделения или части армии. [144](#) Действительно, насколько я знаю, первыми британскими войсками во время великой французской войны, которые были сформированы в дивизии в собственном современном смысле, была армия, участвовавшая в Копенгагенской экспедиции 1807 года, которая регулярно распределялась на четыре таких подразделения, каждое под командованием генерал-лейтенанта, и каждое состояло из двух,

трех или четырех слабых бригад, обычно всего из двух батальонов. Это были силы численностью около 26 000 человек.

Первоначальная армия полуострова в 1808 году, высадившаяся в устье Мондего и выигравшая битву при Вимейру, была недалеко, таким образом, от того, чтобы стать первыми британскими войсками, организованными в дивизии. Можно отметить, что они были скорее теоретическими, чем реальными, поскольку несколько бригад еще не высадились, когда сражались за Вимейро, и Уэлсли, находясь под временным командованием, использовал неполную армию по бригадной системе: в том сражении не будет найдено никаких следов использования дивизий в качестве реальных подразделений. Действительно, даже теоретический состав некоторых бригад отличался от того, который реально наблюдался в действии. На полуострове не было сформировано ни одной настоящей дивизии, пока сэр Джон Мур не принял командование армией, из которой были уволены и отправлены домой ее старые начальники Дэлримпл, Берранд и сам Уэлсли. Поэтому мы не должны удивляться, обнаружив, что в течение трех месяцев после высадки в Лиссабоне в апреле 1809 года Уэлсли объединял свои 21 000 британских солдат в отдельные бригады, соединенные лишь формально и временно, под началом старшего бригадира, когда двое или более случайно образовывали маршевую или боевую единицу.

Но два других момента, касающихся кампании Уэлсли в Порту, заслуживают внимания. Это был первый и единственный случай, когда он попробовал эксперимент по смешению британских и португальских полков в одной бригаде. ¹⁴⁵ К пяти из восьми бригад, составлявших его пехоту, был придан португальский батальон, отобранный как один из лучших из довольно беспорядочного сборища, которое Бересфорд собрал в Абрантише и Томаре. Хотя португальцы неплохо сражались во время этой короткой кампании и с похвалой упоминаются в донесениях Уэлсли, тем не менее эксперимент не был продолжен, очевидно, потому, что было установлено, что он не сработал должным образом. Пять португальских батальонов были отправлены обратно в Бересфорд вскоре после падения Порту.

Другой момент, который следует отметить при рассмотрении организации Уэлсли своей армии в кампании в Порту, заключается в том, что он уже начал систему усиления своих стрелков путем добавления к ним стрелковой роты на бригаду, все взяты из 5/60-го. Важность такого расположения в общей схеме его тактики уже объяснялась в предыдущей главе. ¹⁴⁶

Вот и вся первая организация армии Уэлсли. Это не продлилось и трех месяцев, ибо 18 июня 1809 года Общий приказ, датированный канцелярией генерал-адъютанта в Абрантеше, дал армии организацию по дивизиям, в соответствии с которой она должна была одерживать все свои последующие победы. Среди некоторых незначительных указаний относительно фуража и боеприпасов появляется пункт о том, что “поскольку погода сейчас позволяет войскам расквартироваться и они могут двигаться большими группами, бригады могут быть преобразованы в дивизии следующим образом”.

Первоначальные Четыре Подразделения

Первоначальная дислокация предусматривала только четыре дивизии, из которых первая состояла из четырех бригад, остальные три - по две бригады в каждой. Все батальоны в них состояли на британской службе, португальцев среди них не было. Четыре линейных батальона Королевского германского легиона были организованы сначала как одна, а затем как две

бригады Первой дивизии. Из десяти бригад, на которые теперь была разделена пехота армии, семь имели только два батальона, остальные три - по три батальона в каждой. Кавалерия, которая недавно была увеличена за счет прибытия двух полков из Англии, была организована как подразделение из трех бригад по два полка в каждой. Артиллерия, из которой только пять полевых батарей (или “рот”, как их тогда называли) прибыли на фронт, еще не была придана отдельным дивизиям на постоянной основе, хотя некоторые подразделения, как правило, действуют в составе одной дивизии.

Что касается командования дивизиями, Веллингтон предполагал, что каждая из них в конечном итоге должна находиться в ведении генерал-лейтенанта; но поскольку в его распоряжении было только три офицера такого ранга — Хилл, Шербрук и командующий кавалерией Пейн, — общий приказ предписывает, что “старшие генералы бригад соответственно примут командование дивизией, в которую дислоцируются их бригады, до тех пор, пока другие генерал-лейтенанты не присоединятся к армии”. Это поставило двух бригадиров, Маккензи и А. Кэмпбелла, временно во главе 3-й и 4-й дивизий, Шербрук занял 1-ю, а Хилл - 2-ю. Шербрук вернулся домой до истечения года, но Хилл должен был оставаться командующим 2-й дивизией на протяжении всей войны, за исключением коротких периодов, когда он был в отпуске. Но в течение последних трех лет его пребывания на полуострове, когда он практически исполнял обязанности командира армейского корпуса, 2-я дивизия фактически находилась под руководством Уильяма Стюарта в качестве его заместителя. Единственное изменение, внесенное во внутреннюю организацию созданием новых дивизий, заключалось в том, что к каждой из них были прикреплены помощник генерал-адъютанта, генерал-квартирмейстер и маршал-провост, и что бригадирам, действующим в качестве командиров дивизий, было разрешено взять несколько дополнительных адъютантов.

Перестановки после Талаверы

Именно с этой организацией армия Веллингтона прошла кампанию под Талаверой и завершившее ее отступление в Гвадиану. Все силы были британскими, ни одного сопровождающего их португальского батальона. Войска этой страны этим летом использовались под командованием Бересфорда для прикрытия границы Бейры, между Доуру и Тежу. Задолго до окончания кампании в Лиссабон начали прибывать новые британские подкрепления, которые были отеснены на некоторое расстояние вглубь страны. Одна бригада, состоявшая из трех легких батальонов, [147](#) под командованием Роберта Кроуфорда, впоследствии прославившаяся в анналах полуострова как ядро “Легкой дивизии”, вышла на фронт после грандиозного марша — несколько преувеличенного Напье и традицией - всего через день после битвы при Талавере. Уэлсли включил его в состав 3-й дивизии, в которой он завершил кампанию. Было еще семь батальонов [148](#), которые не продвинулись так далеко вперед и в конечном итоге присоединились к португальцам Бересфорда на границе с Испанией. В сентябре Веллингтон отвел эти войска, чтобы присоединиться к нему в Эстремадуре, и сформировал из них по третьей бригаде для своих 2-й и 4-й дивизий. Но примерно в это время происходила переброска батальонов из дивизии в дивизию, описывать которую в деталях было бы утомительно. Конечным результатом было то, что в конце 1809 года Веллингтон располагал четырьмя гораздо более сильными дивизиями, чем летом: 1-я насчитывала девять батальонов вместо прежних восьми, 2-я - десять вместо шести, 3-я - все еще шесть, а 4-я - восемь вместо пяти.

Первые месяцы 1810 года Веллингтон провел в выжидательной позиции за португальской границей, ожидая неизбежного французского вторжения при Массене, о котором так долго объявляли и которое так долго откладывали. В это тревожное время, которое долго откладывалось, в то время как линии Торриш-Ведрас усердно приближались к завершению, Веллингтон осуществил некоторые наиболее важные изменения в организации своей армии, которые сделали ее (за исключением простой численности) именно такой, какой она должна была оставаться до конца войны.

Наиболее заметным из этих изменений было то, что он решил вернуться к своему старому плану от апреля 1809 года по смешению португальских и британских войск. Однако это приняло новую форму: вместо того, чтобы размещать батальоны каждой национальности бок о бок в своих бригадах, он придал португальскую бригаду из четырех или пяти батальонов большинству своих британских дивизий в качестве отдельного подразделения. Эта система была введена в 3-й и 4-й дивизиях 22 февраля 1810 года. Полноценная португальская бригада состояла из двух линейных полков (каждый из двух батальонов) и одного касадорского или стрелкового батальона. Последний всегда использовался для боевых действий бригады; когда к нему присоединились четыре легкие роты линейных батальонов, это дало подразделению очень большую долю легких войск. Это Веллингтон счел необходимым из-за неопытности всей португальской армии, которая еще не принимала серьезного участия ни в каких общих действиях. Осенью они оправдали доверие Веллингтона в битве при Буссако, где все они, и особенно два касадорских батальона, приданных Легкой дивизии, сыграли в высшей степени достойную роль.

Легкая Дивизия

Вторым великим нововведением, внесенным весной 1810 года, было создание знаменитой легкой дивизии, которая появилась на свет 22 февраля 1810 года; она была сформирована путем изъятия бригады Роберта Кроуферда, 1/43-й, 1/52-й и 1/95-й из состава 3-й дивизии и добавления к ним вышеупомянутых двух португальских батальонов "касадор". План Веллингтона состоял в том, чтобы произвести для всей армии путем учреждения этого нового подразделения то, что он уже сделал для отдельных бригад, когда в апреле 1809 года добавил к ним стрелковые роты. Легкая дивизия должна была стать, так сказать, защитным экраном для всей армии — ее стратегическим боевым порядком, выдвинутым далеко впереди остального войска, чтобы сдерживать французов до самого момента сражения и скрывать расположение основных сил. Во главе этого небольшого корпуса отборных легких войск был поставлен Роберт Кроуферд, которого Веллингтон по праву считал своим лучшим офицером для работы на заставах и в разведке. О том, насколько хорошо этот доверенный подчиненный выполнял возложенные на него обязанности, рассказывается в главе, посвященной его характеру и подвигам. На протяжении всей войны Веллингтон использовал Легкую дивизию в качестве прикрытия, для своего авангарда, когда он двигался на фронт, для своего арьергарда, когда он отступал, и она никогда не предавала его, даже после того, как смерть Кроуферда оставила управление ею в руках начальников, которые не всегда были людьми с особыми способностями.

После создания Легкой дивизии у Веллингтона было пять дивизий вместо четырех, и еще одна была добавлена к ним летом 1810 года, когда в августе он создал 5-ю дивизию, которой так долго командовал генерал Лейт. Она была сформирована путем присоединения к британской бригаде, недавно прибывшей из Англии, [149](#) двух до сих пор не задействованных португальских

бригад. Вторая британская бригада была предоставлена Лейту в октябре из войск, недавно прибывших из Кадиса. ¹⁵⁰ Получив их в свое распоряжение, 5-я дивизия отбросила одну из своих португальских бригад и стала подразделением нормальной формы и численности, состоящим на две трети из британцев и на треть из португальцев. Однако он получил свой батальон касадор (набранный из Лузитанского легиона) только в 1811 году.

Таким образом, во время кампании при Буссако у Веллингтона было шесть дивизий — старые, пронумерованные с 1-й по 4-ю, Легкая дивизия и недавно созданная 5-я. В дополнение к португальским бригадам, которые теперь были включены в состав дивизий, оставалось еще шесть бригад этой страны, которые все еще не были приданы. Из этих двух, под командованием бригадиров Арчибальда Кэмпбелла и Фонсеки, была сформирована дивизия под командованием генерала Гамильтона, которая всегда маршировала со 2-й дивизией Хилла, но никогда официально не входила в ее состав. Но поскольку Гамильтон неизменно перемещался вместе с Хиллом, эта пара подразделений с их десятью британскими и восемью португальскими батальонами практически образовала двойную дивизию, или небольшой армейский корпус, если к нему можно применить термин, который Веллингтон никогда не использовал на полуострове. ¹⁵¹ Оставались еще четыре независимые португальские бригады, бригады Пака, Алекса. Кэмпбелл, Коулман и Брэдфорд. К следующему году их число сократилось до двух, поскольку одна бригада была отозвана для службы в новой британской 7-й дивизии, а другая — во 2-й. Уцелевшие подразделения оставались отдельными бригадами до конца войны под командованием ряда командиров, за сменой которых иногда трудно уследить. ¹⁵² Они часто сопровождали основную армию, но иногда были отделены от нее для выполнения особых обязанностей, когда требовались силы меньше дивизии, в качестве отряда для вспомогательной операции.

Создание 6 - й и 7 - й дивизий

Придание армии полуострова ее окончательной формы, которая больше не подлежала изменению, произошло во время ее пребывания на рубежах Торриш-Ведрас зимой 1810-11 годов. Именно тогда были созданы два младших подразделения: 6-е в октябре и 7-е в начале марта. Их появление на поле боя было, конечно, связано с прибытием значительного количества свежих батальонов из Англии осенью и зимой. Но Веллингтон не стал забирать всех новоприбывших и формировать из них свежие дивизии. 6-я дивизия была сформирована путем взятия старой бригады (Арчибальда Кэмпбелла) из 4-й дивизии и объединения ее с дополнительной португальской бригадой 5-й дивизии. ¹⁵³ Вторая британская бригада 6-й дивизии была предоставлена несколько месяцев спустя из вновь прибывших войск из Англии. ¹⁵⁴ 4-я дивизия получила компенсацию за бригаду, которую она передала 6-й, приняв бригаду (Пакенхэма) из 1-й дивизии, в то время как 1-я дивизия, чтобы заменить это последнее подразделение, получила три батальона ¹⁵⁵, которые только что вернулись из дома.

Это была сложная перестановка, направленная на обеспечение высокого качества в дивизиях за счет сочетания недавно прибывших батальонов и батальонов ветеранов. Но при организации своего последнего творения, 7-й дивизии, Веллингтону обстоятельства помешали осуществить тот же мудрый план. Сильно запоздавшая с прибытием в Лиссабон из-за встречных ветров последняя партия подкреплений, отправленная ему для кампании 1811 года, высадилась, когда основная армия уже преследовала Массену, который только начал отступление из Сантарена. Веллингтон был вынужден держать их вместе, поскольку у него не было времени распределять

их, когда все войска были в движении. 7-я дивизия поначалу была очень слабой и насчитывала всего одну бригаду на британском жаловании, состоящую из двух английских и двух иностранных корпусов, [156](#) и одной португальской бригады (Коулман). Еще два иностранных корпуса, принадлежавших Немецкому [157-му](#) легиону, сформировали вторую бригаду 7-й дивизии, но присоединились к ней только летом, будучи тем временем отвлечены на другое поле боя.

На 7-ю дивизию некоторое время смотрели как на "гадкого утенка", или отсталое дитя армии. Имея всего от двух британских до четырех иностранных батальонов, его иногда называли "Монгрелз"; его первый дебют в бою при Фуэнтес-де-Оньоро был не очень удачным, поскольку французская кавалерия развернула и частично уничтожила силы дальнего фланга. После этого он больше года всерьез не участвовал в боях. Более того, иностранцы заработали дурную репутацию из-за своей привычки к дезертирству - привычки, которая была не совсем противоестественной, поскольку они были в основном завербованы на понтонах и в лагерях военнопленных в Англии. [158](#) Отсюда жестокая шутка в списке прозвищ дивизии, данном несколькими авторами дневников с полуострова. Прозвища звучат так: Легкая дивизия, *The*-я не сомневаюсь, что это название, данное ей ее гордыми членами. Первая дивизия: "Сыновья джентльменов", потому что в ее состав входила одна, а затем и две бригады пехоты. Вторая дивизия называется "Наблюдательной", потому что ее так часто выделяли в качестве сдерживающей силы против Сульта на стороне Эстремадуры и Андалусии, в то время как основные силы были более активно задействованы на стороне Леона. Это настолько было его обязанностью, что он присутствовал только на одном общем мероприятии, в Альбуэре, в период с осени 1810 по лето 1813 года. Между этими датами было несколько блестящих эпизодов, таких как внезапный захват Арройо дос Молинос и штурм фортов Альмараса. 3-я дивизия называлась "Боевая дивизия", ее пламенный лидер Пиктон вывел ее на передовые позиции в битвах при Буссако и Фуэнтес-де-Оньоро, не говоря уже о более мелких сражениях, таких как Рединья или Эль-Бодон; она также выполнила самую тяжелую работу при штурмах Сюэдад-Родриго и Бадахоса. 4-я дивизия называлась "Вспомогательной дивизией". Я полагаю, потому, что она была отправлена на поддержку 2-го полка в Эстремадуре и наиболее эффективно выполняла этот долг в Альбуэре. [159](#) 5-я дивизия называлась "Пионеры", название, источник которого я не могу объяснить: возможно, оно относится к каким-то дорожным работам, выполненным в 1810 году. 6-я была "Маршевой дивизией", в основном, я полагаю, названной так потому, что вплоть до Саламанки она сопровождала все крупные передвижения Веллингтона с севера на юг и с юга на север, но ей так и не посчастливилось попасть в гущу сражения. Однако в Саламанке было столько сражений, сколько только мог пожелать любой мужчина. Примечание к 7-й дивизии, однако, очень злонамеренное: "Мы *слышали* что существует Седьмая дивизия, но мы никогда не *видели* ее". Дело в том, что после неудачи при Фуэнтесе и нескольких неудачных осадных работ во второй лиге Бадахоса это подразделение в течение двух лет почти не участвовало. Однако в 1813 году она прославилась в битвах при Пиренеях, и прорыв бригады Барнса к французской линии фронта был назван Веллингтоном лучшей и наиболее эффективной атакой, которую он когда-либо видел.

Перестановка подразделений

После создания 7-й дивизии в марте 1811 года Веллингтон больше никогда не организовывал новую дивизионную единицу. Он получил, конечно, большое количество новых батальонов в течение 1811-12-13 годов, но довольствовался добавлением их по одному или по два к

существующим бригадам или, самое большое, придал две или три из них в качестве свежей бригады одной из старых дивизий. Первая практика была более обычной: единственными примерами последней, которые я помню, было то, что в 1812 году 1-я дивизия получила вторую гвардейскую бригаду, а в 1813 году новую линейную бригаду (лорда Эйлмера) из только что прибывшего подкрепления. Увеличение общего числа батальонов на фронте было не так велико, как можно было ожидать, потому что время от времени корпуса, поредевшие почти до полного исчезновения, отправлялись обратно в Англию для набора и реорганизации. Количество британских батальонов (включая Королевский германский легион и два других иностранных корпуса) в составе полевой армии Веллингтона в марте 1811 года составляло пятьдесят восемь; в марте 1814 года их было не более шестидесяти пяти, прирост составил всего семь единиц. Произошел значительный обмен службой между 1—м и 2-м батальонами полков - в нескольких случаях, когда 2-й батальон был первоначальным подразделением армии полуострова, он отправлялся домой, когда первый батальон выходил, возвращаясь простым *составом* офицеров и сержантов, после передачи своих исправных рядовых вновь прибывшему родственному подразделению. [160](#)

Произошло всего две более значительные перестройки внутренней организации подразделения. Одно произошло в мае 1811 года из-за ужасающих потерь, понесенных 2-й дивизией при Альбуэре. Из семи батальонов, составлявших бригады Колборна и Хогтона, которые были так ужасно потрепаны при удержании важнейших высот, два были отправлены домой, а четыре других сократились в единую бригаду. Чтобы занять место исчезнувшего подразделения, целая бригада (Говарда) была переведена из 1-й во 2-ю дивизию и стала ее частью до конца войны. Зимой 1812-13 годов, после отступления из Бургоса, также произошла переброска двух бригад из одного подразделения в другое.

Однако обычная дивизионная организация оставалась неизменной с 1811 года, а именно. за тремя исключениями, каждая дивизия на оставшиеся три года войны состояла из двух британских бригад и одной португальской, причем в первой обычно было по три батальона в каждой, а во второй - по пять. Это правило действовало для 3-го, 4-го, 5-го, 6-го, 7-го дивизионов. Легкая дивизия, меньшая по численности, чем остальные, насчитывала всего три (или три с половиной) британских батальона и два португальских касадорских. Только в 1-й дивизии не было приданных португальцев, но одна из ее трех (после 1813 года *четырёх*) бригад была иностранной и состояла из линейных батальонов Королевского германского легиона. Во 2-й дивизии (как объяснялось выше) было три британские бригады и ни одной португальской, но к ней был придан португальский язык Гамильтона (и в 1812-14 годах Эшворта), так что она не так сильно отличалась от обычной расстановки, как в 1-й дивизии.

Было бы не совсем точно сказать, что британская бригада всегда насчитывала ровно три батальона. У некоторых было четыре, у одного пять, некоторые появлялись только с двумя, но Веллингтон обычно доводил их количество до трех батальонов, как только мог, за исключением двух случаев. В гвардейских бригадах 1—й дивизии два батальона всегда были настолько сильны, что на двоих они давали 1800 или 2000 штыков в начале кампании - это было столько же, сколько выпускало большинство трехбатальонных бригад. Более того, высказывались возражения против объединения в бригады подразделений гвардии и линейных войск. В Легкой дивизии 1/43-я и 1/52-я также были очень сильными и хорошо укомплектованными: каждая составляла ядро небольшой бригады, остальная часть которой состояла из португальского батальона "касадор" и определенного количества (часто шести) рот 95-го стрелкового полка.

Англо-Португальский дивизион

Грубо говоря, таким образом, англо-португальская дивизия обычно насчитывала менее 6000 человек, за исключением Легкой дивизии, численность которой составляла менее 4000 человек, и 1-й дивизии, которая в 1810 и снова в 1813 годах насчитывала четыре бригады и более 7000 человек. Из 5500 или 5800 человек в одной из обычных дивизий около 3500 были британцами, а 2000 (или чуть больше) - португальцами. Португальский. 2-я дивизия, однако, состояла из двух частей: 5500 британцев и приданных им 6500 португальцев Гамильтона и Эшворта.

Смешение национальностей в дивизиях, обычное для пехоты, было почти неизвестно в кавалерии. Те немногие португальские полки, которые выходили на поле боя — по—моему, их никогда не было больше семи, часто только четыре, — обычно держались отдельно. В течение первых трех лет войны у Веллингтона было так мало кавалерийских полков обеих стран, что не было никакой возможности разделить их на дивизии. В 1809 году, как уже говорилось, ¹⁶¹ на полуострове было всего шесть британских кавалерийских полков, разделенных на три слабые бригады. В 1810 году к ним присоединился еще один корпус, а в весенних кампаниях 1811 года, когда он оставил три полка с Бересфордом на юге, ему оставалось взять с собой всего четыре полка для преследования Массены и битвы при Фуэнтес—де—Оноро - жалкий запас - 1500 сабель на армию численностью более 30 000 человек, что составляло примерно четверть от надлежащей пропорции в те дни.

Только позже, в 1811 году, Веллингтон получил кавалерийское подкрепление, которое более чем удвоило его конную силу, доведя ее до пятнадцати британских и немецких кавалерийских полков. Затем он, наконец, разделил их на две дивизии: одну из одиннадцати полков, следовавшую за его основной армией, другую только из четырех полков, которую он оставил с Хиллом в Эстремадуре. Но ни в один из них не было введено ни одного португальского полка, хотя он взял с собой одну бригаду (Д'Урбана) для кампании в Саламанке и оставил две бригады (или четыре полка) с южными силами (силами Отуэя и Мэддена).

Но организация в две кавалерийские дивизии была прекращена весной 1813 года — Веллингтон имел неприятный опыт неспособности генерала Эрскина, командовавшего небольшой второй дивизией, и, поскольку Эрскин теперь был мертв, до конца войны все семь кавалерийских бригад теоретически снова были сведены в одну дивизию под командованием выбранного Веллингтоном командира кавалерии сэра Стэплтона Коттона. Фактически, Коттону не разрешалось самостоятельно командовать ими, и бригады перебрасывались по двое или по трое под прямым приказом главнокомандующего. Веллингтон никогда не использовал свою кавалерию массово для какого-либо крупного отдельного маневра. Он использовал их для разведки, для прикрытия своего фронта и для защиты флангов, иногда (но редко и небольшими подразделениями) для нанесения удара в бою, такого, какой нанесли тяжелые драгуны Ле Маршана при Саламанке или немцы Бока при Гарсия-Эрнандесе на следующий день. Но об этом мы уже говорили, когда касались общего характера тактики Веллингтона.

Распределение батареек

Правило сочетания британских и португальских частей, которое преобладало в пехоте, но не в кавалерии, можно было найти и в артиллерии. В 1810 году, когда Веллингтон включил португальскую пехотную бригаду в каждую из своих дивизий, он также придал нескольким из

них батареи португальской артиллерии. Его довольствие британскими артиллеристами было настолько небольшим, что в 1811 году, когда он сформировал две свои последние пехотные дивизии, он не смог бы выделить по одной полевой батарее для каждой из своих восьми частей, если бы не обратился за помощью к своим союзникам. Во времена Фуэнтес-де-Оньоро и Альбуэры на поле боя находились только три британские батареи конной артиллерии (приданные кавалерии и легкой дивизии) и пять британских полевых батарей, приданных пехотным дивизиям. 3-я и 7-я дивизии располагали только португальскими орудиями. Но, используя очень эффективную артиллерию союзной страны в количестве восьми единиц, Веллингтон смог выстроить в линию тринадцать полевых батарей, что позволило ему снабдить 2-ю, 3-ю, 5-ю, 6-ю и португальскую дивизии Гамильтона двумя батареями в каждой, 1-ю, 4-ю и 7-ю - по одной в каждой. Две нации столь же успешно работали в унисон как в артиллерии, так и в организации пехоты.

Благодаря прибытию новых батарей из дома Веллингтон смог в 1812 году не только выделить одну или две полевые батареи каждой дивизии, за исключением Легкой (которая сохранила свою старую конно-артиллерийскую роту майора Росса), но и собрать небольшой резерв, который принадлежал всей армии, а не какой-либо конкретной дивизии. В 1813-14 годах он был еще сильнее, хотя масса орудий, которыми он мог располагать, никогда не была такой мощной по сравнению со всей его армией, как та, которую обычно использовал Наполеон.

ГЛАВА X

ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ: ПОЛКИ

В 1809 году, когда Веллингтон принял командование в Португалии, пехота британской армии состояла из 3 полков пехоты и 103 линейных полков, а также 10 батальонов Королевского германского легиона, 8 вест-Индских полков, 8 батальонов ветеранов и еще около десяти различных иностранных и колониальных корпусов. Из 103 линейных полков большинство, 61, имели по 2 батальона. Из оставшихся один (60-й или Королевский американский) имел 7 батальонов, один (1-й королевский шотландский) - 4, три (14-й, 27-й и 95-й) - по 3 каждый, в то время как остальные 37 были однобатальонными полками.¹⁶² Поскольку 1-й пехотный полк имел 3 батальона, а Колдстрим и шотландский стрелковый полк - по 2 каждый, общее количество британских батальонов составляло 186 человек.

Причина любопытного расхождения в количестве батальонов в различных полках заключалась в том, что (не считая гвардии, шотландской королевской семьи и американской королевской семьи, у которых всегда было больше батальона, чем один, даже в восемнадцатом веке) британская армия на момент разрыва Амьенского мира в 1803 году состояла из полков с одним батальоном. С началом войны пятидесяти полкам на Британских островах и других базах базирования было приказано сформировать вторые батальоны,¹⁶³ а чуть позже те же указания были даны еще нескольким. Двум корпусам (14-му и 27-му) удалось собрать два свежих батальона, как и Королевскому шотландскому полку, который уже состоял из двух батальонов. Но немногим полкам, служившим за морем, было приказано провести такое же расширение из-

за их удаленности от рекрутских центров; они оставались однобатальонными полками, за исключением того, что 35-й, 47-й и 78-й, хотя они были расквартированы соответственно на Мальте, Бермудских островах и в Индии, предоставили себе второй батальон. Семь новых полков, сформированных в 1804 году или после него (их было от 97 до 103), остались от первого до последнего однобатальонного корпуса.

Значительное количество военнослужащих, находившихся на иностранной или колониальной службе в 1803-4 годах, с тех пор вернулись в Великобританию. Но им никогда, за исключением очень немногих случаев, не удавалось набрать дополнительные батальоны, число которых, созданных после 1805 года, составило всего восемь¹⁶⁴. Следовательно, полки, из которых была сформирована армия Веллингтона на полуострове, должны быть тщательно разделены на корпуса, состоящие из одного батальона, и те, которые имели более одного батальона.

Установление линии

Оценки, представленные Палате общин в 1809 году, показывают, что в Великобритании и других европейских частях существовало несколько "учреждений" различной численности для полков. Для корпусов, отсутствовавших в Ост-Индии, существовал совершенно другой набор.¹⁶⁵

Полк из двух батальонов, оба из которых находятся на действительной службе, находится в вышестоящем учреждении либо в 2250, либо в 2031 году, или около того. Когда старший батальон отправляли на действительную службу, он обычно насчитывал 1000 рядовых, что вместе с сержантами, офицерами и музыкантами должно было составлять в общей сложности более 1100 человек. Его менее боеспособные бойцы были призваны во второй батальон, который, если бы штат был переполнен (что было далеко не всегда), оставил бы на второй батальон чуть более 900 человек. И, действительно, мы находим такие цифры, как 906, 929, 916 и т.д., приведенные для расчета численности нескольких вторых батальонов, старшее сестринское подразделение которых ушло за границу.

Слабость вторых батальонов

Но эти 900 с лишним человек всех званий теперь включали в себя не только слабых и неэффективных бойцов второго батальона, но и бойцов первого. Следовательно, если бы второй батальон был отправлен на войну, он должен был бы оставить после себя непропорционально большое количество людей, непригодных к действительной службе, и ему повезло бы, если бы он отплыл в Португалию с 700 штыками. Зарегистрировано много случаев, когда гораздо меньшее число людей высаживалось в Лиссабоне или где-либо еще. Для формирования резерва часто приходилось оставлять более 200 человек, поэтому вторые батальоны, находясь на фронте, обычно были намного слабее первых батальонов.

Для полков с одним батальоном, таких как 2-й, 29-й, 51-й или 97-й, мы находим очень различные "учреждения", приведенные в Армейских оценках 1809 года. Они варьируются от 1151 до 696; один или два исключительных корпуса еще меньше. Как правило, можно считать, что идеальным было бы набрать такой корпус, когда его отправляли на действительную службу, до более высокой цифры: но из—за необходимости оставить дома 200 человек или около того — неэффективных, которых призвали на базу, — было бы удачей, если бы 800 человек высадились на полуострове. А для поддержания батальона запасов не всегда хватало; они были полны непригодных к службе людей и могли отправлять только недавно набранных рекрутов.

Однобатальонные полки, не находящиеся на действительной службе, — это те, которые имеются в более мелких учреждениях, таких как 716, 696 и т.д. Поскольку от них не ожидали, что они выйдут на поле боя, они не были доведены до высшего руководства ни призывами из ополчения, ни особо энергичным набором.

Три полка пехоты имели гораздо более высокое положение, чем любой линейный батальон. Три батальона 1-го гвардейского насчитывали не менее 4619 человек всех званий, Колдстрим и шотландский стрелковый полк - по 2887 человек в каждом. Таким образом, первый мог легко отправить за границу два сильных батальона по 1100 или 1200 человек в каждом, а два последних - по одному в каждом, оставив при этом батальон и большой склад для набора рекрутов в подразделения действительной службы. Поэтому гвардейский батальон на полуострове редко насчитывал менее 800 человек, а иногда доходил и до 1000. Гвардейский отряд Кадиса, сражавшийся при Баррозе, был сформирован из местных батальонов в качестве своего рода дополнительного пополнения. Она состояла из шести рот 1-го гвардейского полка, двух рот Колдстрим-полка и трех рот шотландских фузилеров. Иногда их называют бригадой, для которой на самом деле они были слишком малочисленны, иногда временным полком. Их общая численность составляла около 1200 или 1300 человек всех званий.

Имея перед собой эти цифры, мы начинаем понимать, почему отдельные батальоны появлялись и исчезали в армии полуострова. Полк, имевший два батальона, один на родине и один в Португалии, всегда мог поддерживать численность служебного подразделения за счет регулярных и обильных призывов из родного подразделения. Или, если первоначальный батальон, служивший на полуострове, был *вторым* батальоном, первый мог быть отправлен на смену ему. Вторые батальоны никогда не отправлялись на замену первым батальонам, всегда существовало правило, что старшее подразделение имело право на предпочтение при прохождении действительной службы. Но иногда оба батальона полка отсутствовали в Великобритании, а в некоторых случаях они оба находились на полуострове. ¹⁶⁶ Когда это случалось, второй батальон через некоторое время неизменно отправлялся домой, переводя свой действующий рядовой состав в сестринский батальон и возвращаясь в Великобританию в качестве *кадрового* состава офицеров и сержантов, а также нескольких старых, непригодных или почти выбывших из строя рядовых.

Установив эти общие правила, мы увидим, как получилось, что в первоначальной армии Веллингтона 1809 года некоторые батальоны оставались с ним на всю войну, в то время как другие были последовательно отозваны и заменены свежими подразделениями.

Большая часть британской армии, находившейся на полуострове в 1808 году, вернулась домой из Ла-Коруньи в конце отступления сэра Джона Мура. Из этих подразделений некоторые вообще не вернулись, чтобы разделить триумфы Веллингтона; ¹⁶⁷ других вернулись только вовремя, чтобы увидеть окончание войны в 1812, 1813 и 1814 годах. ¹⁶⁸ Только три знаменитых батальона легкой пехоты Кроуфорда, 1/43-й, 1/52-й и 1/95-й, вернулись после отсутствия, длившегося не более нескольких месяцев, летом 1809 года.

Первые полки полуострова

Настоящее ядро постоянной армии полуострова состояло не из полков, действовавших под командованием Мура, а из той небольшой части первоначального десанта 1808 года, которая не последовала за Муром в Саламанку, Саагун и Корунью, а осталась на полуострове. ¹⁶⁹ К

этому простому остатку из одиннадцати батальонов и одного кавалерийского полка были добавлены подкрепления, которые предшествовали сэру Артуру Уэлсли или сопровождали его, когда он принял командование в апреле 1809 года, что составило еще двенадцать батальонов и четыре кавалерийских полка. ¹⁷⁰ В целом, когда 4 мая 1809 года они были впервые разделены на бригады и организованы в качестве действующей силы в Коимбре, их численность составляла всего 23 000 человек — скромное ядро армии, которой было суждено не только спасти Португалию, но и в конечном итоге изгнать из Испании отряд захватчиков, который на тот момент насчитывал более 200 000 человек, а в 1810-11 годах был доведен до 300 000, и эта цифра сохранялась до тех пор, пока не начали составлять списки для войны с Россией в 1812 году.¹⁷¹

Мура хозяина была, как он сам писал в Каслри в примечательно почтового отправления, не столько в британской армии, как *только* британская армия, пригодный для области. Поскольку не более бесконечно малой доли этих отборных сил смогли сразу вернуться на полуостров, из этого следовало, что армия Уэлсли 1809 года состояла по большей части из войск, которые считались второстепенными и менее пригодными к службе, чем батальоны, которые были *выведены из строя* на долгое время из-за истощения, которому они подверглись при ужасном отступлении к Корунье. Исключая гвардию и подразделения королевского немецкого легиона, полевая армия Уэлсли в июле насчитывала восемнадцать британских батальонов, из которых только шесть были первыми батальонами полков полного состава, два (29-й и 97-й) были *однобатальонными* корпусами, а остальные десять были младшими батальонами, *т.е.* были обычно разряженными подразделениями внутренней службы полков, у которых уже был один батальон за границей, или из которых первый батальон только что вернулся из Ла-Коруньи непригодным для немедленного использования.¹⁷² Это была армия, качество которой заметно уступало качеству армии США. силы, которые вступили в Испанию под командованием Мура шесть месяцев назад. А вторые батальоны неизменно испытывали нехватку личного состава, потому что до своей неожиданной отправки на фронт они были заняты снабжением своих родственных подразделений за границей всем необходимым для дипломатической службы. Многие из них были крайне малочисленны, показывая вместо теоретических 900 штыков такие цифры, как 638, 680, 749, 776, что, за вычетом больных и рядового состава, означало менее 600 человек на поле боя. Действительно, несколько месяцев спустя, в Талавере,¹⁷³ шесть вторых батальонов и оба *однобатальонных* корпуса показали меньшую численность, чем присутствовало, включая все звания.

Принимая во внимание тот факт, что британский полк из-за трудностей с набором в то время, когда людей было мало, а вознаграждение велико, как правило, не мог обеспечить призывников для поддержания численности более чем одного батальона на действительной службе, мы уже можем предвидеть судьбу, которая была уготована батальонам первоначальной армии полуострова Веллингтона. Почти все вторые батальоны со временем были истощены войной до такой низкой численности, что их больше нельзя было использовать как регулярные батальонные подразделения. Когда они достигли этой стадии, с ними произошло одно из двух событий. Если их первые батальоны были свободны, находились на домашней службе и были пригодны для полевых действий, они отправлялись на полуостров и заменяли истощенные вторые батальоны. Но если первый батальон какого-либо корпуса уже находился за границей, в Индии или где-либо еще, то полуостровный батальон в первые годы войны был отправлен домой для набора новобранцев, и его полковой номер исчез из списков призывников Веллингтона. В последующие годы войны это делалось не так регулярно: по причинам, которые

будут объяснены, несколько ветеранских вторых батальонов, которые продержались на фронте до 1812 года, были оставлены в армии, но сокращены до четырех рот в каждом и работали вместе парами, чтобы создать боеспособное подразделение. Из восьми первоначальных вторых батальонов 1809 года два были призваны в их первый батальон, который вышел на полуостров; [174-й](#) один (2/87-й) был отправлен на время в Кадис, хотя он вернулся в действующую армию в 1812 году; четыре были сокращены в 1811-12 годах до половины батальонов. [175](#) Только один, 2/83-й, постоянно оставался на полуострове в составе полноценного батальона до конца войны.

Та же участь постигла одnobатальонные полки, у которых дома не было родственного батальона, на который можно было бы опереться, а только склад. И 29-й, и 97-й полк отправились домой, превратившись в скелеты, в 1811 году.

Но шесть первых батальонов, присутствовавших в составе полевой армии в мае 1809 года, все еще находились на фронте в достаточном составе по окончании войны в 1814 году, и это при том, что два из них пострадали больше всех на кровавом поле битвы при Альбуэре. Действительно, за всю войну, я полагаю, был только один случай, когда первый батальон целого полка отправился на фронт и был отправлен до окончания кампании 1814 года.

Подкрепление из Дома

Подкрепления, которые были отправлены Веллингтону с 1810 по 1812 год, можно разделить на две части, из которых большая состояла из реорганизованных и набранных батальонов армии Ла-Коруньи Мура. Из них шесть батальонов вышли в 1810 году, девять в 1811 году, восемь в 1812 году и три в 1813-14 годах. Большинство из них были первыми батальонами, или, если не считать гвардии и подразделений Немецкого легиона, пятнадцатью из двадцати трех: все они, за исключением одного (1/26-го), сражались до конца войны. Полков с одним батальоном было четыре (2-й, 51-й, 20-й, 76-й); из младших батальонов, принадлежащих корпусам, у которых уже был один батальон за границей, также было только три (3/1-й, 2/52-й, 2/59-й). Из этих двух последних классов 2/52-й вскоре был отправлен домой, после того как его людей призвали в 1/52-й. 2-й полк был настолько истощен, что его сократили до четырех рот и преобразовали во временный батальон в 1812 году до конца войны. 76-й по возвращении пробыл в полевых условиях всего несколько месяцев в 1813-14 годах, так что у него не было времени на доработку. 3/1-й, хотя и был младшим батальоном, принадлежал к большому полку из четырех батальонов, и по этой причине никогда не сокращался ниже своего надлежащего размера, поскольку дома у него было сестринское подразделение, которое присылало ему призывников. Следовательно, мы можем сказать, что из восьми батальонов, которые не были первыми батальонами полноценных полков, только три прослужили долгую службу, но дожили невредимыми до мирного периода 1814 года (20-й, 51-й, 2,59-й); и из этих трех два вышли только в 1812 году и пробыли на полуострове менее двух лет. Таким образом, ясно, что в подкреплениях преобладало то же правило, что и в первоначальной армии 1809 года; можно было рассчитывать только на то, что первые батальоны не растают.

Батальоны, отправленные в качестве подкрепления Веллингтону, которые не входили в состав армии Мура в Ла-Корунье, были явно менее многочисленными, чем остальные, и насчитывали всего девятнадцать человек. Из них шесть были первыми батальонами, [176](#) восемь вторыми батальонами, [177](#) и пять отдельных батальонных корпусов. [178](#) Все из первой названной категории провоевали всю войну, но несколько из двух других были отправлены домой, либо

когда их израсходовали для усиления своих первых батальонов, либо по другим причинам. Доля была бы больше, если бы не тот факт, что некоторые из них были среди последних прибывших на полуостров, которые присоединились только к более поздним осенним и зимним кампаниям 1813-14 годов и не успели измотаться. ¹⁷⁹ Один второй батальон (2/58-й) в течение последних двух лет войны состоял из четырех рот.

Конечным результатом всех обменов батальонами и отправки домой слабых частей стало то, что в 1814 году, когда борьба с Наполеоном подошла к концу, из пятидесяти шести британских линейных батальонов, находившихся на фронте, только тринадцать были вторыми батальонами, и из этих последних пяти ¹⁸⁰ были (как уже упоминалось) настолько малочисленны, что действовали парами, каждый из которых насчитывал всего четыре роты и насчитывал не более 250 или 300 человек.

Полки Вальхерена

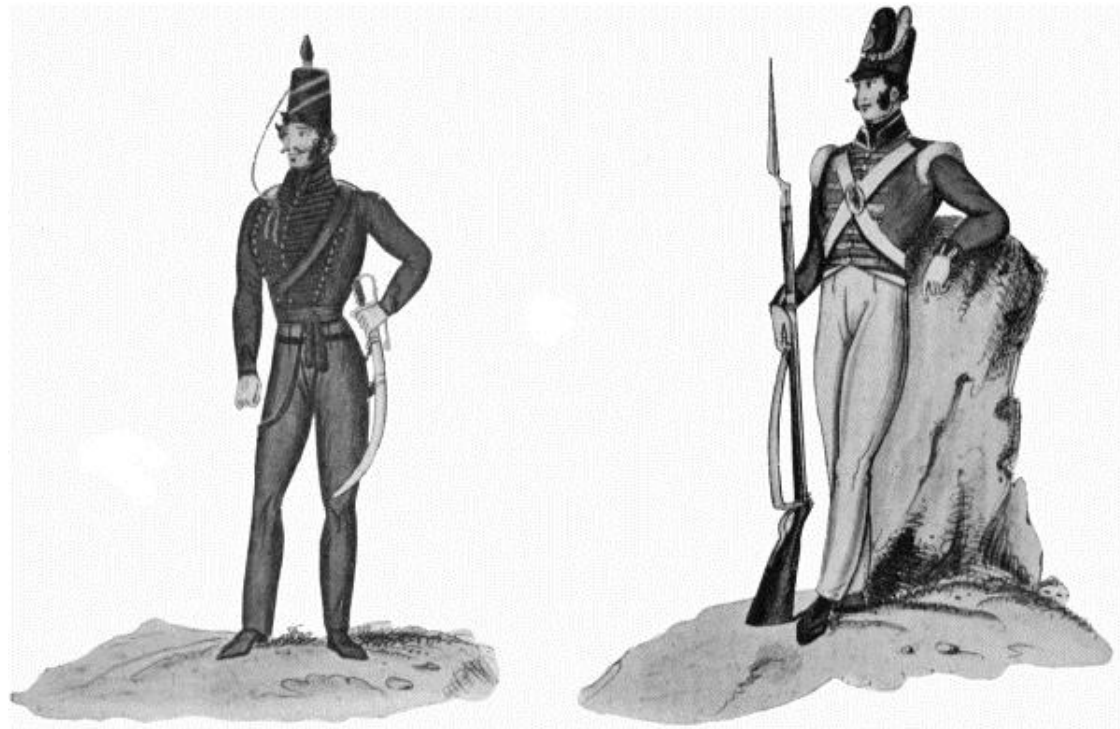
То, что такие слабые части были задержаны на полуострове, объяснялось решимостью Веллингтона, принятой после кампании 1811 года. Во второй половине того года больше всего его беспокоило то, что в качестве подкрепления ему прислали несколько корпусов, участвовавших в Вальхеренской экспедиции, где почти у каждого человека были обнаружены семена лихорадки, вызванные пребыванием в болотах Голландии. Жара португальского лета и проливные дожди осени сразу выявили скрытую слабость телосложения людей, которые были немногим больше выздоравливающих, и в полках, высадившихся в Лиссабоне в июле численностью 850 человек, в октябре насчитывалось всего 550 человек. ¹⁸¹ Таким ужасающим было накопление случаев лихорадки в госпиталях ¹⁸², что Веллингтон написал домой, умоляя не направлять ему другое подразделение, находившееся в Вальхерене. Теперь он решил сохранить старые полки, даже когда их численность сократилась довольно низко, вместо того, чтобы отправлять их домой для набора новобранцев и получать вместо них новые батальоны. Причина заключалась в том, что корпусу потребовалось много месяцев, прежде чем он научился самостоятельно передвигаться и акклиматизировался. В течение первых нескольких месяцев пребывания на полуострове у вновь прибывших подразделений всегда было слишком много больных и отставших. Дело в том, что люди, только что закончившие казарменную жизнь в Англии, поначалу были подавлены жарким климатом и протяженностью марш-бросков. Им еще предстояло перенять уловки старого участника кампании, и они были очень беспомощны. Ветераны настолько превосходили в выносливости новые полки из Англии, большинство из которых участвовали в чумной экспедиции Вальхерена, и все еще были полны слабых выздоравливающих, что Веллингтон решил сохранить даже остатки старых корпусов, привыкших к воздуху полуострова, вместо того, чтобы просить больше батальонов из дома, не приспособленных к климату. Отсюда и произошло учреждение в конце 1812 года двух уже упомянутых "временных батальонов". ¹⁸³ В более ранний период войны они, несомненно, были бы отправлены обратно в Англию. ¹⁸⁴ Но теперь эти части истощенного корпуса ветеранов были взяты с отличными результатами на протяжении всей кампании 1812-13-14 годов.

Судьба Вторых батальонов

Возможно, стоит отметить, насколько любопытной была позиция Веллингтона перед лицом этого довольно исключительного события - появления в его армии двух сильных батальонов одного и того же полка. Если второй батальон был слаб, он вскоре включал его в состав первого и отправлял домой. Но когда по какой-то случайности оба батальона получали полные звания,

ему отнюдь не всегда казалось необходимым объединять их в бригаду. Например, 1/7-й и 2/7-й полки были на фронте с октября 1810 года по июль 1811 года; но в течение нескольких месяцев один находился в 4-й дивизии, другой - в 1-й. Еще более ярким примером является 48-й случай. Оба его батальона с момента их первого прибытия были размещены во 2-й дивизии, но они служили с июня 1809 по май 1811 года в разных ее бригадах. 185 Случаи, когда два батальона одного и того же полка какое-то время служили в одной бригаде, были очень редкими - я знаю только случаи с 1-м и 3-м батальонами пехоты в 1813-14 годах, с двумя батальонами 52-го между мартом 1811 и мартом 1812 годов, и с теми из 7-го фузилерского полка, которые (после некоторой службы отдельно друг от друга) были объединены в бригаду 4-й дивизии за шесть месяцев до Албуэры. В последних двух случаях первый батальон вскоре поглотил второй, который был отправлен домой в качестве *основного* состава, когда его численность, наконец, начала иссякать. Все остальные случаи противопоставления были настолько кратковременными, что могло показаться, что Веллингтон свел два батальона вместе только для того, чтобы при первом удобном случае включить второй в состав первого. Таким образом, 2/88-й (долгое время находившийся в гарнизоне в Лиссабоне) был выведен на фронт, чтобы менее чем за четыре месяца быть объединенным с 1/88-м (март-июль 1811 г.). 1/5-й, вышедший летом 1812 года, по-видимому, прослужил вместе со 2/5-м примерно столько же месяцев, причем последний был отправлен домой в октябре. 1/38-й точно так же прибыл примерно в то же время и служил с июня по ноябрь рядом со 2/38-м, который затем отбыл. Эти случаи сильно отличаются от случаев с двумя батальонами 7-го, 48-го и 52-го, все из которых вместе служили в армии в течение года или более.

ТАБЛИЧКА V.

Стрелковый офицер.
1809 г.

Рядовой, линейный пехотинец.
1809 год.

Рабочей единицей армии полуострова всегда был батальон из десяти рот, которым командовал подполковник. Когда, как в только что названных исключительных случаях, случалось, что два батальона полка собирались вместе, старший из двух командиров не имел никакой власти над другим. Оба подчинялись непосредственно бригадиру. Теоретически в батальоне насчитывалось тридцать пять офицеров и 1000 рядовых, не считая сержантов и барабанщиков. Во всех британских общих отчетах преобладала пагубная практика указания в статистике большего рода только количества рядовых (*т.е.* капралов и рядовых), офицеров, сержантов и музыкантов, при этом все они опускались. Чтобы приблизить цифры к реальной общей сумме в таком случае, к приведенному числу необходимо добавить надбавку примерно в одну восьмую или одну девятую. К счастью, подробные отчеты обо всех званиях всегда доступны, когда требуется абсолютная точность, в генеральных штатах за две недели в Регистрационном бюро.

Теоретическое создание около 1150 человек всех званий для первого батальона, конечно, вряд ли когда-либо было замечено в полевых условиях. Полки, высадившиеся в Лиссабоне в полном составе, вскоре сократились, еще до того, как они попали на фронт, и не было ничего более редкого, чем батальон в боевом порядке общей численностью в четыре цифры.¹⁸⁶ Хороший, хорошо управляемый корпус, который в последнее время не участвовал в боевых действиях и не был расквартирован в нездоровом районе расквартирования, мог содержать до 700 и даже 800 человек на протяжении всей кампании. Гвардейские батальоны, численность которых была значительно больше, чем линейных, часто насчитывали до 900 человек и более.

С другой стороны, батальон, повидавший много боев, который не получал регулярных призывов и долгое время голодал в суровых горах Бейра или изнемогал от жары в чумной долине Гвадианы, часто насчитывал до 450 человек или меньше, даже если это был первый батальон, высадившийся полным составом в 1000 рядовых. Второй батальон при аналогичных обстоятельствах мог бы сократиться до 250 или 300 человек. В конце очень изнурительной кампании 1811 года, которая включала в себя тяжелое преследование Массены, бои при Фуэнтес-де-Оньюро и долгое пребывание на реке Кайя во время нездоровой летней жары, из сорока шести батальонов, находившихся в составе главной армии Веллингтона, только девять (все, кроме одного первого батальона, и два из них принадлежали гвардии) насчитывали более 700 человек всех званий. Еще у шестнадцати было от 500 до 700 человек, у десяти - от 400 до 500. Не менее одиннадцати человек сократились до жалкой цифры менее 400 человек, и следует отметить, что почти все они были либо вторыми батальонами, либо однобатальонными полками; среди них было шесть первых и три последних. Средний показатель в целом, как можно видеть, составлял около 550 человек на подразделение; крайний разброс составлял от 1005 человек для самого сильного батальона до 263 человек для самого слабого.¹⁸⁷ Следует отметить, что в это время армия была более больной, чем когда-либо прежде: более 14 000 человек находились в госпиталях, а 29 300 были под знаменами. Никогда больше Веллингтон не был так обременен больными, за исключением одного периода в несколько недель — того, который последовал за окончанием отступления из Бургоса в Сьюдад-Родриго в октябрь-ноябре 1813 года. В течение первых месяцев этой зимы войска, утомленные непрерывным маршем под дождем и скудным питанием, отправили в госпиталь ряд случаев, не менее тяжелых, чем те, которые наблюдались в сентябре 1811 года. Но короткий период отдыха помог восстановить их здоровье, и в 1813-14 годах войска были очень здоровы, даже в трудные

недели, когда многие из них были расквартированы высоко среди снегов Пиренейских перевалов.

Кавалерийские полки

Вот и все о пехотных полках. К этой главе об организации следует добавить несколько слов о кавалерии. С начала и до конца Веллингтон имел под своим началом двадцать один полк британской кавалерии, не считая еще четырех полков легкой и тяжелой кавалерии королевского германского легиона. Но никогда у него не было таких сил, которые были бы представлены таким количеством. Он начал в 1809 году с восемью полками. Не прошло и нескольких недель, как он командовал одним из его подразделений (небольшим, состоящим из двух эскадронов 20-го легкого драгунского полка), которое было отобрано у него и отправлено на Сицилию. До конца года другой (23-й легкий драгунский), который был сильно потрепан при Талавере и потерял там половину своего состава, был отправлен домой для набора новобранцев. Таким образом, на **1 января 1810 года у него было всего шесть полков** 188, и поскольку в том году к нему присоединился только один, всего его было **189** полков, пока он, наконец, не получил большое подкрепление в конце лета и осенью 1811 года. Но он начал кампанию 1812 года с шестнадцатью полками, **190** что было почти самой высокой цифрой, которой ему довелось владеть. Ибо, хотя во время кампании 1813 года ему были отправлены четыре новых гусарских полка, все же в то же время четыре истощенных корпуса были отправлены домой для набора и реорганизации. Таким образом, его общее количество осталось бы на том же уровне в шестнадцать единиц, что и в 1812 году, если бы он также не получил большой сводный полк (или слабую бригаду), состоящий из двух эскадронов от каждого из трех подразделений Домашней кавалерии. Только благодаря этому пополнению его кавалерийские силы в 1813-14 годах превысили те, которыми он располагал в 1812 году. Если считать, что домашние эскадрильи примерно эквивалентны двум подразделениям, то в конце войны их общее количество составляло восемнадцать полков.

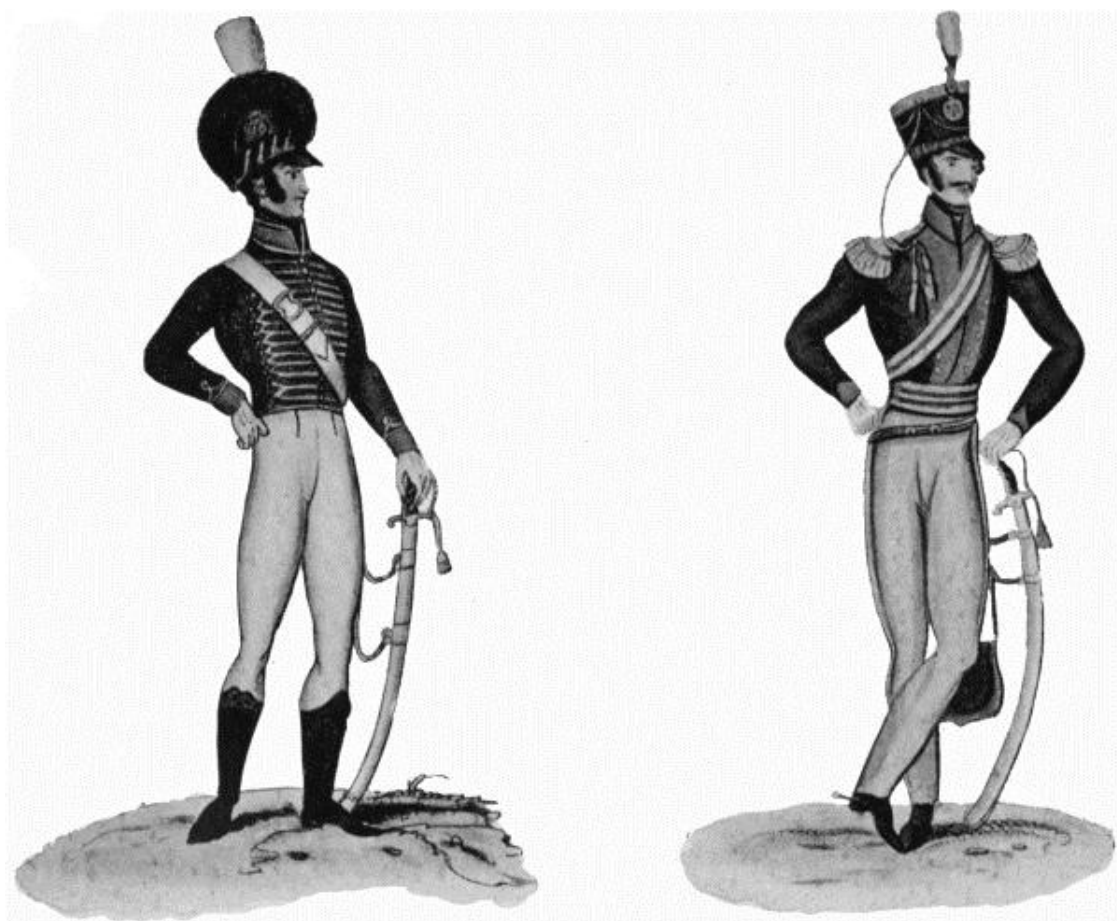
Недостатки Необразованной Кавалерии

В отличие от пехоты, кавалерия британской армии была организована без исключения в виде изолированных подразделений, как и сегодня. Корпус, отправленный на полуостров, оставил за собой складскую эскадрилью, и, кроме этого склада, не было никакого источника, из которого он мог бы набирать рекрутов. Ничего похожего на родственное подразделение, от которого зависел пехотный батальон, не существовало. Следовательно, если кавалерийский полк испытывал недостаток в численности и исчерпывал призывные силы, которые мог выслать резервный эскадрон, он должен был вернуться в Англию для набора персонала. За всю войну только один корпус (23-й легкий драгунский в Талавере) потерпел полную катастрофу, соответствующую той, что постигла 2-ю пехотную дивизию в Албуэре, и этот невезучий полк был отправлен домой той осенью, когда британская армия отступила к португальской границе. Но у четырех других во время кампании 1812 года было так мало сил, и особенно лошадей, что, хотя ни один из них не был поредевшим в ходе одной операции, подобной 23-й, они стали неэффективными и были вынуждены покинуть полуостров. Наиболее примечательно, что все эти четыре корпуса прибыли сравнительно недавно; они вышли в 1811 году и немногим более чем за один год пришли в состояние неэффективности, намного превосходящее состояние полков, чья служба началась в 1809 году и которые провели еще два года в тяжелых кампаниях. **191** Вывод, который следует сделать, тот же, что мы отмечали в отношении пехоты:

полки, служившие Веллингтону с момента его первого прибытия, акклиматизировались и усвоили приемы старого солдата. Они могли позаботиться о себе и (что было не менее важно) о своих лошадях гораздо лучше, чем любой новоприбывший корпус. Мы находим горькие жалобы на плохую разведку и работу на аванпостах у вновь прибывших. После небольшой катастрофы, нанесенной отдаленным пикетам двух недавно высадившихся полков, Веллингтон писал: “Это неприятное обстоятельство, как правило, показывает разницу между старыми и новыми войсками. Старые кавалерийские полки за все время своей службы, со всеми их потерями, вместе взятыми, не потеряли за несколько дней столько людей, сколько 2-й гусарский легион и 11-й легкий драгунский. Однако мы должны попытаться сделать новое таким же хорошим, как старое”.¹⁹² Очевидно, что это было не так-то просто сделать; во всяком случае, в конце следующего года четыре новых^{193-го} корпуса были отправлены домой как истощенные подразделения, а не какие-либо из семи старых. Все они, без исключения, продержались до последней кампании 1814 года, хотя почти все¹⁹⁴ эскадрильи пришлось сократить с четырехэскадрильи до трехэскадрильи осенью 1811 года из-за снижения их боеспособности. Но они никогда не падали так низко, как четыре корпуса, обреченных вернуться в Англию в следующем году. Больше ни один полк не вернулся домой после зимы 1812-13 годов; кампания при Виттории и Пиренеях не оказала большого влияния на кавалерию, большинство из которых во время осенних боев в горах были удобно расквартированы в долине Эбро. Они снова двинулись вперед только весной 1814 года для вторжения во Францию, которое было так внезапно прервано падением Наполеона.

Теоретическая численность кавалерийских полков (не считая Домашней кавалерии) в 1809 году была зафиксирована на уровне 905 человек почти в каждом случае. Но в Англии всегда оставался большой склад, и если полк высаживал в Португалии 600 "сейбров" в составе четырех эскадронов, то это была средняя численность. На фронте он редко показывал больше 450, поскольку лошади начинали вымирать или заболевать в тот момент, когда они ощущали воздух полуострова и диету. Полк, сокращенный с четырех эскадронов до трех, мог выставить на парад в середине кампании всего 300 человек.

ТАБЛИЧКА VI.

Офицер легких драгун.
Мундир 1809 года.

Офицер легких драгун.
Мундир 1813 года.

ГЛАВА XI

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛКА: ОФИЦЕРЫ

До сих пор мы имели дело с полком в целом и главным образом с его местом в бригаде и дивизии, которым он был придан. Теперь мы должны перейти к рассмотрению его не как единого целого, а как совокупности частей — офицеров, штабистов, сержантов, рядовых и музыкантов.

Чтобы понять механизм работы полка, сначала необходимо кое-что сказать об офицерском составе. Батальонами и кавалерийскими полками обычно командовал подполковник: в армии было очень мало полных полковников, и почти единственными, кто командовал подразделением, были гвардейские бригады, где из-за “двойного звания”, которое делало всех

лейтенантов “капитанами в армии”, всех капитанов - подполковниками, а всех майоров и подполковников - *полными* полковниками, командир батальона всегда имел звание полковника.

Передача полномочий

Когда подполковник в батальоне погибал, был ранен или болел, подразделением часто командовал старший майор — обычно их было двое — иногда в течение многих месяцев подряд, пока отсутствующий офицер не возвращался или его место не замещалось повышением. Были известны случаи, когда из-за большой смертности или инвалидности старших чинов батальоном на определенный срок командовал капитан. Я отмечаю, что примерно во времена Буссако “утренний штат” армии показывает два подразделения (оба гвардейские) под командованием полковников, 30 подполковников, 16 майоров, одно - капитана, и это, я думаю, было довольно нормальным соотношением.

В дополнение к полковнику и двум майорам в пехотном батальоне в полном составе должно быть десять капитанов и двадцать младших офицеров или чуть больше, что дает довольствие в размере трех офицеров на роту с несколькими превышениями. Сколько младших офицеров станет лейтенантами и сколько прапорщиков (называемых 2-мя лейтенантами в стрелковых полках) было делом чистой случайности, но лейтенанты почти всегда составляли большинство. ¹⁹⁵ Обзор утреннего состояния армии Буссако в сентябре 1811 года показывает, что в одном батальоне (1/45-м) было не более одного прапорщика, в другом (74-м) - целых одиннадцать. Очень редко в полку присутствовал полный штат из десяти капитанов; почти всегда одной или двумя ротами командовали их старшие лейтенанты. Помимо офицеров роты, в каждом батальоне был свой “штаб”, состоящий из адъютанта, казначея, квартирмейстера и хирурга с двумя его помощниками-хирургами. Адъютантом обычно был лейтенант, но иногда и прапорщик; в гвардии (где большинство званий считалось на ступень выше, чем в строю) он обычно был “лейтенантом и капитаном”. В дополнение к офицерам, регулярно привлекаемым к службе, батальон часто имел при себе одного или двух “добровольцев” — молодых людей, которые были практически стажерами; им разрешалось приходить в батальон действительной службы при условии, что они будут зачислены в него без подкупа, под их собственную ответственность. Они носили мушкеты и служили в строю, но им разрешалось носить форму из лучшего сукна, чем та, что выдавалась рядовым, и они приставали к офицерам.

Самый удивительный случай понижения в звании актера из-за смерти или ранения многих старших был в битве при Альбуэре. Наутро после этого боя остатками второй бригады 2-й дивизии, временно объединенными в один батальон из-за ужасающих потерь, понесенных каждым из трех подразделений, из которых она состояла, командовал старший капитан 1/48-го полка - и он (как оказалось) был французским *эмигрантом* с несколько мрачным именем Симитьер. Следует отметить, что в ходе сражения численность бригады сократилась с 1651 до 597 человек, не менее 1054 офицеров и рядовых были убиты, ранены или пропали без вести, а бригадир с пятью подполковниками и майорами старше Симитьера были убиты или ранены. ¹⁹⁶ Но потери при Альбуэре были, конечно, рекордными с точки зрения тяжелых потерь; в анналах армии Веллингтона нет ничего, что могло бы сравниться с ними по общей резне, охватившей всю армию, хотя некоторые отдельные полки, в частности боевые действия пострадали почти так же сильно - *например*, при штурме Бадахоса и при Ватерлоо.

Шансы на временное командование иногда были весьма сомнительными. Доблестный Колборн, о котором я уже имел случай упомянуть, хотя и был всего лишь подполковником, командовал бригадой в Альбуэре из—за отсутствия бригадного генерала - он был старшим из четырех батальонных командиров. Затем он командовал своим собственным полком только в 1811-13 годах, но сменил его в звании старшего подполковника на командование бригадой Легкой дивизии в течение последних шести месяцев войны. Хотя он, таким образом, дважды отличился командованием бригады на полуострове, мы снова находим его в кампании при Ватерлоо во главе своего 52-го пехотного полка в бригаде Адама. Это правда, что со своим единственным батальоном он сделал больше, чем большинство генералов, нанеся решающий удар, который сорвал атаку французской гвардии.

Подполковники не только довольно часто практически временно становились бригадирами, но, по крайней мере, однажды офицер без высшего звания несколько месяцев командовал целой дивизией. Это был полковник Эндрю Барнард, который после того, как Кроуферд пал при Сьюдад-Родриго, и был ранен единственный другой генерал дивизии (Ванделер), почти пять месяцев командовал самым ценным подразделением во всей армии Веллингтона и возглавлял его при штурме Бадахоса. Похоже, что похожее, но более короткое явление подобного рода произошло с 3—й дивизией после падения Бадахоса, когда генералы Пиктон и Кемп были выведены из строя, полковник Уоллес из Коннахтских рейнджеров командовал дивизией неделю или две, пока Веллингтон не назначил ее своим шурином, генералом Пакенхэмом, что он и сделал с большим отличием при Саламанке.¹⁹⁷

Система закупок

Продвижение по службе в британской армии в этот период происходило самым нерегулярным и скачкообразным образом, поскольку существовали два отдельных фактора, действующих диаметрально противоположным образом. Первой была система закупок, другой - частое, но ни в коем случае не достаточно частое продвижение по службе за заслуги и хорошую службу на местах. Практика в Конной гвардии заключалась в том, что потери за счет погибших в бою пополнялись внутри полка без передачи денег, но для всех остальных вакансий работала система закупок. Когда должность подполковника, мажоритарщика или капитана была вакантна, старший по званию ниже имел моральное право получить вакансию по установленной цене. Но было много случаев, когда можно было получить больше, чем предписано. Офицер, уходящий на пенсию, передал дело “комиссионному брокеру”, и были приглашены торги. Бедный офицер, стоящий во главе людей его ранга, не мог позволить себе заплатить часто очень высокую цену и мог видеть, как трое или четверо его подчиненных покупают себе дорогу через его голову, в то время как он тщетно ждал вакансии после смерти, благодаря которой он получил бы свою должность без необходимости платить наличными. Система обменов, которая преобладала в самых широких масштабах, также очень сильно давила на неимущих; офицеры из других корпусов, где был блок в продвижении по службе, добились для себя перевода в батальоны, где, казалось, была вероятность более быстрой смены звания, выплачивая большую разницу за обмен тем, кто стоял во главе списка. Но был и большой обмен по другим причинам — офицеры, чьи полки были направлены на нездоровые или непопулярные места дислокации, такие как Вест-Индия или Новый Южный Уэльс, предлагали значительные суммы другим, кто был готов согласиться на неподходящее место назначения в обмен на звонкую монету. Благодаря тщательному управлению такого рода богатый офицер мог обеспечить себе очень быстрое продвижение по службе — например,

лейтенант мог купить звание капитана в вест-Индском полку за сравнительно скромную сумму, а затем, будучи капитаном в таком корпусе, обменять его на вторую выплату у разорившегося или нуждающегося капитана в каком-нибудь другом полку на европейской базе, для которого деньги были важнее всего, и таким образом прочно утвердиться в своем новом звании, на самом деле никогда не покидая дом или не служа в корпусе, в который он быстро приходил и уходил - только на бумаге. Говорят, что один молодой офицер, имевший преимущества богатого положения, пэра и обладавший большим влиянием семьи в парламенте, за один год прошел путь от лейтенанта до подполковника. Это, конечно, был совершенно исключительный случай и произошел задолго до начала войны на Пиренейском полуострове; но следует помнить, что сам Веллингтон, благодаря аналогичным преимуществам в меньшем масштабе, смог продвинуться от прапорщика 7 марта 1787 года до подполковника в сентябре 1793 года — пять ступеней за семь лет, в течение которых он прошел столько же полков — два конных и пять пеших. Он был всего девятнадцать месяцев капитаном и шесть месяцев майором, и он вообще не видел военной службы, когда в возрасте двадцати трех лет отплыл во Фландрию командовать 33-м полком! Позже герцог Йоркский настоял на определенном минимальном сроке службы в каждом звании, прежде чем можно было получить повышение.

Сравните с таким повышением бедного и одинокого офицера, который после двадцати пяти лет службы, шести кампаний на полуострове и двух ранений все еще оставался капитаном в возрасте 43 лет!¹⁹⁸ Но было много невезучих людей, которые в конце войны после шести кампаний оставались всего лишь лейтенантами и были переведены на половинное жалованье как таковое при большом расформировании вторых батальонов, которое произошло в 1816-17 годах. Сочетание быстрого продвижения по службе, которого можно было добиться благодаря влиянию и покупке ступенек, с абсолютным застоєм в низком звании, которое часто выпадало на долю небогатого офицера, чей полк не имел возможности понести много потерь в бою, было ужасающим и чудовищным.

Я полагаю, что самой пагубной из всех тревожных причин, препятствующих правильному распределению продвижения по службе, было политическое влияние. Как писал современный памфлетист: “Действительно, очень мало примеров, когда преимущество было получено другими коррумпированными средствами¹⁹⁹ по сравнению со всемогуществом парламентских интересов. Отсюда берет начало позорная практика засовывать мальчиков в роту через головы всех лейтенантов и прапорщиков полка. Герцог Йоркский предпринял кое-что, чтобы остановить это, но он никогда не сможет убрать Колосс парламентских интересов, интересов, которые презирают вымогательство и властно *требуют* от нынешнего министра того, чего ни один министр никогда не считал удобным отрицать. Такому влиянию должен уступить главнокомандующий, поскольку оно способно, если им пренебречь, сместить и главнокомандующего, и министра”.²⁰⁰

Жесткие сделки короля

Именно беспринципному использованию великими людьми своего парламентского влияния на министерство того времени армия была обязана значительной долей “жестких сделок своего короля” в рядах офицеров. Малоизвестные, но необходимые инструменты одного из крупных городских дельцов — вигов не в меньшей степени, чем тори, — часто оплачивались назначением их сыновей или других молодых родственников на должность, благодаря влиянию их покровителя: и семьи, которые выполняли грязную работу великого политика, вряд ли

отличались высокой моралью или прямоотой. Иногда номинации были совершенно постыдными — говорят, что однажды сын содержателя модного игорного дома в Сент-Джеймсе был внесен в список прапорщиков политиком, которому его отец оказал услугу. Так это или нет, но несомненно, что на протяжении всей войны служила небольшая часть офицеров, которые не были джентльменами ни в каком смысле этого слова.²⁰¹ Другие, в чьей благородной крови не было сомнений, были нежелательны в других отношениях — среди них выделялась группа молодых ирландских сквайров с привычками к хулиганству и дуэлям, а также пьянству, которые, как известно, были распространены среди менее цивилизованных слоев общества за проливом Святого Георгия. В одном из мемуаров я нахожу запись недавно поступившего на службу прапорщика, который после трапезы обратился к собравшимся офицерам со следующими словами: “Клянусь Богом, джентльмены, я сознаю, что вы, должно быть, самого низкого мнения о моей храбрости. Я пробыл в полку не менее шести недель, и ни на одной дуэли я еще не дрался. Итак, капитан К., вы старший капитан, и, если позволите, я начну с вас первым: так что назовите ваше время и место. Как очень мудро пишет автор дневника, “с такими героями нельзя быть слишком осторожным в своем поведении”.²⁰²

Мимоходом замечу, что дуэли в армии полуострова были гораздо реже, чем можно было ожидать. Веллингтон (хотя и спустя много времени после того, как он самым глупым образом “сошелся” с лордом Уинчелси в 1829 году) выступил против них на действительной службе, потому что не мог позволить себе терять хороших офицеров из-за личных ссор. Безусловно, на полуострове в то время было гораздо меньше дуэлей, чем в Англии, не говоря уже об Ирландии и Индии, где они были сверх всякой разумной меры обычным явлением. Я нашел записи только о четырех смертельных дуэлях в протоколах военного трибунала, и хотя о несмертельных дуэлях могли умолчать (и замалчивали), их не могло быть очень много, поскольку можно прочесть десятки мемуаров и дневников, не наткнувшись на упоминание об одной. Любопытно отметить, что когда они все-таки происходили и за ними следовал военный трибунал, этот орган неизменно приходил к выводу, что, хотя не было никаких сомнений в том, что капитан А. или лейтенант Б. мертвы, все же не было убедительных доказательств того, что он был убит К. или Д. — уста секундантов были закрыты тем фактом, что они также предстали перед судом за свои действия в таком качестве.²⁰³ Все это было явно торжественным фарсом. Но факт остается фактом: дуэли были нечастыми, и дуэлянты имели о них плохую оценку. Хорошие командиры прилагали огромные усилия, чтобы предотвратить дуэль из-за глупых ссор за обеденным столом, прилагая все усилия, чтобы заставить одну из сторон или обеих извиниться за слова, сказанные в гневе или в состоянии алкогольного опьянения.²⁰⁴

Группа офицеров полка на полуострове часто представляла собой очень странную компанию — там мог быть подполковник двадцати шести лет, быстро поднявшийся по службе благодаря покупке или процентам, и капитаны пятидесяти или даже шестидесяти лет; я нашел записку одного из них, достигшего этого возраста в 73-м полку. Во главе каждой шеренги могло стоять несколько безденежных и разочарованных людей, ожидающих повышения, которое могло быть достигнуто только потерями в бою, поскольку они никогда не могли надеяться купить себе повышение. Тем не менее, распри, которые, как можно было бы ожидать после такой ситуации, похоже, не были столь многочисленными или ожесточенными, как можно было бы ожидать. В большинстве случаев злоба была направлена против системы, а не против отдельного человека, и зрелище беспорядка, разделенного на клики и когорты врагов, хотя иногда это можно найти зафиксированным, было совершенно исключительным.²⁰⁵ Спасительным фактом было то, что всегда был шанс на повышение по службе за заслуги, в награду за какой-нибудь

особо доблестный поступок, и он часто случался — хотя герцог иногда был непонятен в том, каким образом он упоминал или не упоминал офицеров в депешах. Лейтенанта, который спустил французский флаг с замка Бадахос и которого Пиктон отправил с ним к главнокомандующему, поблагодарили и пригласили на обед, но спустя годы он все еще оставался лейтенантом, несмотря на яростные протесты своего генерала.²⁰⁶ Можно привести десятки подобных примеров.

Профессиональная подготовка

Профессиональная подготовка офицеров волей-неволей отсутствовала в первые годы войны во Франции. Не существовало учреждения, которое обеспечивало бы это, и все военные знания приходилось приобретать эмпирическим путем в штабе полка. Улучшение величайшей важности было достигнуто учреждением в декабре 1801 года "Королевского военного колледжа" в Хай-Уиком для обучения молодых офицеров, за которым последовало создание его "Младшего отделения" в мае 1802 года "для обучения тех, кто с юности предназначен для военной профессии". Последний, положивший начало колледжу в Сандхерсте, в состав которого кафедра была переведена в 1811 году, принимал мальчиков уже в тринадцать лет. Его первым генеральным инспектором был французский *эмигрант* Жарри, которому мы обязаны "Инструкциями для легкой пехоты в полевых условиях" 1804 года, в то время как полковник Джон Гаспар Ле Маршан был "вице-губернатором и генерал-суперинтендантом". Это был опытный кавалерийский офицер, который пал в 1812 году во главе своей бригады в переломный момент битвы при Саламанке, когда он только что предпринял решающую атаку. Когда началась война на полуострове, студентов военного колледжа было уже много.

"Белемиты"

Французский генерал Фой, свидетель, авторитет которого вряд ли может быть подвергнут сомнению, поскольку он делает неохотные признания, говорит, что считал британских офицеров в целом превосходными.²⁰⁷ Чем больше мы изучаем подробные отчеты, тем охотнее признаем, что его похвала вполне заслуженна. Более слабых собратьев было очень мало — так мало, что враг их даже не замечал. Неподобающее поведение на поле боя было самым редким из правонарушений; едва ли найдется полдюжины военных трибуналов по подозрению в халатности среди сотен, привлеченных к ответственности за другие правонарушения. Было значительное количество офицеров, "разоренных" за провинности, вызванные пьянством, "неспособностью при исполнении служебных обязанностей" и так далее, или за драки, и очень мало за финансовые нарушения; но, учитывая бесперспективный материал, который иногда попадал в полк из-за недобросовестного использования патронажа дома, их было чрезвычайно мало. Единственным классом неудачников, которых было сколько-нибудь заметно и которые заслужили особое название, были "белемиты", названные так по общему складу в монастыре Белем в пригороде Лиссабона. Это был штаб всех офицеров, отсутствовавших на фронте в качестве выздоравливающих или находящихся в отпуске, и ограниченная доля тех, кто оставался там слишком долго и проявлял недостаточное рвение вернуться в свои полки, были прозваны так из-за того, что они задерживались за пределами дозволенного. Время от времени Веллингтон отдавал приказ полковнику Пикоку, военному губернатору Лиссабона, разгромить этот кружок — там всегда находились люди, которые не слишком стремились возобновить тяжелую жизнь военных действий и слишком любили азартные игры и другие низменные прелести Лиссабона.²⁰⁸ Иногда в Общих приказах появляются заметки об этих дворянах,

вызывающие удивление — никогда бы не подумал, что такие люди могли даже получить офицерский чин. Возьмем, к примеру, “Командир в Лиссабоне (или командир любой станции, на которой может оказаться капитан 88-го полка) будет рад арестовать этого офицера и отправить его в свой полк, поскольку он отсутствовал несколько месяцев без отпуска и находился в Португалии с 20 октября прошлого года, не явившись к своему командиру и не вступив с ним в контакт”.²⁰⁹

Веллингтон в минуты раздражения иногда писал, что большинство его офицеров были вялыми и непослушными. Такие люди существовали; но, как заметил тот, кто хорошо знал герцога, “из-за долгого использования абсолютной власти он стал нетерпим к малейшей провокации, и каждое нарушение дисциплины, каким бы ограниченным оно ни было, приводило его в ярость по отношению ко всей армии. Отсюда частые Общие приказы, столь же жестокие, сколь и по сути несправедливые, в которых из—за проступков немногих осуждались все, кто служил под его началом: офицеры - как не знающие своего долга, рядовые - как немногим лучше сброда”.²¹⁰

Но офицер, уклоняющийся от исполнения служебных обязанностей, а тем более офицер с дурной репутацией, был, в конце концов, очень редким исключением. Атмосферы презрения, которая окружала его в полку, как правило, было достаточно, чтобы заставить его отправить свои документы после более длительного или более короткого периода выдержки, в зависимости от того, была ли его кожа жесткой или тонкой. Общественное мнение было не так сурово к человеку, который был просто сварлив и не по-джентльменски пьян. Но были пределы даже буйству, дозволенному выпивохе, а пьянство перед лицом врага или на ответственном военном посту всегда приводило к летальному исходу.

Офицеры из рядовых

На протяжении всей войны существовала заметная доля офицеров, вышедших из рядовых. Достоянная служба, проявление хороших способностей, а также мужества нередко приводили к повышению сержанта в звании прапорщика. Хорошо запомнился случай с сержантом Ньюманом из 43-го полка, который сплотил отставших во время марша из Луго в Бетансос, при отступлении из Ла-Коруньи, и отбил преследовавших его французских драгун. Другой - сержант Мастерсон из 2/87-го, который захватил “орел” 8-го Линьского полка при Баррозе. Можно было бы процитировать еще много чего, хотя ни одно из них не является столь поразительным, как рассказ человека, который служил не на полуострове, а в современных кампаниях в Индии, знаменитого Джона Шиппа. Он был дважды награжден орденом за исключительную смелость. Получив свое первое звание прапорщика в штурмовом отряде при осаде Бхуртпура в 1805 году, он был вынужден “продаться” чуть позже из-за расточительности. Он поступил рядовым в другой полк и снова был повышен в звании за единоборство с непальским вождем во время первой гуркхской войны 1815 года. Воспользовавшись своим вторым шансом, он повел себя более мудро, долго прослужил офицером, а когда перешел на половинное жалованье, стал главным констеблем Ливерпуля. Его автобиография - бесхитростное и интересное произведение, достойное прочтения.

Когда какой-либо полк сильно отличался на поле боя, Веллингтон нередко поручал своему полковнику рекомендовать сержанта для присвоения звания. Это, например, было сделано для всех трех батальонов Легкой дивизии после их блестящего подвига при Буссако. Тем не менее, он не одобрял эту систему продвижения по службе иначе, как в виде исключительной меры, и в его застольной беседе с лордом Стэнхоупом мы находим несколько очень резких суждений о

старых рядовых: “их происхождение выплыло бы наружу, и вы никогда не смогли бы им полностью доверять”,²¹¹ особенно в том, что касается выпивки. Это кажется типичным примером аристократических предрассудков герцога, но в том, что он сказал, что—то было. Положение повышенных сержантов, безусловно, было трудным, и требовался человек с исключительным характером, чтобы улучшить его. Как правило, они занимали должности казначеев, офицеров по набору персонала, начальников казарм и тому подобные должности. Но многие из них стали полезными и результативными адъютантами. В командовании они, как правило, не преуспевали,²¹² и я ознакомился только с одним случаем, когда один из них дослужился до звания полного полковника, и с двумя, которым посчастливилось получить большинство голосов. Ясно, что система закупок очень сильно давила на них: не имея частных ресурсов, они никогда не могли купить ступеньку, и, достигнув звания капитана, они почти неизменно получали половинное жалованье или искали работу в каком-нибудь гражданском или полугражданском качестве.

Информация о снаряжении офицера, его багаже, лошадях и мулах, а также его слугах будет найдена в другой главе. Здесь мы имеем дело с ним как с элементом в механизме полка.

ГЛАВА XII

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛКА: РЯДОВОЙ СОСТАВ

Тот, кто хочет подробно ознакомиться со многими экспериментами, с помощью которых британские правительства, начиная с разрыва Амьенского мира, стремились сохранить в полном составе собранную ими огромную армию, должен удовлетворить свое любопытство, изучив замечательные книги мистера Фортеस्कью. Здесь нас интересуют только методы, которые преобладали с 1809 по 1814 год и дали Веллингтону непобедимые, хотя и часто ослабленные батальоны, которые одержали победы при Талавере и Буссако, при Саламанке и Тулузе.

Добровольцы из ополчения

В армии полуострова система территориальных названий преобладала почти для всех линейных полков, но в большинстве случаев местное обозначение не имело тесной связи с фактическим происхождением солдат. Существовало определенное количество полков, которые были практически национальными, например, большинство шотландских батальонов и почти все ирландские батальоны были в основном горцами и ирландцами в том, что касается их рядового состава: но даже в 79-м или 88-м было определенное количество английских новобранцев. А в некоторых номинально шотландских полках, таких как 71-й хайлендский легкий пехотный полк или 90-й Пертширский добровольческий²¹³, доля англичан и ирландцев была очень велика. Точно так же почти во всех номинально английских полках было большое количество ирландцев и несколько шотландцев. Отчасти это объяснялось тем фактом, что, хотя корпус набирал персонал в своих округах, все же им часто разрешалось посылать вербовочные группы в крупные центры, такие как Лондон, Бристоль, Ливерпуль, Глазго или Дублин. Но в еще

большей степени это было связано с тем фактом, что большая половина новобранцев воспитывалась не старым обычным способом, а добровольцами из воплощенного ополчения, и что в этой системе практически не предпринималось попыток ограничить выбор ополченцев, желающих вступить в регулярную армию, их территориальным полком. Ничто, например, не было более обычным, чем найти такие вещи, как 100 человек из ополчения графства Кингз, присоединившихся к 31-му или Хантингдонширскому полку. Когда 77-й или Восточно-Миддлсекский полк вернулся из Индии в 1808 году, перед отправкой на полуостров он был укомплектован из 1-го ополчения Западного Йорка, Северного и Южного Мейо, Нортгемптона и Южного Линкольна, но не получил ни одного человека из ополчения Миддлсекса.²¹⁴ Шропширский полк (53-й), когда ему разрешили в аналогичном случае призвать добровольцев, получил 99 человек из ополчения своего округа, но еще 144 - из местных корпусов Дорсета, Восточного Йорка и Монтгомери.²¹⁵ 81-й или Лояльный Линкольну полк был пополнен в 1808 году, перед отплытием в Португалию, из ополчения Дублина, округа Кингс, Южного Девона и Монтгомери. Примеры могут быть умножены *до тошноты*. Совершенно исключительным для любого английского корпуса было то, что в нем преобладали люди из его собственного номинального округа, и почти во всех них было от пятой до четвертой ирландцев.

Невозможно преувеличить преимущество этой системы для армии полуострова, изобретенной Каслри в бытность военным министром, которая позволила ей в такой значительной степени привлекать новобранцев в ополчение.²¹⁶ Все полученные таким образом люди прошли по меньшей мере двенадцатимесячную муштру и дисциплину в корпусе, который находился под ружьем много лет: это были обученные солдаты с небольшим опытом, фактически намного превосходившие рекрутов, которых добывали другими способами. Постоянное ополчение представляло собой силы, набранные округами путем голосования, хотя с помощью этого устройства были наняты заместители, а не руководители. Будучи вынужденными служить дома в течение ряда лет, ополченцы добровольно вступали в строй из любви к приключениям, неприязни к унылым сельским кварталам Англии или Ирландии,²¹⁷ и, следует добавить, из-за соблазна огромного вознаграждения, составлявшего в разное время от 16 до 40 фунтов стерлингов, которое выплачивалось тем, кто менял службу.²¹⁸

Было бы ошибкой подчеркивать, как это делали некоторые авторы, тот факт, что многие полки появились в Испании с их рядами, “полными необстрелянных ополченцев, которые иногда все еще носили свои старые ополченские значки на ранцах”. Они были далеки от того, чтобы считаться неподходящими новобранцами, но были самыми лучшими, поскольку ополчение 1808-14 годов было не органом, призванным на короткую службу в течение одного месяца в году, а постоянным учреждением, которое практически являлось второй линией после полевой армии. И ни одному мужчине не разрешалось записываться добровольцем в регулярные войска, пока он не прослужит полный год в местном корпусе, в который он был зачислен. Полк должен получать призывы на действительную службу, и это были самые лучшие призывы, которые только можно было получить. Конечно, корпус, наспех пополнившийся большим их количеством, потребовал бы некоторого времени для приведения себя в порядок, но потребовалось бы гораздо больше времени, чтобы ассимилировать соответствующее количество обычных рекрутов, спешно выписанных из полковых складов — поскольку эти люди не прошли бы годичную муштру и не привыкли бы к повседневной экономии полного полка — складами, похоже, управляли вяло, во многих случаях офицерами и сержантами, получившими увечья и прошедшими службу, или которые по собственному желанию уклонились от службы на фронте.

Обычный Новобранец

Другая часть новобранцев, прибывших на полуостров, чтобы заполнить бесконечные бреши в рядах батальона на фронте, в целом была хуже, чем ополченцы. Это были обычные сыроежки, которых подбрасывал сержант—вербовщик, - все те беспокойные души, которых привлекал красный мундир, деревенские парни, уставшие от пахоты, или городские парни, которые жили на грани безработицы и для которых сытый желудок с некоторых пор был редкостью. У нас есть автобиографии сбежавших подмастерьев, сбежавших от жестокого мастера,²¹⁹ и деревенских лотарей, которые избежали неприятностей благодаря своевременному уклонению.²²⁰

Приходили сыновья суровых отцов и пасынки невыносимых мачех, а еще чаще - буйные души, которых констебль “разыскивал” за нападение и нанесение побоев или за какой-нибудь сельский розыгрыш, поднявший шум в приходе. Самая странная причина зачисления в армию, с которой я столкнулся, - это сын респектабельной семьи эдинбургского торговца, чей отчет о судьбах 71-го полка в 1808-15 годах является одной из лучше всего написанных солдатских биографий. Увлеченный сценой юноша с небольшим количеством денег в кармане, он часто выступал (без сомнения, как супермен) в Королевском театре с транспарантом или посланием из пяти слов. Наконец он достиг вершины своих амбиций — дружелюбный менеджер дал ему короткую роль, где он действительно принимал участие в действии. Он пригласил всех своих друзей на представление, чтобы увидеть свою славу, вышел на сцену и внезапно почувствовал страх сцены, так что стоял перед публикой, разинув рот, и молчал, услышав, как начались смех и улюлюканье. Бедняга сбежал со сцены прямо в своем костюме и краске, побежал в Лейт и записался в сержанты 71-го полка, отряд которого в ту ночь отплывал на Юг. Для него было предпочтительнее все, что угодно, чем столкнуться на следующее утро с насмешками друзей, перед которыми он хвастался своими актерскими способностями и которые пришли посмотреть на его дебют.²²¹

Нежелательные рекруты

Но это были лучшие духи. Среди новобранцев был гораздо более низкий слой, набранный из криминальных или полукриминальных слоев, которых огромное вознаграждение, предлагаемое за добровольцев, соблазнило пойти на службу — как правило, с целью как можно скорее уволиться оттуда. Были не только браконьеры, контрабандисты и уличные хулиганы, которым местные власти предлагали выбор между службой в армии и тюрьмой, но и карманники, фальшивомонетчики и разбойники, из-за которых в Лондоне или каком-нибудь другом крупном городе стало слишком жарко, часто вербовались в качестве *писателей*, намереваясь дезертировать и “получить другую награду”, когда смогут. Но сержанты вытирали глаза, когда обнаружили, что завербовали скользкого клиента, и уклончивого новобранца часто держали под замком в форте и отправляли в Испанию, прежде чем у него появлялась возможность скрыться. Количество этих “жестких сделок короля” сильно различалось в разных полках, но Колборн, авторитетный специалист, говорит, что батальону повезло, что в нем не было пятидесяти неисправимо плохих личностей, пьяниц, грабителей, отставших, потенциальных дезертиров, настоящих преступников, “которых ни наказание, ни какая-либо дисциплина не могли обуздать; ибо система набора была несовершенной и радикально плохой”.²²² Это были отбросы, небольшая часть от общего состава, но они всегда добивались успеха, когда нужно было что—то сделать. крестьяне, подлежащие разграблению, или церкви, подлежащие разграблению, — вот что служило предметом для военного трибунала и поглощало большую часть внимания главного маршала. Офицеры, обладающие несомненной

гуманностью, и рядовые, знающие, о чем говорят, единодушно заявляют, что в армии полуострова остались остатки, которыми можно было управлять только плетью.

Этот небольшой процент неисправимых составлял ядро, вокруг которого проступки иногда достигали больших масштабов в моменты особых лишений или искушения. В таких отвратительных оргиях, как разграбление Бадахоса или менее масштабные, но все же позорные беспорядки в Сьюдад-Родриго и Сан-Себастьяне, игру начинали преступники, но подхватывали ее пьяницы — гораздо более многочисленный класс. Когда в них был алкоголь, толпа была способна на любое проявление беспричинного озорства или жестокости. Веллингтон не раз жаловался, что самыми безрассудными и неуправляемыми из его хулиганов были новобранцы-ирландцы. Похоже, что в состоянии алкогольного опьянения они становились безответственными безумцами и не подвергались достаточной дисциплине, чтобы выработать у себя привычку к послушанию, которая могла бы послужить заменой моральному чувству. И я вполне могу поверить в это на основании случайных свидетельств, почерпнутых в дневниках его малоизвестных подчиненных. Отчет о трудностях офицеров и сержантов при переброске большого количества ирландских рекрутов из Кэшела в Дил, который я встретил в "дневнике одного солдата", читается как кошмар²²³ или как проблеск какого-то примитивного языческого рая, в котором все сводилось к бесцельным боям в перерывах между частыми и безграничными выпивками. В качестве дополнительной информации о провале страны я могу процитировать тот факт, что, просматривая полный отчет о всеобщих военных трибуналах за весь период 1809-14 годов, я обнаружил, что после отмены всех процессов над офицерами, некомбатантами и иностранными вспомогательными силами (последние почти всегда за дезертирство), был безошибочно выявлен избыточный процент мужчин с ирландскими именами, точно так же, как был недостаточный процент шотландцев. Правонарушениями, за которые судили первых, были, как правило, дезертирство и насильственные преступления, грабеж или жестокое обращение с крестьянством.²²⁴

Способ, которым обычно криминальный элемент проявляется в этом списке судебных процессов, связан с нередкими случаями научных и обычных краж со взломом, ограблением автоколонн, идущих в военный фонд, или частной собственности офицеров, а также кражей церковной утвари — все преступления, часто караемые смертной казнью, поскольку Веллингтон редко прощал профессиональных воров, хотя иногда он отделялся хорошей поркой дезертира. Но самым странным способом заглянуть в низший слой армии является любопытный анекдот, записанный в пятом томе Нейпира. Сбитый с толку зимой 1813-14 годов отказом французских крестьян принимать доллары или гинеи, которые были всем, что он мог предложить, Веллингтон решил основать собственный монетный двор, который должен был переплавлять испанское и португальское серебро и чеканить его в виде пятифранковых монет. Он разослал полковникам частные обращения с просьбой найти ему всех профессиональных чеканщиков монет, которых они смогли найти в рядах, собрал до сорока в Сен-Жан-де-Люз и с их помощью начеканил большое количество денег, за весом и чистотой которых он тщательно следил.²²⁵

Джентльмен-Скотовод

Иногда джентльмена-ранкера можно было встретить в полку на полуострове. Как правило, он был "нежелательным лицом", завербовавшимся в армию из-за какой-то позорной ссоры с семьей, которая отказалась сделать для него что-либо еще. Постоянное пьянство, азартные

игры или нечестность были обычными причинами, сломившими его, а не незаслуженное несчастье или ужасная бедность. Время от времени он брал себя в руки, становился хорошим солдатом и в конечном итоге получал повышение до офицерского чина. Чаще всего он превращался в заядлого пьяницу или преступника. Сержант 95-го в интересной главе приводит биографии четырех рядовых этого класса, которых он знал.²²⁶ Один из них несколько лет вел себя хорошо, стал казначеем-сержантом, а затем впал в дикий разгул, присвоил деньги роты и покончил с собой при обнаружении. Второй постоянно попадал в переделки: в конце концов его поймали на дезертирстве к французам, и ему повезло, что он отделался пожизненной каторгой, а не смертной казнью. Третий, “всегда чрезмерно дикий”, когда-то был произведен в капралы, но не годился ни для этого, ни для какого-либо другого звания. Четвертый был одним из исключительных случаев — отставной лейтенант без друзей и средств, который поступил на службу рядовым в условиях крайней нищеты. Он был образцовым и достойным человеком, который вскоре был назначен секретарем или личным клерком своего полковника, вел себя превосходно и в конце концов был восстановлен в своем прежнем звании в армии благодаря процентам, внесенным в его пользу.

Численность полка, несущего службу на полуострове, зависела от регулярности, с которой он получал питание из своего родного батальона или склада. Всякий раз, когда конвой отправлялся из Спитхеда, в нем находилось огромное количество небольших отрядов численностью от нескольких десятков до более чем сотни человек, которыми командовали офицеры, недавно зачисленные в батальон обслуживания или возвращающиеся из отпуска по болезни. На борту корабля часто возникали ожесточенные споры (если только погода не доводила всех до одинакового уровня тошноты и беспомощности), не только между матросами, но и между молодыми офицерами, командовавшими ими. После сердитого сравнения точной даты назначения, которое определяло старшинство при выборе спальных мест и при общении с капитаном транспорта, два прапорщика, командовавших подразделениями, часто переходили к вражде, которой суждено было длиться весь рейс до Лиссабона. Их люди радостно присоединились к перепалке. В военном суде есть несколько абсурдных эпизодов, связанных с этими частыми ссорами на борту корабля, которые иногда заканчивались драками и “поведением, неподобающим офицеру и джентльмену”.

Когда отряд высаживался в Лиссабоне, ответственному офицеру, часто шестнадцатилетнему парню, приходилось пасти свое стадо на фронт, возможно, более 200 миль по горным дорогам. Ни офицеры, ни рядовые не знали ни слова по-португальски и не имели ни малейшего представления о нравах, правительстве, предрассудках или пище крестьян. Они продвигались вперед в постоянном тумане ошибок и недопонимания. В каждом проекте был свой процент нежелательных или даже преступников. Поэтому молодой офицер, ответственный за их безопасную доставку на фронт, оказался втянутым в постоянные споры с местными жителями, которые часто заканчивались его арестом по прибытии в штаб. Мы не должны испытывать ничего, кроме сочувствия к несчастному молодому человеку, который доставил только двадцать девять человек из вверенного ему отряда в сорок один человек; или к другому, который обнаружил, что четырнадцать человек из двадцати тайно распорядились своими новыми одеялами.²²⁷ Единственным способом управлять призывом было положиться на сержанта или двух, которые входили в его состав; и если сержант сам был бездельником или пьяницей, плохо приходилось его начальнику. Представьте себе чувства младшего лейтенанта, который, оставив своего единственного унтер-офицера отслеживать отставших, обнаружил, что никто не прибыл на ночную стоянку, и, возвращаясь на многие мили в поисках заблудившихся, обнаружил

своего сержанта мертвецки пьяным и храпящим посреди большой дороги.²²⁸ Способность провести призыв в батальон была одним из величайших испытаний характера и способностей младшего офицера.

Относительно сержантов

Ответственность унтер-офицера нельзя преувеличивать. Было легко производить сержантов, но нелегко обеспечить их надлежащее качество. Слишком часто человека, получившего повышение за проявление храбрости или сообразительности, приходилось снова понижать в звании из—за какой-нибудь безнадежной неудачи - он был склонен к пьянству,²²⁹ или он был чрезмерно суровым или нерадивым блюстителем дисциплины. Одним из наиболее распространенных видов военного трибунала был суд над унтер-офицером, который потворствовал злодеяниям подчиненных ему людей и наживался на них, чье молчание покупалось за определенный процент, когда грабили крестьян или у автоколонн отбирали продовольствие, обувь или одежду. Часто до него было трудно добраться - доказать, что он знал о том, что происходит, и ухитрился ничего не увидеть. Но количество сокращений в званиях было заметным, и часто добавлялись удары плетью, когда часть *состава преступления* обнаруживалась в рюкзаке сержанта.

Однако идеальный сержант встречался нередко, и когда его находили, он оказывался неоценимым; он должен был быть уравновешенным человеком с небольшим образованием и чувством долга, на которого нельзя было положиться ни в том, что он потворствует более серьезным проступкам своих людей, ни, с другой стороны, в том, что он постоянно шпионил за ними и докладывал капитанам о каждом мельчайшем нарушении дисциплины. Такт был так же необходим, как и власть, чтобы выполнять приказы. Задиристый сержант, в конце концов, оказался бы в каком-нибудь затруднительном положении или дилемме из-за людей, которых он постоянно преследовал, в то время как внимательный сержант извлек бы выгоду из своей популярности, получив верную и разумную службу вместо простого повиновения.

Самым важным из всех унтер-офицеров был старший сержант, относительно должности которого я не могу придумать ничего лучше, чем процитировать проповедь солдата-горца, более склонного к философским изысканиям, чем большинство рядовых, ведущих дневники.²³⁰

“На сержант-майора возлагается нелегкая обязанность; во всех мероприятиях, связанных с несением службы в полку, он принимает или должен принимать самое активное участие. Его полковник, конечно, счел его достойным человеком, прежде чем назначить его на эту высшую ступень, которой может достичь унтер-офицер: и, поскольку часто оказывается необходимым проконсультироваться с ним по вопросам внутренней экономики полка, если он обладает какими-либо талантами, они обязательно будут замечены и востребованы. Повезло тому полку, в котором есть хороший старшина. Его ранг не таков, чтобы запрещать ему общаться с другими унтер-офицерами и давать им советы: его личный пример является средством повлиять на их действия: он предостерегает их от несправедливого угнетения, но при этом не гнушается указывать на случаи, требующие принудительных мер. Он рекомендует для продвижения по службе тех, кто заслуженно стремится подняться по служебной лестнице. Его командира редко беспокоят жалобы, поскольку он улаживает их к удовлетворению обвинителя и обвиняемых. Никакие корыстные мотивы не движут его поведением при примирении разногласий, и его руки никогда не запачкаются подарками низшего уровня. Тем, кто не знаком с влиянием, которым

обычно обладают сержант-майоры, это может показаться преувеличением; но мне это представляется фактом; я говорю не об одном полку, а о многих. Сержант-майор, с другой стороны, может быть маленьким тираном в корпусе без ведома своего полковника: его ненужные акты угнетения могут быть представлены начальству как похвальное рвение, а его строгость - как заслуга, заслуживающая награды.... Если командир отличается легким, уступчивым характером или, опять же, отталкивающим, надменным, *не приставай ко мне*, а адъютант (что часто бывает) недостаточно хорошо информирован, со старшим сержантом консультируются по всем вопросам. Спрашивают его мнение о характере, он может утвердиться или навредить по своему усмотрению, ибо кто будет призван противоречить ему? Короче говоря, ему есть что сказать унтер-офицерам и полковнику о плохом поведении солдат, гораздо больше, чем всем капитанам и младшим офицерам полка”.²³¹

Самоуважение сержанта

Разрыв между сержантом и рядовыми в строю обязательно был хорошо замечен. Унтер-офицеры держались вместе и образовывали собственные беспорядки. “Гордость и приличия” удерживали их от участия в кутежах рядовых. “Тот, кто однажды вступил в роту сержантов, не может быть зачислен ни в какую другую”, -²³² пишет один ветеран, гордящийся заслуженным повышением в звании. Унтер-офицер, который был слишком хорошо знаком со своими подчиненными, как правило, был одним из тех, кто извлекал выгоду из их проступков, и когда-нибудь его осудят за то, что он делился с ними добычей или потворствовал их бесчинствам.

ГЛАВА XIII ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ: НЕМЦЫ И ПОРТУГАЛЬЦЫ

Из двух классов иностранных войск, которые помогли составить непобедимые дивизии армии полуострова, один составлял в то время неотъемлемую часть британского военного истеблишмента; другой представлял собой контингент союзной державы, предоставленный в распоряжение Веллингтона и объединенный с подразделениями его армии, но сохранивший свою национальную индивидуальность.

Мы должны разобраться с первым классом, прежде чем перейдем к объяснению позиции второго. Копируем старый британский прецедент, правительства Георга III. с самого начала войны за независимость принимал на жалованье ряд иностранных военнослужащих. Они были преемниками ганноверцев, против которых Питт-старший так яростно выступал в своей горячей юности, и гессенцев, принявших столь заметное участие в войне за независимость Америки.

Полки, сформированные в первые годы великой борьбы с Францией, в основном состояли из швейцарцев или французских *эмигрантов-роялистов*. Большая часть этих корпусов исчезла к 1809 году, а из тех, что уцелели, большинство несло гарнизонную службу в Средиземном море и других местах.²³³ Веллингтон никогда не держал их под рукой. Иностранные войска, попавшие

под его командование, были почти полностью немецкими и состояли из полков, сформированных после разрыва Амьенского мира.

Королевский германский легион

Безусловно, наибольшее число из них принадлежало к тому замечательному подразделению, Королевскому германскому легиону, историю которого Ладлоу Бимиш писал с большой тщательностью и энтузиазмом, когда еще было живо поколение, воевавшее на полуострове. Они были законными представителями старой выборной армии Ганновера, товарищами британских войск во многих сражениях Войны за австрийское наследство и Семилетней войны. Когда в июне 1803 года Наполеон вторгся в Ганновер и захватил его войсками Мортье, 15 000 человек, составлявших постоянную армию электората, не смогли оказать эффективного сопротивления. Они сложили оружие в соответствии с Лауэнбургской конвенцией (5 июля 1803 г.), которая распустила их и разрешила офицерам и рядовым отправляться куда им заблагорассудится, при условии, что никто из них не будет носить оружие против Франции, пока их не обменяют на французских офицеров или рядовых, находящихся в руках английского правительства.²³⁴

Лучшие и наиболее преданные ганноверские офицеры сразу же начали перебираться в Англию и к концу года устремились туда десятками. Вскоре за ними начали прибывать люди в значительном количестве, и после того, как в августе были сформированы два временных пехотных полка, в декабре была создана более крупная организация, получившая название Королевский германский легион. В нее входили легкая и линейная пехота, тяжелая и облегченная кавалерия, артиллерия и инженеры. На протяжении всего 1804 года быстро создавались новые подразделения, в основном из ганноверцев, но не полностью, поскольку принимались и другие рекруты немецкой национальности. Но все офицеры, почти все сержанты и подавляющее большинство рядового состава были выходцами из старой избирательной армии. К январю 1805 года в существовании имелись драгунский и гусарский полки, четыре линейных и два легких батальона, а также пять артиллерийских батарей.

В ноябре 1805 года, когда экспедиция лорда Кэткарта отплыла к Везеру, чтобы совершить диверсию в пользу Австрии, весь немецкий легион отправился с ним. В течение нескольких коротких недель захватчики владели Бременом и Верденом, Штаде и Ганновером, прежде чем до них дошли вести о катастрофическом мире, последовавшем за Аустерлицем. За это время огромное количество ганноверцев встало под знамена: одни были старыми солдатами, другие - добровольцами, которые раньше не служили. Когда армия эвакуировала Ганновер в феврале 1806 года, она вернула столько новобранцев, что численность легиона была увеличена до десяти батальонов пехоты и пяти кавалерийских полков.

Это были почти последние настоящие ганноверцы, которых готовили к службе в корпусе, поскольку, когда электорат был присоединен к "Королевству Вестфалия" Жерома Бонапарта, он стал частью французской имперской системы и был подвергнут призыву на службу Жерому. С тех пор лишь нескольким людям удалось добраться до Англии и вступить в Легион окольными путями. Но было несколько хороших рекрутов, набранных в Штральзунде и в Дании во время Копенгагенской экспедиции в конце 1807 года, когда Легион несколько недель находился на Балтике.

Батальоны и эскадроны все еще были в основном ганноверскими, когда в 1808 году большая их половина была отправлена на полуостров. В том году один гусарский полк (3-й), два легких и четыре линейных батальона (№№ 1, 2, 5, 7) высадились в Португалии. Из них только два легких батальона и гусары выступили в поход вместе с Муром и вновь отправились в Англию после его катастрофического отступления. Четыре линейных батальона остались в Португалии, как и две немецкие батареи, и вошли в состав первоначальной армии Уэлсли 1809 года. Весной того же года к ним присоединился 1-й гусарский полк, который (как уже упоминалось) считался самым боеспособным полком легкой кавалерии в Португалии и долгое время был избранным товарищем Легкой дивизии Кроуферда.

Вербовка в КГБ

Весной 1811 года контингент КГБ в Португалии был увеличен за счет 2-го гусарского полка и двух легких батальонов, которые вернулись примерно через два года после своего отъезда в сопровождении Мура. Зимой 1811-12 годов два тяжелых драгунских полка присоединились к армии Веллингтона. Таким образом, в начале 1812 года четыре из пяти кавалерийских полков и пять (7-й линейный батальон отправился домой) из десяти пехотных батальонов несли службу в Испании. Но в конце года 2-й гусарский полк был призван обратно в Англию из-за сокращения численности.

Теперь стало невозможно пополнять ряды Легиона настоящими ганноверцами, которые были его первоначальным ядром. Связь с электоратом была полностью прервана, и приходилось принимать любых немецких рекрутов. Многие из них были добровольцами из английских лагерей для военнопленных, где находились тысячи немецких солдат Наполеона. Лишь небольшая часть из них была уроженцами Ганновера. Подавляющее большинство, конечно, не могло разделить лояльности и энтузиазма первых легионеров, будучи подданными всевозможных государей Рейнбунда, которые выступили в поход по приказу Наполеона. Качество людей было намного хуже, и многие записывались в армию только для того, чтобы избежать тюремной жизни, и с готовностью дезертировали, когда добирались до фронта, не имея никакого интереса к делу, за которое они сражались. С 1811 года дезертирство, совсем не обычное в первые годы существования Легиона, стало очень распространенным явлением, а грабежи и неправомерные действия (ранее очень редкие) также были обычным явлением. Ситуация стала еще хуже, когда позже, в ходе войны, стало так трудно добывать немецких рекрутов любого рода, что поляки, иллирийцы и другие иностранцы любого сорта²³⁵ были призваны, чтобы заполнить сокращающиеся ряды. Но великолепные ганноверские офицеры все еще продолжали получать хорошую службу от рядового состава, который уже не был таким однородным или лояльным, каким был, когда началась война, и полки Немецкого легиона, особенно кавалерия, продолжали оставаться одними из самых надежных войск Веллингтона. Атака тяжелых драгун Бока у Гарсии Эрнандеса на следующий день после Саламанки, как уже говорилось, была, по мнению Фоя, самой блестящей и успешной кавалерийской атакой за всю войну на полуострове. После заключения мира 1814 года все “дворняги” были уволены, а офицеры и коренные ганноверцы рядового состава стали ядром, на котором была сформирована новая королевская армия Ганновера. Тот факт, что иностранцы были уволены в 1814 году, стал причиной того, что все батальоны КГБ появились при Ватерлоо в следующем году с очень небольшим численным составом, ни в коем случае не достигавшим 500 человек всех званий.

Другой иностранный корпус, служивший под командованием Веллингтона с конца 1810 по 1814 год, имел происхождение и историю, во многом напоминающие историю Немецкого легиона. Это были брауншвейгские олени Егерс, история которых начинается с 1809 года. Отважный Фридрих Вильгельм, герцог Брауншвейгский, племянник Георга III, совершил доблестный отвлекающий маневр в Северной Германии во время Ваграмской кампании. Возглавив небольшую группу авантюристов, он бросился в центр Вестфальского королевства Жерома Бонапарта и поднял там восстание, особенно в своих собственных старых наследственных государствах. К нему присоединились несколько тысяч патриотически настроенных добровольцев, и он нанес вестфальцам серию небольших поражений. Но, в конце концов, окруженный подавляющим числом врагов, он отрезал себе путь к морю и погрузил остатки своих сторонников на английские корабли в Брейке на фризском побережье. Британское правительство сразу же предложило принять беженцев к себе на службу и организовало из них Брауншвейгский егерский и гусарский полки, черная форма которых воспроизводила форму старых войск герцога.

" Брансуик Оелс Егерс "

Костяк этого корпуса изначально был превосходным — офицерами были северогерманцы, в основном пруссаки, которые рисковали своими жизнями, присоединившись к восстанию вопреки приказам своего государя, и никогда не могли вернуться в свои дома: в то время как рядовые были патриотически настроенными добровольцами. Но, подобно Германскому легиону, Брауншвейгский полк не смог найти больше рекрутов такого рода, когда покинул Германию, и вскоре ему пришлось зависеть в продолжении своего существования от мужчин в английских лагерях для военнопленных, которых можно было убедить купить освобождение из заключения, поступив на британскую службу. Ясно, что Германскому легиону досталось лучшее из этих перебежчиков, и что худшее выпало на долю Брауншвейгского корпуса. В нее были призваны не только немцы, но и поляки, швейцарцы, датчане, голландцы и хорваты. Это была разношерстная команда, склонная к дезертирству — несколько раз большие группы уходили вместе. Один большой военный трибунал в 1811 году рассматривал дело десяти дезертиров из Брауншвейга и приказал расстрелять четверых, а остальных выпороть. У таких людей были все пороки наемников, хотя во время битвы они проявляли многие добродетели. Их офицерам было нелегко удерживать их вместе, и им никогда нельзя было доверять на аванпостах. Но в полку было полно хороших стрелков и отважных искателей приключений, и он укомплектовал несколько отдельных стрелковых рот, которыми Веллингтон усилил легкую пехоту своих бригад.

Был, однако, один иностранный полк, управлять которым было еще более утомительно, чем "Черными брансуикерами". Это были *британские егеря*, корпус, сформированный в начале войны за независимость из французских роялистов и принятый на британскую службу в 1801 году. Она была полностью набрана из дезертиров всех мастей, когда прибыла в Португалию весной 1811 года. В бегстве они были намного хуже, чем брауншвейгеры — последние были воспитаны среди представителей многих рас, но, по крайней мере, они не были прирожденными французами, как самая важная часть егерей. Беглый взгляд на имена рядового состава корпуса, кажется, показывает, что после французов следующей по значимости частью были итальянцы, а также несколько поляков и швейцарцев, причем последние снабдили солдат тевтонскими именами. Похоже, это было рабочим правилом для офицеров, которые принимали

добровольцев из лагерей военнопленных, чтобы призвать французов и итальянцев в егеря, в то время как немцы всех мастей шли в легион или Брауншвейгский корпус, а швейцарцы частично в егеря, частично в старый швейцарский полк Ватвиля: поляки и хорваты шли куда угодно. Теперь немецкий пленный, добровольно поступивший на британскую службу, мог сделать это из патриотических побуждений и стать отличным солдатом. Швейцарца, итальянца или иллирийца нельзя было особо винить в дезертирстве — он был призван в армию и отправлен сражаться на стороне Наполеона в ссоре, которая была не его собственной. Но французский дезертир больше не был старым роялистом, как *эмигранты* 1794 года, а одним из двух. Либо он был человеком, который записался в егеря просто для того, чтобы получить шанс дезертировать обратно к своим друзьям, либо он был *mauvais sujet*, человеком без патриотических чувств или морали, который был готов сражаться против своих соотечественников за плату или грабеж. Оба класса были широко представлены: первые при первой возможности бежали обратно во французские ряды, часто прихватив с собой ценную информацию. Последние были наихудшим классом наемников, поскольку у них не было вдохновляющей причины сохранять верность своим цветам, в то время как по отдельности они были по большей части плохими личностями, которые были проклятием своих полков во время службы во Франции.

Британские егеря

Незавидная задача по сплочению этого отряда дезертиров и авантюристов выпала на долю группы офицеров, которые почти без исключения были яростными французскими роялистами, вторым поколением *эмигрантов*. Они смотрели на войну с Бонапартом как на семейную распрю, в которой они сражались под любыми знаменами (многие из их родственников были на русской, австрийской или испанской службе), чтобы отомстить за смерть Людовика XVI, зверства Террора или резню в Кибероне. Вдохновленные старой верностью бурбонам и личной ненавистью к новому французскому режиму, они были жестокими и отчаянными бойцами. Они держали разношерстную орду, преданную их атаке, в рамках железной дисциплины и свободно пользовались плетью. Все, на что была способна их личная храбрость, было сделано, чтобы превратить егерей в эффективную боевую силу. Но они не могли остановить ни дезертирство, ни частые проступки. Самым удивительным военным трибуналом за всю войну был суд, состоявшийся 5 октября 1812 года над не менее чем 18 егерями, дезертировавшими в составе отряда, двумя капрами и 16 рядовыми, из которых все, кроме двух, носили итальянские имена.²³⁶ Это был лишь самый крупный случай из постоянной серии дезертирств. Полк таял всякий раз, когда приближался к французским линиям, и у Веллингтона был постоянный приказ о том, что ему никогда нельзя доверять аванпосты. Тем не менее, как боевая организация у него не было плохой репутации — как у свидетеля Фуэнтеса де Оньоро и на многих других поприщах. Это было результатом ревностной службы его офицеров — и это действительно была замечательная *демонстрация силы*. Материал, с которым им приходилось работать, был отвратителен.

Строго говоря, это были единственные иностранные корпуса в армии Веллингтона, но были еще два подразделения, в которых был большой, даже преобладающий немецкий элемент, хотя они были пронумерованы в британской линии. Это были 5/60-й стрелковый батальон “Королевских американцев” и 97-й, однобатальонный корпус, который начал свое существование как “Меноркский полк” Стюарта, но получил место в британской армии в 1804 году как “Немцы королевы”. Ни один из этих батальонов не был чисто немецким ни по офицерскому составу, ни по рядовому составу: из 5/60-го в списке высадки при его первоначальной высадке в

Португалии указано восемнадцать офицеров с немецкими именами и десять с британскими.²³⁷ Полковник Де Роттенбург был иностранцем, но его заместитель, Дэви, был англичанином. Британский элемент был пропорционально не так силен в рядах в начале войны, но, по-видимому, увеличивался по мере ее продолжения. Были призваны английские и ирландские рекруты, чтобы такой прекрасный корпус не был испорчен плохим классом немецких рекрутов, каких можно было набрать только в 1812 или 1813 годах. Когда корпус вернулся с полуострова в 1814 году, в нем было всего девять офицеров с немецкими именами и двенадцать с британскими, и я полагаю, что соотношение в рядах между национальностями изменилось таким же образом. После объединения с 1/60-м полком, после окончания войны в его рядах было, безусловно, 400 британцев и что-то около 300 немцев.

Это был самый выдающийся корпус: стрелковые роты в зеленой форме, которыми он снабжал многие бригады армии полуострова, получили всеобщую похвалу за их хладнокровие и замечательную меткость. В батальоне было очень мало дезертиров, за исключением одного периода в 1808-9 годах, когда он получил партию новобранцев из португальской армии Жюно, которые оказались неудовлетворительными. Было бы абсолютным оскорблением для 5/60-го полка причислить их к брауншвейгцам или британским егерям.

97-й, состоявший из одного батальона, не имевший ничего для содержания, кроме склада, который мог собирать немецких рекрутов только таким же образом, как и КГБ, после двух лет войны был израсходован до очень небольшого остатка и в 1811 году был отправлен обратно в Англию с красивой хвалебной эпитафией от Веллингтона. Он так и не попал снова на фронт, остался дома в очень слабом составе и был расформирован в конце войны. Как и 5/60-й, он не был полностью немецким; среди офицеров мы находим людей с британскими именами, такими как Картер, Бискоу, Уилсон, Лайон. Его полковник и один из двух майоров были англичанами, и среди рядового состава была доля немцев. Его послужной список на полуострове, если коротко, был выдающимся.

Португальская армия в 1809 году

Остается поговорить о португальцах, которые составляли примерно две пятых боевых сил Веллингтона. У нас уже была возможность поговорить о том, как они были распределены между британскими войсками, когда речь шла о характере Бересфорда,²³⁸ и составе дивизий на полуострове.²³⁹ Но внутренний механизм португальской армии еще предстоит детально изучить. В 1809 году он состоял из двадцати четырех линейных пехотных полков, каждый по два батальона, за исключением 21-го, который был вырезан при штурме Сультом Оporto в марте и собрал только один.²⁴⁰ Было также шесть батальонов легкой пехоты касадорес, все сформированные в 1808-9 годах, и двенадцать слабых кавалерийских полков. Артиллерия, разделенная на четыре местных полка неравной численности (Лиссабонский, Порту, Эльваш и Алгарве), снабжала девять или десять полевых батарей и несколько гарнизонных рот, укомплектованных орудиями Эльваша, Алмейды, Абрантиша, Пениши и многих других второстепенных крепостей. Кроме того, существовал необычный корпус, Лояльный Лузитанский легион, созданный сэром Робертом Уилсоном в Порту в 1808 году, который состоял из трех батальонов легкой пехоты, эскадрона кавалерии и неполной батареи. Этот легион, который очень хорошо нес службу в 1809-10 годах, был включен в состав регулярной армии в 1811 году, его три батальона стали 7-м, 8-м и 9-м касадорскими. В то же время Веллингтон приказал сформировать три новых легких батальона с номерами 10, 11 и 12.

Численность португальского линейного полка из двух батальонов номинально составляла 1540 человек, а касадорского батальона - 770 человек: каждая из них была разделена на шесть сильных рот. Кавалерийские полки, номинальная боеспособность которых составляла 590 человек, редко демонстрировали в полевых условиях по 300 человек каждый. Пехотный корпус, с обязательным набором для поддержания своих рядов в полном составе, мог с 1809 года обычно выходить на поле боя в составе более 1200 человек всех званий, не считая солдат, находящихся в госпитале или откомандированных, и очень редко сокращался до 1000 человек. В касадоре батальоны были, как правило, несколько слабее в пропорции, чтобы их номинальная эффективная, редко показывает более 500 человек в очереди.

Организация португальской армии была основана строго на местной основе, каждый из двадцати четырех линейных полков имел свой надлежащий рекрутский округ. Два корпуса были предоставлены провинцией Алгарве, пять - Алемтехо, четыре - Лиссабоном и его окрестностями, три - остальной португальской Эстремадурой, четыре - Бейрой, четыре - Порту и Энтре-Дору-э-Минью и два - Трас-ос-Монтешем.²⁴¹ Поскольку некоторые районы набора были менее густонаселенными, чем другие, им было труднее содержать свои территориальные полки. Особенно это касалось пяти корпусов Алемтехо, где площадь пустошей превышает площадь населенных земель, чем в других провинциях Португалии.

Батальоны касадора были в основном сформированы на более населенном севере, откуда поступали не только три (№ 7, 8, 9), сформированных из Лузитанского легиона (все они были сформированы в Порту и его окрестностях), но и номера 3, 4, 6, а после 1811 года дополнительные номера 10, 11, 12. Южные провинции имели только номера 1, 2, 5. Эти коричневые и темно-зеленые батальоны, чьи мрачные цвета сильно контрастировали с яркими синими и белыми цветами португальской линии,²⁴² составляли, наряду с зелеными британскими стрелками, основную боевую линию армии Веллингтона. Восемь из двенадцати были воспитаны британскими офицерами и ими командовали, только остальные четыре - португальскими полковниками.

Португалия - страна, не изобилующая лошадьми, и из двенадцати драгунских полков, из которых состояла ее кавалерия, три (№ 2, 3, 12) вообще никогда не выставлялись в поле, а использовались как спешенные войска при несении гарнизонной службы. Из остальных девяти корпусов несколько были просто осколками, и ни один никогда не брал с собой на фронт ничего подобного своему подразделению в 500 сабель. Три сотни - это столько, сколько обычно показывалось: в кампании 1811 года в двух полках, которые Веллингтон использовал в кампании при Фуэнтес-де-Оньоро, не было 450 всадников.

Работа Бересфорда

Преобразование Бересфордом дезорганизованной и истощенной армии, командование которой он принял в 1809 году, в исправные и хорошо дисциплинированные силы было замечательным достижением. Он застал ее в хаотичном состоянии — Жюно распустил всю армию, за исключением нескольких батальонов, которые он отправил во Францию служить Наполеону. Полки снова были собраны, насколько это было возможно, но кадры были неполными, а офицерский корпус оставлял желать лучшего. Португальская армия до 1808 года обладала всеми типичными недостатками армии *старого режима*, заржавевшей за длительный мирный период. Он был полон старых или неспособных офицеров, поставленных на место придворными интригами или влиянием семьи. Продвижение по службе было нерегулярным и

совершенно произвольным; нижние чины полков были переполнены офицерами, недостаток образования и военных знаний которых делал их непригодными для более высоких должностей. Став лейтенантами, они часто сидели и были совершенно бесполезны в критической ситуации. Зарплата была очень низкой, а искушение восполнить ее нехватку мелкой работой и растратами слишком велико.

Когда Бересфорд принял командование ранней весной 1809 года, он обнаружил около 30 000 вооруженных регулярных войск в учреждении, которое должно было насчитывать почти 60 000 человек. Недостаток в простой численности мог быть устранен строгим применением воинской повинности, но недостатки организации - нет. Бересфорд жаловался, что “Многолетняя привычка к пренебрежению долгом и, как следствие, лень сделали не только трудным, но и почти невозможным побудить многих старших офицеров уделять сколько-нибудь регулярное и продолжительное внимание своим обязанностям, и ни награда, ни наказание не заставили бы их противостоять усталости”.²⁴³ В нижних чинах было много рвения, было большое количество молодых офицеров из высших классов, которые только что приняли чины из патриотических побуждений; но также был тяжелый мертвый груз старых и нерадивых офицеров и ужасающий недостаток профессиональных знаний. .

Бересфорд поставил условием принятия своего поста то, что ему должна быть предоставлена свобода действий по удержанию, увольнению или продвижению по службе, а также должно быть разрешено ввести определенное количество британских офицеров в армию. Регентство удовлетворило его просьбу по необходимости, а не с энтузиазмом. Затем он с большой энергией воспользовался своим разрешением. Огромное количество старых офицеров, как высших, так и низших чинов, были переведены на половинное жалованье: лишь меньшинство полковников и генералов было оставлено на действительной службе. Все полки, которые были прокляты заведомо неэффективными командирами, были переданы под командование британских офицеров, из которых четверо или пятеро были призваны в каждое подразделение. Система Бересфорда заключалась в том, что “поскольку национальное чувство требует управления” и “он должен потакать и удовлетворять гордость нации”, достаточное количество высших должностей должно быть оставлено местным жителям, но на каждом должны быть британские офицеры либо непосредственно над ним, либо непосредственно под его началом. Там, где португальский генерал командовал бригадой, было решено, что полковники двух его полков оба должны быть англичанами. Там, где был португальский полковник, его старшим майором был англичанин; там, где был английский полковник, его старшим майором был португалец. Кроме того, в каждом полку было по два, три или четыре британских капитана, но почти не было младших офицеров. Ибо, чтобы побудить хороших офицеров добровольно идти на португальскую службу, было предусмотрено, что каждый, поступающий таким образом, должен получать ступеньку повышения по службе, лейтенанты становятся капитанами, а капитаны-майорами. Эта система, по-видимому, работала хорошо, хотя трения неизбежно возникали, поскольку удар по национальной гордости Португалии, когда иностранцам было предоставлено так много высоких постов, был тяжелым.

Португальские офицеры

Однако, по словам тех, кто держал в своих руках работу недавно организованной армии, эффект был весьма удовлетворительным. “Португальские капитаны проявляют активность и внимание, когда видят, что их роты превосходят по эффективности те, кто находится под английским

командованием, и из подражания делают то, к чему чувство долга, возможно, никогда бы их не привело. Существует множество косвенных средств и обходных путей, с помощью которых части португальского корпуса постоянно и почти незаметно стремятся вернуться к своим старым привычкам, к которым они так сильно привязаны. Чтобы время от времени пресекать эту тенденцию в зародыше, необходимо осознавать это: без постоянного наблюдения английских подчиненных офицеров (которые, постоянно смешиваясь с массой солдат, не могут не знать о том, что происходит) командир редко может быть вовремя предупрежден”.²⁴⁴ Д'Урбан, автор этого меморандума, добавляет, что одной из его больших трудностей было обеспечить, чтобы младшие офицеры из старых дворянских семей продолжали выполнять свою работу. “Даже предполагая достаточную энергию характера у местного офицера, он не делает и не будет, если только сам не является *фидалго*, применять принудительные или решительные меры, чтобы заставить представителя этого класса выполнять свой долг. Он осознает, что, поступая таким образом, наживет могущественного врага, и все привычки мышления, в которых он был воспитан, внушают ему такой страх перед этим, что никакое чувство долга не заставит его столкнуться с этим лицом к лицу. Всякий раз, когда полком командует не *фидалго*, он всегда сильно страдает: дворянам позволено поступать, как им заблагорассудится, и подавать очень плохой пример”. Единственным средством было позаботиться о том, чтобы в любом полку, где было много *фидальго*, был английский полковник.

Таковы были трудности, с которыми Бересфорд и группа отборных британских офицеров, которых он выбрал в качестве своих подчиненных, создавали армию, которая к 1811 году была готова занять свое место в боевом порядке вместе со своими союзниками, а в 1812-14 годах сослужила одну из самых блестящих служб войны на Пиренейском полуострове. Некоторые подвиги португальских бригад вряд ли получили в истории Нейпира должную известность. Хотя он признает хорошую службу легкой дивизии “касадорес” при Буссако и в других местах, вряд ли достаточно похвал воздается бригаде Харви при Альбуэре, которая встретила и отразила *в строю* атаку драгун Латура-Мобура, подвиг, которым гордились бы любые британские войска. И на отчаянное многочасовое сопротивление португальцев Эшворта в Сен-Пьере близ Байонны вряд ли обращают внимание с достаточной благодарностью — образуя центр тонкой линии Хилла, наседая подавляющим числом, и время от времени огибая оба фланга, они сражались все долгое утро сражения и не уступили ни на дюйм, хотя их линия была сведена к тонкой цепи стрелков, разбросанных вдоль живой изгороди и перелеска. Продвижение 13-го и 24-го португальских полков при штурме Сан-Себастьяна через брод шириной 200 ярдов и глубиной по пояс, простреливаемый артиллерийским огнем из конца в конец, однако вызывает у Напье должное восхищение. Это было великое достижение — каждый раненый был обречен утонуть: на другой стороне была пылающая брешь, где британское наступление остановилось после ужасной резни, но португальские полки отвоевали свой путь через смертоносную воду и с непоколебимым мужеством приняли участие в последнем штурме.

В целом, батальоны касадора показали лучшие результаты в португальской армии, кавалерия - наименее удовлетворительные. О них известно несколько хороших дел, *например*, атака эскадронов Мэддена спасла всю армию Ла Романа в битве при Фуэнте-дель-Маэстре в 1810 году, а бригада Д'Урбана оказала эффективную помощь великой фланговой атаке Пакенхэма при Саламанке в 1812 году. Но были и некоторые “неблагоприятные инциденты”, такие как бегство генерала в битве при Геборе и паника в битве при Маджадахонде, как раз перед вступлением Веллингтона в Мадрид. О последнем Д'Урбан пишет,²⁴⁵ “Мои бедные товарищи все еще являются самым повседневным и неуверенным видом воюющих людей. В Саламанке

они последовали за мной в ряды врага, как британские драгуны; вчера они были так далеки от выполнения своего долга, что в первой атаке зашли достаточно далеко, чтобы высадить меня в рядах врага. Во втором, который (сплотив их) Я предпринял опрометчиво, я не смог приблизить их к врагу ближе чем на 20 ярдов - они оставили меня в покое и исчезли под французскими шлемами, как листья на осеннем ветру. Им требуется небольшой стимул в виде криков и вдохновляющих возгласов британской шеренги, наступающей рядом с ними. Я боюсь, что они никогда не будут в полной *безопасности* ни сами по себе, ни в тишине”. Это горькие слова, но послушной список Маджадахонды не заслуживает похвалы.

Португальское ополчение

О португальском ополчении и нерегулярных наборах Орденанса нет необходимости говорить здесь подробно. Они были частью инструментов Веллингтона для ведения войны, но не частью его армии. Ибо, за исключением позиций Торриш-Ведрас, он никогда не ставил ополчение бок о бок с регулярными войсками, но всегда оставлял их на открытой местности, чтобы они наблюдали за границами или беспокоили французские коммуникации. У них был строгий приказ не сражаться — приказ, которому предприимчивые офицеры, такие как Сильвейра и Трант, иногда не подчинялись, к их собственному сожалению. Их обязанностью было прикрывать сельскую местность от небольших французских отрядов, делать невозможным передвижение противника, за исключением крупных группировок, захватывать автоколонны или отрезать отставших. Их самым блестящим подвигом был захват госпиталей Массены в Коимбре в 1810 году. Большого нельзя было ожидать от новобранцев, лишь периодически пополнявшихся с оружием в руках, не снабженных надлежащей униформой и укомплектованных гражданскими лицами или неэффективными кадрами, отсеянными от регулярной армии. Они были ценным активом в руках Веллингтона, но не настоящей боевой силой. Даже в далеком прошлом войны, в конце 1812 года, целые их бригады в панике распадались перед лицом очень небольших сил кавалерии — как в неудачном сражении при Гуарде, где Трант и Уилсон пытались переборщить с этими любителями.

Что касается *ordenança* или *плотины в массовом порядке*, то она не имела даже организации ополчения и была в основном вооружена пиками за неимением мушкетов. Его единственной обязанностью было наводнять сельскую местность и мешать врагу добывать продовольствие. Французы расстреливали их как “разбойников” всякий раз, когда их ловили; это была их естественная практика - мстить, расправляясь со всеми отставшими и мародерами, которые попадались им в руки. Веллингтон предложил награду за пленных, но ее не очень часто просили или платили.

ГЛАВА XIV ДИСЦИПЛИНА И ТРИБУНАЛ

В главах, посвященных офицерам и рядовым армии полуострова, у нас была возможность поговорить о процентном соотношении нежелательных лиц в каждом звании, а также об их

особых слабостях и преступлениях. Необходимо объяснить, каким образом британский военный кодекс того времени относился к ним.

Для офицеров существовала длинная градация наказаний, начиная от простого выговора и заканчивая увольнением со службы с позором. Для унтер-офицеров понижение в звании было самым обычным наказанием; но в случаях особенно позорного характера в качестве дополнительного наказания нередко назначалась порка плетью. Для рядовых порка была универсальной панацеей; количество ударов могло варьироваться от минимальных двадцати пяти ударов - что было сущим пустяком для обычного нарушителя, но серьезным испытанием для хорошего солдата, который потерял большую часть своего боевого духа, когда однажды “взялся за алебарду”, даже за такое легкое наказание. Максимум, что было очень необычно, составлял 1200 ударов, количество, рассчитанное на то, чтобы убить много людей и надолго вывести из строя еще многих. Но эта ужасная история о плетях присуждалась не очень часто, поскольку ее приберегали для серьезных случаев дезертирства к врагу, грабежа с применением насилия или нанесения побоев офицеру - все эти преступления могли повлечь за собой смерть в качестве наказания. Насколько я могу подсчитать, 1200 ударов плетью были присуждены военным трибуналом всего девять или десять раз за все шесть лет войны. Едва ли менее суровое наказание в виде 1000 ударов плетью назначалось чаще — всего можно подсчитать более 50 случаев - преступления были такими же, как и те, за которые полагалась еще более суровая максимальная сумма. В последние годы войны, начиная с 1811 года, были изобретены две дополнительные формы наказания за особо тяжкие преступления. Первым, в основном предназначенным для дезертиров, которые не перешли на сторону врага, а просто оставили знамена и спрятались на полуострове, была длительная служба в колониальных войсках, таких как Африканский или Новоавиахимский полк. Другим, гораздо более суровым приговором были каторжные работы либо сроком на несколько лет (обычным сроком было семь), либо пожизненно. Обычно указывается место заключения, в которое был отправлен осужденный, и почти всегда это Новый Южный Уэльс. Этот приговор обычно присуждался за случаи неоднократного дезертирства (не к врагу) и обычного воровства без применения насилия. В тот момент, когда к грабежу добавлялось насилие, преступник оказывался на близком расстоянии от виселицы или столь страшных 1000 ударов плетью, что в конечном итоге часто имело одно и то же значение.

Увольнение должностных лиц

Возможно, было бы интересно дать некоторый отчет о различных причинах, по которым офицер может понести самое суровое наказание, которое только может быть наложено на него, — быть уволенным с работы. За время войны это наказание присуждалось около тридцати раз. Только дважды оно было наградой за уклонение от службы или трусость. В трех или четырех случаях это было совершено за мошенничество с торговцами; еще в стольких же случаях - за хищение государственных денег или запасов. В пяти или шести случаях были случаи оскорбления или открытого неповиновения командиру. Три или четыре обналичивания были прямым результатом употребления алкоголя — преступник был признан нетрезвым и недееспособным при исполнении служебных обязанностей на ответственном посту. Самым отвратительным случаем из всего списка был случай, когда пьянство было косвенной, но не действительной причиной позора. Три молодых офицера, разгоняя дебош, обнаружили труп священника, лежащий в разобранном виде в комнате в квартире, где проживали двое из них. Они неправильно обращались с ним и выбросили его, сняв облачения, разбив свечи и т.д., которыми он был

накрыт.²⁴⁶ Это отвратительное уродство, по—видимому, вызванное пьяным возмущением от обнаружения трупа в непосредственной близости от их спальни, вызвало комментарий Веллингтона о вредном воздействии алкоголя, который не только делает людей неспособными выполнять свои обязанности, но и лишает их “осознания природы или последствий своих действий”.

Остальные случаи увольнения касались таких правонарушений, как публичная и позорная драка, яростное сопротивление аресту и вопиющая безнравственность.²⁴⁷ Известен только один случай увольнения со службы за тиранию — случай полковника, который обычно запугивал своих офицеров и применял произвольные и незаконные наказания к своим подчиненным.²⁴⁸ Об этом я расскажу подробнее в своем месте.

Все тридцать случаев обналичивания, упомянутых выше, относятся к офицерам строевой службы. Примерно в таком же количестве случаев были уволены со службы лица, нанятые в гражданские департаменты армии, — комиссары, поставщики, хирурги, санитары по госпиталям и т.д. В комиссариатском отделе (как можно было предвидеть) хищения были ловушкой для недобросовестных людей, часто вне поля зрения их начальства — было слишком легко выдавать фальшивые квитанции о количестве людей или лошадей, выданных по норме, или заключать коррупционные соглашения с подрядчиками или местными властями, удостоверяющие, что было поставлено большее количество продовольствия или фуража, чем было выдано на самом деле. Продажа государственных мулов или лошадей и возврат их как мертвых были еще одним прибыльным мошенничеством. Двое гражданских служащих армии (казначей и проводник складских запасов) были “разоблачены” за то, что сбежали из армии во время битвы при Талавере и распространяли ложные сообщения о катастрофе в тылу.

Медицинский персонал, который и близко не является таким частым нарушителем, как сотрудники комиссариата, иногда увольняют со службы за дебоши и пьянство, что неизбежно приводит к пренебрежительному отношению к раненым на марше или в госпитале.

После увольнения с работы следующим самым серьезным наказанием, налагаемым на офицера, было отстранение от довольствия и звания сроком на месяцы, обычно назывались шесть и три срока. Это может быть нанесено за любое из самых разнообразных правонарушений. Безусловно, наиболее частой ошибкой было пренебрежение деталями служебных обязанностей, такими как оставление полка или подразделения на много часов без отпуска, допущение отставания конвоя или призывной группы, разрешение рядовому составу сносить коттеджи на дрова, или уничтожать урожай, или валить фруктовые деревья. Ночевка вдали от компании, в довольно отдаленном доме или деревне, была еще одним распространенным проступком. На второе место в категории правонарушений мы можем поставить то, которое можно назвать ссорой с местными властями. Из-за своевольных действий с одной стороны и провокационной угрюмости с другой, эти пререкания были очень распространенными. Офицеры, командовавшие подразделениями, ссорились *схуисом де фора*, или *коррехидором*, или начальником какого-нибудь мелкого гарнизона по поводу довольствия или причитающихся выплат, и заканчивали тем, что оскорбляли его, иногда даже нападали на него. Обычно это стоило нарушителю шести месяцев дисквалификации, поскольку Веллингтон решил, что офицеры его армии не должны нарушать закон местной власти, и иногда, комментируя приговор военного трибунала, спрашивает, что подумали бы о лейтенанте,

который подобным образом обошелся с мэром английского городка или комендантом английского форта.

Веллингтон и мелкие ссоры

Третий список правонарушений, за которые обычно назначалось более короткое или более длительное “отстранение от должности”, может быть составлен в рамках общей главы отношений должностных лиц друг к другу. Это включает в себя в равной степени репрессивные или оскорбительные действия вышестоящих по отношению к подчиненным и неподчинительное поведение нижестоящих по отношению к вышестоящим. Последнее было гораздо более распространенной ошибкой, если верить статистике военных трибуналов. Но, безсомнения, следует учитывать множество случаев, когда подвергшийся травле младший офицер предпочитал придержать язык, а не обжаловать действия или высказывания своего капитана или полковника — провал его дела поставил бы его в очень опасное и неприятное положение на будущее. Невоздержанный язык или “неподобающие” письма от подчиненных начальству нередко становятся причиной судебных разбирательств. Даже полковники иногда писали или высказывались в выражениях неподчинения генералам.²⁴⁹ Но “отповедь” младших офицеров капитанам или майорам, конечно, была гораздо более частой. Веллингтон иногда приходил в крайний гнев, читая отчеты военных трибуналов по мелким делам такого рода. Мы можем привести типичный комментарий.

“Я не могу не рассматривать сделку, ставшую предметом этого военного трибунала, как просто частную ссору, она имеет столь же мало отношения к государственной службе или дисциплине и субординации в армии, как и все, что когда-либо попадало в поле моего зрения. Безусловно, верно, что частные ссоры офицеров могут быть подходящими объектами для расследования военным трибуналом. Но истец, чтобы добиться решения в свою пользу, должен представить справедливое дело. Сам он не должен был быть виновен в каком-либо нарушении общего порядка в армии или дисциплины. Его авторитет как начальника не должен был распространяться на подчиненного (на которого он жалуется), чтобы извлечь выгоду из своего собственного ненадлежащего поведения. Прежде всего, он должен был воздерживаться от использования оскорбительных или неподобающих выражений и жестов”.²⁵⁰

Еще один комментарий —

“Командующий Вооруженными силами не может не чувствовать, что как его время, так и время офицеров, составляющих трибунал, очень мало используется с пользой для государственной службы, рассматривая неподобающее и неджентльменское поведение офицеров друг с другом”.²⁵¹

Самой мягкой формой наказания для офицеров был выговор, форма которого сильно различалась. Это может быть не более чем публикация факта, что офицер *получил* выговор в Общих приказах, без какой-либо дальнейшей огласки. Или, с другой стороны, приговор военного трибунала может быть направлен для оглашения в его полку или даже в его дивизии самым публичным образом. И к этому предложению можно было бы добавить едкий и язвительный постскрипtum от Главнокомандующего. Возьмем, к примеру, следующее: “Этот человек может считать, что ему очень повезло, что приговор суда оказался таким мягким. Иной взгляд на доказательства обвинения сделал бы его увольнение со службы необходимым в соответствии с Военными статьями. Командующий Вооруженными силами надеется, что

произошедшее послужит ему предостережением и в будущем он будет вести себя во всех случаях как подобает джентльмену. Этот выговор должен быть зачитан ему командующим офицером на станции, где он может случайно оказаться, в присутствии офицеров и военнослужащих, выставленных для этой цели напоказ”.²⁵²

Выговоры обычно были наказанием за более мелкие нарушения служебных обязанностей, такие как несвоевременное сообщение о прибытии на станцию, нанесение удара дерзкому солдату вместо его ареста, драка с гражданским лицом или офицером португальской милиции, или шумное и неподобающее поведение на улицах в свободное от службы время.

За всю войну ни один офицер не был привлечен к военному суду за дезертирство, и только один подобный случай произошел среди рядовых. Это был голос ирландского лейтенанта, перешедшего на сторону французских аванпостов, когда армия Массены находилась за линией Сантарена в феврале 1811 года. Выяснилось, что он сошел с ума или страдает галлюцинациями, был схвачен во время отступления Массены, когда бесцельно бродил в тылу вражеского марша: его отправили в сумасшедший дом.²⁵³

Казни за дезертирство

Что касается наказаний для солдата, то самым тяжелым была смерть либо от пуль расстрельной группы, либо от виселицы главного маршала. Расстрел применялся почти исключительно за военное преступление - дезертирство к врагу; но им два или три раза награждали за мятеж и нанесение ударов офицеру или сержанту и только один раз (насколько я могу разобрать) унтер-офицеру за ограбление ценных складов, которые он был приставлен охранять.²⁵⁴ За последнее преступление было бы более обычным делом повесить, и я не знаю, почему в данном конкретном случае было назначено наказание в виде расстрела. Всего, по-видимому, за время войны было расстреляно 78 человек, из которых 52 были британцами и 26 иностранцами. Диспропорция, конечно, огромна, поскольку в армии было около пятидесяти или шестидесяти британских батальонов и только десять иностранных.²⁵⁵ Среди последних основная масса дезертиров пополнялась только двумя батальонами, *британскими егерями* и Brunswick Oels Jägers, оба корпуса были в основном набраны, как уже объяснялось, из немцев, итальянцев, поляков и других иностранцев из лагерей для военнопленных на родине. Они добровольно поступили на британскую службу, чтобы получить шанс сбежать, и воспользовались им при первой возможности. Дезертиров из королевского германского легиона было соответственно очень мало. В течение последних двух лет войны многие из этих иностранных дезертиров не были расстреляны, но получили пожизненную службу в колониальном корпусе в таких местах, как Новый Южный Уэльс, откуда они не могли дезертировать снова. Некоторые другие отделались суровым наказанием в виде порки.

Наказание в виде повешения

Повешение было наказанием практически за все тяжкие преступления, за исключением дезертирства к врагу. Это было не так часто, как расстрел. Протоколы Общего военного трибунала показывают, что в общей сложности было приведено в исполнение около сорока казней, и еще несколько, по-видимому, были приведены в исполнение главным маршалом над преступниками, пойманными *на месте преступления* за убийство или ранение крестьян.

Наказание в виде повешения охватывало многие преступления. Довольно удивительно обнаружить, что двое мужчин, убивших своих офицеров (один в "Баффс", другой в 42—м), были

повешены, а не расстреляны - но, очевидно, каждый случай был признан частной злобой, а не мятежом, и рассматривался как простое убийство. Было шесть или восемь случаев, когда люди убивали товарища по строю преднамеренным убийством, а не в ссоре, и были за это повешены. Однако можно отметить, что один рядовой, ударивший ножом неверную жену, на момент обнаружения был признан виновным в непредумышленном убийстве и приговорен всего к одному году тюремного заключения. Однако гораздо более частой причиной использования виселицы было убийство или ранение крестьян, которые пытались защитить свои дома или скот от грабежа. Это было преступление, за которое Веллингтон редко, если вообще когда-либо давал прощение; он был столь же непреклонен во враждебной Франции, как и в дружественных Испании и Португалии. Не имело значения, были убиты крестьяне или нет — имело значение использование против них мушкета или штыка в погоне за добычей. В этом списке, безусловно, есть несколько самых ужасных случаев, когда целая семья была убита или оставлена умирать. Но в других случаях, когда насилие представляло собой не более чем удар прикладом или укол штыком в плечо, преступникам, похоже, не повезло, что они не отделались хорошей поркой. Но в кодексе Веллингтона мелкое воровство без применения насилия каралось плетью, а вооруженное ограбление - смертью.

В эпоху, когда в Англии кража на сумму более сорока шиллингов теоретически все еще каралась смертной казнью (хотя наказания чаще избегали, чем нет), неудивительно обнаружить, что некоторые случаи повешения в армии Веллингтона были за простое воровство. Но это всегда было за кражу в крупных размерах или при отягчающих обстоятельствах. Простое мелкое воровство приводило только к порке плетью. Наиболее заметным достижением в этом направлении было достижение двух иностранцев, которым удалось взломать сундук генерального комиссара и украсть из него не менее 2000 фунтов стерлингов; другие были достижениями солдата-слуги, который скрылся с мулом своего хозяина, багажом и кошельком; часового над палаткой бригадира, который воспользовался возможностью сбежать с серебряным походным снаряжением генерала и доспехами; и человека, который, находясь в сопровождении сокровищницы, преуспел в открытии бочки и краже из нее нескольких сотен долларов. В двух или трех случаях крупные суммы в 40 или 60 фунтов стерлингов, украденные со взломом из дома или палатки офицера, комиссара или маркитанта, приводили людей к виселице. Наконец, был один случай повешения за содомию, которая по—прежнему считалась тяжким преступлением в английском законодательстве более тридцати лет после окончания войны на Пиренейском полуострове.

Известны один или два случая довольно удивительной мягкости приговоров, вынесенных военным трибуналом за преступления, которые в большинстве других случаев влекли за собой смертную казнь -*например*, ограбление и ранение крестьянина дважды в 1814 году наказывалось только 900 и 1000 ударами плетью, а трое артиллеристов, укравших часы, кошелек и документы испанского генерала Хирона, отделались отправкой в Новый Южный Уэльс, вместо того чтобы подвергнуться повешению, которое было обычным для такого серьезного преступления. Драгуну, осужденному за изнасилование в 1814 году, также повезло, что он получил всего лишь тяжелую порку. Несомненно, при вынесении таких мягких приговоров учитывалось предыдущее хорошее поведение и стабильная служба со стороны правонарушителей.

Мы уже говорили о наказаниях, которые следовали в списке следующими после смерти — ужасных 1200 и 1000 ударов плетью, и о преступлениях, за которые они обычно присуждались.

Гораздо более частыми были приговоры к 700, 500 и 300 ударам плетью, которые исчисляются сотнями и присуждались, как правило, за случайную кражу без применения насилия, кражу предметов первой необходимости (*например*, продажа одеял или патронов к ним крестьянам) или “наложение эмбарго” на повозки и волов, *т.е.* принудительное перемещение транспорта из сельской местности без разрешения для перевозки багажа или рюкзаков, когда небольшая группа без командира находилась в движении. Кража обуви или продуктов питания у конвоя была еще одним частым правонарушением, которое стоило обнаруженному виновнику около 500 ударов плетью. Похитители пчелиных ульев во время отступления из Талаверы получили по 700 ударов плетью каждый — суровое наказание за такое преступление. История о них слишком хороша, чтобы ее можно было опустить.

После того, как в Хараисехо полуголодной армии был отдан общий приказ о запрете грабежей у крестьян, сэр Артур Уэлсли, совершая поездку по пересеченной местности, увидел человека из Коннахтских рейнджеров, который шел так быстро, как только могли нести его ноги, в плаще, обернутом вокруг головы, с балансирующим на нем пчелиным ульем, вокруг которого жужжал рой разъяренных пчел. Разъяренный таким вопиющим нарушением приказов, отданных только накануне, главнокомандующий крикнул ему: “Привет, сэр, где вы взяли этот улей?” Пэт не мог видеть своего собеседника, полностью закрыв лицо, чтобы уберечься от укусов: он не обратил должного внимания *натон* вопроса, который должен был его насторожить, и ответил с прекрасным милезийским акцентом: “Вон там, за холмом, и, клянусь Богом, если вы не поторопитесь, они все погибнут”.²⁵⁶ Слепое добродушие ответа смягчило гнев генерала; он пропустил Пэта мимо ушей и со смехом рассказал эту историю за ужином. Но приказ не был шуткой для бойцов 53-го полка, застигнутых за той же игрой несколько дней спустя.²⁵⁷ Они получили прозвище “жимолостники” вместе с их поркой.

Оправдание Чарльза Рейли

Есть еще одна история о “наложении эмбарго”, относящаяся к истории полка рейнджеров Коннахта, которая может служить продолжением истории о пчелиных ульях.

В начале 1812 года комиссар нанял крестьянские повозки, чтобы отправиться в Дору и привезти оттуда бутылки вина для войск. В таких случаях, учитывая холмистую местность и очень утомительную работу, мужчины часто ухитрялись, несмотря на бдительность младшего офицера, возглавлявшего конвой, позволить погонщику сбежать со своими волами за денежное вознаграждение. Затем другие тележки были незаконно спрессованы в качестве заменителей. В одном из таких случаев подразделение 88-го полка было отправлено в Сан-Жуан-да-Пескейра за вином. По их возвращении комиссар заметил, что двух прекрасных белых быков, которых он отправил с одной повозкой, обменяли на двух очень плохих черных. Он подал свою обычную жалобу, и двое ответственных лиц, капрал и рядовой, предстали перед военным трибуналом. На суде было доказано все, за исключением факта получения денег от погонщика за то, что он позволил белым волам скрыться; и председатель, подводя итог показаниям комиссара, сказал заключенным: “Совершенно бесполезно отрицать этот факт; он неопровержим. Вы отправились отсюда с парой прекрасных белых бычков, а вернулись с парой поджарых черных. Что вы можете на это сказать?” Рядовой Чарльз Рейли, ничуть не смущенный этим, который все считали позером, и готовый под любым предлогом спастись от наказания, немедленно воскликнул: “О! клянусь вашей честью, и разве белые звери не были ленивы, и разве мы не били их, пока они не почернели? Суд не был вполне удовлетворен правдивостью

этой чудесной метаморфозы, и они были приговорены к наказанию (см. Общий приказ, Френеда, 22 января 1812 г.) — капрал должен быть разоблачен и получить 700 ударов плетью, Рейли - 500. Но учитывая великую доблесть, проявленную 88-м полком при штурме Сюдад-Родриго несколькими днями ранее, виновные в конце концов были помилованы.

Все эти процитированные случаи взяты из протоколов общих военных трибуналов. Но, конечно, подавляющее большинство порк было назначено полковыми судами, которые обладали юрисдикцией в отношении всех мелких правонарушений, таких как пьянство, неповиновение и мелкие нарушения дисциплины внутри полка, но не могли выносить более суровые приговоры, такие как смерть или транспортировка, или 1000 ударов плетью.

Просмотр протоколов военных трибуналов показывает, что некоторые батальоны давали гораздо больше, чем положенный процент преступников, некоторые - намного меньше. Расхождение объяснялось двумя основными причинами: первая заключалась в том, что в некоторые корпуса поступало больше плохих рекрутов, чем им полагалось, — диких ирландцев или городских отбросов; но я полагаю, что характер командира был даже важнее, чем точная пропорция нежелательных лиц, призванных в ряды. Полковник, который мог заставить любить себя так же сильно, как и бояться, мог вернуть себе даже очень бесперспективных рекрутов: тиран или неспособный человек мог превратить даже доброжелательных людей в плохих солдат. Ясно, что чрезмерно покладистый и вялый командир, который закрывал глаза на нарушения и препятствовал рвению своих офицеров, погубил батальон так же верно, как самый бесчеловечный солдафон. Среди военных трибуналов армии полуострова полковников очень мало — не более полудюжины. Но у одного есть шанс оказаться на стороне тирана, а у другого - на стороне *слабоумного*, и факты, кажется, показывают, что последний довел свой корпус до такого же плачевного состояния, как и первый. Хотя он принял полк, как все разрешали, в отличном порядке, за несколько месяцев вялого управления и ослабленной дисциплины он стал не только пьяным и неряшливым, но и таким медленным на марше и на randevu, что другим подразделениям бригады приходилось всегда ожидать этого, и бригадный генерал жаловался, что не может доверять этому на передовых постах. Офицеры, постепенно привыкшие презирать своего полковника, относились к нему с презрением и, в конце концов, подали в Конную гвардию жалобу, обвинив его не только в неспособности, но и в трусости, что на военном трибунале, который последовал за этим, было признано необоснованным.²⁵⁸ Полковник в результате расследования получил выговор и понизил жалование вдвое; все его подчиненные за грубое нарушение дисциплины были призваны в другие полки, и был собран новый корпус отобранных офицеров для реорганизации. корпус, который, очевидно, находился в полностью деморализованном состоянии; новоприбывшие получили прозвище “Элегантные выдержки”.

Полковник - Тиран

Обратная картина, когда полк был разорен произвольной строгостью и бесчеловечным преувеличением наказаний, может быть изучена в протоколах военного трибунала, состоявшегося весной 1813 года.²⁵⁹ В этом случае командир был признан виновным не только в “буйном поведении” и “использовании невоздержанных и неподобающих выражений в адрес своих офицеров, нарушении хорошей дисциплины и неподобающем характеру офицера и джентльмена”, но и в массовом применении телесных наказаний без какой-либо формы судебного разбирательства, когда присутствовало достаточное количество офицеров для формирования надлежащего мнения. военный трибунал полка; за неподчинение указаниям

главнокомандующего путем суммирования приговоров о порке, вынесенных солдатам в разных случаях, с тем чтобы применить несколько отдельных наказаний одновременно, и освобождения приговоренных к наказанию мужчин, чтобы отправить их в бой, а затем возвращения их под арест после боя, чтобы получить их удары плетью. Последнее особенно противоречило приказам Веллингтона, поскольку он считал, что хорошее поведение в бою должно приводить к вынесению приговора, вынесенного, но не приведенного в исполнение, и что ни один человек, осужденный за позорное преступление, не должен быть привлечен к ответственности, пока он не искупит его, понеся свое наказание. Этот офицер был уволен со службы, но, учитывая хороший боевой опыт в прошлом, ему было присвоено звание майора.

Один дневник рядового, дневник Дональдсона из 94-го, дает очень интересную и полную картину судьбы батальона, который из-за увольнения своего полковника попал в руки майора с душой тирана. Это был случай со старым скотоводом, который слишком хорошо знал солдатские уловки и имел своего рода систему шпионажа через людей, готовых действовать как его подхалимы и тайные осведомители. Благодаря этому слуховому аппарату он узнавал все мелкие обстоятельства, о которых другой командир побрезговал бы слушать, и всегда плохо пользовался своими знаниями. Получив командование полком, он ввел порку за каждый незначительный проступок и вдобавок изобрел позорные и мучительные способы нанесения ударов плетью. Но этого было недостаточно — он приказал, чтобы у всех неплательщиков к рукаву куртки была пришита нашивка из черно-желтой ткани и в ней прорезалась дыра на каждый раз, когда они будут наказаны. Эффект был вскоре замечен: поскольку хорошие люди подлежали наказанию за малейшую провинность, барьер между ними и закоренелыми злодеями был разрушен, и те, кто потерял уважение в собственных глазах, становились солдатами с разбитым сердцем и неэффективными, или же становились безрассудными и совершали настоящие преступления. Те, кто раньше были ожесточенными и беспринципными, приблизившись благодаря распространенности наказаний к уровню лучших людей, казалось, преуспевали в проступках. Короче говоря, всякое представление о чести и характере было утрачено, и вялая апатия и плохое поведение стали преобладающими чертами характера корпуса. Безрассудное наказание меняло поведение человека двумя способами — он либо становился с разбитым сердцем и бесполезным, либо бесстыдным и ожесточенным.... Реальный метод достижения желаемой цели поддержания хорошей дисциплины заключается в том, чтобы офицеры ознакомились с личным характером и склонностями каждого человека, находящегося под их командованием. Командир имеет такое же право ознакомиться с диспозицией своих людей, как офицер-медик с их телосложением”.²⁶⁰ Когда полковник вернулся из отпуска по болезни, он был потрясен, обнаружив, что с людьми, которыми он так гордился, обращаются подобным образом. Его первым действием было срезать желтый значок; вторым - покончить с частыми наказаниями. Но хотя полк снова был на хорошем счету, прошло много времени, прежде чем исчезли последствия нескольких месяцев жестокого обращения.

Медали за примерное поведение

То, чего некоторые заблудшие офицеры пытались добиться с помощью террора, более мудрые люди искали другими способами. Именно периоду войны на полуострове мы обязаны первыми из наших медалей “За долгую службу и примерное поведение” - все они были вручены в первом полку, а не государством. Почетные знаки отличия для хорошо воспитанного человека являются одновременно более гуманной и рациональной формой разграничения между хорошим и плохим, чем черно-желтый значок для каждого человека, наказанного по любой причине,

который пытался ввести упомянутый выше отвратительный майор.²⁶¹ Кроме того, в некоторых полках было введено разделение солдат на классы, из которых наиболее достойные имели определенные привилегии и преференции. Любой солдат после определенного периода подтвержденного хорошего поведения мог быть переведен в более высокий класс, и соревнование, которое не должно было оставаться среди признанных паршивых овец, имело очень хороший эффект.²⁶² Но даже без “классов” или медалей за примерное поведение из любого полка можно было получить лучших благодаря мудрому и внимательному поведению офицеров. Были корпуса, где плеть была практически неизвестна,^{263-й} и другие, где ее почувствовало лишь очень небольшое меньшинство безнадежных неисправимых.

С другой стороны, есть пара записей о наказаниях в подразделении, наложенных офицерами, которые, похоже, не считались общественным мнением особо тираническими или бессердечными, что повергает читателя в изумление. Я проанализировал список людей, отмеченных к наказанию в одной артиллерийской батарее, где из 4 сержантов и 136 рядовых трое первых были “сломлены”, а 57 последних получили наказания, варьирующиеся от 500 ударов плетью, в течение двенадцати месяцев (с июля 1812 по июль 1813 года), на которые распространяется запись. Хотя некоторые из правонарушений были достаточно серьезными, были и другие, в связи с которыми использование кошки представляется совершенно неуместным и иррациональным. Как писал наблюдатель из другого корпуса, “частота порки в свое время привела к ослеплению суждений офицеров, которые обладали как чувствами, так и проницательностью. Я знал человека, который проливал слезы, когда его любимая лошадь была ранена, а на следующий день ликовал, видя, как пороют беднягу, чей проступок заключался в опоздании с выполнением заказа”.

Порке подвергались барабанщики полка под руководством старшего барабанщика и адъютанта. Преступник был привязан за вытянутые руки к двум из трех сержантских алебард, воткнутых в землю треугольником и связанных вместе наверху. Удары наносились под бой барабана, отбиваемого в замедленном темпе. Каждый из обладателей кота удалился, получив по двадцать пять ударов плетью. Хирург всегда присутствовал, чтобы подтвердить, что дальнейшее продолжение наказания не угрожает жизни заключенного, и заключенного увели в тот момент, когда врач заявил, что он больше не может стоять. Часто это вмешательство спасало преступника от завершения его наказания, как будто, если бы история была достаточно полной, ему никогда не пришлось бы подвергаться уравниванию. Но в серьезных случаях заключенного просто отправляли в больницу до тех пор, пока он не выздоравливал достаточно, чтобы оплатить оставшуюся часть своего счета. Бесчеловечные командиры иногда отказывались допустить какое-либо смягчение наказания, даже если преступление не было очень серьезным, и настаивали на приведении приговора в исполнение в полном объеме, даже если виновному пришлось дважды ложиться в больницу, прежде чем он был приведен в исполнение.

Воспоминание о Порке

Автобиографические записи о порке довольно редки — автор дневников в рядах, как правило, был уравновешенным парнем, который не попадал в самые страшные неприятности. Однако в качестве примера может служить следующее. Это имя Уильяма Лоуренса из 1/40-го полка, который в 1809 году был рядовым, хотя сержантские нашивки получил в 1813 году.

“Я отлучился без разрешения из караульного помещения на двадцать четыре часа, а когда вернулся, обнаружил, что попал в серьезную переделку, потому что меня немедленно поместили в караульное помещение. Это было мое первое преступление, но это не сильно меня задело, и я был приговорен к 400 ударам плетью. Я обнаружил, что весь полк в сборе, готовый присутствовать при моем наказании: местом для него была выбрана площадь монастыря. Как только меня привела охрана, полковник зачитал мне приговор военного трибунала, и мне велели раздеться, что я твердо и сделал, не прибегая к предложенной мне помощи, так как к тому времени я уже привык к своей участи. Затем меня привязали к алебардам, и полковник отдал приказ барабанщикам начинать, каждый из которых должен был нанести мне двадцать пять ударов плетью по очереди. Я очень хорошо переносил это, пока не получил 175 баллов, когда я пришел в такую ярость от боли, что начал толкать алебарды, которые стояли совсем не прочно (их поставили на камни), прямо через площадь, под смех всего полка. Полковник, я полагаю, решив тогда, что с меня хватит, “приказал угрюмому негодяю спуститься” именно этими словами. Возможно, более правдивого слова и нельзя было произнести, потому что я действительно был угрюм. За все это время я не издал ни звука, хотя кровь стекала по моим брюкам сверху донизу. Меня развязали, капрал перекинул мою рубашку и куртку через плечо и отвез в больницу, представив собой настолько жалкую картину, насколько это было возможно.

“Возможно, для меня это было самое лучшее, что могло тогда произойти, поскольку это помешало мне совершить еще большие преступления, которые могли бы в конце концов привести меня к гибели. Но я думаю, что от значительной части этого наказания можно было бы отказаться, сделав больше чести тем, кто тогда руководил армией”.²⁶⁴ И все же отсутствие в течение двадцати четырех часов на страже, безусловно, было серьезным преступлением.

Лоуренс отделался 175 ударами плетью из 400 заказанных, но пролежал в больнице почти три недели. Но часто за один раз наносили 300 или 400 ударов плетью, и были мужчины, которые могли вынести их без стога.

“Телесные наказания применялись круглый год, - пишет ветеран-офицер 34-го²⁶⁵-го полка. - мужчин пороли за мелкие проступки, а за более серьезные часто пороли до смерти — военный трибунал часто присуждал тысячу ударов плетью. Я видел, как люди страдали 500 и даже 700 раз, прежде чем их “сняли”, кровь стекала им на обувь, а со спин сдирали кожу, как с сырых красных сосисок. Некоторые из них, не дрогнув, перенесли это ужасное наказание в течение 200 или 300 ударов плетью, жуя мушкетную пулю или кусок кожи, чтобы предотвратить или заглушить крик агонии: после этого они, казалось, не испытывали прежних пыток. Иногда голова клонилась набок, но порка все еще продолжалась, и присутствующий хирург время от времени осматривал пациента, чтобы понять, что еще он может вынести. Я действительно с ужасом видел, как один заключенный получил 700 ударов плетью перед тем, как его увели. Это был приговор военного трибунала, приведенный в исполнение, например, в присутствии всей бригады.²⁶⁶ У нас, конечно, были очень плохие личности, которых отправляли заполнять брешь в наших рядах, проводя зачистку тюрем в Англии и Ирландии: но такие наказания были бесчеловечными, и я решил, что, если бы у меня когда-нибудь был шанс командовать полком, я действовал бы по другому принципу. Это время действительно пришло. Я одиннадцать лет командовал доблестным корпусом и отменил кнут”.

Но хватит о таких ужасах. Воспоминание о них - кошмар.

ГЛАВА XV

АРМИЯ На МАРШЕ

В литературе полуострова редко можно найти какие-либо общие описания нормальной работы военной машины. В личных дневниках или воспоминаниях автор считает само собой разумеющимся знание повседневной армейской жизни, которая была так хорошо знакома ему самому, и делает замечания или пометки только тогда, когда происходит что-то ненормальное. Официальные документы, с другой стороны, почти всегда связаны с изменениями в рутине. Они объясняют и комментируют причины, по которым от какой-либо конкретной детали практики следует отказаться или более строго соблюдать ее, но они не дают описательного описания всей системы, частью которой эта деталь является. Представление о методах, которыми перебрасывалась армия Веллингтона, можно было составить, сравнив огромное количество его “Общих приказов”. Но, к счастью, мы избавлены от многих хлопот при составлении такого очерка благодаря тому факту, что в кои-то веки есть возможность получить в свое распоряжение тщательный подробный рассказ о том, как маршировала армия. Это можно найти в анонимном введении ко второму изданию “Избранных генеральных приказов”, которое Гурвуд опубликовал в 1837 году. Очевидно, это было сделано не самим редактором, поскольку он заявляет в своем вступительном примечании, что это “было написано в качестве критики по предложению автора обзора выдающегося периодического издания; но, поскольку оно было сочтено слишком длинным и слишком профессиональным для колонок, обычно посвященных литературе или политике, оно не было вставлено”.²⁶⁷ Поскольку авторы не рецензируют свои собственные книги, ясно, что эта критика была написана кем-то из друзей, а не самим Гурвудом. Она занимает около тридцати семи страниц, из которых девять посвящены длинному и интересному наброску армии Веллингтона на марше, который воспроизводится в следующих абзацах. Автор, пишущий для широкой публики, а не для профессионалов, сообщает нам именно то, что мы хотим знать.

“Приказы о передвижении от командующего Войсками были доведены генерал-квартирмейстером до генеральских офицеров, командующих дивизиями, которые подробно изложили их через своих помощников квартирмейстеров генералам бригад, которые немедленно передали их батальонам своих бригад через бригадных майоров. Барабан, горн и труба объявляли о подготовке к маршу в определенный час, обычно за полтора часа до рассвета, для того, чтобы несколько батальонов могли быть собраны на постах бригадной тревоги, чтобы быть готовыми выступить с места ровно при рассвете. Следует отметить, что сигнальный пост является местом сбора в случае тревоги; обычно он был и всегда должен быть местом проведения парада.

Странно ссылаться на эти приказы, чтобы увидеть, как дивизия численностью 6000 человек и так далее в любой пропорции, завернутая в свои одеяла “в объятиях Мерфи”, была полностью одета, со свернутыми одеялами, упакована, экипирована, взводилась, маршировала ротами, распределялась по подразделениям, секциям и секциям по трое, маршировала ротами к полковым постам тревоги и, наконец, к посту бригады, построенной в сомкнутые колонны, и все это под звуки, столь же знакомые солдату, как бой часов на конногвардейском полку капралу

Синих. Орудия были выставлены напоказ, багаж упакован и погружен, комиссарские мулы с запасом сухарей, Кладовщик с запасными боеприпасами- быки поставлены под охрану, все собрано с одинаковой точностью и порядком, готовые к маршу под руководством помощника генерал-квартирмейстера, прикрепленного к дивизии или корпусу, который предварительно собрал проводников, которых он прикрепил к колонне или колоннам, направленным маршем к пунктам или городам, указанным в инструкциях генерал-квартирмейстера. Тем временем грозный маршал-провост, приданный дивизии, совершал свои патрулирования.

Начинаем марш

После последовательного доклада 'Всех присутствующих' бригадными майорами помощнику генерал-адъютанта, а им самим генералу, командующему колонной, было отдано приказание 'Частями по трое, марш' справа или слева, как указано в инструкциях генерал-квартирмейстера, при этом все строились либо справа, либо слева впереди, согласно взглядам генерала, командующего армией. Затем был сформирован передовой отряд колонны под руководством бригадного майора бригады, справа или слева впереди. Этот передовой отряд состоял из одной роты различной численности. Весь батальон был выведен маршем под уклон, с величайшей точностью и регулярностью, и оставался в таком порядке до тех пор, пока передовому батальону не была дана команда "Марш вольно", которую последовательно подхватили остальные, находившиеся в тылу. Женщины отдельными группами либо шли впереди колонны, либо следовали за ней — никому не разрешалось сопровождать ее; обычно они оставались с багажом, за исключением тех случаев, когда их финансы позволяли им немного поторговаться хлебом и удобствами в деревнях или городках по соседству с линией марша. Помощник главного маршала со своей охраной и правонарушителями замыкал колонну, за ним следовал арьергард под командованием офицера, который подобрал всех отставших, которых по прибытии он разместил в главном карауле, где тем, кто получил квитанции о разрешении покинуть строй, было приказано присоединиться к своему корпусу, унтер-офицеры ожидали их приема.

Первый привал обычно делался по истечении получаса после отправления, а затем раз в час; каждый привал длился не менее пяти минут после того, как люди складывали оружие; это могло немного варьироваться в зависимости от погоды, расстояния или других обстоятельств марша. Остановка была сделана для того, чтобы позволить выбывшим вернуться в свои роты, что, за исключением случаев болезни, обычно и происходило; поскольку человек, желающий выбыть, был обязан получить билет у офицера, командующего его ротой, и оставить свой рюкзак и ружье на попечение товарищей из его отделения из трех человек; поэтому он, не теряя времени, вернулся в свой строй и вернул свой билет. Этот первый привал обычно проводился за съедением куска хлеба или мяса, припасенного для марша, — за приведением в порядок снаряжения, ранца и фляги, чтобы хорошо посидеть, — за шутками о вчерашнем ночлеге или бивуаке или в предвкушении следующего. По окончании привала барабан или горн объявляли "Построение", и по команде передовой батальон двигался в том же порядке, что и в начале марша; другие батальоны следовали последовательно, всегда с музыкой; затем "Марш вольно", как и раньше; но когда раздавалась команда "Смирно", все опускали руки и маршировали в том же порядке, что и в день полевых работ; это всегда делалось в строю перед привалом.

“Когда армия не находилась поблизости от противника, два офицера сопровождали каждый батальон на марше, один из них за двадцать четыре часа до батальона, и по прибытии на

указанную станцию получали необходимую информацию от помощника генерал-квартирмейстера. Другой офицер выступил маршем в тот же день во главе цветных солдат каждой роты, чтобы прибыть пораньше и занять жилье у офицера, который ушел накануне.

Раздача заготовок

Заместитель помощника генерального квартирмейстера всегда предшествовал этим офицерам, чтобы договориться с магистратами о квартирах: и он распределял город пропорционально численности нескольких батальонов или корпусов между их соответствующими офицерами; они делили его по своему усмотрению между десятью санитарями, которые мелом указывали на дверях название роты и количество людей, которых нужно занимать, а также офицерские помещения, которые неизменно находились в квартирах роты. Офицер сначала отметил помещения командира, штаба, ординарца, караульного помещения, склады квартирмейстера - все это находилось в самом центре казармы полка. Затем первый офицер проследовал на следующую станцию; второй офицер и десять санитаров проследовали к дороге, по которой должны были прибыть войска, и сопровождали их к установленному для них сигнальному посту, который указал помощник генерал-квартирмейстера под руководством командующего генерала либо впереди, либо в тылу города. Здесь они остановились колонной, как и в сборе на следующее утро или в любое другое время, когда могла быть объявлена тревога или собрание. У каждой бригады, батальона и роты были свои соответствующие посты тревоги или места формирования в самых центральных частях своих кварталов. Затем офицеры, командующие ротами, разместили своих людей и доложили офицеру, командующему ротой, о размещении или о его недостатке, офицеры, командующие батальонами, - командующим бригадами, а генералы бригад - генералу дивизии. Помощник генерал-квартирмейстера всегда был готов обратиться к нему в случае переполнения батальона с просьбой предоставить дополнительное жилье, поскольку для этой цели обычно резервировалось какое-нибудь здание или улица в центре города или на случай прибытия подразделений других корпусов.

“Когда колонна располагалась бивуаком в хижинах или, как впоследствии, лагерем в палатках, трудностей возникало меньше. По прибытии на позицию, указанную в инструкциях генерал-квартирмейстера, общее командование выбрало то, что, по его мнению, было наиболее благоприятным участком в соответствии с потребностями фронта, связью со своими флангами и тылом, наличием леса и воды, а также состоянием местности, избегая близости к болотам, где ночная сырость могла повлиять на войска. Помощник генерального квартирмейстера передал эту территорию нескольким офицерам, заранее присланным батальонами для этой цели, как ранее описано в разделе "Кварталы". Затем генерал проследовал на фронт и указал, где он хотел бы разместить свои передовые части, чтобы они поддерживали связь с аванпостами кавалерии впереди, или, если таковых не было, прикрывать все подходы отдельными постами и часовыми, чтобы ничто не могло подойти ни к одному из них незамеченным и остановленным; или если патрули или другие передвижения противника будут иметь место, будь то ночью или днем, чтобы об этом можно было сообщить цепью часовых к отдельным постам и отдаленным позициям, и сообщить основным силам, если сочтут необходимым, полевым офицером "отдаленных пикетов". Заранее подготовленные сигналы о поджоге маяков или определенное количество мушкетных выстрелов быстрее сообщали о тревоге и давали войскам больше времени на то, чтобы взяться за оружие, пока не будет установлена точная причина тревоги.

“Когда дивизия прибыла на свою территорию, отдаленные части были немедленно отправлены маршем для прикрытия только что описанного фронта. Командирам, Хирургам и квартирмейстерам были указаны временный дивизионный госпиталь и комиссариатские журналы, после чего бригады и батальоны проследовали к своим соответствующим постам тревоги и месту для лагеря или бивуака в сопровождении офицеров и цветных солдат, как было указано выше. Затем устанавливались квартальные и арьергардные караулы, которые всегда сменялись свежими войсками через два часа. Часовые из квартальной стражи следили за коммуникациями на передовой и на отдельных постах между лагерем и отдаленными укреплениями, чтобы сообщить о тревоге, если каким-либо образом будет объявлено с фронта.

Палатки и хижины

“Если войска собирались разбить лагерь, мулы-палатки, которые всегда непосредственно следовали за колонной под присмотром офицера, предшествуя всему остальному багажу, разгружались, и палатки роты ставились в колонне в соответствии с порядком, установленным для батальона, бригады и дивизии.

Если палаток не было, то в дело быстро вступали крючья: формировались регулярные отряды для срезания веток, другие для натягивания их на веревки, третьи в качестве архитекторов для строительства хижин: это было скорее развлечением, чем обязанностью, и было просто замечательно видеть, как быстро все оказывались в укрытии. Каждая рота гордилась тем, что их офицерские хижины были построены первыми и лучше всех. Солдат совершенно приободрился от одного только сложения оружия, снятия своего снаряжения, ранца и прочего снаряжения, которое обычно весило около шестидесяти фунтов, и со всей серьезностью принялся за постройку хижины. Хотя хижины возводились не так быстро и не ставились с такой регулярностью, как палатки, все же порядок и выравнивание сохранялись, когда позволяла почва. Возможно, это и не было существенным, но все же нельзя упускать ни одной возможности привить солдату привычку к порядку и регулярности во всем, что он делает; и каким бы простым ни было действие, в его сознании должно быть запечатлено, что то, что приказано, является самым легким, и что его долг - это его интересы.

“Участников регулярных вечеринок за хлебом, мясом и спиртными напитками регулярно отчитывали и предупреждали, прежде чем компании отправлялись разбивать палатки или строить хижины. Эти отряды обычно состояли из двух-трех человек на роту под командованием капрала для каждого конкретного предмета провианта, чтобы быть готовыми выступить, когда этот предмет будет вызван в квартальный караул. Охрана или дозор роты в составе капрала и четырех рядовых, снабжавший одного часового только табельным оружием, всегда оставался в строю роты для повторения сообщений и поддержания порядка.

Командиры представили свои отчеты через бригадных майоров о том, что их соответствующие батальоны получили хлеб, мясо, спиртные напитки и фураж, указав количество дней для каждого; что они отправили одну или несколько рот такой-то численности на окраинные пикеты к постам, расположенным по приказу полевого офицера окраинных пикетов; и что ординарцы, которые сопровождали их, вернулись, зная, где их найти. Отдаленные пикеты находились в ведении дежурного офицера, который снова получал инструкции от помощника генерал-адъютанта дивизии. Командиры в то же время докладывали о численности роты или входящих в нее пикетов, которые были готовы выступить на поддержку внешнего пикета в случае необходимости, и находились под началом Полевого офицера в день входящих пикетов, и

оставались в своем снаряжении, хотя в других отношениях, как и остальные роты, не на дежурстве, а в своих палатках или хижинах. Рота на внутреннем пикете, а также дежурный полевой офицер, отвечающий за все роты бригады, всегда были первыми на внешнем пикете.

“Все особые обязанности выполнялись ротами под командованием их собственных офицеров, а не по старому способу индивидуального составления списка из стольких-то человек на роту; таковы были рота для внешнего пикета; рота для внутреннего пикета, которая обеспечивала квартальную и арьергардную охрану внутри линий; первая рота для общего переутомления, из которой брали форму квартирмейстера для амуниции, снаряжения, рабочих групп и всю другую форму, за исключением пайков; все эти обязанности выполнял состав рот.

О Получении Пайков

“Выдача пайков регулировалась квартирмейстером и комиссариатом в соответствии с инструкциями генерала, командующего дивизией или бригадой, которые доводились до сведения батальонов в приказах, и выполнялась отдельными лицами из всех рот в полку, а не ротой в связи с общей усталостью. При выдаче какого-либо товара, такого как хлеб, мясо, вино или фураж, наряды усталости от каждой роты, как описано выше, вызывались из квартальной стражи квартальным начальником, который выставлял дозор в строю каждой роты; те, кто был ранее предупрежден по каждому предмету, выходили под командованием соответствующих унтер-офицеров и собирались под командованием офицера внутренней стражи, указанного в приказах по квартальной страже. Затем он проследовал с квартальным мастером или квартальным мастер-сержантом к месту выдачи; после доставки он вернулся в квартальную стражу, доложил дежурному капитану, который был капитаном внутреннего пикета, о регулярности или нерегулярности конкретной выдачи под его руководством, а затем распустил группы под командованием нескольких унтер-офицеров по их соответствующим ротам, где доставка была немедленно произведена под руководством ординарца каждой роты. То же самое происходило и в казармах; и, хотя перепросмотр может показаться утомительным, все же все было сделано с быстротой, которая оставляет солдату в лагере больше времени, чем в любой другой ситуации.

В назначенный час в ротам были собраны отчеты о больных, и солдаты прошли маршем на осмотр к хирургу; он доложил Штабному хирургу, который, в свою очередь, доложил генералу, командующему дивизией, отправив свой собственный отчет Генеральному инспектору госпиталей.

Генерал, командующий дивизией, представил свои отчеты генерал-адъютанту и генерал-квартирмейстеру для сведения командующего Войсками в соответствии с важностью доклада и обстоятельствами момента.

“Когда перед нами был враг, раздача провизии и приготовление пищи решались со всем учетом положения вещей, так что то, что должно было быть сделано, должно было быть сделано быстро, а также с предосторожностями; ибо было бы плохим поступком выбрасывать суп до того, как он был хорошо приготовлен, или глотать его кипящим горячим, в случае перерыва, и еще хуже оставлять его врагу. Все это достаточно подробно изложено в "Циркулярном письме" герцога и в замечательных приказах генерала Роберта Кроуферда, откуда большая часть вышеупомянутых деталей была почерпнута и подтверждена на поле боя.²⁶⁸

“Новый оловянный походный котел, который поочередно несли бойцы каждого отделения, был большим усовершенствованием старого фландрского железного котла, для приготовления которого требовалось целое дерево или половинка церковной двери; и который, будучи перевезенным на муле-походнике (впоследствии выделенном для перевозки палаток), прибыл только вместе с багажом. Это улучшение, как верно заметил герцог в своей ‘Октябрьской минуте’, оставило много ценного времени, пригодного для других целей. Следует надеяться, что в любых будущих войнах также произойдет некоторое улучшение веса и прочности старого крючка для клюва, который в начале войны на полуострове был чрезмерно тяжелым и имел лезвия, которые при попытке перерубить любое дерево, не совсем зеленое, гнулись, как свинцовые: многие мужчины выбрасывали их, но более благоразумные ~~меняли~~ их на более легкие и закаленные крючки для клюва, используемые португальцами на своих виноградниках, поскольку обмен с нашими товарищами не был грабежом.

Невзгоды Сырой погоды

“В лагере или на бивуаке, в хорошую погоду, все шло весело, но наступали моменты, при одном воспоминании о которых даже сейчас вспоминаются давние приступы ревматизма, которым не всегда мог противостоять железный каркас самого выносливого человека. В ночь, предшествовавшую делу генерала Кроуферда на Коа, в те, что предшествовали битве при Саламанке и битве при Ватерлоо, и во многие другие, менее тревожные ночи, не освященные подобными воспоминаниями, проливной дождь промочил не только землю, но, к сожалению, все, что на ней покоилось или пыталось покоиться; дренаж через хижину сверху с помощью каких-то неправильно расположенных палок в крыше, похожих на громоотводы, доставлял тонкую жидкость туда, где она была меньше всего нужна; в то время как потоки воды, протекающие под ней, лишали всякой возможности заснуть: покой был невозможен. Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы даже черви вылезли из земли, поскольку она была слишком влажной для них. ‘В такую ночь, как эта’ было утомительной работой ждать запаздывающего рассвета с измученным желудком; и, что еще хуже, не находить ничего, кроме набитого патронами живота на завтрак. Но на Пиренеях, в более удачливые и здоровые времена палаток, не было ничего необычного, когда горный ветер и потоки дождя выворачивали колышки палаток, и они падали, как ничего не падает в природе, раздавливая солдата, который лежал, закутанный и барахтающийся в ужасных мокрых складках брезента. Тогда ничто, кроме мимолетной шутки ‘Лодка на взводе!’ или взрывов смеха, вызванных каким-нибудь остряком, превратившим эту вершину несчастья в веселье, не могло оживить усилия по выпутыванию из этих липких простыней. Однако это воспоминания, которые, несмотря на пережитые страдания и наследственный ревматизм, все еще доставляют удовольствие старому солдату, который сейчас лежит у рождественского камина”.

К этому длинному и живому описанию анонимным ветераном с полуострова (вероятно, из Легкой дивизии) пути, которым двигалась армия Веллингтона, нам нужно добавить лишь несколько слов в качестве предостережения и дополнения. Описанная в нем бесперебойная регулярность не всегда могла быть обеспечена на практике. Были марши, где система не могла быть выполнена из-за спешки, неожиданной смены направления и капризов погоды. Когда какое-то внезапное движение французов вынудило герцога направить свою армию по маршруту, которым он не намеревался следовать, тщательно продуманное выделение офицеров, идущих впереди, чтобы действовать в качестве предвестников, не могло быть осуществлено. Когда дивизия останавливалась поздно ночью в каком-нибудь непредвиденном

пункте назначения, не могло быть ни выбора жилья, ни (в открытом поле) возведения хижин, описанных выше. Все приходилось делать более или менее бессистемно, в темноте. В жаркую или штормовую погоду отставших было много, и процедура “оформления билетов” полностью нарушалась. Приведенное выше описание подойдет для длительных организованных действий, таких как наступление на Мадрид в 1812 году или марш на Витторию в 1813 году, но оно не в состоянии воспроизвести впечатление замешательства и страданий, вызванных прочтением любого хорошего повествования об отступлении из Бургоса или о беспорядке в поспешных маршах на перехват Сульта накануне битв на Пиренеях. Цитаты из дневника рядового, ²⁶⁹дающей представление о марше, названном первым, может быть достаточно, чтобы привести обратную сторону щита.

Отступление из Бургоса

“Отступать перед врагом в любое время суток - тяжелое дело, но в такую погоду, как в ноябре 1812 года, это было вдвойне тяжело. Дождь, ливший проливными потоками, промочил нас до нитки, дорога, состоящая из глинистой почвы, прилипла к нашим ботинкам так быстро, что их срывало с ног. Ночи были уныло темными, холодный ветер дул сильными порывами, и дороги постепенно ухудшались. После многочасового марша в таком состоянии мы остановились в поле у обочины дороги, сложили оружие, и нам позволили распоряжаться собой, как мы могли. Луна, пробивавшаяся сквозь плотные массы облаков, иногда бросала мимолетный отблеск на несчастных существ, сбившихся в кучу в самых разнообразных позах и пытающихся отдохнуть или укрыться от холода. Некоторые лежали на мокрой земле, завернувшись в еще более мокрые одеяла, некоторые положили свой рюкзак на камень и сидели на нем, завернувшись в одеяла, положив головы на колени и стуча зубами от холода. Задолго до рассвета нам снова приказали построиться, и мы продолжили отступление. Дождь все еще лил, дороги теперь были по колено в грязи. Многие люди устали и не могли следовать за ними: рессорные повозки не вмещали их всех; они отстали и попали в руки французской кавалерии. Из-за какой-то бесхозяйственности продовольственные припасы были отправлены вперед вместе с багажом, в сторону Родриго, и мы остались без еды. Чувство голода было очень сильным: несколько волов, оставшихся в дивизии, были убиты и розданы нам, но наши попытки разжечь костры для приготовления пищи мокрыми дровами оказались безуспешными. Иногда нам просто удавалось поднять дым, и люди собирались вокруг костра, который затем гас, несмотря на их усилия.

“Дикое отчаяние овладело нашими умами: те, кто в лучшие времена жил в самых дружеских отношениях друг с другом, теперь ссорились друг с другом, осыпая самыми страшными проклятиями малейшую провинность. Дух мизантропии овладел каждой грудью. Ручьи, стекавшие с холмов, разлились в реки, которые нам приходилось переходить вброд, и огромное количество людей выпало оттуда, среди них даже офицеры. Было жалко видеть, как люди, которые долго волочили за собой свои конечности с решительным упорством, в конце концов падают в грязь, не в силах двигаться дальше. Полные отчаяния взгляды, которыми они одарили нас, когда увидели, что мы проходим мимо, в любое другое время пронзили бы сердце; но наши чувства были закалены, и у нас не было сил помочь, даже если бы мы почувствовали желание.

Наконец дождь несколько утих, но холод был невыносимым: на ночном привале многие люди бросались в грязь, моля смерть избавить их от страданий. И некоторые молились не напрасно, потому что на следующее утро, отправившись в путь в темноте, мы наткнулись на нескольких человек, умерших ночью. Нечаянно наступив ногой на одного из них, я наклонилась, чтобы

пощупать, и никогда не забуду тошнотворный трепет, пронзивший мое сердце, когда моя рука коснулась его холодного, липкого лица. В этот день мы остановились раньше обычного, и, поскольку погода прояснилась, разожгли костры; но есть было нечего, кроме желудей из леса, в котором мы разбили лагерь, — мы с жадностью поглощали их, хотя от них нас тошнило до крайности. Страдания следующего дня были того же характера — только более усугубленными, пока, наконец, мы не приблизились к Родриго в темноте, не остановились и не услышали, наконец, хорошо знакомый призыв ‘Выйти за бисквитом’, зазвеневший у нас в ушах. Наконец-то мы добрались до еды. Вместо обычного организованного разделения каждый схватил то, что смог достать, иначал ослаблять ужасную гложущую боль, которая мучила нас в течение четырех дней беспримерного холода и усталости ”.

ГЛАВА XVI

ПРЕПЯТСТВИЕ: БАГАЖНЫЕ ДАМЫ ВПЕРЕДИ

Вьючные Животные

Обоз армии Веллингтона был очень тяжелым. В дополнение к длинным вереницам мулов и повозок, запряженных волами, которые перевозили общественные припасы, было очень большое скопление личного багажа. Боевое снаряжение офицеров — особенно офицеров высших рангов — поражает современного студента своей тяжеловесностью, и французские наблюдатели того времени много комментировали это. “Если посмотреть на массу препятствий и приверженцев лагеря, тянущихся за британцами, - говорит Фой, - то можно подумать, что ты созерцаешь армию Дария. Только встретившись с ними на поле боя, ты понимаешь, что имеешь дело с солдатами Александра”. Причиной такого накопления было отчасти сохранение распущенных обычаев восемнадцатого века, но в еще большей степени это было обусловлено характером страны, по которой двигалось войско Веллингтона. Во внутренних районах Испании или Португалии абсолютно ничего нельзя было достать. Самые простые предметы роскоши - чай, сахар, кофе - было невозможно достать, за исключением самых крупных городов; обновить одежду было также невозможно. Тот, кому что-то требовалось, должен был носить это с собой. Это не было похоже на предвыборную кампанию во Франции, Бельгии, Германии или Италии. В начале срока своего командования Веллингтон установил правило²⁷⁰, согласно которому личный багаж не должен перевозиться на повозках: “те, у кого есть багаж для перевозки, должны быть обеспечены мулами и лошадьми”. Этот приказ повторялся снова и снова в последующие годы.²⁷¹ Вскоре была разработана регулярная шкала количества лошадей и мулов, разрешенных офицерам разного ранга. Два младших офицера должны были делить между собой одно вьючное животное, капитану разрешалось иметь целого мула или лошадь и так далее, в возрастающем масштабе.²⁷² Но уже 1 сентября 1809 года, казалось бы, было узаконено более либеральное пособие. В “общем приказе” того дня мы получаем тщательно разработанную таблицу рационов питания для всех чинов, начиная с главнокомандующего и ниже. В то время как младшим офицерам полагается по одному пайку каждому, для старших это число значительно возрастает: капитану, командующему ротой, полагается пять пайков, майору - семь, подполковнику, командующему батальоном, - десять, генерал-адъютанту - двадцать и

т.д., и т.п. Это было слишком щедрое пособие для высших чинов и привело к скоплению скота, как верховых лошадей, так и вьючных мулов, намного превышавшему разумные нормы. Чтобы дать им возможность экипироваться для полевой службы, всем офицерам (как штабным, так и полковым) при первом призыве в армию разрешалось брать на 200 дней “бат, багаж и фуражные деньги”. Предположительно, эти средства пойдут на покупку их животных. Разрешенный корм составлял 14 фунтов. местного сена или соломы и 12 фунтов. овса, или 10 фунтов. ячменя или индийской кукурузы. Когда английское сено можно было достать (как в Лиссабоне), его можно было получить всего 10 фунтов. его можно было выдавать вместо 14 фунтов. местного сырья. По этой системе капитан обеспечивал себя верховой лошадью, обычно небольшой португальской клячей, и мулом для багажа. Младший офицер должен идти пешком, если у него есть мул, но, похоже, очень скоро младшие тоже приистрастились к верховой езде. Во всяком случае, лейтенанты и другие младшие офицеры часто появляются с верховой лошадью. Нет ничего более обыденного в дневнике, чем обнаружить, что по прибытии в Португалию молодой офицер приобрел себе не одно, а два животных, обычно клячу и мула. Иногда он привозил из Англии собственную лошадь.²⁷³ Чаще всего он покупал...

“Мул для поклажи и ”немного крови””²⁷⁴

на конном рынке в Лиссабоне, о котором пишет человек, имевший опыт в этом бизнесе:-

“Единственной удобной возможностью совершить покупку было посещение своего рода ярмарки, которая проводилась каждый вторник в нижней части города. Там покупали и продавали лошадей, мулов и ослов, и (как и на всех рынках) цена в основном зависела от спроса. Португальский торговец лошадьми обладает всей алчностью английского жокея, стремящегося обчистить ваш карман, но не настолько искусен в этом бизнесе. На этой Ярмарке вы покупаете или продаете свое животное, сделка заключается, деньги выплачиваются, и контракт является неразрывным. Английские гинеи не привлекали внимания: средством платежа был доллар или муидор; но с тех пор, как гиней была введена в систему оплаты армии (1813 г.), португальцы начинают ценить ее ценность. Офицеры, которым нужны были наличные, обычно вносили свой вклад в какой-нибудь дом в Лондоне; но это стоило очень дорого, отдавая деньги по курсу шесть шиллингов и шесть пенсов за доллар, который приносил всего пять шиллингов, таким образом, теряя восемнадцать пенсов на каждой кроне ”.²⁷⁵

Хорошие и крупные испанские мулы стоили столько же или почти столько же, сколько местные низкорослые лошади. Обычной ценой было от пятидесяти до девяноста долларов. Английская верховая лошадь стоила от тридцати до сорока пяти фунтов.²⁷⁶ Португальскую клячу можно было купить за пятнадцать-двадцать.

Что Касается Беспорядков

“Из-за трудностей с транспортировкой багажа, ” пишет один из самых оживленных комментаторов повседневной жизни на фронте, - полк, находящийся на действительной службе, не мог поддерживать постоянный беспорядок, как в Англии. Каждый офицер был обязан справляться сам: обычно они делились на кают-компания по двое и по трое. Это сильно затрудняло младшего офицера: разрешалась перевозка только половины животного [или максимум одного], и с целью получения дополнительных съестных припасов было невозможно допустить какое-либо дополнение к его доле багажа. Простой паек был всем, что он получал,

плюс походный котелок для приготовления пищи. Кроме того, мы должны помнить о трудностях с получением дополнительной еды, а также о нехватке денег. Таким образом, кусок говядины и порция сухарей были частой пищей примерно для двух третей офицеров — с добавлением положенного по пайке рома или вина (как правило, отвратительной дряни). Главными предметами роскоши были капля бренди и сигар. Что касается предметов одежды, то все, что можно было взять с собой, заключалось в содержимом небольшого чемодана, и если младший офицер изнашивал или терял свой полковой мундир, ему приходилось импровизировать вместо него, *например*, свою шинель. Жилеты были самыми модными - черными, синими или зелеными, шелковыми или бархатными”.

Тем не менее, хотя офицер или, по крайней мере, младший офицер считал, что он сильно стеснен в поклаже, личные мулы полка, и в особенности мулы старших офицеров, составляли неплохое погоняло — по крайней мере, человек тридцать-сорок. Кроме того, были общественные мулы корпуса, числом около тринадцати — по одному для походных котелков каждой роты, по одному для шанцевых инструментов, по одному для казначейских книжек, по одному для медицинских принадлежностей хирурга. Если мы добавим к этому личных верховых лошадей старших офицеров и тех младших, кто мог себе их позволить, получалась настоящая кавалькада — достаточная, чтобы перекрыть дорогу или загромоздить брод. И, к сожалению, мулы и лошади предполагали наличие погонщиков и слуг. Веллингтон решительно выступал против вывода из рядов солдат-слуг в качестве погонщиков мулов.²⁷⁷ У каждого офицера, конечно, был такой; но предполагалось, что они должны быть готовы к службе и могли выполнять обязанности своего хозяина только на привалах и в лагерях. Следовательно, приходилось нанимать слуг—туземцев - даже самая бедная пара прапорщиков хотела, чтобы за их единственным мулом присматривал мальчик-португалец. У полковника было, вероятно, трое или четверо последователей. Таким образом, для присмотра за своим багажом, личным и общественным, каждый батальон имел в подчинении двадцать или тридцать таких сопровождающих, несколько англичан, подавляющее большинство испанцев или португальцев.

Последователи Лагеря

Нельзя отрицать, что у этих парней была злодейская репутация, и они во многом ее заслуживали. Хотя многие приличные крестьянские парни были подобраны в сельской местности ранее прибывшими и стали надежными и преданными слугами, большинство из них не были удовлетворительными. Последователи, которых офицеры только что высадившегося полка в срочном порядке нанимали на набережных Лиссабона, когда им отводилось всего два-три дня на отбор, были в основном “нежелательными”. Если среди них и было несколько человек, которые были просто “сломленными людьми” — разорившимися крестьянами, ищущими хлеба у любого, кто его даст, — то большинство были отбросами большого портового города, головорезами самого низкого пошиба. Лучшие из португальцев были в армии: сеть призыва широко распространялась, и лишь немногие молодые люди из приличного класса избежали службы в рядах или ополчении. Личная служба под началом английского офицера, который, безусловно, был непонятным иностранцем и вполне мог быть жестким и неразумным хозяином, была не настолько привлекательна, чтобы привлекать внимание португальских рабочих классов. С другой стороны, это привлекало нуждающихся негодяев, которые хотели получить шанс обмануть работодателя, который ничего не знал о стране, ее обычаях и ценах. Открывалась великолепная возможность для хищений. Более того, многие искали более

прибыльные, хотя и более опасные выгоды. Дневники показывают, что очень значительная часть наспех нанятых погонщиков мулов и слуг через несколько дней скрылась с мулом и чемоданом своего хозяина, и их больше никогда не видели. Те, кто этого не сделал, присматривали за добычей на поле боя, в лагере и на обочине дороги. Это они грабили пьяных солдат, плохо охраняемые продовольственные склады или одинокие деревни. Они крались по ночам, чтобы тайно пограбить в рядах полков, в которых они не служили. На поле боя они безжалостно разделяли раненых — англичан и португальцев не меньше, чем французов, — а также мертвых. За исключением случаев, когда с ними плохо обращались, они обычно били раненого француза по голове, если находились вне поля зрения красных мундиров.²⁷⁸ Учитывая зверства, в которых французы были повинны в Португалии, это могло бы сойти за вполне естественное возмездие; но несомненно, что раненых британцев также часто грабили, и есть более чем подозрение, что иногда их убивали. Сторонники испанского лагеря считались еще более кровожадными, чем португальцы. Конечно, не только частные служащие офицеров были виновны в этих проступках; государственные погонщики мулов из числа сотрудников комиссариата и другие армейские прихлебатели имели столь же плохую репутацию. Самая дерзкая кража за всю войну, как уже упоминалось, была совершена двумя “уполномоченными последователями”, которые со взломом проникли в дом генерального комиссара в 1814 году и отделились не менее чем 2000 фунтами стерлингов золотом. Они были обнаружены и, естественно, понесли суровое наказание по закону. Судя по именам, один из них был французом, другой - испанцем. В двух дневниках рассказана ужасная история о жителе лагеря, который во время голода продавал британским солдатам кусочки свинины, отрезанные от трупа француза.²⁷⁹ Он сбежал, прежде чем его смогли поймать и расстрелять. Но хватит об этих упырях!

Солдатские жены

Военнослужащие британской армии ни в коем случае не были исключительно иностранцами. Одним из наихудших препятствий для свободного передвижения воинства была существовавшая в то время неудачная практика разрешать военнослужащим, находящимся на иностранной службе, брать с собой определенную долю солдатских жен — четыре или шесть на роту. Сорок или шестьдесят таких женщин, в основном верхом на ослах, составляли самую неуправляемую часть каждого полкового обоза. Они всегда отставали или их оставляли позади, потому что они не могли успевать за длительными маршами, которые часто приходилось совершать армии. Подобные трагедии на обочине можно найти почти в каждом мемуаре жителей полуострова — часто самого мучительного рода. В особенности мы можем упомянуть о количестве этих бедных женщин, которые сдались при отступлении из Ла-Коруньи и погибли в снегах или попали в руки французов. Интересная маленькая книжка женатого сержанта 42-го полка, который брал с собой жену в течение последних трех лет войны, полна любопытных маленьких изменений и тревог, через которые они прошли.²⁸⁰ Лучшее описание этого любопытного слоя армии полуострова, которое я знаю, содержится в автобиографии Белла из 34-го полка.²⁸¹

“Множество солдатских жен прилипли к армии, как кирпичи: испытывая отвращение ко всякой военной дисциплине, они временами очень сильно мешали нашему продвижению, особенно при отступлении. Они стали предметом Общего Приказа для их собственного особого руководства. Они были неподконтрольны, и всегда первыми садились на коней и уезжали, перекрывая узкие проходы и останавливая продвижение армии своими ослами, после

неоднократных приказов следовать в тыл своим соответствующим корпусам, иначе их ослы были бы застрелены. По пути из Бургоса я помню, как миссис Бидди Флин заметила: "Хотела бы я посмотреть на человека, который застрелил *моего* осла: честное слово, я уеду слишком рано, чтобы кто-нибудь из них смог меня поймать. Вы пойдете со мной, девочки? 'Да, действительно, каждый из нас'. И они тронулись в путь на раннем рассвете, отпуская шуточки по поводу приказов дивизии, Веллингтона, командующих офицеров и их следующего бивуака. Увы! главный маршал был впереди — человек облеченный властью и наводящий ужас на злодеев: он ждал дам в миле или двух дальше, на узком повороте дороги, со всей компанией нагруженных людей. Он отдал приказ пристрелить первых двух ослов, *для примера*. Раздался дикий, свирепый и яростный вопль, с таким плачем и причитаниями, каких обычно не услышишь на ирландских похоронах, с разными молитвами *забродягу*, который лишил жизни бедного дорогого ни в чем не повинного *кратера*. 'Плохая примета уродливой физиономии начальника, лагерного шпиона, пусть он никогда не вернется домой, пока стервятники не выключат ему глаза, прирожденный шалопай', и так далее. Жертвы собрали все, что могли унести, и маршировали вместе с полком, плача и оплакивая свою горькую судьбу. То, что они пережили, было чудесно, но, несмотря на это предупреждение, на следующее утро они снова были впереди всех на марше. Как сказала миссис Скидди, их предводительница, "Мы должны чем-то рискнуть, чтобы оказаться там раньше мужчин, чтобы у них были наготове костер и *порция* мяса после их груза и их трудов: и, конечно, если бы мы отправились в *редкое* время, французы, к несчастью для них, подобрали бы меня, меня и моего осла, и тогда Дэн Скидди совсем пропал бы без меня".

Солдатские жены действительно были необыкновенным сообществом — стойкие, как гвозди, опытные грабительницы, яростные приверженцы высочайшего мастерства в своем собственном батальоне, беззаветно преданные борьбе. Многие из них были вдовами дважды и даже трижды, потому что, когда женатого мужчину расстреливали, а его жена была способной и желанной особой, она получала полдюжины предложений, прежде чем ее муж через сорок восемь часов оказывался в могиле. И поскольку альтернативой было опасное путешествие обратно к родственникам в Англию или Ирландию, которые, вероятно, порвали с "девушкой, сбежавшей с солдатом", большинство вдов решили оставить батальон, обзавестись новым супругом и новым именем. По мере того как война затягивалась, многие мужчины набирали себе в помощники португальцев и испанцев, которые присоединялись к полковой команде и делали ее странно многоязычной. В конце борьбы в 1814 году произошла самая душераздирающая сцена в Бордо, когда был издан общий приказ, согласно которому всем этим иностранцам, которые не могли доказать, что они были законно женаты на солдатах, с разрешения полковника отказывалось в перевозке на Британские острова.²⁸² Их были сотни, и лишь в нескольких случаях мужчинам удавалось найти деньги, чтобы доставить их домой на частных торговых судах. Основная масса отправилась обратно на полуостров во главе бригады португальцев, направлявшихся домой, — самое меланхоличное и удручающее собрание.²⁸³

Дамы впереди

Удивительно обнаружить, что небольшая часть офицеров армии полуострова были достаточно неразумны, чтобы взять своих жен с собой на фронт, обеспечив тем самым жизнь, полную изнурительных тревог для обоих, и ужасных лишений для бедных дам. Одним из наиболее известных случаев был случай со старшим адъютантом Хилла, капитаном Карри, жена которого, как я выяснил, полдюжины раз упоминала, что она готовила чай для личного состава второй

дивизии и устраивала небольшой прием всякий раз, когда дивизия останавливалась на несколько дней. Другой была миссис Далбиак, жена полковника 4-го драгунского полка, о приключениях которой на поле Саламанки упоминает Нейпир.²⁸⁴ Но лучшую хронику взлетов и падений молодой супружеской пары можно найти в легкой автобиографии сэра Гарри Смита, в то время младшего офицера 95-го стрелкового полка. Его история хорошо известна — он спас молодую испанку среди ужасов разграбления Бадахоса, женился на ней два дня спустя и провел с ней оставшиеся три года войны. История их Одиссеи, рассказанная им самим, является одним из самых трогательных повествований о верной любви и радостно переносимых трудностях, которые может прочитать любой мужчина. Они прожили вместе сорок лет в штормах и солнечном свете, и она выжила, чтобы окрестить город Ледисмит своим именем, пока ее муж командовал вооруженными силами в Южной Африке. Он дал свое имя городу-побратиму Харрисмиту, о котором сейчас помнят не так хорошо, как о давно осажденном месте, с которым связана память о Хуане Смит.

В Париже есть набросок известного художника, полковника Лежена, который, будучи пленником в Эльвасе, нарисовал семью английского военного, проходившую мимо него. Как он описывает это в своем дневнике, “Капитан ехал первым на очень красивой лошади, прикрываясь от солнца зонтиком; затем приехала его жена, очень красиво одетая, в маленькой соломенной шляпке, верхом на муле и несла не только зонтик, но и маленькую черно-подпалую собачку на коленях, ведя на веревке козу, чтобы напоить ее молоком. Рядом с мадам шла ее няня-ирландка, неся завернутого в зеленую шелковую накидку младенца, надежду семьи. Гренадер, слуга капитана, шел сзади и время от времени тыкал посохом в длинноухого скакуна своей госпожи. Последним в процессии шел ослик, нагруженный разнообразным багажом, в том числе чайником и клеткой с канарейками; его охранял слуга-англичанин в ливрее, верхом на крепком кобыле и с длинным почтовым кнутом, которым он время от времени заставлял осла замедлять шаг”.²⁸⁵ Если эта картина не преувеличена, она, безусловно, помогает нам понять сильное неприятие, которое Веллингтон питал к дамам, идущим впереди, и ко всем видам препятствий.

ГЛАВА XVII

ЗАМЕТКИ ОБ ОСАДАХ

Всем известно, что послужной список армии полуострова в деле осад - не самая блестящая страница в ее летописях. Здесь имеется в виду не оргии, последовавшие за штурмом Бадахоса или Сан-Себастьяна, а операции, которые им предшествовали, и печальные инциденты, сопровождавшие неудачную осаду Бургоса. Этим кровавым игрокам лиги было расточено достаточно мужества; упорство было проявлено в немалой степени; и в определенной степени не было недостатка в профессиональном мастерстве. Но эта история не идет ни в какое сравнение с великой историей триумфов армии Веллингтона в открытом поле. Безрассудная храбрость должна была заменить оборудование и организацию, которых не хватало, и было пролито слишком много крови, а иногда и безрезультатно.

Трудно распределить ответственность за эти факты. Как это обычно бывает при сбоях, ясно, что виновата система, а не какой-либо отдельный человек или группа людей. Великобритания находилась в состоянии войны с Францией около шестнадцати лет, но за все свои бесчисленные экспедиции она ни разу, начиная с 1794 года, не была вынуждена предпринимать регулярные осады в больших масштабах. Едва ли нужно упоминать разгром старомодных местных фортов в Индии, блокады Мальты или Александрии, бомбардировки Флашинга или Копенгагена. Это были не те операции, которые Веллингтону приходилось проводить в 1811 или 1812 годах. Долгое время война на полуострове рассматривалась как чисто оборонительное дело; она была связана с защитой Португалии, почти (можно сказать) Лиссабона, от французского захватчика. Правительство метрополии продолжало посылать подкрепления Веллингтону, но у них создалось впечатление, что чрезмерно мощное сочетание сил противника может когда-нибудь вынудить его вернуться на борт. Сам он отнюдь не считал такое непредвиденное обстоятельство невозможным.

Разрушающий поезд Веллингтона

Но весной 1811 года стало ясно, что оборонительная война может иметь наступательные эпизоды. После отступления Массены перед линиями Торриш-Ведраш Веллингтону пришлось защищать границы Португалии; а для их эффективной охраны ему требовалось владение Алмейдой, Сьюдад-Родриго и Бадахосом, которые все были в руках союзников летом 1810 года, но теперь были французскими крепостями. Чтобы овладеть этими тремя местами, ему требовался большой ударный обоз, должным образом оборудованный для передвижения, а такой вещи в его распоряжении не было. На линиях Торриш-Ведрас и на крепостных валах Эльваса, Абрантеша и Пениши было установлено несколько тяжелых орудий. К этим орудиям также было прикреплено много рот португальских артиллеристов и меньшее количество британских рот, которые были остановлены на лиссабонских рубежах. Но тяжелые орудия и артиллеристы вместе взятые не составляют состав для нанесения удара. Требовалось огромное количество транспорта, и весной 1811 года он был не в распоряжении Веллингтона. Почти все имевшиеся в Португалии повозки, запряженные волами, и мулы уже были задействованы для перевозки провизии и багажа полевой армии. Аводный транспорт, который был бы очень ценным, можно было использовать только на протяжении нескольких миль в низовьях Тежу и Дору. Начать регулярную осаду Алмейды в апреле 1811 года было абсолютно невозможно не потому, что в Португалии не было пушек или артиллеристов, а потому, что в то время не было средств их перемещения. Веллингтон даже не пытался этого сделать, удовлетворившись простой блокадой. На другом фланге была предпринята попытка осадить Бадахос, но это было возможно только потому, что в нескольких милях от этого города находилась португальская крепость Эльвас, у стен которой был позаимствован наспех изготовленный и несовершенный таранный обоз, с помощью которого была атакована испанская крепость.

Первые две осады Бадахоса в 1811 году потерпели прискорбные неудачи именно потому, что этот бессистемный таранный маневр был совершенно неадекватен цели, для которой он применялся. Александру Диксону, ревностному и способному офицеру, поставленному во главе артиллерии, была поставлена невыполнимая задача. У него было около 400 португальских и 120 английских артиллеристов, все в равной степени не обученных осадному делу, для работы со странной коллекцией устаревших и пришедших в негодность пушек. Изделия, позаимствованные у Элваса, были неправильного калибра и древнего рисунка. Каким бы невероятным это ни казалось, некоторым из этих длинных латунных 24-фунтовых пушек было

почти двести лет — наблюдатели заметили на них герб и шифры не только Иоанна IV. первый король династии Браганса, но при Филиппе III. и Филипп IV Испанский, современники наших Якова I и Карла I.²⁸⁶ Даже лучшие пушки были устаревших типов восемнадцатого века. Ни у одного из них не было одинакового канала ствола, и дробь для них не поставлялась одинакового размера; для каждого конкретного ружья необходимо было отбирать специальную кучу пуль. Все это действительно напоминало своего рода артиллерийский музей, а не эффективный таранный поезд. Орудия стреляли беспорядочно и слабо, а их артиллеристы были неопытны. Неудивительно, что их эффект был слабым.

Но это было еще не все: действительно, неэффективность орудий была, возможно, скорее вторичной, чем основной причиной провала двух первых осад Бадахоса. Еще важнее было то, что Веллингтон был так же слаб в инженерном отношении, как и в артиллерийском. Число подготовленных инженерных офицеров в армии полуострова было очень невелико — ненамного больше тридцати; но рядовых, которые могли бы служить под их началом, практически не было. Из корпуса, называемого “Королевские военные механики”, предки “Королевских саперов и рудокопов”, на самом деле в 1810 году в армии было всего тридцать четыре человека, и только в 1811 году их число достигло сотни. Многие из них были в составе полевой армии Веллингтона на дальней границе Бейры, а перед Бадахосом, в мае, их было немногим больше десятка. Для окопных работ во время осады необученных добровольцев пришлось брать из линейных батальонов и инструктировать их офицерами-инженерами фактически под огнем французских орудий. Почти все их учителя были так же невежественны в практических осадных операциях, как и они сами; британская армия, как уже отмечалось, в течение многих лет мало занималась подобной работой.

Офицеры, это правда, были усердны и часто умны; солдаты были безрассудно храбры, хотя и не имели опыта в простейших элементах осадного дела. Но добрая воля не могла искупить недостатка опыта, и кажется очевидным, что в этих ранних осадах планы часто были неразумными, а исполнение неумелым. Точки атаки, выбранные в Бадахосе, были самыми сильными и наименее доступными точками крепости, а не теми, против которых французы успешно действовали во время своей предыдущей осады в феврале. Этот выбор был сделан потому, что британцы действовали “вопреки времени”; французские армии собирались для освобождения Бадахоса, и если на это потребуется много недель, было ясно, что против осаждающих будут брошены подавляющие силы и они будут вынуждены отступить. Поэтому офицеры-саперы в обеих неудачных осадах пытались прорваться в тех местах, где победа была бы решающей; они думали, что было бы бесполезно начинать с захвата внешних укреплений или с устройства укреплений в нижних частях города, что оставило бы нетронутыми его сильные точки, способные к дальнейшей обороне. Они разгромили расположенный на высоте форт Сан-Кристобаль и цитадель на его отвесной высоте, утверждая, что если им удастся захватить любой из них, то вся крепость окажется в их власти. Оба атакованных пункта оказались слишком сильными: каменистый холм Сан-Кристобаль оказался непригодным для траншейных работ; отчаянные попытки штурмовать венчающий его форт колоннами, продвигавшимися по открытому месту, были отбиты с большими потерями. Стены замка после длительного штурма отказались разрушаться, образовав практически осуществимые брешы. Прежде чем было достигнуто что-либо решительное, подошли французские армии на подмогу. Бересфорд разбил первую при Альбуэре в мае и возобновил осаду; вторая (вместе взятые Сульт и Мармон) была настолько сильной, что Веллингтон не осмелился противостоять ей и в июле отступил из своих оставленных траншей к португальской границе.

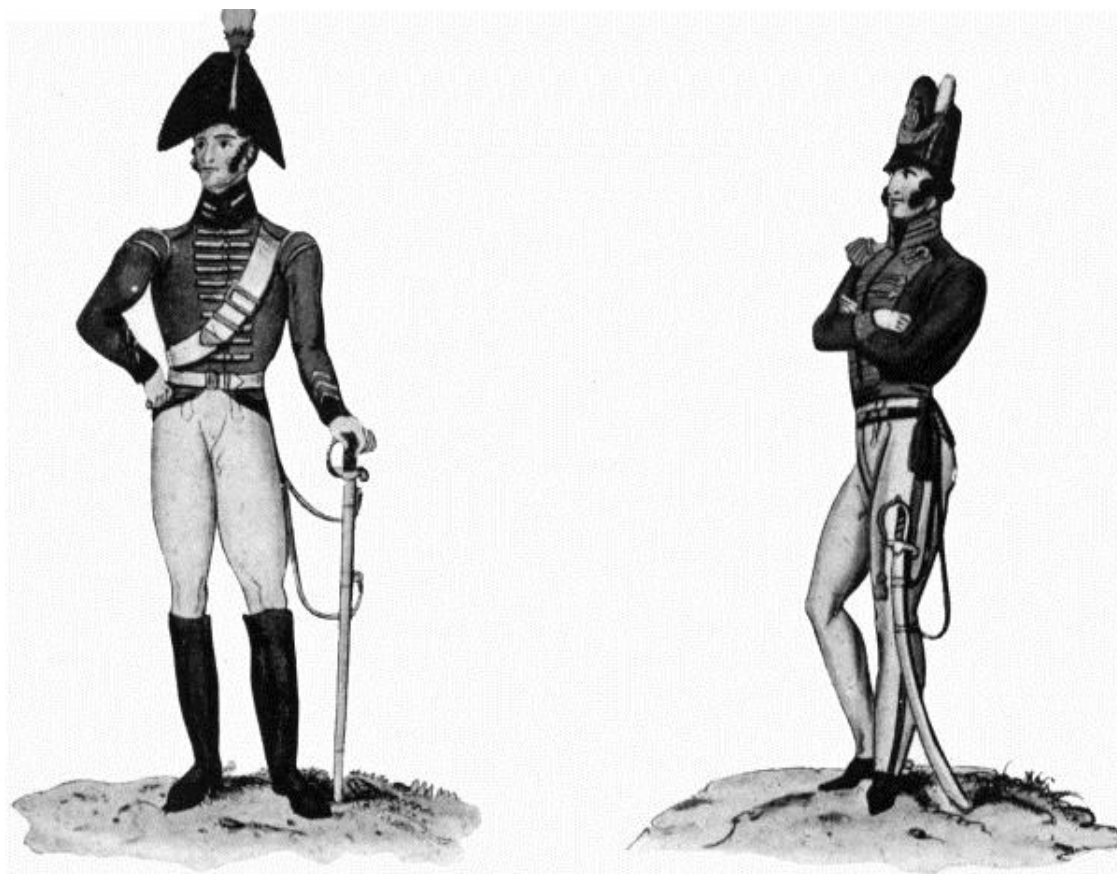
Работа полковника Диксона

К осени 1811 года в позиции Веллингтона в отношении осад произошли значительные изменения к лучшему. Наконец-то он получил несколько хороших современных британских железных пушек, намного превосходящих старые португальские латунные 24-фунтовые. И с бесконечными хлопотами и задержками он наконец создал бронепоезд, который мог двигаться. Это была работа уже упомянутого Александра Диксона, который с июля по ноябрь был занят накоплением в малоизвестном городке Вилья-да-Понте, за Алмейдой, массы фургонов и верениц мулов и волов для перевозки тяжелых пушек и огромного запаса боеприпасов, принадлежащих к ним. Орудия были доставлены вверх по Дору в Ламего, где река перестала быть судоходной, а затем волами перевезены через холмы. К парку были прикреплены несколько рот португальских и британских артиллеристов, которых, насколько это было возможно, проинструктировали по осадным работам. В то же время военные ремесленники — которых все еще было слишком мало — инструктировали добровольцев с передовой по изготовлению большого запаса габионов, платформ, фашин и других предметов первой необходимости.

Эта длительная подготовка, о которой французы почти не подозревали, поскольку она была ненавязчивой и проводилась на большом расстоянии от фронта, позволила Веллингтону осуществить осаду Сьюдад-Родриго в январе 1812 года с беспрецедентной быстротой и успехом. Крепость не принадлежала к числу первоклассных, гарнизон был довольно слаб, бронепоезда теперь было достаточно для выполнения поставленной перед ним задачи, и, к удивлению и ужасу Мармона, Родриго пал после двенадцатидневной осады в середине зимы (7-19 января) задолго до того, как он смог собрать свои рассеянные дивизии для оказания ей помощи.

Третья атака на Бадахос в марте-апреле 1812 года оказалась гораздо менее успешной, хотя и завершилась триумфальным успехом. Как и две осады предыдущего года, она была проведена “вопреки времени”; Веллингтон полностью осознавал, что, если это продлится слишком долго, войска, пришедшие на выручку, обрушатся на него. И использованные средства были более адекватными, чем в 1811 году, хотя только часть ударного отряда, покорившего Сьюдад-Родриго, удалось перебросить через холмы от далекой границы Бейры. Остальная часть состояла из корабельных орудий, позаимствованных в Лиссабоне. Но хотя артиллерии было вполне достаточно, а стены были основательно проломлены, как траншейные работы, так и штурм унесли более чем много жизней. Действительно, основная атака на бреши провалилась, и город пал, потому что две вспомогательные атаки *escalade*, одна из которых была проведена Пиктоном, другая - генералом Уокером с бригадой 5-й дивизии, были триумфально успешными. Веллингтон возложил вину за ужасающую гибель людей на тот факт, что у его инженеров не было подготовленных саперов, которые могли бы им помочь, и они не были искусны в ведении осады. Они атаковали точку обороны, гораздо более многообещающую, чем те, что были разгромлены в 1811 году, и пробили огромные бреши в обороне, но, тем не менее, он не был удовлетворен их направлением. В частном письме лорду Ливерпулю, которое не напечатано ни в одной из двух серий его депеш, он писал:

ТАБЛИЧКА VII.

Рядовой тяжелого драгунского полка.
1809 год.

Офицер полевой артиллерии.
1809 год.

“Взятие Бадахоса является самым ярким примером доблести наших войск, который когда-либо демонстрировался. Но я с тревогой надеюсь, что мне никогда больше не придется подвергать их такому испытанию, как то, которому они подверглись прошлой ночью. Я заверяю вашу светлость, что совершенно невозможно захватить укрепленные места *живой силой*, не понеся больших потерь и не подвергаясь риску неудачи, если только армия не будет обеспечена достаточно подготовленным корпусом саперов и минеров.... Следствием такой необеспеченности людьми, необходимыми для подхода к регулярно укрепленному месту, является, во-первых, то, что наши инженеры, хотя и хорошо образованные и храбрые, никогда не задумывались о способе ведения регулярной осады, поскольку бесполезно думать о том, что на нашей службе невозможно выполнить. Они думают, что выполнили свой долг, когда соорудили батарею с защищенной связью с ней, которая может проникнуть в помещение. Во-вторых, эти нарушения должны быть устранены с помощью *живой силы*, при бесконечных жертвах офицеров и солдат.... Этих больших потерь можно было бы избежать и, на мой взгляд, выиграть время при каждой осаде, если бы у нас были должным образом обученные люди для ее продолжения. Я заявляю, что никогда не видел брешей, более практичных сами по себе, чем три в стенах Бадахоса, и крепость, должно быть, сдалась бы с открытыми брешями, если бы я смог ‘приблизиться’ к этому месту. Но когда вечером 6-го я совершил третье нарушение, я больше ничего не мог сделать. Тогда я был вынужден либо идти на штурм, либо отказаться от

предприятия, и когда я отдал приказ о штурме, я был уверен, что потеряю наших лучших офицеров и солдат. Это жестокая ситуация для любого человека, и я искренне рекомендую вашей светлости сформировать корпус саперов и минеров без потери времени”.²⁸⁷

Веллингтон и его инженеры

Таким образом, резня в Бадахосе, по оценке Веллингтона, была частично вызвана тем фактом, что британской армии, в отличие от всех других армий, не хватало регулярных рот саперов и минеров, а частично неопытностью офицеров-инженеров в проведении последних этапов осады - продвижения к гласису и рву путем научных траншейных работ. Они, по его словам, “не обращали внимания” на подобные операции, потому что у них никогда не было квалифицированных рабочих для их выполнения. В том, что саперов и минеров до сих пор не существовало, была вина не Веллингтона и не министров, а профессиональных советников администрации, которым давно следовало указать на необходимость создания такого корпуса. О том, что ливерпульское министерство не замедлило последовать совету, свидетельствовал тот факт, что они сразу же превратили уже существующих “Военных ремесленников” в саперов. 23 апреля, менее чем через три недели после падения Бадахоса, был выдан ордер на инструктаж корпуса по военно-полевым работам, и вскоре после этого шести ротам было приказано быть отправленными на полуостров в тот момент, когда они должны были пройти такую подготовку. 4 августа название всего корпуса было изменено с королевских военных механиков на Королевских саперов и минеров.²⁸⁸ Конечно, первая из новых саперных рот присоединилась к Веллингтону только в самом конце года, но к следующей весне с ним было 300 обученных человек.

Между тем они, конечно, прибыли слишком поздно для осады Бургоса, самой неудачной из всех операций лиги Веллингтона, где все траншейные работы проводились добровольцами с передовой под руководством ровно восьми старых мастеров, из которых один был убит, а остальные семеро ранены. История Бургосских операций читается как преувеличенное повторение первой осады Бадахоса. Бронепоезд, взявший Бадахос, был оставлен позади, и для атаки на Бургос (силы которого недооценивались) У Веллингтона не было с собой надлежащих средств. Было подогнано только восемь орудий - потому что транспорт с армией мог обеспечить лишь несколько запасных команд, а вся Кастилия была очищена от тягловых животных. Этот смехотворно слабый поезд оказался совершенно недостаточным для поставленной перед ним работы. “Если бы существовала осадная система с армией, хотя бы умеренно эффективной, допускающей применение зачатков военного искусства, атака (даже при недостаточной артиллерии) могла бы быть доведена до конца”, - пишет историк осад полуострова.²⁸⁹ Но присутствовало всего пять офицеров-инженеров, всего восемь ремесленников, никаких инструментов, кроме полковых кирок и лопат, позаимствованных у линейных полков, никаких *материалов*, кроме дерева, реквизированного в городе Бургос, и так мало транспорта, что огонь иногда приходилось прекращать, чтобы позволить свежие боеприпасы должны быть доставлены из далекого Мадрида. Веллингтон приказал повторить атаки на недостаточно разрушенные стены; все они потерпели неудачу, и он, наконец, отступил после тридцати двух дней открытых траншей и с потерей почти 2000 человек из-за “бикока”, как называли его французы, который не смог бы выдержать настоящую артиллерийскую атаку в течение трети этого времени.

Неудача при Бургосе

Дело в том, что Веллингтон недооценил силу Бургоса; он думал, что он легко падет. Если бы он знал, что это продлится больше месяца, он мог бы раздобыть побольше ружей из захваченного французского арсенала в Мадриде и, возможно, реквизировал бы все армейское зверье, чтобы добыть их. Но к тому времени, когда стало ясно, что Бургос не собирается уступать простой демонстрации, было слишком поздно изыскивать необходимые средства для ее сокращения. Наконец, французские армии выступили на помощь, и британцам пришлось отступить. Можно добавить, что осаждающие войска, испытывая глубокое отвращение к неадекватным средствам, использованным для подготовки пути для них, действовали не с той энергией, которая была проявлена при Родриго или Бадахосе. Несколько штурмов не увенчались успехом, и траншейные работы шли вяло. В своих Общих приказах от 3 октября Веллингтон написал суровую отповедь о том, что “офицеры и солдаты этой армии должны знать, что работа во время осады является такой же частью их долга, как и сражение с врагом в полевых условиях; и они могут быть уверены, что, если они не будут выполнять порученную им работу с должным усердием, они не смогут снискать почестей, которые их товарищи завоевали в предыдущих осадах.... Главнокомандующий надеется, что у него не будет причин жаловаться в будущем”.²⁹⁰

Лига Сан-Себастьяна, последняя из осад Веллингтона, имела большое сходство с последней осадой Бадахоса. Она была проведена в период значительной тревоги, в то время как армия Сульта предпринимала энергичные и неоднократные попытки сорвать ее. Это место было сильным по своей природе — высокий замок с городом у его подножия, соединенный с материком только узкой песчаной косой; оборона этого перешейка была короткой и простиралась от моря до моря: им полностью командовал замок позади. Первый крупный штурм (25 июля 1813 г.) был предпринят, когда траншеи находились еще далеко от стен и огонь осажденных не был прекращен. Он потерпел неудачу с большими потерями. Второй штурм (31 августа) был успешным, но очень кровопролитным — 2000 человек были убиты или ранены. Самый авторитетный комментатор пишет: “Операции против Сан-Себастьяна преподают наиболее впечатляющий урок о преимуществах продвижения шаг за шагом и с должным вниманием к науке и правилам. Предпринятая там попытка преодолеть или поправить такие ограничения привела к тому, что определенная операция продолжительностью в двадцать дней была продлена до шестидесяти. It bears strong testimony to the truth of the maxim laid down by Marshal Vauban: ‘La précipitation dans les sièges ne hâte point la prise des places, la retarde souvent, et ensanglante toujours la scène.’”²⁹¹

Траншейные работы

Не может быть никаких сомнений в том, что рядовые ненавидели осадные работы не столько из—за их опасности - в "безнадежной надежде" никогда не было недостатка в добровольцах, — сколько из-за связанных с ними неудобств. Существовало своего рода подспудное ощущение, что окопы - это работа не солдата, а землекопа; долгое прятание под прикрытием на стесненных позициях, которое было абсолютно необходимо, рассматривалось как своего рода крадучись. С неразумным пренебрежением к своей личной безопасности, в котором был налет бравады и даже больше, чем налет угрюмости, мужчины выставляли себя напоказ гораздо больше, чем было необходимо. Я полагаю, что в некоторых случаях, особенно при первых осадах Бадахоса и Бургоса, было общее ощущение, что дела велись научно или неадекватно, и что от рядовых требовалось слишком много, когда их заставляли выполнять трудную задачу без надлежащих средств. Должно быть, им было ясно, что в стране слишком мало офицеров-саперов,

недостаточно артиллерии и нет надлежащего обеспечения инструментами. Отсюда возник дух гнева и недовольства.

В Сюэдад-Родриго и в третьей и последней лиге Бадахоса погода была настолько отвратительной, что осадные работы долгое время вспоминались как сущий кошмар. В Родриго, на высокогорье Леона, январь был месяцем морозов и дождей; вода скапливалась в траншеях и там часто замерзала, так что солдаты стояли по щиколотку в смеси льда и грязи, а поскольку они не могли передвигаться из-за непрекращающегося огня противника, то ужасно страдали от холода. В Бадахосе морозов не было, но непрекращающиеся леденящие дожди были почти такими же сильными в первые недели осады; траншеи часто были залиты водой глубиной в два фута, и работа лопатой была почти бесполезна, поскольку набранная лопатой жидкая грязь ручьями вытекала из габионов, в которые она была насыпана, и отказывалась скапливаться на брустверах траншей, вместо этого растекаясь просто широкими скоплениями слизи, которая не давала укрытия и не имела силы противостоять обстрелу гарнизона. Я полагаю, что отчаянный и грязный труд в ходе этих операций, затянувшийся на многие дни ужасных неудобств, а также опасностей, в значительной степени объясняет свирепый дух, проявленный победителями как при Родриго, так и при Бадахосе. Люди были в слепой ярости из-за страданий, которые им пришлось пережить, и после того, как буря закончилась, она нашла выход в проступках, намного превосходящих те, которые последовали бы за ожесточенным сражением, где потери были столь же велики. Один наблюдатель пишет: “Дух солдат поднялся на устрашающую высоту — я говорю “устрашающий”, потому что он не был того рода, который обозначал ликование от перспективы совершить подвиг, который должен был вызвать восхищение всего мира; в их осанке было некое*что-то*, что ясно говорило о том, что они переносили усталость, на которую не жаловались, и видели, как вокруг них убивали их товарищей и офицеров, не ропща, но что они страдали от одного и остро сочувствовали другому. Они подавляли и то, и другое, пока были заняты тело и разум, но теперь, перед бурей, у них появилась минутная возможность подумать, и все прекрасные чувства исчезли — их место заняли грабеж и месть.... Тихое, но отчаянное спокойствие сменило их обычное жизнерадостное настроение, и в их поведении не было заметно ничего, кроме выражения тигриного желания схватить свою добычу”.[292](#)

В ожидании бури

Подготовка к шторму подействовала на разных людей по-разному: некоторые пытались уладить старые ссоры и обменивались словами прощения; многие писали письма домой, которые должны были быть доставлены только в случае их падения. “Каждый готовился к бою так, как позволяла его фантазия: одни опускали патронные ящики, другие поворачивали их вперед для более удобного использования; третьи отстегивали приклад или расстегивали воротнички рубашек; третьи смазывали маслом штыки. Те, у кого они были, прощались со своими женами и детьми — трогательное зрелище, но не настолько, как можно было ожидать, потому что женщины по давней привычке привыкли к таким опасным сценам”.[293](#)

Один интеллигентный сержант говорит о моменте ожидания приказа к штурму как о напряжении, которого ничто другое вызвать не могло: “Мы чувствовали, что на наши умы навалился мертвый груз; если бы нас поспешно ввели в действие, все было бы совсем по-другому, но не испытывать того, что я описал, несовместимо с природой человека. Долгое предупреждение, темная и безмолвная ночь, известная мощь крепости, неминуемая опасность

нападения - все это сговорилось, чтобы вызвать это чувство. Это не было результатом недостатка мужества, как показало спокойное бесстрашие наступления, когда мы подошли на расстояние выстрела французских пушек”.²⁹⁴ То, что отвращение от долгого ожидания приняло форму бешеного насилия, когда людей наконец отпустили, не было противоестественным. Некоторую часть ужасов, имевших место в Бадахосе и Сан-Себастьяне, можно приписать простому безумию, если все остальное было вызвано более преднамеренной злобой со стороны низших духов армии.

ГЛАВА XVIII

ОБМУНДИРОВАНИЕ И ОРУЖИЕ

Не вдаваясь в тонкости полкового обмундирования, которые были полностью разработаны к 1809 году, необходимо уделить определенное внимание форме одежды армии — мы могли бы даже добавить, ее временному отсутствию формы.

Относительно головного убора

Армии полуострова повезло в том, что она начала работу достаточно поздно, чтобы избавиться от худшего из непрактичного обмундирования - наследия восемнадцатого века, от которого страдали войска в первые годы войны. Странная шляпа, по форме напоминающая штатскую бобровую, с кисточкой для бритвы сбоку, которую носили в Голландии и Египте, только что была заменена для рядовых легким фетровым кивером с медной бляхой спереди,²⁹⁵ и шерстяным хохолком с полковыми цветами (который носили иногда спереди, иногда сбоку) и украшенным белыми петлями и кисточками.²⁹⁶ Это был легкий головной убор по сравнению с тем, что было раньше, и в не меньшей степени с тяжелыми кожаными киверами с расклешенным верхом, которые должны были появиться позже. Веллингтон протестовал против ранней попытки ввести их, говоря, что он всегда узнавал своих солдат на расстоянии, даже когда они были в мундирах, по тому факту, что их кивера были более узкими у макушки, чем у основания, в то время как французские головные уборы всегда были с раструбом, расширяющимся снизу к макушке, и это различие было полезным. У фетрового кивера был козырек для защиты глаз от солнца и ремешок для подбородка. Это был исправный головной убор, единственным недостатком которого было то, что после длительного ношения и обильного воздействия дождя войлок становился мягким и мог сминаться или выпирать, а затем высыхать, придавая ему неприглядную покосившуюся форму.²⁹⁷

Вплоть до 1811 года линейные офицеры, за исключением стрелковых и легкопехотных корпусов, носили треуголки, как это было принято с восемнадцатого века. Новая одежда, вышедшая в 1812 году, состояла из киверов (более декоративного вида) как для офицеров, так и для рядовых. Весьма разумной причиной изменения было то, что очевидная разница в одежде между офицерскими и сержантскими званиями позволяла вражеским стрелкам выделять офицеров и давать им больше положенной доли пуль. Выброшенная треуголка была глупым пережитком — “пародия на *головную часть*, обычно увенчанную каким-нибудь необычно

выглядящим пером”, - говорит один из ее обладателей, в то время как другие носили ее вообще без перьев. “Урезанная” шляпа высотой ровно в пядь была в моде в модельном ряду Torres Vedras зимой 1810-11 годов.²⁹⁸ Фетровый кивер был огромным усовершенствованием во всех отношениях. После 1811 года треуголку носили только генералы и штабные офицеры, инженеры, врачи, комиссары и барабанщики-майоры. Последний случай, который я помню о его использовании в строю, был с лейтенантом Магуайром из 4-го полка, который, возглавляя “несчастную надежду” при штурме Сан-Себастьяна (август 1813 г.), надел треуголку с белым пером, “чтобы быть заметным и узнаваемым”. Очевидно, что этот головной убор был к тому времени совершенно ненормальным.²⁹⁹

Еще одно зло, которого избежала армия полуострова, также относилось к голове. Косички и пудра для волос появились в 1808 году — огромное благо. Как говорит один из тех, кто пережил их, “Волосы требовалось намылить, посыпать мукой и завивать, чтобы придать им неопрятную форму, которая причиняла мужчине острую боль и лишала его возможности легко поворачивать голову, если только он не поворачивал при этом свое тело”. Жир и мука спутывали волосы и приводили к всевозможным заболеваниям кожи головы. Веллингтон, который отказался от пудры для волос и туалетных принадлежностей задолго до большинства офицеров,³⁰⁰ должно быть, обрадовался, когда стало законодательно разрешено обходиться без нее во всех званиях. Не все были с ним согласны — несколько старомодных мужчин на полуострове еще некоторое время носили косички и пудрились, но вскоре они вымерли.

В том же 1808 году, когда эти чудовища исчезли, было устранено еще одно бедствие. Брюки сине-серого цвета были заменены бриджами и гетрами в качестве служебной одежды незадолго до выхода в море первых бригад в 1808 году. Гетры со множеством пуговиц до колена были невыносимой помехой; было большое искушение вообще не снимать их, когда на то, чтобы качественно застегнуть их, уходило двенадцать минут, и даже больше, если они промокали насквозь. Поэтому войска, способные быть поднятыми по тревоге в любой момент, испытывали искушение вообще не снимать их в течение многих дней, что приводило к нечистоплотности и болезням ног. Брюки были большим усовершенствованием — они были менее тесными, и их можно было легко надевать и снимать. Под брюками носили короткие сапоги (часто называемые ботинками).

Полковой мундир

Мундир для всех чинов пехоты был коротко подстрижен спереди и имел довольно маленькие фалды; в этом отношении он все еще более или менее сохранял покрой конца восемнадцатого века, но отличался от более раннего типа жестким стоячим воротником, поддерживаемым кожаной накладкой - зловещим приспособлением, которое сдавливало шею и приводило к апоплексическому удару. На тяжелой службе, такой как штурмовые отряды, мужчины расстегивали воротники и отбрасывали в сторону свои косухи.³⁰¹ Наиболее характерным моментом, который бросается в глаза на фотографиях рядовых периода полуострова, является ряд белых полос по передней части мундира, образованных декоративным удлинением пуговиц. Штык-нож и картушная ложа поддерживались широкими белыми кожаными поперечными ремнями, украшенными латунной пластинкой с полковым значком. Очень тяжелый рюкзак, обычно из клеенки или глазированного холста, поддерживался отдельным креплением из ремней, проходящих под мышками. Весь набор весил около шестидесяти фунтов, если принять во внимание флягу и рюкзак. У офицеров был только один кожаный

ремень, идущий от правого плеча к левому бедру, для поддержки меча, и они носили свои красные шелковые пояса, туго подпоясанные в несколько оборотов вокруг талии.

Одной из самых заметных черт характера Веллингтона была сильная неприязнь беспокоить офицеров или рядовых по поводу деталей униформы на действительной службе. “При условии, что мы выводили наших людей на поле боя в хорошем снаряжении, - говорит Граттан из 88-го полка, - с шестидесятью патронами у каждого, он никогда не обращал внимания на то, какие брюки черные, синие или серые; а что касается нас самих, то мы могли быть экипированы в любой цвет радуги, если бы захотели”. Следствием этого было то, что едва ли найдутся два офицера, одетых одинаково! На одних были серые сюртуки с тесьмой, на других коричневые: некоторым снова нравился синий; многие (по собственному выбору или, возможно, по необходимости) придерживались “старой красной тряпки”. Некоторые носили сюртуки с длинной юбкой, как лучшую защиту чресел, чем ортодоксальный полковой покррой. Есть несколько любопытных записей о странной одежде, в которой офицеры заканчивали кампанию. В одном из них записано, что он совершил отступление в Бургосе в одежде, импровизированной из сутаны священника, с разрезами и короткими пуговицами. Другой, капитан 29-го полка, высадившийся в Великобритании в расшитой тесьмой накидке и модном жилете с серебряными пуговицами испанской филигранной работы, был принят за какого-то французского пленного достойным генералом, который поздравил его с предоставленной ему такой свободой вместо плена.³⁰² Что касается мужчин, то они носили все, что можно было раздобыть: некоторое количество французских брюк, найденных при взятии Мадрида в форте Ретино, были выданы какому-то корпусу. Более грубый прием был применен полковником в очень потрепанном полку зимой 1813-14 годов, который позволил полковым портным разрезать одеяла, чтобы переделать их в брюки для тех солдат, которые имели абсолютно неприличный внешний вид. Батальон произвел некоторую сенсацию, войдя маршем в Мон-де-Марсан несколько дней спустя.³⁰³

Все это нисколько не взволновало душу Веллингтона — от высокой бобровой шляпы Пиктона до брюк-одеял, он видел каждую деталь и не обращал на нее внимания. Сам он был самым просто одетым человеком в армии: на его маленькой треуголке не было никаких украшений, кроме английских и португальских кокард, на его синем сюртуке с наглухо застегнутыми пуговицами и коротком плаще с накидкой, который был увековечен множеством статуй и картин.

Мне, пожалуй, следует упомянуть, что зимней одеждой пехоты была серая шинель цвета перца с солью из очень толстой ткани с накидкой, доходившей почти до локтя, чтобы обеспечить плечам двойную защиту. К фетровому киверу прилагался также клеенчатый чехол, который не всегда можно было легко приладить к последнему, когда он деформировался по форме от сильного износа. На табличке № 8 приведена иллюстрация этого костюма.

ФОТО VIII.

Сержант и рядовой пехоты в зимнем походном порядке.

1813.

Когда армия полуострова впервые начала свои кампании, тяжелые драгуны были самым архаичным на вид подразделением в ней, поскольку они все еще носили широкие и тяжелые треуголки, которые преобладали во всех армиях в средние годы правления Георга III, и высокие сапоги до колена. Этот головной убор, который после одной кампании под тропическими дождями полуострова всегда становился промокшим и бесформенным и безвольно свисал до плеч, к счастью, был отменен королевским ордером от августа 1812 года, и в течение

следующей зимы многие тяжелые драгунские полки получили медные шлемы классической формы с гребнем и плюмажем, которые, хотя и были довольно тяжелыми, были огромным улучшением по сравнению с их прежними бесформенными шляпами. В то же время вместо высоких сапог (которые делали пешую перестрелку практически невозможной) им выдали серые матерчатые комбинезоны в широкую красную полосу и короткие ботинки. Это была одежда тяжеловесов в 1813-14 годах и во время кампании при Ватерлоо.

Легкие драгуны отправились на полуостров в 1808 году в черном японском шлеме с гербом из медвежьей шкуры вдоль тульи, который использовался со времен Американской войны. К нему они надели синие куртки с белыми вставками, бриджи из оленьей кожи и гессенские сапоги. Общий эффект был красивым, и в использовании платье не было непрактичным. Генерал Фой с одобрением упоминает об этом в своей истории. Французские аванпосты были сильно озадачены, когда в начале кампании при Виттории английские *vedettes* и аванпосты появились в новой форме, которая была введена для легкой кавалерии одновременно с изменениями, внесенными для тяжелой кавалерии, только что упомянутыми выше. Сначала возникло подозрение, что из Англии прибывают новые полки. Униформа 1813 года заменила черный шлем с мехом кивером с небольшим вертикальным плюмажем, слегка закругленным по форме и украшенным декоративным шнуром и кистями. Похоже, что это было предложено головным убором французских кавалерийских гегерей и было слишком похоже на него, чтобы понравиться Веллингтону. В то же время синий камзол, отделанный белым кружевом, был заменен на синий сюртук с очень широким пластроном цвета полковых накладок спереди, простирающимся от воротника до талии, а бриджи из оленьей кожи были заменены облегающими бриджами из тесьмы. Это была форма всех легких драгунских полков при Ватерлоо.

Кавалерийская форма

Подавляющее большинство британских кавалерийских полков на полуострове составляли легкие драгуны: за первые три года командования Веллингтона на поле боя было всего три тяжелых драгунских полка и ни одного британского гусарского. Из последних, новых в национальной армии, одна бригада присутствовала в 1808 году во время операций сэра Джона Мура,³⁰⁴ и те же полки вышли в 1813 году, в последний год войны.³⁰⁵ Во время большей части кампаний Веллингтона единственными гусарами, присутствовавшими в армии, были ганноверцы, очень боеспособный корпус, принадлежащий Королевскому германскому легиону. Фантастическая гусарская форма того периода, созданная на основе гораздо более простого венгерского оригинала, хорошо известна. Поверх куртки, плотно облегающей тело, надевалась отороченная мехом и плетеная пелерина, которую обычно не надевали полностью, а откидывали назад, чтобы перекинуть через левое плечо. Он хлопал сзади и был скорее помехой, чем прикрытием. На ноги надевали длинный комбинезон. Головным убором была очень большая меховая шапка, или, как ее называли бы позже, басби. Я нахожу очень серьезные нарекания на этот головной убор. Один офицер говорит: “Эти тонкие, похожие на муфты придатки закрывают головы наших солдат. Неуклюжая шапочка, сделанная частично из картона, впитывает большое количество влаги во время сильных дождей в этой стране и поэтому становится невыносимо тяжелой и неприятной, в то время как она не обеспечивает никакой защиты тому, кто ее носит. В любое время им можно с величайшей легкостью разрубить ему череп”.³⁰⁶ Причиной его принятия, по-видимому, было скорее стремление принца-регента к великолепию в военном костюме, чем что-либо еще. Критики повсеместно отдавали предпочтение легким шлемам ранних драгун не только из-за прочности и защиты, но

и из-за комфорта. Более поздние усовершенствования сделали басби более прочным и менее тяжелым, но в 1808 году это был, очевидно, самый неудовлетворительный головной убор.

Артиллерийское обмундирование

Униформу артиллеристов можно описать в нескольких словах. Костюм конной артиллерии был точной копией оригинального легкого драгунского — черный японский шлем с меховым гребнем, синяя куртка, расшитая золотом (вместо драгунского серебра) и бриджи из оленьей кожи. Полевая артиллерия, с другой стороны, была одета почти так же, как линейная пехота, за исключением того, что их мундиры были синими, а не красными. Их высокие фетровые кивера и хохолки, брюки и пиджак в белую полоску были точно такими же, как у лайнсменов. Офицеры инженерных войск носили форму, подобную форме линейных офицеров до появления кивера, до конца войны носили треуголку и брюки. Рядовой состав этого ведомства — королевские военные механики до 1812 года,³⁰⁷ королевских саперов и шахтеров после — до 1813 года носили кивера и синие мундиры, но в последнем названном году они были заменены на красные, как у линейки. Спереди он был расшит желтой тесьмой вместо белой - единственное практическое отличие во внешнем виде.

Врачи и комиссары вплоть до конца войны носили треуголку, как у генерала или штабного офицера. Отсюда некоторые странные ошибки, когда этих мирных джентльменов принимали за строевых офицеров, цвет их плюмажей, единственный отличительный признак, не был замечен в сумерках или в ненастную погоду. Говорят, что некоторые молодые комиссары были склонны выдавать себя за штабных офицеров перед испанскими и португальскими крестьянами и даже перед местными властями. Рассказывают смешной анекдот о докторе Морисе Квилле, хирурге Коннаутских рейнджеров, который был самым известным юмористом в армии.³⁰⁸ Генерал, мельком заметивший его треуголку за живой изгородью, принял его за штабного офицера, прогуливающегося от работы, и некоторое время охотился за ним от укрытия к укрытию, а доктор тем временем кричал ему в ответ: “Я ухожу; за один день повидал достаточно боев”. Только когда он укрылся со своими мулами и медицинскими сумками, его разгневанный преследователь обнаружил, что он не является строевым офицером. Другими носителями треуголки были линейные барабанщики, которым, как говорят, сельские жители очень преклонялись перед ними из-за их огромного головного убора, расшитого золотом, и щедрой демонстрации косичек, из-за чего их можно было принять по меньшей мере за бригадиров.

Самой характерной формой пехоты во всей армии была форма стрелковых батальонов, чьи мрачные цвета наиболее заметно контрастировали с красным у британцев и ярко-синим у португальцев. Форма одежды 5/60-го и двух легких батальонов КГБ отличалась от формы одежды трех батальонов 95-го тем, что, хотя оба были одеты в темно-винтовочно-зеленые куртки, три немецких подразделения носили серо-синие брюки, мало чем отличающиеся от линейных, в то время как последние были одеты в зеленое с головы до ног. Все носили черные кивера высокой формы, как и в других полках, с зеленым хохолком или шаром спереди. Все снаряжение было черным, чтобы не было видно света или блестящих точек на теле, когда мужчины были рассеяны в перестрелке. В головных уборах офицеров было определенное разнообразие: у 5/60-го и 1-го легкого батальона КГБ были высокие кивера, похожие на те, что были у их рядовых, в то время как у 95-го и 2-го легкого батальона КГБ были своеобразные головные уборы, что-то вроде гусар восемнадцатого века; это была высокая узкая фуражка, сильно украшенная диагональными витками тесьмы и лишенная козырька для защиты глаз, который составлял

часть обычного кивера; спереди у нее был зеленый хохолок. Офицеры 95-го полка некоторое время носили поверх своих облегающих курток черные меховые накидки в гусарском стиле с тесьмой - несомненно, самое нелепое и неудобное обременение для людей, которые постоянно продирались через живые изгороди и работали в густом кустарнике. Отброшенный назад, как это, по-видимому, обычно и происходило, он, должно быть, зацепился за все возможные ветки. Офицерские мундиры отличались от однобортных мундиров рядового состава большим количеством узкой тесьмы спереди: все они носили ниспадающие "крылья" вместо эполет. Форма португальского касадора, за исключением того, что она была коричневой, а не бутылочно-зеленой, очень точно повторяла покрой и форму формы 5/60-го полка.

* * * * *

“Коричневая Бесс”

Слово о вооружении, естественно, следует за примечаниями, касающимися униформы. Оружием, которое в основном приносило победы на полуострове, был “Башенный мушкет” линейных батальонов, знаменитый “Браун Бесс”. Это был тяжелый кремневый замок, снабженный поддоном, весом около девяти фунтов. Эффективная дальность стрельбы составляла около 300 ярдов, но на дистанции более 100 нельзя было рассчитывать на точную стрельбу. Действительно, человек, который мог поразить человека с такого расстояния, должен был не только быть хорошим стрелком, но и обладать огнестрельным оружием более среднего качества. По сравнению с винтовкой, уже ставшей высокоточным оружием, это было всего лишь бессистемное оружие. На любом расстоянии свыше 100 ярдов огневой рубеж зависел от общего эффекта получаемого залпа, а не от стрельбы каждого человека. Тем не менее, британский мушкет был определенно более мощным, лучше изготовленным и более точным оружием, чем то, которое использовалось континентальными армиями, и наши испанские и португальские союзники предпочитали его мушкетам собственного производства. Калибр его был шестнадцатый, снаряд представлял собой круглую свинцовую пулю (немного тяжелее французской пули, вес которой составлял двадцать к фунту) и снаряжался толстым бумажным патроном, которых у каждого солдата обычно было по шестьдесят. Чтобы обеспечить надежное воспламенение при щелчке кремня, приклад патрона должен был быть разорван зубьями, прежде чем он был помещен в ствол мушкета, и в поддон нужно было бросить немного пороха, чтобы поймать искру и передать ее патрону. Последний загонялся в ствол железным шомполом. Говорят, что неопытные новобранцы в момент возбуждения, стреляя слишком быстро, нередко забывали вынуть шомпол после заряжания и отстреливали его, что делало их беспомощными.

Самым большим препятствием для хорошей стрельбы из мушкета была сырость. Продолжительный дождь мог проникнуть в картуш и смочить весь порох, так что ни один патрон не выстрелил. Но даже внезапный сильный шквал мог намочить конкретный патрон, с которым вы обращались, и сделать его оторванный конец неспособным к воспламенению. Или же он может смыть грунтовочный порошок со сковороды или размочить его в пасту, чтобы он не загорелся. В любом случае, пехота, сражающаяся во время ливня, не могла рассчитывать на какой-либо определенный огневой эффект; мог прогреметь не один выстрел из четырех, и войска, застигнутые кавалерией врасплох в открытом порядке, были бы очень беспомощны. Их единственным шансом на спасение было бы построиться в каре и довериться защитной силе штыка. Последнее оружие было длинным, треугольным и довольно тяжелым; его вес не облегчал точную стрельбу, когда оно было закреплено.

Существовало несколько более легкое и тщательно изготовленное оружие для батальонов легкой пехоты, называемое легким пехотным мушкетом; за исключением того, что его прицел был более точным и что его длина была немного меньше, я не могу найти, чтобы оно сильно отличалось от обычного башенного мушкета. То же самое можно сказать и *офузиле*, который был более старым типом легкого мушкета, первоначально давшего свое название всем фузилерам. В последний раз он использовался в последние годы войны, когда его передали в экспериментальные тыловые батальоны, в которые призывались мальчики моложе семнадцати лет. Чтобы соответствовать их невысокому росту и молодой мускулатуре, им выдали огнестрельное оружие вместо полноразмерных мушкетов.

Винтовка Бейкера

Винтовки, поступавшие на вооружение 5/60-го, 95-го и Легкого батальонов КГБ, сильно отличались от всех мушкетов. Образец получил название винтовки Бейкера по имени ее изобретателя. Это было короткое оружие со стволом длиной в два с половиной фута, снабженным семью пазами внутри, которые делали длину ствола на четверть оборота. Его калибр составлял двадцать стволов, и заряжать его было трудно. В интересном письме одного из майоров 5/60-го полка помощнику генерал-адъютанта в Корке, написанном незадолго до отплытия батальона в Португалию, содержится требование о 450 маленьких молотках для забивания пули в ствол. “Они должны быть сделаны из твердого дерева, с ручкой длиной около шести дюймов, с отверстием на конце для крепления к ней тетивы”. Майор Дэви добавляет, что “инструмент абсолютно необходим”, и на каждых двух человек должен быть предоставлен молоток.³⁰⁹ Однако эти инструменты использовались всего несколько месяцев, были признаны ненужными и в конце концов изъяты. Но забить мяч домой всегда было нелегкой работой из-за бороздок. У стрелка не было штыка, его вторым оружием был очень короткий и изогнутый меч, более полезный для рубки дров, чем для чего-либо другого.

Сержанты еще не были вооружены так, как рядовые, за исключением стрелковых батальонов, где они носили обычное оружие типа “Бейкер”. Как в гвардии, так и в строю у них было семифутовое копьё с поперечиной под наконечником, предотвращающей чрезмерное проникновение после удара.³¹⁰ Названия пики и алебарды использовались для этого безразлично, хотя первое было более правильным, поскольку первоначально алебарда представляла собой рубящее оружие с острием. Кроме того, на левом боку у сержанта висел меч с медной рукоятью. Я никогда не находил упоминаний о том, что им пользовались, алебарда всегда была предпочтительным оружием, хотя в бою сержант часто подбирал мушкет убитого и присоединялся к стрельбе.³¹¹ Но, *во время реванша*, я нашел признание новоиспеченного сержанта в том, что он зажал его между ног и неудачно упал при своем первом появлении с тремя нашивками. Оружие было слегка изогнутым и предназначалось для рубящих, а не колющих ударов.

С другой стороны, меч пехотного офицера был довольно прямым и довольно легким, по сути, это было колющее оружие. Есть много жалоб на то, что он был слишком слабым для своей работы — *например*, у него не было шансов против французской кавалерийской сабли, которая всегда отбивала его, когда они сталкивались в ударе и парировании. Я обнаружил, что это называется “вилкой для тостов” и другими оскорбительными названиями. Многие офицеры запаслись иностранным оружием более тяжелого производства и лучше приспособленным для рубки; никаких возражений против этого отступления от правил высказано не было. Конные и штабные

офицеры носили другой меч — изогнутую саблю с широким лезвием, типа тех, что используются легкой кавалерией. Офицеры-стрелки также использовали изогнутые сабли довольно короткой формы, а не прямые пехотные сабли.

Тяжелая кавалерия использовала широкий меч со стальной рукоятью и гардой, прямой и очень тяжелый. Его можно было использовать как для укола, так и для разреза, но, похоже, британские драгуны (в отличие от французских кирасиров) всегда предпочитали острое острие. Сабля легкого драгуна и гусара была заметно изогнутым оружием, с очень широким лезвием и годилась только для нанесения удара, хотя очень редко мы слышим о нанесении укола.³¹² Судя по огромному соотношению раненых к убитым в боях, где встречались французская и английская легкая кавалерия, ясно, что сабли обеих сторон больше подходили для нанесения увечий, чем для убийства. Колющий меч кирасиров имел гораздо более ужасную репутацию.

Рядовые королевских саперов и шахтеров носили мушкеты и штыки, как линейная пехота, а их сержанты — уставные алебарды. У артиллеристов конной артиллерии были сабли легкого драгунского типа, но у полевой артиллерии были только очень короткие изогнутые сабли, как у стрелковых полков. У погонщиков, которые были организованы как отдельный отряд, вообще не было оружия, чтобы их внимание не отвлекалось от лошадей. Это, по-видимому, было очень сомнительным средством, оставлявшим их абсолютно беспомощными в случае нападения вражеской кавалерии. Возможно, это произошло из-за того факта, что возница в далеком восемнадцатом веке был вовсе не солдатом, а “возницей”, гражданским лицом без формы и оружия. Только в 1794 году на этой довольно бесперспективной основе был сформирован корпус артиллерийских водителей.

Полковые знамена

Вероятно, именно здесь следует упомянуть штандарты, под которыми сражалась армия.³¹³ кавалерийских знамен или *гвидонов* только что вышли в свет — если они вообще использовались в войне на полуострове, то только в первый год ее существования. Отчеты более поздних лет показывают, что все полки оставили их либо на своих складах в Англии, либо, в некоторых случаях, в Лиссабоне. Но пехотные полки, за редким исключением, вынесли свои знамена на поле боя, как это было принято у их преемников вплоть до последнего поколения. Только в 1880-х годах они окончательно перестали выставляться на действительной службе. У винтовок, всегда предназначенных для боя в развернутом порядке, никогда не было цветов, и полковые анналы некоторых корпусов легкой пехоты (68-го и 71-го) показывают, что по тем же причинам они оставили свои штандарты в Англии. Но это было не ко всей легкой пехоте: знаменитые 43-я и 52-я дивизии несли ее всю войну.

Из двух цветов батальона одним, или “Королевским цветом”, был большой британский флаг с номером полка на щите или медальоне, часто окруженный венком, а иногда также эмблемой корпуса, когда таковой существовал. Второй, или полковой, цвет был того же оттенка, что и эмблема корпуса, и имел только маленький Гербовый знак в верхнем левом углу, рядом с шестом. На простом шелке основной поверхности флага был нанесен номер полка, часто в виде венка, а также его значки и боевые отличия, если таковые имелись. Поскольку облицовка имела много оттенков, основной эффект двух флагов был очень разным: большой Юнион Джек Королевского цвета контрастировал с желтым, зеленым, малиновым или белым и т.д. Цветами полка.

Знамена в бою несли два младших прапорщика батальона, которые приставили к ним для охраны нескольких цветных сержантов. Обязанностью этих унтер-офицеров было взять на себя ответственность за знамя, если его носитель был убит или ранен, и во многих сражениях оба знамени выходили из строя в руках сержантов. Должность старшего сержанта была почетной, но опасной, поскольку огонь противника всегда сильнее всего бил по штандартам в центре линии батальона. Сержант Лоуренс из 40-го полка отмечает в своем простом дневнике, что при Ватерлоо ему было приказано занять знамена поздно вечером, потому что были ранены как прапорщики, так и все сержанты. “Хотя я, как и любой другой, привык к войне, эта работа мне не нравилась. В тот день передо мной было *четырнадцать* сержантов, вокруг них уже были убиты или ранены, а личный состав и знамена были почти разорваны в клочья”.³¹⁴ Это была, конечно, исключительная бойня; но должности младшего прапорщика и сержанта-знаменосца всегда были исключительно опасными.

ГЛАВА XIX КОМИССАРИАТ

Как я уже имел случай отметить, когда речь шла о центральной организации армии полуострова, из всех ведомств, имевших своих представителей в штабах, наиболее важным было то, которое находилось в ведении генерального комиссара.³¹⁵ Не будет преувеличением сказать, что, когда началась длительная борьба, все будущее войны зависело от того, сможет ли наспех организованный и неопытный комиссариатский департамент позволить Веллингтону удерживать свою армию сосредоточенной и свободно перемещать ее в любом направлении.

Испания и Португалия - страны, где крупные армии не могут быть обеспечены за счет местных ресурсов, за исключением нескольких привилегированных районов. Любая попытка прожить за счет реквизиций в конце концов обречена на провал, как французы, к своему сожалению, поняли после долгой серии попыток прокормиться в сельской местности полуострова, как они привыкли делать в Италии или Германии. Веллингтон с самого начала запретил это и постановил, что основная зависимость войск должна быть от регулярных запасов, доставляемых с базы операций. Заявки были лишь вспомогательным ресурсом; они могли быть сделаны только уполномоченным продавцом и должны быть оплачены немедленно. К его несчастью, денег часто не поступало, и выплаты приходилось производить приказами Казначейства или другими бумагами, которые крестьянам, получавшим их, было трудно согласовать. Но оплата в той или иной форме производилась всегда.

Важность конвоев

В лучшем случае реквизиции были лишь второстепенной помощью, и армия полагалась в качестве основного провианта на запасы, которые генеральный комиссар должен был доставлять из Лиссабона или других баз. Это была трудная задача для него, если вспомнить, что перекрестки полуострова представляли собой тропы для мулов, по которым не могло проехать

тяжелое колесное движение; и что армия часто действовала на расстоянии 150 или 200 миль от своих складов. Более того, в 1809 году сотрудникам комиссариата предстояло многому научиться — ни одна британская армия в течение многих лет не действовала крупными силами и в течение многих месяцев подряд на малонаселенном континентальном театре военных действий. Трудность обеспечения войск продовольствием на каждый день казалась поначалу почти непреодолимой. В конце кампании при Талавере люди были на грани голодной смерти просто потому, что была предпринята попытка больше, чем это было возможно, полагаться на местные ресурсы из-за пренебрежения конвоями с базы. После этого случая Веллингтон решил, что он должен жить на свои собственные запасы, и об этом принципе помнили на протяжении всей войны. Следовательно, работа, которая выпала на долю комиссариата по сбору и пересылке продовольствия с базы, была ужасающей. Большую часть груза приходилось перевозить бригадами вьючных мулов с погонщиками-туземцами, которыми было трудно управлять и которые были склонны к дезертирству. Остальные подъезжали на деревенских повозках — по большей части запряженных волами. В том, что случались ошибки и задержки, что бригада или дивизия иногда оставались без продовольствия на несколько дней и были вынуждены остановиться в разгар критической операции, нет ничего удивительного. Но в целом, после большого труда и неприятностей комиссариату удалось выполнить свой долг, и продолжительность сосредоточения британской армии была предметом зависти французов, которые, живя за счет страны, были вынуждены рассеиваться всякий раз, когда они исчерпывали ресурсы конкретного региона, в котором они были сосредоточены.

На протяжении 1811-12 годов центральным фактом на полуострове было то, что если французские армии Португалии и Севера сосредоточатся у Саламанки и Родриго, или если (с другой стороны) португальские и Андалузские армии соединятся на Гвадиане, в районе Бадахоса и Мерида, англо-португальцы будут слишком слабы, чтобы противостоять этой комбинации. Веллингтону пришлось отказаться от наступления и искать убежища за португальской границей. Но когда он делал это, как в июне 1811 года, и снова в сентябре того же года, он знал, что превосходящие силы, стоящие перед ним, не смогут продержаться вместе более очень короткого периода дней. Войска, переброшенные с огромных расстояний и лишенные каких-либо подходящих боеприпасов или транспорта, не могли жить в сельской местности более ограниченного периода. Они были вынуждены рассредоточиться, чтобы подкрепиться, и таким образом угрожающее соединение миновало, и, когда враг отступил, армия союзников могла снова отказаться от обороны и взяться за какой-нибудь позитивный проект. То же самое было поздней осенью 1812 года, во время отступления из Бургоса. В этот раз у Веллингтона на руках было самое крупное соединение французских войск, с которым он когда-либо сталкивался - четыре армии Португалии, Севера, Центра и Андалусии наседали на него. Сражаться было бы безнадежно, и поэтому отступление продолжалось до тех пор, пока враг продолжал наступать. Но Веллингтон знал, что продвижение 100 000 человек, преследующих его сейчас, неизбежно должно было подойти к концу, поскольку при своем быстром продвижении они не могли взять с собой никаких припасов, а на измученной войной территории между Саламанкой и Родриго они ничего не могли раздобыть. Там, где его собственные войска, хотя и возвращались на свои базы и склады, испытывали трудности с продовольствием, французы, должно быть, страдали еще больше. Поэтому он отступил, ожидая неизбежного момента, когда преследование больше не будет вестись. Не имело большого значения, остановится ли она в Саламанке, или пройдет маршем или около того дальше (как это произошло на самом деле), или продвинется немного дальше, до португальской границы. Было

ясно, что в течение нескольких дней она должна была сломаться. Тем временем он сам возвращался к своим запасам и мог положиться на них: после Родриго люди снова получали полный паек.

Обязанности комиссариата можно разделить на три части: первая заключалась в накоплении огромных масс морских припасов на регулярных базах, вторая заключалась в распределении этих припасов войскам на фронте огромной системой автоколонн; третьей и вспомогательной задачей было пополнение этих припасов на базах путем доставки всего, что можно было раздобыть в сельской местности, где действовала армия; ибо, конечно, каждая *фанега* или *арроба* продовольствия, которое можно было раздобыть на фронте, была полезной. Его не нужно было далеко нести, это экономило работу конвоя и предохраняло магазины на базе от истощения. И все же, как уже отмечалось, то, что добывалось в сельской местности, всегда рассматривалось как вторичный источник снабжения; основная надежда возлагалась на суда с продовольствием, которые доставляли на базу в Лиссабоне кукурузу, которую искали на концах света, не только в тех ограниченных частях Европы, которые можно было достать во времена Континентальной системы, но и в Марокко, Турции в Азии и Америке.

Продолжение войны на полуострове полностью зависело от военно-морского господства Великобритании на всех морях; если бы армия Веллингтона не могла свободно черпать ресурсы, находящиеся на расстоянии, его положение было бы немногим лучше, чем у его врагов-французов. Следовательно, в каком-то смысле величайшей опасностью, которой он когда-либо подвергался, была Американская война 1812-14 годов, которая обрушила на его линию коммуникаций в Северной Атлантике множество десятков активных и предприимчивых каперов, которые нанесли значительный ущерб британскому судоходству и впервые с начала войны сделали открытое море небезопасным. Но, к счастью, начало американской войны точно совпало с началом падения Наполеона, и борьба в Европе приняла благоприятный оборот как раз в тот момент, когда возникла опасность на океане. Если бы Американская война разразилась в 1809 или 1810 году, ее значение было бы гораздо выше.

Нормальным состоянием дел комиссариата в течение первых четырех лет войны было то, что в Лиссабон ежедневно прибывали всевозможные припасы, не только продовольствие, но и одежда, боеприпасы и боевое оружие, которые необходимо было как можно быстрее доставить в армию. Зимой 1810-11 годов, когда все войско Веллингтона было сосредоточено позади (или позже впереди) линий Торрес-Ведрас, проблема была сравнительно простой, поскольку войска находились близко к складам. Но в течение оставшейся части 1811-12 годов британские дивизии располагались на большом расстоянии от своей базы — у Гуарды, Челорико или Алмейды, или в другое время недалеко от Мерида, Кампо Майор и Порталегре. В 1812 году, когда Веллингтон продвинулся вперед до Мадрида и Бургоса, *расстояния* между базой и действующей армией были еще больше.

Водный транспорт

Обязанностью генерального комиссара было следить за тем, чтобы автоколонны регулярно отправлялись на фронт, чтобы армия никогда не испытывала нужды. Это было нелегкое дело, поскольку большую часть перевозки приходилось производить на спине мула, а остальную часть - на запряженных волами повозках примитивной конструкции и небольшой вместимости. Водный транспорт, который был бы сравнительно легким, мог использоваться только в ограниченных масштабах; Тахо, как правило, было судоходным до Абрантиша, и когда основная

армия стояла в Эстремадуре, это было большим подспорьем, поскольку припасы можно было доставлять на баржах и деревянных лодках с гораздо большей легкостью, чем по дороге. После разгрузки в Абрантеше им предстоял сравнительно короткий путь на мулах или запряженной волами повозке до Эльваса или Порталегре. Но обычно на границе с Эстремадурой находились только две дивизии Хилла, а Веллингтон с основными силами находился где-то на границе с Бейрой, в направлении Гуарды, Сабугала и Коа. Эти регионы находятся в 150 милях или более от Лиссабона, и дороги за пределами Коимбры с одной стороны и Абрантиша с другой были неровными и в плохом состоянии. Это было нелегкое дело - обеспечить постоянную и регулярную отправку необходимых конвоев и возвращение животных и людей на базу, когда они разгрузили свой груз на фронте. Очень незначительную помощь оказало использование реки Дору в качестве второстепенного водного пути — но по ней можно было добраться только до Пезу-да-Регоа близ Ламега, который находился так далеко от испанской границы и обычных мест дислокации армии, что отправка припасов в Порту как вспомогательную базу-депо мало что дало. В 1811 году единственными крупными партиями, отправленными по этой линии, были тяжелые орудия и боеприпасы, которые должны были сформировать осадный обоз, который Диксон организовывал на Вилле да Понте, ³¹⁶ которая находится сравнительно недалеко от Ламега, хотя дороги между ними были очень плохими. В 1812 году инженеры Веллингтона, терпеливо проводя взрывные работы и дноуглубительные работы в русле Дору, сделали его судоходным до Кастро-де-Алва, который находится в сорока милях вверх по течению от Пезу-да-Регоа и не очень далеко от Алмейды. После этого Дору стал гораздо более полезным в качестве линии снабжения, и в основном использовался для доставки припасов до начала кампании 1813 года. Но как только он стал доступен в большем масштабе, Веллингтон начал великий поход на Витторию, успех которого навсегда унес его из Португалии. В последний год войны он внезапно сменил базу и сделал Сантандер и Пассаж своими базовыми портами, так что улучшения в судоходстве по Дору больше не имели смысла.

Караван Мулов

Большая часть штаба генерального комиссара находилась в Лиссабоне, с небольшим подразделением в Порту, принимавшим с кораблей, разгружавшим и переупаковывавшим огромные запасы, которые попадали под руку. Каждые несколько дней колонна отправлялась на фронт под командованием заместителя-помощника комиссара, делопроизводителя комиссариата или кого-то в этом роде. Обычно он состоял из большого отряда наемных мулов, которыми управляли их владельцы, которые обычно действовали сообща в бандах или партиях, из которых *капатас* или главный погонщик, выбранный своими товарищами, был начальником и вел переговоры с властями комиссариата. Конвой, вероятно, состоял бы из банд из пяти или шести *капатаццо* и насчитывал бы множество животных. Перед ответственным чиновником комиссариата стояла нелегкая задача заставить погонщиков мулов преодолевать разумный дневной отрезок дороги и следить за тем, чтобы они не воровали из запасов или (что было неизвестно, когда возникала ссора) не дезертировали со своими животными. Когда конвой приближался к фронту, ему должен был быть предоставлен эскорт — как правило, выздоравливающие, возвращающиеся в свои батальоны, или призывники, недавно прибывшие из Англии. Но сопровождающие не были безусловным благословением — они были ужасно склонны к воровству из магазинов, с попустительством погонщиков мулов или без них. Почти всегда возникали проблемы, когда небольшой эскорт, без офицера, который держал бы своих людей под контролем, увязывался с обозом мулов. Между солдатами и погонщиками мулов часто происходили драки, и дежурный помощник комиссара не мог заставить конвой

подчиняться ему: сержанты смотрели на него как на простого гражданского человека в треуголке, которого можно презирать. Не облегчал задачу такого неудачливого чиновника и тот факт, что из-за явной нехватки наличных денег его погонщики мулов обычно надолго задерживали оговоренную плату. Они, естественно, ворчали, но в целом выполняли свою службу гораздо более добросовестно, чем можно было ожидать; были времена, когда всем им не платили много месяцев, но исчезала лишь небольшая часть. Вероятно, тот факт, что они избежали призыва в армию, будучи зарегистрированными в качестве официальных последователей британской армии, имел какое-то отношение к их долготерпению: вероятно, также имел место некоторый настоящий патриотизм, поскольку все они искренне ненавидели французов и были склонны перерезать горло своим раненым, если их оставить без присмотра рядом с недавним полем боя.

Колесный транспорт был гораздо менее пригоден для непрерывного передвижения, чем поезд с мулами. Британские фургоны, отправленные на полуостров, оказались совершенно бесполезными для португальских дорог. Веллингтон в конце концов отказался от всякой идеи полагаться на них при переноске грузов и в основном использовал их для своих больных и раненых. Несколько “рессорных фургонов” (как их называли, чтобы отличать от беспружинных португальских транспортных средств)³¹⁷ были прикреплены к каждой бригаде для перевозки инвалидов, а к “Королевскому обозу” в последние годы войны, похоже, относились почти как к корпусу скорой помощи. Конечно, армия оказалась бы в бедственном положении, если бы была вынуждена полагаться на них в доставке продовольствия.

Те припасы, которые перевозились на колесах, а не на спинах мулов, перевозились на португальских повозках, запряженных волами, к которым Веллингтону пришлось прибегнуть за неимением лучших транспортных средств. Это были очень примитивные конструкции — плетеные бортики, колеса, сделанные из цельных деревянных кругов, окованных железом, вращающаяся ось и все такое, что делало их скрежещущий шум почти невыносимым. Мучительный трепет, который вызывает у слуха вереница таких повозок, с отвращением упоминается почти каждым автором дневников с полуострова при его первом знакомстве с жизнью на фронте. Единственными преимуществами повозок, запряженных волами, было то, что они были легкими, их было легко ремонтировать, и они были специально сконструированы для плохих дорог страны: более того, каждый крестьянин знал, как ими управлять или, в крайнем случае, как их починить. Их слабыми сторонами было то, что они двигались невыносимо медленно — две мили в час были полной нормой — и что они были слишком малы, чтобы нести много груза. Однако им приходилось служить из-за отсутствия лучшей техники - а армия не смогла бы прожить без их службы. Огромное количество из них было нанято, некоторые на регулярной и длительной основе, как часть постоянного транспорта армии, другие - более временным способом, путем реквизиции из округа. С последними всегда было трудно справиться; профессиональные погонщики мулов не возражали бы против путешествий, но впечатленные крестьяне не хотели покидать свой район, опасаясь, что их могут увезти далеко — возможно, в Испанию, — прежде чем они будут освобождены. Они всегда пытались скрыться со своими драгоценными волами, бросив сравнительно никчемную повозку и ее припасы. Подобную картину можно почерпнуть из оживленного рассказа Хеннегана о походе 1809 года, когда ему пришлось невольно пересечь горы Северной Бейры с обозом, на который “наложено эмбарго”.

Дезертирство водителей

С наступлением темноты, опираясь на своих волов, они в немом смятении созерцали с одной стороны гигантский холм, с которого они только что спустились, с другой - ревущий поток Дору, который в своем стремительном течении, казалось, угрожал уничтожением тем, кто отважится бросить вызов его мощи. На "*Санта-Мария*" некоторых отвечали более решительные *карахос!* о других, но даже они угасли раньше, чем возникла насущная необходимость, и, распрягая волов, чтобы укрыть их под деревьями, погонщики расстелили свои большие плащи в пустых сараях и вскоре, заснув, казалось, забыли о своем разочаровании. Бедняки, взятые из своих домов для службы нам, рисковали потерять своих волов - единственное средство прокормить себя и семьи.

Однако на следующее утро произошла любопытная сцена. Там стояли повозки, надежно упакованные, но выглядевшие так, словно их вынесла земля, потому что от средств, с помощью которых они были доставлены в это уединенное место, не осталось и следа. Слух о близости французов побудил португальцев пожертвовать повозками, если только они могли обеспечить сохранность самих себя и волов. Что же теперь было делать?"³¹⁸

На самом деле, невооруженному охраннику покинутого конвоя пришлось много дней оставаться без движения, рискуя возможным прибытием французов, пока, наконец, он не раздобыл лодки на Дору и не отправил свою подопечную в Порту. Крестьянам Хеннегана удавалось уводить своих волов - он и его эскорт, очевидно, были сонными и ничего не подозревающими, но часто за упряжками следили внимательно и ставили над ними часовых. В таких случаях, если погода была плохой или французы были слишком близко, погонщики часто приносили в жертву даже своих любимых животных и просто скрывались, бросая свои средства к существованию.

Об общем рвении комиссариатского отдела многое говорит тот факт, что, несмотря на такие трудности, им обычно удавалось обеспечивать армию продовольствием. Время от времени случались отчаянные приступы голода, когда армия опережала свои обозы — это, например, произошло на Альве в марте 1811 года, когда половине армии, преследовавшей Массену, пришлось остановиться на несколько дней, потому что их быстрое продвижение оставило медленно движущиеся караваны мулов на несколько маршей позади. Давить на французов было бы выгоднее всего, но если бы войска пошли дальше, через обезлюдившую землю перед ними, они, должно быть, погибли бы от крайней нехватки продовольствия, и Веллингтон неохотно остановился, пока колонны не начали подползать к фронту. Другой период пустых желудков наблюдался во время отступления из Бургоса, по противоположной причине; вынужденный отступать, Веллингтон вовремя отправил свой поезд в Сьюдад-Родриго, чтобы увести его подальше от надвигающегося врага. Поэтому тыловые подразделения, которым приходилось сдерживать преследователей и двигаться медленно, после того, как они съели то, что было у них в рюкзаках, обнаружили, что все обозы были на несколько маршей впереди них. Они ужасно страдали и два дня питались в основном желудями, собранными в дубовых лесах, через которые они шли. Но неудачи такого рода вряд ли можно было считать виной Комиссариата.

Ресурсы страны

Как я уже отмечал, обязанность офицеров этого отдела заключалась не только в том, чтобы доставлять и распределять продовольствие, доставляемое со складов базы. Кроме того, в качестве вспомогательного ресурса они должны были получать все, что могли, из сельской

местности. Хороший помощник комиссара всегда рыскал по деревням по обе стороны от маршрута движения бригады, к которой он был прикреплен, в поисках скота и кукурузы, которые можно было бы купить. Он был вынужден заплатить за них, поскольку Веллингтон строго запретил реквизировать без указания ценности. Когда у комиссара были доллары, дело было не так сложно, потому что крестьяне, как правило, были готовы продавать. Но когда, как это часто случалось, военный сундук опустел, а выплату можно было произвести только в *долинах*— бумажных обещаниях заплатить, — жители вскоре пронюхали об этом, спрятали зерно и погнали своих волов в горы. Хорошим комиссаром был человек, который при таких обстоятельствах мог обнаружить скрытые ресурсы земли и завладеть ими. Но даже если бы на руках были деньги, в общении с туземцами требовалась большая доля такта, и не каждый из них смог бы максимально использовать свои запасы наличных денег или бумаг на благо своей бригады. О том, как работал этот гениальный человек, можно почерпнуть из записки комиссара Далласа, посвященной походу через Северную Андалусию в 1812 году.³¹⁹

После тщательных расспросов о владениях и фермах, лежащих на некотором расстоянии справа или слева от дороги, наш план состоял в том, чтобы разыскать их, ни словом не обмолвившись о нашей цели, а просто попросив гостеприимства. Я не помню, чтобы нам когда-либо отказывали, хотя иногда нам ничего не удавалось добиться. Обычно мы начинали с разговоров об ужасах французов, о которых Андрес мог рассказать много ужасных глав. Это привело к выражению скорби по поводу разрушений, произведенных врагом: постепенно мы начали выражать радость по поводу того, что некоторые люди так хорошо знали, как прятать свое имущество от таких жадных грабителей. Часто случалось, что при слове "эскондер", "прятаться", на лицах некоторых участников вечеринки появлялись признаки, которые вели к дальнейшим расспросам. Во многих случаях мы извлекали подсказки от различных членов сообщества, которые позволяли нам делать поспешные выводы, удивлявшие других членов сообщества, относительно сокрытия запасов пшеницы, ячменя, индийской кукурузы и т.д. Трудность заключалась в том, чтобы получить доступ к поставкам, когда нам стало известно об их существовании; но у меня была возможность предложить хорошую цену, и я был вооружен полным правом испанских официальных лиц заявить, что мои проекты будут выполнены в установленном порядке.

"Один-два случая проиллюстрируют, каким образом мы получали припасы. В одном отдаленном уединенном доме бедного вида Андрес обнаружил, что, хотя все в этом месте выглядело убого, где-то в густом лесу находился сарай, в котором хранились припасы. Я сказал хозяйке дома об очень высокой цене, которую я бы дал за пшеницу, индийскую кукурузу или фураж. Серым октябрьским рассветом меня разбудил ее муж, который сказал мне, что может поставить то, что я хочу, если я назову определенную цену, которую он назвал. Я сказал, что должен осмотреть припасы, прежде чем отдавать деньги. Он велел мне подняться, и он покажет мне. Он провел меня за две мили до густого леса, в котором был глубокий овраг; здесь он благополучно привел меня к большому тайнику, который я взял за его собственную цену, и вручил ему соответствующий документ. В одной части Сьерра-Морены мы слышали о большом стаде овец, спрятавшемся в глубине леса. Я получил разрешение владельца владеть ими за определенную цену, *если я смогу их достать*, поскольку он сам не мог указать место, где их можно было найти. Собрав всю возможную информацию, я отправился в путь в надежде найти их, и сделал это, следуя по овечьему следу, пока не добрался до середины стада. Я сказал двум пастухам, что купил их — они были сомнительными, а один очень упрямым. Но, наконец, один из них выгнал овец на открытую равнину за пределами леса, а затем исчез среди деревьев со

своей собакой, предоставив мне управлять стадом, как я мог. Это была нелегкая задача, но я загнал их в вольер на значительном расстоянии”.³²⁰

Непопулярный комиссар

Если это был опыт чиновника комиссариата, который провел три года в Испании и хорошо знал язык, то легко догадаться, насколько неэффективным, должно быть, был новоиспеченный клерк или помощник, когда его послали прочесывать сельскую местность в поисках того, что он мог обнаружить. Это была неблагодарная задача — часто искатель возвращался ни с чем, вызывая неодобрение начальника своего отдела и бригадира. Когда он все-таки находил еду, это воспринималось как должное, и его почти не благодарили. У воинов, по-видимому, было общее предубеждение против своих кормильцев — их обвиняли в робости, высокомерии и эгоизме, а хищения некоторых паршивых овец были выдвинуты, чтобы покрыть общее обвинение в нечестности против всего племени, которое было далеко от оправдания. Ошибка, безусловно, имела место, когда недобросовестный продавец ссудил крестьянину больше *фанегасов*, чем тот получил, и разделил остаток наличных с продавцом. Но в целом работа была выполнена хорошо, несмотря на многочисленные жалобы военных - начиная с самого Веллингтона и ниже. То, что война на полуострове успешно продолжалась в 1810-11-12 годах, несомненно, было, в сущности, работой оклеветанных комиссаров и разношерстной банды плохо оплачиваемых, а иногда и буйных погонщиков мулов и погонщиков фургонов, которые, преодолевая тысячи трудностей,³²¹ обычно доставляли сухари и бочки с ромом, стада быков и тюки с одеждой и обувью по назначению.

ГЛАВА XX

ЗАМЕЧАНИЕ О ДУХОВНЫХ ВЕЩАХ

В первой главе этого тома я имел случай отметить, что в рядах армии Веллингтона было немало религиозных людей и что ими были написаны три или четыре лучших мемуара о полуострове. Некоторые из них были методистами, некоторые церковниками, так что обе стороны великого духовного движения, начавшегося примерно в середине восемнадцатого века, были представлены в их дневниках. О духовной стороне жизни солдата во время великой войны написано так мало, что нельзя пропустить несколько иллюстративных страниц на эту тему.

Мы можем объяснить существование замечательного класса людей, оставивших нам эти мемуары, двумя разными причинами. Первым, конечно, было то, каким образом движение, начатое Уэсли, повлияло на все слои общества, от самых низов и выше. Его последствия коснулись не только общепризнанных методистов, но и привели к росту евангелической партии внутри Англиканской церкви, которая очень быстро развивалась на протяжении всех дней Великой войны. Но я думаю, что даже если бы Уэсли никогда не жили, все равно была бы сильная реакция в пользу благочестивой жизни и открытого исповедания христианства вследствие богохульных выходок Французской революции. Ничто в этом движении не вызывало такого отвращения у англичан (даже у тех из них, кто не был особо склонен к практической

религии), как история о “Богине Разума”, восседавшей на троне главного алтаря Собора Парижской Богоматери в то время, когда оргия кровопролития делала отвратительными лестные речи о гуманизме и свободе, которые были основой революционного ораторского искусства. Своеобразное сочетание оскорблений христианства, открытой порочной жизни и массовых судебных убийств, отличавшее время Террора, произвело на наблюдателей эффект, сравнимый ни с чем другим, что было замечено в наше время. Даже люди, которые до сих пор не относились к своей религии очень серьезно, начали думать, что ад был логически необходим в схеме творения для таких существ, как Шометт или Эбер, Фукье Тенвиль или Карриер из Нояд. И, мы можем добавить, несомненно, требовался личный дьявол, чтобы объяснить побуждения к безумной злобе, которые привели к действиям таких людей. Ужесточение религиозных обрядов, таких как использование семейной молитвы и регулярное посещение церкви, было характерной чертой того времени. Для распространения движения потребовалось некоторое время, но вскоре был замечен его эффект. Это, естественно, сформировалось в присоединении к евангелическим обществам внутри Англиканской церкви или методистским обществам вне ее; поскольку это были уже существующие ячейки, вокруг которых должны были объединиться те, чьи души были взбудоражены ужасами во Франции и неминуемой опасностью в Великобритании.

Последствия Французской революции

Очень скоро закончился день, когда “энтузиазм” вызывал ужас у всех нормальных добродушных мужчин. Что-то большее, чем религиозный сентиментализм восемнадцатого века и расплывчатая духовная философия, было необходимо нации, которая должна была бороться за жизнь и империю против Французской Республики и всех ее деяний. Эти методы мышления были в достаточной степени дискредитированы тем фактом, что в них был налет Руссо: было легко заглянуть за Ла-Манш и увидеть, к чему может привести вера в некое туманное Высшее Существо, а также в возможность совершенствования и сущностную праведность человечества в целом. Бог Ветхого Завета был гораздо более подходящим объектом поклонения для людей, которым пришлось столкнуться с якобинцами, а кальвинизм всегда оказывался хорошим боевым кредо. Если когда-либо и было оправдание вере в то, что враги находятся в состоянии полного осуждения и что поразить их - долг каждого христианина, то, несомненно, именно в это время. Убежденность во всеобщности греха и естественной порочности человеческого сердца была полной противоположностью и противоядием оптимистической философии восемнадцатого века и ее вере в то, что человек по сути своей является доброжелательным существом и что если он иногда впадает в прискорбное насилие, то *“понимает, что такое прощение”*. В качестве рабочей гипотезы врага Французской революции кальвинистская теория имела все в свою пользу.

В армии, как и в английском обществе в целом, была значительная доля тех, кого стресс и ужас того времени заставили беспокоиться об их душах. Некоторые спокойно воспринимали свой религиозный опыт и находили достаточное назидание в общепринятых формах. Однако многие, преисполненные горячей веры в первородный грех и черноту своих собственных сердец, получили утешение только в “обращении” в распространенной форме того времени и в последующей уверенности в полном оправдании верой.

“Обращение” часто было предметом страшных духовных мук и борьбы, часто сопровождавшихся приступами ужасной депрессии, с которыми обычно удавалось справиться,

но иногда заканчивалось религиозной манией. Сержант Дональдсон из 94-го полка, которого мне часто приходилось цитировать в других главах, рассказывает ужасную историю из своего собственного полка о человеке, слабым местом которого был вспыльчивый характер и склонность пускать в ход кулаки. Находясь под сильным религиозным влиянием и твердо решив никогда больше не оскорблять подобным образом, он имел несчастье еще раз подвергнуться неоправданным ударам, нанесенным его крестьянину-помещику в деревне Устариц. Устыдившись своего отступничества, он впал в приступ отчаяния и, размышляя над текстом “если правая рука твоя соблазняет тебя, отруби ее”, решил, что это единственное лекарство от его вспыльчивости. После чего он пошел и, не проявляя никаких эмоций или эксцентричности, очень спокойно позаимствовал лесопильный топор у одного из полковых пионеров, положил правую руку на подоконник и отрубил ее одним ударом, очень ловко нанесенным левой. Затем он пошел и с большим спокойствием и ясностью доложил о своем поступке и его причине полковому хирургу.³²²

Муки обращения

Подобные инциденты, подобные этому, были редкостью среди тех, кто проходил процесс Обращения, но обычно это сопровождалось длительными приступами осознания греха, когда, как записывает один автор мемуаров, “все преступления его жизни проходили перед ним черной чередой, когда он чувствовал, что если бы он только мог похоронить себя в пещере или логове земли и отказаться от всех сношений с человечеством, это означало бы легко и дешево купить прощение и мир.... Жизнь была всего лишь ужасным ожиданием того рокового часа, когда дьяволу будет поручено схватить и увести виновную душу в ее обитель вечных страданий”.³²³ Другой автор дневника записывает, что, спускаясь к великому прорыву в Бадахосе, он все время с большой силой повторял себе: “Ты будешь в аду еще до рассвета”, пока не получил смертельную рану. Этот стрелок, пережив обращение, получил вместе с ним неожиданный дар метрического изложения. Его автобиография любопытным образом дополнена импровизированными стихами, такими как:

- Тогда зачем же отвлекать наши мысли от того,
что может случиться с такими бедными червяками,
Когда все волосы на нашей голове сочтены
Тем, кто царствует над всеми?

И снова —

“Я пойду туда, куда зовет меня долг,
терпеливо перенося то, что со мной случается,
Иисус Христос проведет меня через это!
Пули, пушечные ядра или смерть
Не могут повредить ”лучшей части”,
Поэтому я буду прислушиваться к тому, что Он говорит,
Пока Он не отправит меня домой”.³²⁴

Эта экстатическая уверенность обращенного человека очень ясно выражена во многих небольших книгах. Сержант гвардии, чьи мемуары я имел возможность процитировать в

предыдущих главах, упоминает, что на протяжении всего тяжелого опыта, пережитого его бригадой в Талавере, его утешала мысль, что, каким бы катастрофическим ни выглядел день, “Господь может спасти нас сейчас”.

“Стоя между врагом и моими собственными людьми, когда пули вспахивали землю вокруг меня, Господь уберег меня от всякого страха, и я вернулся на свое место в строю без ранений и волнений. В самом деле, кто должен быть таким твердым, как солдат-христианин, у которого в груди есть уверенность, что уйти и быть со Христом гораздо лучше, чем продолжать трудиться здесь, внизу?”³²⁵ В другом случае этот автор дневников, находясь в долгом ожидании перед опасной высадкой, обнаружил, что двести двадцать седьмой гимн Уэсли звучал в его голове все утро, принося невыразимое утешение его душе в это тревожное время.

Такого рода приятный экстаз ни в коем случае не препятствовал умелому использованию мушкета и штыка. Один или два заметных личных подвига во время войны на полуострове были совершены “святыми”. В нескольких дневниках, полковых и генеральских, есть особое упоминание о Джоне Рэе из 71-го полка, хорошо известном методисте, который в битве при Собрале (14 октября 1810 г.), будучи последним из стрелков своего батальона, ушедшим в отставку, был атакован тремя французскими *тирайлерами*, к которым он повернулся и в мгновение ока застрелил одного и заколол штыками двух других. Он получил медаль за свое поведение от своего бригадира, который был очевидцем этого дела.³²⁶

Взгляды Веллингтона на религию

Отношение Веллингтона к религии в целом и к религиозным солдатам в частности было во многом таким, какого можно было ожидать, учитывая его своеобразное сочетание личных характеристик. Он искренне верил в христианство, представленное Англиканской церковью, но на него ни в малейшей степени не повлияли недавние евангельские события, и его вера была довольно сухой и официальной; офицер, который занимался публичными проповедями и формированием религиозных обществ, был ему всего на две или три степени менее неприятен, чем офицер, который сквернословил на своем языке и открыто презирал святыни. Я полагаю, что герцог был бы склонен расценить и то, и другое как “неджентльменское”. Религия для него была должным признанием того факта, что у человека есть Создатель, который навязал ему свод законов и систему морали, которые человек обязан помнить и, насколько это возможно, соблюдать. Он был вполне готов признать, что у него были свои собственные недостатки, но верил, что они не были непростительными. Двое или трое энтузиастов-евангелистов, у которых хватило смелости обратиться к нему в последние дни его жизни с вопросом о его душе, получили от этого небольшую выгоду.³²⁷

Ему в высшей степени принадлежит заслуга в том, что начиная с 1810 года он предпринял серьезную попытку организовать систему бригадных капелланов для своей армии и проследить за тем, чтобы у солдат не было недостатка в возможности совершать публичные богослужения. Вплоть до того года ведомством капелланов сильно пренебрегали: крупные экспедиции отправлялись без сопровождения одного священника, а в первой армии полуострова в 1808 году их было очень мало, хотя двое из них, Ормсби и Брэдфорд, случайно оставили после себя интересные книги, последняя из которых прекрасно иллюстрирована набросками. Веллингтон пожаловался, что положение, которое он обнаружил в 1809 году, было совершенно неадекватным, попросил и получил дополнительное учреждение и организовал регулярные воскресные службы в каждой бригаде.

Письмо от 6 февраля 1811 г., в котором он объясняет свои взгляды генерал-адъютанту конной гвардии, является очень характерным документом. “Армия должна иметь преимущество в религиозном воспитании, исходя из знания того, что это величайшая поддержка и подспорье военной дисциплине и порядку”. Но капелланов не хватает, а те, что есть, не всегда “респектабельны”. Перспективы военного капеллана недостаточно привлекательны; выйдя на пенсию, он оказывается в гораздо худшем положении, чем был бы, “если бы он занимался какой-либо другой профессией священнослужителя, помимо армии”. Отсюда берется мало хороших людей. Из-за отсутствия достаточно многочисленных и влиятельных официальных учителей в армии вспыхнула спонтанная религиозная жизнь. Только в 1-м подразделении проводятся три методистских собрания. В 9-м полку два офицера проповедуют, несмотря на отговаривания своих полковников.

“Собрание солдат в их местах расквартирования для пения псалмов или прослушивания проповеди, прочитанной одним из их товарищей, абстрактно, совершенно невинно; это лучший способ провести время, чем многие другие, к которым они пристрастились. Но все может обернуться иначе, и все же, пока злоупотребление не достигнет некоторого прогресса, их командир не будет знать об этом и не сможет вмешаться”.

Официальное религиозное наставление - это правильное средство. Требуется “уважаемый священнослужитель”, который “своим личным влиянием и советом, а также советом истинной религии, умерил бы рвение и энтузиазм этих людей и предотвратил бы превращение собраний в вредные, даже если бы он не смог убедить их полностью прекратить их”. Поэтому генерал-адъютант должен обеспечить более многочисленный штат “уважаемых и эффективных священнослужителей”.

Капелланы

Конная гвардия немедленно подчинилась: был дан ответ, что капелланы должны быть разосланы “отобранными с особой тщательностью и осмотрительностью первыми прелатами страны”. Им повысили жалованье, и им было приказано завершать каждую службу короткой практической проповедью, соответствующей привычкам и пониманию солдат. “Хорошая проповедь, - добавляет генерал-адъютант, - более чем когда-либо необходима в период, особенно отмеченный усилиями и вмешательством сектантов различных вероисповеданий”.³²⁸

Должным образом появились капелланы. Среди них были хорошие люди, но в целом они не добились полного успеха. Возможно, идея, в равной степени поддерживаемая Веллингтоном и Конной гвардией, о том, что призывать в армию следует “респектабельных” священнослужителей, а не энтузиастов, была кардинальной ошибкой; люди, которые действительно требовались на фронте, были именно энтузиастами, как преподобный Т. Оуэн (впоследствии секретарь Британского и иностранного библейского общества), о котором нам рассказывают, что в дни боевых действий он так далеко продвинулся в боевых действиях, что офицеры предупреждали его, что он непременно будет убит. Он ответил, что его главной обязанностью было “служить тем, кто сейчас покидает эту жизнь”.³²⁹ Должен сказать, что такого рода похвальная энергия, по-видимому, не была самой распространенной характеристикой капелланов, если мы можем доверять дневникам того времени.

Многие из них были отправлены прямо из сельских приходских домов на фронт, не имели особых знаний о солдатах и их повадках и были потрясены необходимостью изо дня в день сталкиваться с великими фактами жизни и смерти в их самой грубой форме. Есть одна удручающая картина, на которой молодой священник внезапно сталкивается в караульной палатке с пятью дезертирами, которых должны были расстрелять в тот же день. Все они были преступниками, которые на самом деле были взяты во французских рядах, сражавшихся против своих старых товарищей во время штурма Сьюдад-Родриго. Капеллан беспомощно прочел им молитвы, почувствовав, что больше ничего не может поделать с черствыми головорезами, которые встретили смертный приговор клятвой, и последовал за ними к месту казни, выглядя очень неуютно, совершенно бесполезно и очень стыдясь самого себя.

Было почти так же трудно, если не так ужасно, столкнуться с кальвинистом в муках обращения, который показывал пылающие картины адского пламени и просил о способах избежать этого, отказываясь принимать в качестве ответа какие-либо главы из Нового Завета или прошения из Молитвенника. Вот картина ситуации с точки зрения кающегося квартирмейстера Сертиса, которого я уже имел случай процитировать.

“От священника, хотя он и добрый и сочувствующий человек, я, увы! извлек мало пользы. Он не направил меня к единственному источнику надежд больных грехом существ — Агнцу Божьему, который берет на себя грехи мира. Он пытался сделать так, чтобы мои надежды были больше сосредоточены на хороших решениях и последующих действиях. С какой благодарностью я принял бы истинный метод спасения, указанный в Евангелии; но я уже был слишком склонен (как и всегда естественный человек) ожидать прощения от актов покаяния, которые, если бы Бог пощадил меня, я намеревался совершить. Добрый джентльмен выписывал мне молитвы и, казалось, был очень заинтересован в моем благополучии. Но чтение и молитвы казались мне скорее утомительной работой, чем упражнением, приносящим духовную пользу.... Действительно, в то время Священное Писание все еще было для меня ”запечатанной книгой”; пока благодать Божья не рассеяла нашу тьму, ни в чем нет света”.³³⁰

Очевидно, квартирмейстер наткнулся на одного из тех разумных и заурядных священнослужителей, которых Веллингтон реквизирует из управления генерального капеллана, когда ему нужен был Евангелист, который проповедовал бы ему Оправдание Верой в ее простейшей форме.

В “Дневниках полуострова” сохранилось немало юмористических анекдотов о расе капелланов, по большей части не приписывающих им каких—либо серьезных моральных недостатков — хотя некоторых обвиняют в том, что они стали “белемитами”,³³¹ и в уклонении от фронта, - но стремящихся доказать, что они часто не справлялись со своим трудным призванием. Этого действительно следовало ожидать, когда большинство из них не имели ни малейшего представления о военной жизни и обычаях и много месяцев блуждали в совершенно новом для них мире. Очевидно, что посылать следовало только опытных людей — но (как замечает Веллингтон в одном из своих писем) предложенная плата была настолько мала, что можно было ожидать, что ее возьмут только энтузиасты или очень бедные люди — а энтузиасты по другим причинам не нравились главнокомандующему. Солдат, кажется, часто поражался беспомощности капеллана — он позволял своим слугам грабить себя, бродил за пределами пикетов и попадал в плен к французам или был обманут явными лицемерами. Есть одна смешная история о молодом священнике, которого, когда его впервые вывели на воскресную

службу бригады и поместили за большим барабаном, который должен был служить ему чем-то вроде центрального знака, он принял его функцию за кафедру и попытался взобраться на нее, что привело к плачевным результатам и бесконечному смеху прихожан.

Методисты

Нередко капелланы ссорились с методистами среди их паствы. Они были специально завезены Веллингтоном для того, чтобы препятствовать молитвенным собраниям — “собирацию маленьких собраний”, как называл эти собрания один из них. “Церковного служения достаточно для наставления человечества”, - сказал другой, а “рвение к проповеди” привело к самодостаточности и зарождающемуся фарисейству. Однако в целом между Англиканской церковью и солдатами-методистами не было регулярного противостояния; они были в таком меньшинстве среди безбожников, что с их стороны было бы абсурдно ссориться. Методисты регулярно получали причастие от капелланов наравне с церковниками, и последних часто можно было встретить на молитвенных собраниях первых.

Мемуары сержанта Стивенсона, кладезь полезной информации в этом отношении, сообщают нам, что регулярные организованные молитвенные собрания уэсли в 1-й дивизии начались в гравийном карьере недалеко от стен Бадахоса в сентябре 1809 года и с тех пор не прекращались. Во время долгого пребывания в тылу Торриш-Ведрас оно проводилось в течение многих недель в большом винном цехе, вмещавшем более сотни человек, за деревней Картаксо, совсем рядом со штаб-квартирой Веллингтона, где действительно были отчетливо слышны исполняемые гимны. Аналогичные объединения были и в других подразделениях, некоторые в основном Англиканской церкви, некоторые (как в 79-м полку) Пресвитерианские. Стивенсон говорит, что он никогда не слышал о каком-либо противодействии со стороны командиров, за исключением случая с одним капитаном, проповедь которого в конце концов была прекращена из-за преследований со стороны его полковника. Но, конечно, “святым” пришлось вынести немало насмешек со стороны своих товарищей, особенно тех из них, кто воспользовался случаем, чтобы свидетельствовать против пьянства или богохульства. Стивенсон приводит свой собственный стих, который, по его словам, он расклеил в комнате сержантов 3-го гвардейского полка, чтобы воспрепятствовать нецензурной брани на свободе.

“Кровь стынет в жилах, когда слышишь, как к Благословенному Всевышнему
Опрометчиво обращаются по каждому пустяковому поводу,
Сохраняй свой ранг: презирай пошлость;
Ругаться - это ни *храбро*, ни *вежливо*, ни *мудро*”.

Мы можем наблюдать определенную осторожную апелляцию к самоуважению унтер-офицера в намеке на то, что богохульством он принижает себя до звания рядового и виновен в вульгарности и недостатке вежливости. Следует опасаться, что эти двустушия могли быть неуместно вывешены в столовых некоторых полков, полковники которых ни в коем случае не выбирали их язык.

Солдаты-Священники

Среди старших офицеров армии полуострова было немало таких, кто был не просто конформистом официального толка, как Веллингтон, но и ревностными христианами, такими были Хилл, Ле Маршан,³³² Колборн и Джон Беквит — полковник легкой дивизии, посвятивший

последние годы своей жизни заботе о вальденсах Пьемонта, среди которых он поселился на закате своей жизни. Довольно большая часть молодых офицеров получила приказы, когда война закончилась, после великого расформирования 1816-17 годов, когда все вторые батальоны были расформированы. Таковы были трое мужчин, оставивших нам превосходные дневники полуострова: Глейг из 85-го полка, автор книги “Младший офицер” и других работ, впоследствии генерал-капеллан вооруженных сил; Даллас, который прославился как евангелист в Берфорде, был еще одним солдатом-пастором; Бутби, который вел хороший дневник о Майде, Корунье и Талавере, был третьим. Этот тип, как правило, придерживался сильного евангелизма, что было естественно, учитывая, что это был действительно живой и энергичный элемент в Церкви того времени.

Ясно, что религиозное состояние полков чрезвычайно различалось — в одних влияние серьезных и набожных офицеров и рядовых было велико, в других практически незаметно. Характер полковника имел какое-то значение, хорошее или плохое, но я полагаю, что многое зависело от существования или несуществования какой-то небольшой группы офицеров или сержантов, которые не боялись высказывать свои взгляды и образовывали ядро, вокруг которого собирались стойкие люди. Их имена по большей части забыты, записи об их свидетельствах утрачены или всплывают лишь в каком-нибудь темном уголке малоизвестной биографии или старого религиозного журнала. Я бы хотел, чтобы какая-нибудь сочувствующая рука посвятила целую книгу сбору и описанию того, чего я смог коснуться только в этой короткой главе. Это сторона жизни армии полуострова, которая заслуживает упоминания, поскольку без какого-либо упоминания о ней картина военного общества во время великой войны совершенно неполна.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

(А.) СОЗДАНИЕ БРИТАНСКОЙ ЛИНЕЙНОЙ ПЕХОТЫ. Июль 1809 года.

Примечание. Звезда *, прикрепленная к месту дислокации батальона, означает, что он только что вернулся из кампании сэра Джона Мура под командованием Ла—Коруньи.

Номер полка.	Территориальное или иное обозначение.	Учреждение. Офицеры и рядовые.	Место дислокации 1-го батальона.	Место дислокации 2-го и других батальонов [если таковые имеются].
1-й	Королевский шотландский	4926	Вест-Индии,	Ост-Индии, 2-й; 3-й дом* [пошел Валхерен]; 4-й бытовой
2-й	Королевский	906	домом* [пошел Валхерен]	нет 2-й батальон подняли
3-й	Баффы	1610	полуострова полевой армии	домой

4-го	Королевского	2031	домом* [пошел Валхерен]	дома [пошел Валхерен]
5-го	Нортумберлендского полка	2031	домом* [пошел Валхерен]	Дом
6 по	1-й Уорикшир	1820	домом* [пошел Валхерен]	дома
7-го	королевских стрелков	2031	Новая Шотландия	Лиссабон [позднее Гибралтар]
8-го	Королевского полка	1610	Вест-Индии	домой поступил на Валхерен]
9-ый	Восток Норфолк	2289	домом* [пошел Валхерен]	полуострова полевой армии
10-я	Северная Линкольн	1610	Сицилии	домой поступил на Валхерен]
11-й	Северный Девон	2031	Мадейра [позже полуострова]	дома [пошел Валхерен]
12-й	Восточный Саффолк	941	Ост-Индии	[2-й батальон подняли в 1813]
13-й	1-й Сомерсет	1126	Вест-Индии	нет 2-й батальон подняли
по 14	баксов полк[а]	2290	Ост-Индию,	2-й дом* [Валхерен]; 3-й Сицилия
15-й	Восточный Райдинг полка	1400	Вест-Индии	домой
16-го	Бедфордшир ³³³	406	Вест-Индии	нет 2-й батальон подняли
по 17	Лестершир	1151	Ост-Индии	нет 2-й батальон подняли
18-й	Королевский ирландский	1669	Вест-Индии,	Вест-Индии
19-го	1-й Йорке, Норт Райдинг	930	Ост-Индии	нет 2-й батальон подняли
20-го	Восточного Девона	930	домом* [пошел Валхерен]	Нет 2-й батальон подняли
21-го	Королевского севере британских Стрелков	1820	Сицилия	дом
22-го	Чеширского	941	Ост-Индии	[2-й батальон подняли в 1814]
23-го	Королевского Уэльского полка Стрелков	2079	Новая Шотландия	домом* [пошел Валхерен]
24-й	2-й Уорикшир	2031	Мыс Доброй Надежды	полуострова полевой армии

25-го	Королевского жителей приграничной полосы	1400	Вест-Индии	домой
26-го	Камеронцам	1610	домом* [пошел Валхерен]	Дом
27-й	Inniskillings	3448	Сицилия	Сицилия 2-й батальон; 3-й батальон гарнизона из Лиссабона
28-я	Северная Глостершир	2031	домом* [пошел Валхерен]	полуострова полевой армии
29-я	Вустершир	1126	полуострова полевой армии	нет 2-й батальон подняли
по 30	Кембриджшир	2242	Ост-Индии	Гибралтар [поздно Лиссабон]
31-й	Huntingdonshire	2079	Мальта	полуострова полевой армии
32-й	Корнуолл	1820	домом* [пошел Валхерен]	Дом
33-я	1-я Западная езда	941	Ост-Индии	нет 2-й батальон подняли
34-й	Камберленд	1845	Ост-Индии	домой [позднее на полуостров]
35-й	Сассекс	1820	Сицилии	домой поступил на Валхерен]
36-й	Херефордшир	1610	домом* [пошел Валхерен]	дом
37-й	Норт Хантс	706	Вест-Индии	[2-й батальон подняли в 1811]
38-й	1-й Стаффорд	1820	домом* [пошел Валхерен]	Дом
39-й	Дорсетшир	1820	Мальта	полуострова полевой армии
40-й	2-й Сомерсет	1820	полуострова полевой армии	дом
41-го	никто	696	Канада	[вырастила 2-го батальона 1814]
42-й	Черный часы	2031	домом* [пошел Валхерен]	полуострова полевой армии
43-й	Монмут	2031	полуострова полевой армии*	домой* [пошел Валхерен]
44-й	1-й Эссекс	2030	Сицилии	Гибралтар
45-й	Ноттингемшир	1610	полуострова	дом

			полевой армии	
46-й	Южный Девон	496	Вест-Индии	нет 2-й батальон подняли
47-й	Ланкашир	2242	Ост-Индии	домой позже Кадис]
48-й	Нортгемптоншир	2251	полуострова полевой армии	полуострова полевой армии
49-я	Хартфордшир	906	Канаде	нет 2-й батальон подняли
с 50 -	Западе Кента	1820	домом* [пошел Валхерен]	Дом
51-й	Западный 2-й езда	906	домом* [пошел Валхерен]	нет 2-й батальон подняли
52-й	Оксфордшир	2079	полуострова полевой армии*	домой* [пошел Валхерен]
53-й	Шропшир	2242	Ост-Индии	полуострова полевой армии
54-й	Западной Норфолк	706	Вест-Индии	нет 2-й батальон подняли
с 55 -	Уэстморленд	706	Вест-Индии	нет 2-й батальон подняли
56-й	Западный Эссекс	2301	Ост	2-го батальона Ост-Индии [вырастила 3-го батальона 1813]
57-й	Вест-Мидлсекс	1610	Гибралтар [в Португалии]	Дом
58-й	Ратленд	1820	Сицилии	гарнизон Лиссабона
59-й	2-й Ноттингемшир	1290	Ост-Индии	домой* [пошел Валхерен]
60-й	Королевский американцы	4847	Вест-Индии,	2-й батальон Вест-Индии; 3-й батальон см; 4-й батальон то же; 5-й батальон полуострова полевой армии; 6-й и 7-й Вест-Индии,
61-й	Южный Глостершир	1820	полуострова полевой армии	дом
62-й	Уилтшир	1610	Сицилия	Сицилия
63-м	Западном Саффолке	1610	Вест-Индии	домой поступил на Валхерен]
64-й	2-й Стаффордшир	916	Вест-Индии	нет 2-й батальон подняли
65-й	2-й Йорки, Северная езда	731	Ост-Индии	нет 2-й батальон подняли
66-го	Беркширского	2031	Ост-Индии	полуострова полевой армии

67-й	Юго-Гэмпширской	2031	Ост-Индии	домой
68-й	Даремский	716	Вест-Индии	нет 2-й батальон подняли
69-й	Южный Линкольншир	1337	Ост-Индии	домой
70-й	Суррей полк	706	Вест-Индии	нет 2-й батальон подняли
71-й	Глазго горцев	1820	домом* [пошел Валхерен]	Дом
72-й	горцев	1600	Ост-Индии	домой
73-й	2-й Королевский горцев	1180	парусных н. с. Уэльсе	дома [только сформирован в 1809]
74-й	горцев	696	дома поступил на Валхерен]	нет 2-й батальон подняли
75-й	горцев	696	дома	нет 2-й батальон подняли
76-й	полк Индостана	1126	домом* [пошел Валхерен]	нет 2-й батальон подняли
77-й	Восточно-Мидлсекс	696	дома поступил на Валхерен]	Нет 2-й батальон подняли
78-й	Rosshire любителей	1885	Ост-Индии	Сицилии [позже], в
79-м	Кэмерон горцев	1820	домом* [пошел Валхерен]	дома
80-х	стаффордширский добровольцев	1151	Ост-Индии	нет 2-й батальон подняли
81-й	2-й верный Линкольн	2079	Сицилии	домой* [пошел Валхерен]
82-й	принц Уэльский' добровольцев	1820	домом* [пошел Валхерен]	Дом
83-м	никто	2461	Мыс Доброй Надежды	полуострова полевая армия
84-й	Йорков и Ланкастеров	2276	Ост-Индии	домой поступил на Валхерен]
85-й	баксов добровольцев	716	дома поступил на Валхерен]	нет 2-й батальон подняли
86-й	Лейнстер полк	731	Ост-Индии	[2-й батальон подняли 1814]
87-й	принц Уэльский' ирландских Стрелков	2299	Мыс Доброй Надежды	полуострова полевой армии
88-й	Коннот Рейнджерс	2031	полуострова полевой армии	Лиссабон [позднее Гибралтар]
89-м	нет	2031	Мыс Доброй Надежды	Гибралтар
90-х	Пертшир добровольцев	1610	Вест-Индии	доме
91-й	горцев	1390	домом* [пошел	дом

			Валхерен]	
92-й	Гордон горцы	1820	домом* [пошел Валхерен]	Дома
93-й	Сазерленд горцев	1126	Мыс Доброй Надежды	[поднял второй батальон 1814]
94-й	шотландской бригады	696	дома	нет 2-й батальон подняли
95-го	винтовки	2283	полуострова полевой армии*	2-й* [пошел Валхерен] 3-го дома [только подняла]
96-я	ничего	1400	Вест-Индии	дома
97-й	королевы немцы	907	полуострова полевой армии	нет 2-й батальон подняли
98-й	ничего	906	Бермудские острова	нет 2-й батальон подняли
99-й	принц Уэльский' Типперэри	696	Бермудские острова	нет 2-й батальон подняли
100-й	графстве Дублин	696	Канаде	нет 2-й батальон подняли
101-й	герцог Йоркский ирландский	906	Вест-Индии	нет 2-й батальон подняли
102-й	Новый Южный Уэльс	906	Нового Южного Уэльса	нет 2-й батальон подняли
103-ей	никто	486	Канаде	нет 2-й батальон подняли

Всего.	1-й батальон.	2-й батальон.	3-й и младший батальоны.	Всего.
Дома	25334	42335	3336	70
Полуостров	11337	15	2	28
Сицилия и Мальта	10	3	1	14
Ост - Индия	21	2	0	23
Вест - Индия	21	2	4	27
Мыс Доброй Надежды	5	0	0	5
Канада и Новая Шотландия	6	0	0	6
Новый Южный Уэльс	2	0	0	2
Гибралтар и Мадейра	2	2	0	4

Всего	0	0	0	179
-------	---	---	---	-----

Рассмотрение таблицы с префиксом "заведения" показывает следующие результаты. Не считая полков с большим количеством батальонов (1-й, 14-й, 27-й, 60-й, 95-й), остальные подразделяются на двухбатальонные и однобатальонные корпуса.

Из 61 двухбатальонного полка -

9 имели численность 2250 человек или около того.[338](#)

17 человек имели численность 2031 человек или около того.[339](#)

16 человек имели численность 1820 человек или около того.[340](#)

12 человек имели численность 1610 человек или около того.[341](#)

7 человек имели численность менее 1600 человек.[342](#)

Во всех полках двух высших учебных заведений (за одним исключением) в 1809 году оба батальона находились на действительной службе: либо один в Индии, либо один в Европе, либо оба в Европе. Следовательно, было необходимо поддерживать их на очень высоком уровне.

Почти все полки, насчитывавшие 1820 или 1610 человек, имели один батальон на действительной службе и один на внутренней службе, хотя очень немногие имели оба батальона за границей (например, 18-й, 34-й, 39-й, 62-й); в таких случаях 2-й батальон, хотя и находился на службе, был очень слаб.

Двухбатальонный корпус численностью менее 1600 человек почти всегда представлял собой полки, имевшие один батальон в Индии, численность которых сократилась до очень низкого уровня из-за болезней и которые не смогли поддерживать свою численность (15-й, 25-й, 96-й на Западе, 59-й, 69-й в Ост-Индии).

37 однобатальонных полков располагались на следующих объектах-

6 имели силу 1126 или около того.[343](#)

13 имели силу 940 или около того.[344](#)

15 имели силу 700-730 или около того.[345](#)

3 имели силу менее 600.[346](#)

Эти подразделения в двух высших учебных заведениях либо фактически служат, либо предназначены для немедленной службы за границей, и, следовательно, их учреждения находятся на высоком уровне. Те, кто находится в низших учреждениях (730 человек и младше), делятся на два класса: либо это полки в Ост- или Вест-Индии, численность которых сократилась до незначительной [например, 16-й, 37-й, 46-й, 54-й, 55-й, 65-й, 68-й, 70-й, 86-й], либо это батальоны, расквартированные на мирных станциях и не ожидающие отправки на действительную службу, [например, 41-й, 99-й, 100-й, 103-й, в Канаде и на Бермудских островах] или дома [74-й, 75-й, 77-й, 85-й, 94-й]. Все названные пятеро, находившиеся на домашней службе, были переведены в более высокое учреждение и отправлены на фронт в 1810-12 годах.

Следует отметить, что из ста трех 1-х батальонов, или полков с одним батальоном, очень многие были недоступны, а именно. двадцать один в Ост-Индии, двадцать один в Вест-Индии (включая Бермудские острова), одиннадцать в Средиземноморских гарнизонах, пять на мысе Доброй Надежды, шесть в Канаде, два в (или направляющихся в) Новый Южный Уэльс. Дома было всего

двадцать пять 1-го батальона, и из них двадцать служили под командованием Мура при отступлении из Ларуны, а затем отправились в экспедицию к Вальхерену, так что в 1809 году они были недоступны. Еще три батальона, которые не служили под командованием Мура, участвовали в том же спуске по Шельде (74-й, 77-й, 85-й). Фактически существовало только два однобатальонных корпуса, которые не направлялись ни к Корунье, ни к Вальхерену и были доступны дома (75-й и 94-й).³⁴⁷ Следовательно, что касается хорошо организованных первых батальонов, то в 1809 году в Веллингтон было абсолютно нечего посылать, за исключением трех батальонов легкой пехоты Кроуферда, которые, хотя и были с Муром в январе, вернулись на полуостров к июлю (1/43-й, 1/52-й, 1/95-й).

Таким образом, легко видеть, что найти батальоны, которыми можно было бы усилить армию полуострова Уэлсли, было крайне сложно. Из войск, которые не отправились в Вальхерен, в Великобритании остались только 75-й и 94-й, а также двадцать восемь 2-х (или младших) батальонов, которые не участвовали в экспедиции к Шельде. Почти все без исключения это были очень слабые подразделения, первые батальоны из десяти таких были в Индии, затем еще пять были уже на полуострове, все их силы были израсходованы на поддержание своих старших батальонов в полном составе, из оставшихся тринадцати только два (2/5, 2/34-й, 2/38-й) были достаточно сильны, чтобы их отправили в Португалию. Подкрепления, которые были предоставлены Веллингтону осенью 1809 года и летом 1810 года, были в основном наскребены из иностранных гарнизонов — 1/7-го из Новой Шотландии, 1/11-го с Мадейры, 1/57-го из Гибралтара. Но в 1810 году начали выдвигаться батальоны Вальхерена, такие как 3/1-й, 1/9-й, 1/50-й, 1/71-й, 1/79-й, и загружать госпитали Веллингтона выздоравливающими от лихорадки. Дополнительные сведения см. в Главе VII.

УЧРЕЖДЕНИЕ КАВАЛЕРИИ В 1809 ГОДУ.

1 - й гвардейский драгунский	905	Главная
2 - й гвардейский драгунский	905	Главная
3 - й гвардейский драгунский	905	Полевая армия полуострова
4 - й гвардейский драгунский	905	Главная
5 - й гвардейский драгунский	905	Главная
6 - й гвардейский драгунский	905	Главная
7 - й гвардейский драгунский	905	Главная
1 - й Драгунский	1083	Полевая армия полуострова
2 - й Драгунский	905	Главная
3 - й Драгунский	905	Домой [поехал в Вальхерен]
4 - й Драгунский	905	Полевая армия полуострова
6 - й Драгунский	905	Главная
7 - й гусарский	905	*Главная
8 - й Легкий драгунский	720	Ост - Индия
9 - й Легкий драгунский	905	Домой [поехал в Вальхерен]
10 - й Гусарский	905	*Главная
11 - й Легкий драгунский	905	Главная

12 - й легкий драгунский	905	Домой [поехал в Вальхерен]
13 - й Легкий драгунский	905	Главная
14 - й Легкий драгунский	905	Полевая армия полуострова
15 - й гусарский	905	*Главная
16 - й Легкий драгунский	905	Полевая армия полуострова
17 - й Легкий драгунский	940	Ост - Индия
18 - й гусарский	905	*Главная
19 - й Легкий драгунский	905	Главная
20 - й Легкий драгунский	905	1/2 Сицилии и 1/2 полуострова
21 - й Легкий драгунский	905	Мыс Доброй Надежды
22 - й Легкий драгунский	928	Ост - Индия
23 - й Легкий драгунский	905	Полевая армия полуострова
24 - й легкий драгунский	928	Ост - Индия
25 - й Легкий Драгунский	940	Ост - Индия

Примечание. Обратите внимание, что в 1809 году 5-го драгунского полка не существовало. Корпус, последний раз имевший этот номер, был расформирован в 1799 году, а его преемник был сформирован только в 1858 году.

УЧРЕЖДЕНИЕ ДОМАШНИХ ВОЙСК В 1809 ГОДУ.

1 - й Лейб - гвардии	416	Главная
2 - й Лейб - гвардейский	416	Главная
Королевская Конная гвардия	654	Главная
1-я защита ног (3 удара)	4619	1-я битва.* Домой [отправился в Вальхерен]; 2-я битва. Домой; 3-я битва.* Домой [ушел в Вальхерен]
2-й (Колдстрим) пеший защитник (2 удара)	2887	1-я армия. Полевая армия полуострова; 2-я армия. Главная
3-я защита ног (2 удара)	2887	1-я армия. Полевая армия полуострова; 2-я армия. Главная

Примечание.—Вторая битва. "Колдстрим" и 3-я пехотная рота отправили свои фланговые роты к Вальхерену. Войска, отправленные в Кадис в начале 1810 года, были отрядами, а именно. 4 роты из 2/1-й гвардейской, 3 из 2/2-й, 3 из 2/3-й.

РАЗНЫЕ КОРПУСА.

В дополнение к регулярным подразделениям, указанным в этих списках, по оценкам на 1809 год, насчитывается двенадцать батальонов ветеранов, численность которых варьировалась от 693 до 1129 человек, и восемь гарнизонных батальонов, в основном численностью 906 человек. Большинство из них находились дома, но несколько - в средиземноморских гарнизонах.

Были также иностранные корпуса Мерона, де Ролла, Ватвилля, Диллона, *Британские егеря*, Королевский Мальтийский, Королевский корсиканский и Сицилийский полки, все в Средиземноморье, с Йоркской легкой пехотой, Йоркскими рейнджерами и Королевскими Вест-Индскими рейнджерами в Вест-Индии. Все это были отдельные батальонные корпуса численностью от 1361 человека (de Roll) до 694 человек (York L. I.). Черные полки, восемь вест-индских батальонов по 1125 человек в каждом, могли использоваться только в своих регионах.

В составе Королевского германского легиона дома находились два тяжелых драгунских полка численностью по 694 человека в каждом, а также 2-й и 3-й гусарские полки с такими же номерами. 3-й гусарский полк только что вернулся из Ларуны, 2-й отправился в Вальхерен. Из десяти пехотных батальонов четыре (1-я, 2-я, 5-я, 7-я линии) находились в составе полевой армии полуострова, как и 1-й гусарский полк; четыре (3-я, 4-я, 6-я, 8-я линии) находились на Сицилии; 1-й и 2-й легкие батальоны (только что вернувшиеся из Коруньи) были дома и отправились в Вальхерен. В четырех батальонах было 1062 человека, в шести - 902 человека всех рангов.

ПРИЛОЖЕНИЕ II ОРГАНИЗАЦИЯ ДИВИЗИЙ И БРИГАД И ИЗМЕНЕНИЯ. 1809-1814гг.

Автор К. Т. Аткинсон, магистр медицины, научный сотрудник и преподаватель Эксетерского колледжа в Оксфорде.

Изменения в 1809 году

1809.

22 апреля, когда прибыл Уэлсли, войска были распределены следующим образом:—

Кавалерия. Г.О.К., Хлопок. 14-й легкий драгунский полк, 16-й легкий драгунский полк, 2 эскадрона 20-го легкого драгунского полка, отряд 3-го гусарского полка КГБ: бригада Фейна (не в Дору), 3-й гвардейский драгунский полк, 4-й драгунский полк.

Гвардейская бригада (Х. кэмпбелл). 1-й Колдстрим, 1-й 3-й гвардейский (*т.е.* шотландцы), 1 ко. 5/60-й.

1-я бригада (холм). 1/3-я, 2/48-я, 2/66-я, 1 ко. 5/60-я.

2-я бригада (Маккензи). 2/24-я (приданная), 3/27-я, 2/31-я, 1/45-я.

3-я бригада (Тилсон). Штаб и 5 ко. 5/60-я, 2/87-я, 1/88-я.

4-я бригада (Зонтаг). 97-й, 2-й отряды, 1 ко. 5/60-й.

5-я бригада (А. Кэмпбелл). 2/7-я, 2/53-я, 1 ко. 5/60-я.

6-я бригада (Р. Стюарт). 29-й, 1-й отряды.

7-я бригада (Камерон). 2,9-я, 2,83-я, 1 ко. 5/60-я.

К.Г.Л. (Мюррей, Лангверт и Дриберг). 1-я, 2-я, 5-я и 7-я линии КГБ, отряд Легких батальонов КГБ

В состав 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й бригад входило по португальскому батальону в каждой.

[Примечание. “Батальоны отрядов” состояли из выздоравливающих и отставших, оставшихся от полков, которые прошлой осенью выступили из Португалии под командованием сэра Джона Мура.]

Организация в подразделениях начинается 18 июня. Первоначально она была следующей:—

Кавалерия. Генерал армии, Пейн. А [Фейн], 3-й гвардейский драгунский полк, 4-й драгунский полк; В [Коттон], 14-й и 16-й легкие драгунские полки; Без сопровождения, 2 эскадрона 20-го легкого драгунского полка, 23-й легкий драгунский полк, 1-й гусарский полк К.Г.Л., отряд 3-го гусарского полка К.Г.Л.

1-я дивизия. Г.О.К., Шербрук. А [Х. Кэмпбелл], 1-й Колдстрим, 1-й шотландский; В [Камерон], 2/9, 2/83-й; С [Лангверт], 1-я и 2-я линии КГБ, отряд Легких батальонов КГБ; D [Лев], 5-я и 7-я линии КГБ

2-я дивизия. Г.О.К., Хилл. А [Хилл], 1/3-я, 2/48-я, 3/66-я; В [Р. Стюарт], 29-й, 1-й отряды.

3-й дивизион. Г.О.К., Маккензи. А [Маккензи] 3/27-я, 2/31-я, 1/45-я; В [Тилсон], 5 рот, 5/60-я, 2/87-я, 1/88-я.

4-й дивизион. Г.О.К., А. Кэмпбелл. А [А. Кэмпбелл], 2/7-й, 2/53-й; Б [Зонтаг], 97-й, 2-й отряды.

Отдельные роты 5/60-й в Талавере находились в составе I A, I B, II A, IV A, IV B.

Последующие изменения были следующими:—

Кавалерия. 20-й легкий драгунский полк и отряд 3-го гусарского полка КГБ покинули полуостров до конца июля.

К 21 июня была добавлена новая бригада "С" под командованием Г. Энсон, состоящий из 23-го легкого драгунского полка и 1-го гусарского полка К.Г.Л.

1 ноября Грэнби Калкрофт командовал "А" в отсутствие Фейна.

К 24 ноября 1-й драгунский полк (прибывший в Лиссабон в октябре) заменил 16-й легкий драгунский полк в В, теперь под командованием Слейда, поскольку Коттон помогал Пейну командовать дивизией; 16-й легкий драгунский полк был переведен в Свице 23-й легкий драгунский полк, которому было приказано вернуться домой после потерь при Талавере.

1-й дивизион. 1/40-й, из Севильи, заменил 2/9-й до 21 июня, 2/9-й отправился в Гибралтар и сменил 1/61-й, который присоединился перед Талаверой, после чего 1/40-й был переведен в IV B.

После Талаверы 2/24-й и 2/42-й были добавлены в Ib, а 2/83-й был отправлен в Лиссабон.

В Талавере Х. Кэмпбелл был ранен, Стопфорд заменил его на посту командующего дивизией и бригадой, но с 8 ноября по 15 декабря бригадой командовал Халс. Лангверт был убит при Талавере, Бек из 1-й линии КГБ унаследовал свою бригаду, но с 1 ноября две бригады КГБ были объединены под командованием Лева.

2-я дивизия. К 21 июня Тилсон (из III В) принял командование собственной бригадой Хилла. До Талаверы 1/48-я (прибыла в Лиссабон 22 июня, после смены в Гибралтаре во 2/30-м) была добавлена во II В.

В сентябре была добавлена новая бригада С под командованием Кэтлин Кроуферд в составе 2/28-й, 2/34-й, 2/39-й, и примерно в то же время 2/31-я (из III А) была добавлена во II А. К 1 ноября 1/57-й (из Гибралтара) заменил 1-й отряд во II В, батальоны которого были расформированы.

С 15 декабря II А находилась под командованием Дакворта из 2/48-го.

3-й дивизион. Тилсона, перешедшего во II А, заменил Донкин (21 июня).

Перед Талаверой 2/24-й заменил 3/27-й (отправлен в Лиссабон) в III А.

Маккензи был убит при Талавере, и дивизия перешла под командование Р. Кроуферда, чьи бригады, 1/43-я, 1/52-я и 1/95-я, прибыли к месту сражения слишком поздно и, по-видимому, были добавлены к дивизии вместо бригады Маккензи, которая была объединена с бригадой Донкина. 15 сентября 2/87-й был отправлен в Лиссабон для несения гарнизонной службы, 2/24-й был переведен во II В, а 2/31-й - во II А примерно в то же время.

В октябре Донкин отказался от своей бригады, командование принял Маккиннон.

4-я дивизия. Майерс из 2/7-й, кажется, командовал IV А у А. Кэмпбелла.

К Талавере 1/40-я дивизия была присоединена к IV В, которой Кеммис принял командование вместо Зонтаг.

В Талавере А. Кэмпбелл был ранен и вынужден был вернуться домой, поскольку дивизия оставалась без определенного командного состава до прибытия Лоури Коула в октябре.

С 1 по 11 сентября (прибыл в Лиссабон с Мадейры в августе) был добавлен к IV А. Об отправке домой батальонов заградотрядов (октябрь), 3/27-го, в гарнизоне Лиссабона после битвы при Дору, заменил 2-й батальон в IV В.

Изменения в 1810 году

1810.

На 1 января состав Армии был следующим:—

Кавалерия. Генерал-майор Пейн; Коттон, заместитель командира.

А [Фейн], 3-й гвардейский драгунский полк, 4-й драгунский полк; В [Слейд], 1-й драгунский полк, 14-й легкий драгунский полк; С [G. Энсон], 16-й легкий драгунский полк, 1-й гусарский полк К.Г.Л.

1-й дивизион. Г.О.К., Шербрук. А [Стопфорд], 1-й Колдстримз, 1-й шотландский; Б [А. Кэмерон], 2/24-я, 2/42-я, 1/61-я; С [Löw], 1-я, 2-я, 5-я и 7-я линии КГБ, легкие батальоны отряда, КГБ

2-я дивизия. Г.О.К., Хилл. А [Дакворт, временно], 1/3-я, 2/31-я, 2/48-я, 2/66-я; В [Р. Стюарт], 29-й, 1/48-й, 1/57-й; С [С. Кроуферд], 2/28-й, 2/34-й, 2/39-й.

3-й дивизион. Г.О.К., Р. Кроуферд. А [Р. Кроуферд], 1/43-й, 1/52-й, 1/95-й; Б [Маккиннон], 1/45-й, 5/60-й, 1/88-й.

4-й дивизион. Г.О.К., Коул. А [Майерс, исполняющий обязанности Коула] - 2/7-й, 1/11-й, 2/53-й; Б [Кеммис] - 3/27-й, 1/40-й, 97-й; В [Лайтберн] - 2/5-й, 2/58-й.[348](#)

Последующими изменениями были:—

Кавалерия. Пейн отправился домой до 1 июня, Коттон получил единоличное командование с 3 июня.

1 апреля 13-й легкий драгунский полк прибыл в Лиссабон, присоединившись к армии в мае и приданный дивизии Хилла вместе с четырьмя полками португальской кавалерии, полностью под командованием Фейна, который с 13 мая передал свою бригаду де Грею. Два бойца полка отправились в Кадис, но вернулись в полк в сентябре.

До конца года Фейн, похоже, заболел и уехал домой.

1-й дивизион. 26 апреля Коттон был назначен командиром дивизии, *вице* Шербрук заболел и уехал домой, но 3 июня уступил место Спенсеру при получении кавалерийской дивизии.

В “Штатах” с 8 марта по 1 августа бригадный генерал не указан для I В. 4 Августа лорд Блантайр (из 2/42-й) был назначен командующим Ib “на время отсутствия бригадного генерала Камерона”. Кэмерон вернулся к командованию с 1 октября, но 26 ноября его отправили домой по инвалидности, и Блантайр, вероятно, снова стал командующим.

Приказом от 12 сентября 1/79-й (только что прибыл из Кадиса) был направлен в I В *вице* 1/61-й для перевода в новую бригаду в составе 1-й дивизии. Выполнение этих приказов было приостановлено с 14 сентября, и в Буссако 1/7-я (прибыла из Галифакса до конца июля) и 1/79-я сформировали бригаду (I D) под командованием Пакенхэма.

6 октября были отданы приказы о передаче бригады Пакенхэма 4-й дивизии, обмен между 1/61-й и 1/79-й был произведен ранее, и под командованием Эрскина была добавлена новая бригада в составе 1/50-й (прибыла 24 сентября), 1/71-й (прибыла 26 сентября), 1/92-й (прибыла в октябре, перед 6-м) и 1 роты 3/95-й.

2-й отдел. 20 июня Лейт был назначен командовать “бригадой Тилсона” и командовать дивизией “под Хиллом”, но в “Штате” от 8 июля его имя фигурирует как командующий бригадой, состоящей из 3/1, 1/9 и 2/38-й. 8 августа был отдан приказ У. Стюарту принять командование бригадой Тилсона и дивизией под командованием Хилла. В ноябре Хилл ушел в отпуск по болезни.

Имя Лейта перестает появляться в отчетах как командующего II А с 8 июля, а имя У. Стюарта появляется на его месте с 27 июля. Когда Стюарт командовал дивизией, бригадой командовал Колборн из 2/66-й. К. Кроуферд погиб в сентябре, а при Буссако Уилсон из 2/39-й командовал II К. 30 сентября Ламли был назначен командовать им.

Перед 1 сентября Р. Стюарт заболел и отправился домой, а в Буссако Инглис (1/57-й) командовал II Б. 8 октября Хогтон был отправлен на это сообщение.

3-й дивизион. С 8 января 5/60-й больше не фигурирует в Отчетах как принадлежащий дивизии, а их место в бригаде занял 74-й, который прибыл в Лиссабон 8 февраля и упоминается в Приказах от 22 февраля как в III В.

22 февраля дивизия была реорганизована, бригада Р. Кроуферда вместе с двумя батальонами касадорес стала Легкой дивизией. Бригада Маккиннона теперь стала III А, а бригада Лайтберна была переведена из 4-й дивизии и стала III В. Штаб и три роты 5/60-й были приданы бригаде Лайтберна, остальные роты были приданы I А, I В, II А, II В, II С, IV А, IV В. В то же время к дивизии была присоединена португальская бригада в составе 9-го и 21-го полков (под командованием Харви).

В Буссако Шамплемонд командовал португальской бригадой, к 29 октября она была у Саттона, Шамплемонд был ранен в Буссако.

12 сентября 2/83-й был направлен в III В, а 2/88-й прибыл из Кадиса, чтобы сменить их 4 сентября. Спеша на фронт, они присоединились к своей бригаде перед Буссако. Когда они все-таки присоединились, 2/58-й был откомандирован из III В для несения гарнизонной службы в Лиссабоне. 94-й (прибыл из Кадиса 20 сентября), 6 октября был включен в состав III В, а 10 октября Колвилл был назначен командовать бригадой *vice* Лайтберна, который отправился домой.

4-й отдел. При передаче бригады Лайтберна в 3-ю дивизию две другие бригады поменялись местами, Кеммис стал IV А, а бригада Коула - бригадой, но под непосредственным командованием Кеммиса. А. Кэмпбелл, который вернулся, принял командование своей старой бригадой.

3-й и 15-й португальские полки были добавлены в дивизию в феврале в качестве бригады под командованием Коллинза.

В Буссако португальская бригада состояла из 11-й и 23-й, 3-я и 15-я были переведены в состав 5-й дивизии.

6 октября бригада А. Кэмпбелла была выведена из состава дивизии и стала ядром вновь сформированной 6-й дивизии, ее место заняла бригада Пакенхэма из 1-й дивизии, *т.е.* 1/7-я, 1/61-я, к которым были добавлены части легкой пехоты Брауншвейгского полка (прибыли в Лиссабон 17 сентября).

12 ноября брауншвейгские пехотинцы были переведены в Легкую дивизию, но одна рота была направлена в IV В, еще две были выделены для обеспечения вновь сформированной 5-й дивизии дополнительными легкими войсками. Их место в IV В занял недавно прибывший 1/23-й из Галифакса, Новая Шотландия.

17 ноября 2-7-му и 1/61-му полкам было приказано поменяться местами, и IV В, таким образом, стала Стрелковой бригадой.

Легкая дивизия. Сформирован 22 февраля путем выведения бригады Р. Кроуферда из состава 3-й дивизии, к которой были добавлены 1-й и 3-й португальские касадоры. 4 Августа она была разделена на две бригады следующим образом: А [Беквит из 1/95-й] 1/43-я, 4 роты 1/95-й, 1-я касадорская; В [Барклай из 1/52-й] 1/52-я, 4 роты 1/95-й, 3-я касадорская. Барклай был ранен при Буссако, Винч из 1/4-й получил бригаду (согласно Приказу от 14 ноября).

Рота из 2/95-й роты (из Кадиса) была присоединена к А до 1 октября. 12 ноября девять рот Brunswick Oels присоединились к В.

5-й отдел. Официально эта дивизия впервые появляется в “Штате” 8 августа, когда 3/1-я, 1/9-я и 2,38-я [349-я](#) дивизии впервые названы “Пятой дивизией”, добавляется португальская бригада Спри (*т.е.* 3-я и 15-я линии), а Лейт становится командующим.

4 августа Дж. С. Барнс из 3/1-й был назначен командовать британской бригадой, его сменил Хэй 30 сентября.

6 октября был отдан приказ о том, что Лейт должен командовать 5-й дивизией и что она должна состоять из бригады бригадного генерала Хэя, бригады, состоящей из 1/4-й (из Англии, они впервые появляются в “Штате” от 15 ноября), 2/30-й (из Кадиса) и 2/44-й (из Кадиса), а также португальской дивизии Спри.

5 ноября Данлоп был направлен в Vb, до сих пор подчиняясь старшему командиру батальона.

12 ноября в каждую из британских бригад было придано по роте брауншвейгского полка.

6-я дивизия. Приказано сформировать 6 октября, выведя бригаду А. Кэмпбелла из состава 4-й дивизии и добавив к ней португальский дивизион Эбена (*т.е.* 8-я линия и Лузитанский легион): А. Кэмпбелл назначен командующим

14 ноября Халс был направлен в бригаду А. Кэмпбелла.

17 ноября 1/61-ю из IV В обменяли на 2/7-ю.

В дополнение к португальским бригадам, приданным 3-й, 4-й, 5-й и 6-й дивизиям, было по меньшей мере еще пять, две из которых, 4-я под командованием Арчибальда Кэмпбелла (= 4-я и 10-я линии), и 2-я под командованием Фонсеки (= 2-я и 14-я линии) сформировали дивизию под командованием Гамильтона, которая действовала на всем протяжении под командованием Хилла. Веллингтон говорит, что он намеревался организовать эту дивизию, как и остальные, но тяжелые потери при Альбуэре и вытекающая из этого необходимость реформирования 2-й дивизии не позволили ему осуществить свое решение. [Ср. Депеши Веллингтона, viii. 111.]

Остальные бригады были 1-й (Pack's), состоящей из 1-й и 16-й линий и 4-го Касадорес, 5-й (A. Campbell's), 6-й и 18-й линий и 6-го Касадорес; 6-й (Coleman's), 7-й и 19-й линий и 2-го Касадорес. При формировании 7-й дивизии в марте 1811 года бригада Коулмана была придана ей, две другие остались не приданными.

12-я и 13-я линии и 5-я Касадорская, похоже, сформировали еще одну бригаду под командованием Брэдфорда, но в октябре 13-я линия находилась в гарнизоне в Абрантеше.

Бригада Спрая заняла 3-е место, Эбена - 7-е, Саттона - 8-е, а Коллинза - 9-е.

Состояние на 1 января 1811 г.

1811.

На 1 января Армия была организована следующим образом:—

Кавалерия. Г.О.К., Хлопок. А [де Грей], 3-й гвардейский драгунский полк, 4-й драгунский полк; В [Слейд], 1-й драгунский полк, 14-й легкий драгунский полк; С [Г. Энсон], 16-й легкий драгунский полк, 1-й гусарский полк, К.Г.Л.; без бригад, 13-й легкий драгунский полк.

1-й дивизион. Г.О.К., Спенсер. А [Стопфорд], 1-й Колдстрим, 1-я шотландская, 1-я 5/60-я рота; В [Блантайр, действующий], 2/24-я, 2/42-я, 1/79-я, 1 рота 5/60-я; С [Löw], 1-я, 2-я, 5-я и 7-я линии, К.Г.Л., отряд Легких батальонов, К.Г.Л.; D [Эрскин], 1/50-я, 1/71-я, 1/92-я, 1 рота 3/95-я.

2-й отдел. Г.О.К., У. Стюарт. А [Колборн], 1/3-я, 2/31-я, 2/48-я, 2/66-я, 1 рота 5/60-я; В [Хогтон], 29-я, 1/48-я, 1/57-я, 1 рота 5/60-я; С [Ламли], 2/28-я, 2/34-я, 2/39-я, 1 рота 5/60-я.

3-й дивизион. Г.О.К., Пиктон. А [Маккиннон], 1/45-я, 1/74-я, 1/88-я; Б [Колвилл], 2-5-я, 3-я роты, 5/60-я, 2/83-я, 94-я; также португальцы Саттона.

4-й дивизион. Г.О.К., Коул. А [Кеммис], 3/27-я, 1/40-я, 97-я, 1 рота 5/60-я; В [Пакенхэм], 1/7-я, 2/7-я, 1/23-я, 1 рота Брансуик Элс; также португальский Коллинза.

5-я дивизия. Г.О.К., Лейт. А [Хэй], 3/1-я, 1/9-я, 2/38-я, 1-я рота Brunswick Oels; В [Данлоп], 1/4-я, 2/30-я, 2/44-я, 1-я рота Brunswick Oels; также португалец Спри.

6-я дивизия. Г.О.К., А. Кэмпбелл. А [Халс], 1/11-я, 2/53-я, 1/61-я, 1-я рота, 5/60-я; также португальский Эбена.

Легкая дивизия. Г.О.К., Р. Кроуферд. А [Беквит], 1/43-я, 4 роты 1/95-й, 1 рота 2/95-й, 1-й Касадорес; В [Винч], 1/52-я, 4 роты 1/95-й, Брансуик-Элс, 3-й Касадорес.

Португальский. Дивизия Гамильтона, бригады под командованием Фонсеки (2-я) и Арчибальда Кэмпбелла (4-я). Отдельные бригады под командованием Пака (1-я), Эшворта, покойного А. Кэмпбелла (5-я), Коулмана (6-я) и Брэдфорда (10-я).

Последующими изменениями были:—

Кавалерия. Коттон уехал домой 15 января, вернувшись 22 апреля; в его отсутствие Слейд командовал дивизией до 7 марта, когда Эрскин, по-видимому, был назначен командующим как кавалерией, так и Легкой дивизией. Пока дивизией командовал Слейд, его бригадой, по-видимому, командовал Хоукер из 14-го легкого драгунского полка, а с 1 марта по 15 мая, когда Г. Энсон отсутствовал, Арентшильдт из 1-го гусарского полка К.Г.Л., командовал К.

19 марта Лонг был назначен командовать кавалерией войск, обычно подчинявшихся Хиллу, но во время отсутствия Хилла командовал Бересфорд. В Альбуэре Ламли (II В. Н.э.) командовал кавалерией Бересфорда, поведение Лонга не принесло маршалу удовлетворения. 11 мая Эрскин был назначен командовать “кавалерией к югу от Тежу”.

13 Июня под командованием Лонга была сформирована новая бригада D, состоящая из 13-го легкого драгунского полка и 2-го гусарского полка К.Г.Л., два эскадрона из которых высадились 8 апреля. 18 Июня 11-й легкий драгунский полк (прибыл 1 июня) заменил 13-й, переведенный в бригаду Слейда.

19 Июня был отдан приказ о реорганизации кавалерии в две дивизии следующим образом:—

1-я кавалерийская дивизия. Г.О.К., Коттон. В [Слейд], 1-й драгунский, 13-й и 14-й легкие драгунские; С [Г. Энсон], 16-й легкий драгунский полк, 1-й гусарский полк К.Г.Л.; также португальский у Мэддена.

2-я кавалерийская дивизия, Г.О.К., Эрскин. А [де Грей], 3-й гвардейский драгунский полк, 4-й драгунский полк; D [Лонг], 11-й легкий драгунский полк, 2-й гусарский полк, К.Г.Л.

19 июля произошла еще одна реорганизация, окончательный результат которой был следующим:—

1-я кавалерийская дивизия, Г.О.К., Хлопок. В [Слейд], 1-й драгунский, 12-й легкий драгунский (прибыл 1 июля), вице-13-й (в С) и 14-й (в D); С [Г. Энсон], 13-й и 16-й легкие драгунские; Е [V. Альтен, новая бригада], 11-й легкий драгунский полк (из D) и 1-й гусарский полк K.G.L. (из С); португальский полк Мэддена.

2-я кавалерийская дивизия. А [де Грей], 3-й гвардейский драгунский полк, 4-й драгунский полк; D [Лонг], 14-й легкий драгунский полк, 2-й гусарский полк, К.Г.Л.

1 августа 9-й легкий драгунский полк (вновь прибывший) был направлен в бригаду Лонга вместе с 13-м легким драгунским полком, который сменился из С на 14-й.

30 августа была добавлена новая бригада F, в состав которой вошли 4-й гвардейский драгунский полк, прибывший 15 августа, и 3-й драгунский полк, прибывший до 20 августа, ее командиром был Ле Маршан. К 1 октября к этой бригаде был присоединен 5-й гвардейский драгунский полк.

5 октября бригада де Грея была передана в состав 1-й кавалерийской дивизии, к которой приказом от 8 ноября была присоединена бригада Ле Маршана, а португальская бригада была исключена из состава этой дивизии.

С 8 декабря Штаты не дают никаких командиров для 2-й кавалерийской дивизии.

1-й дивизион. 23 января Найтингейл был переведен в Ib: 6 февраля Говард получил Id, когда Эрскина перевели командовать 5-й дивизией. 8 июня имя Х. Кэмпбелла указано в графе “Штат” как командующего I A, Стопфорда переводят в IV B (в Приказах от 18 июня этого года). Найтингейл отбыл в Бенгалию до 25 июня, и до 28 июля у его бригады не было постоянного командира, когда его получил Стопфорд.

Из-за тяжелых потерь 2-й дивизии при Альбуэре и ее последующего восстановления бригада Говарда была передана ей 6 июня, и в то же время подразделение Легких батальонов КГБ, находившееся до сих пор в I B., присоединилось к тем батальонам, которые были размещены в VII B.

26 Июня был отдан приказ 7-му линейному полку вернуться домой, его рядовой состав был призван в три других батальона. 21 Июля 1/26-й был добавлен в I B, недавно прибыв из Англии.

9 августа Грэм был назначен командовать дивизией, Спенсер уехал домой в июле, 25 июля он получил отпуск. С 1 декабря I B появляется в “Штатах” как не имеющий генерального директора

2-я дивизия. Тяжелые потери под Альбуэрой привели к реорганизации дивизии, подробно описанной в приказах от 6 июня. Бригада Говарда из 1-й дивизии была переведена во 2-ю дивизию, став II A. Остальные бригады Колборна и Хогтона (которые были убиты) были сформированы во Временный батальон, за вычетом 1/48-й и 2/48-й; 1/48-я, в которую были призваны рядовые 2/48-й (кадры 2/48-й расходились по домам), была переведена в IV B.

Этот временный батальон был размещен в бригаде Ламли, которой Аберкромби (из 2/28-й) временно командовал в Альбуэре, в то время как Ламли командовал кавалерией. В то же время португальская бригада Эшворта определенно была присоединена к нему: это была 5-я бригада, которая находилась под командованием А. Кэмпбелла в октябре 1810 года, но

перешла под командование Эшворта к 11 марта; в нее входили 6-я и 18-я линии и 6-й Касадорес. Ср. Также Депеши Веллингтона, viii, 566, и S. D. vii. 135.

До конца мая Хилл вернулся и принял командование дивизией, а также всеми силами под командованием Бересфорда в Альбуэре.

22 Июля 1/28-й (только что прибыл из Гибралтара) был направлен в бригаду Ламли.

7 августа были отданы приказы 1/3-му и 1/57-му о возобновлении их отдельных формирований, поскольку из их вторых батальонов в Англии прибыло большое количество солдат. Дивизия была снова сформирована в составе трех бригад: Говард - II А, 1/3-я, 1/57-я и Временный батальон [т.е. 29-я (3 роты), 2/31-я (4 роты) и 2/66-я (3 роты)], образовавшие II В, по-видимому, под командованием Инглиса из 1/57-й, в то время как 1/28-я, 2/28-я, 2/34-я и 2/39-я под командованием Ламли сформировали II С.

21 Августа 2/28-й был призван в 1/28-ю и отправлен домой, а 3/95-я рота, до сих пор входившая в бригаду Говарда, была переведена в бригаду Беквита легкой дивизии, которая была заменена во II А 5/60-й ротой, всего в дивизии их было три.

21 сентября Бинг был назначен командующим II В, а 9 октября Уилсон был назначен командующим II С, поскольку Ламли в начале августа уехал домой по болезни.

3 октября был отдан приказ 29-му отправляться домой для набора; 20 октября 1/39-й, только что прибывший с Сицилии, был добавлен ко II С, 2/39-й был призван в нее и отправлен домой приказом от 17 декабря.

3-й дивизион. Приказы от 5 марта предписывают перевести штабные роты 5/60-й в III А, 2/88-й - на гарнизонную службу в Лиссабоне с 4 сентября 1810 года, будучи присоединенными к III В. 10 июля 2/88-му было приказано быть призванным в 1/88-й, и личный состав был отправлен домой.

22 июля 77 - й был добавлен в III В.

С 1 июля по 31 октября Маккиннон отсутствовал в своей бригаде из-за болезни, вместо него командовал Уоллес из 1/88-й.

22 декабря Колвилл был переведен под командование 4-й дивизии, в отсутствие Коула в отпуске Дж. Кэмпбелл из 94-го получил III степень бакалавра

19 марта у Шамплемонда была португальская бригада, но благодаря Фуэнтесу она досталась Пауэру.

4-й отдел. К 1 февраля штаб и 9 рот Brunswick Oels были присоединены к IV А, будучи выведены из состава Легкой дивизии, но при формировании 7-й дивизии (5 марта) они были переведены в нее.

23 января Хьюстон был назначен в IV В *вице* Пакенхема, но 5 марта снова покинул бригаду, получив назначение командовать 7-й дивизией: Майерс, по-видимому, командовал IV В до Албуэры, где он был убит. 18 июня Стопфорд был назначен командующим IV В, но 28 июля был переведен в I В, а Пакенхэм снова получил IV В. С 15 ноября "Штаты" не назначают ни одного бригадира для IV В, но он продолжал называться "Pakenham's".

После того, как 2/7-я Альбуэра была переведена в 1/7-ю, остатки были отправлены домой 26 июня; 1/48-я из 2-й дивизии была добавлена к IV В 6 июня. 3 октября 97-му полку,

состоящему из одного батальона, было приказано возвращаться домой из-за его серьезных потерь.

22 декабря Колвилл был назначен командовать дивизией, поскольку Коул заболел и отправился домой.

В Албуэре Харви командовал португальской бригадой дивизии, к которой 14 марта был добавлен 1-й батальон Лояльного Лузитанского легиона: к сентябрю это подразделение было переименовано в 7-е Касадорес, затем бригада снова находилась под командованием Коллинза, который в Албуэре возглавил временную бригаду из гарнизона Эльвас [5-я линия, 5-е Касадорес].

5-й отдел. С 1 по 6 февраля дивизия была без командира, Лейт отсутствовал: 6 февраля Эрскин был назначен командовать ею, но был переведен под командование передовой гвардии (Легкая дивизия и кавалерия) с 7 марта по 22 апреля. В течение этого периода Данлоп, по-видимому, командовал дивизией, Эджертон из 2/44-й командовал V В.

11 мая Эрскин был назначен во 2-ю кавалерийскую дивизию, и Данлоп снова временно командовал дивизией до 2 октября, когда Г. Т. Уокер был назначен командовать его бригадой. К 1 декабря Лейт снова командовал дивизией.

14 марта 2-й батальон Лояльного Лузитанского легиона был присоединен к португальской бригаде Спри. К сентябрю он был переименован в 8-й Касадорес.

6-я дивизия. Приказы от 5 марта предписывали добавить к дивизии новую бригаду под командованием Берна (1/36-й) в составе 2-й и 1/36-й.

По-видимому, предполагалось включить брауншвейгских пехотинцев в состав 6-й дивизии, но при формировании 7-й дивизии (5 марта) они были включены в бригаду К. Альтена.

21 июля 1/32-го прибыл в Лиссабон до 8 июля, был направлен в VI В.

А. Кэмпбелл уехал в Индию в ноябре, и до конца года дивизия оставалась без определенного командира, которым временно командовал Берн.

14 марта Лояльный Лузитанский легион был выведен из состава португальской бригады дивизии и распределен как батальоны Касадор в 4-ю и 5-ю дивизии, будучи заменен 12-й линией, ранее входившей в бригаду Брэдфорда. В Фуэнтесе Мэдден командовал бригадой.

Легкая дивизия. Винч умер 6 января, и 2-я бригада оставалась без командира до 7 февраля, когда в нее был назначен Драммонд (из 1/52-й). Кроуферд уехал домой в отпуск до 8 февраля, и у дивизии не было командира, но с 7 марта она находилась под командованием Эрскина вместе с кавалерией, которая также находилась в авангарде.

5 Марта 2/52-й, только что прибывший в Лиссабон, был присоединен к бригаде Драммонда.

Р. Кроуферд вернулся 22 апреля и принял командование дивизией от Эрскина.

К 1 августа Беквит по инвалидности вернулся домой, Эндрю Барнард из 95-й бригады командовал вместо него.

21 августа штаб и четыре роты 3/95-го полка, которые отправились в Кадис в 1810 году, прибыли в Лиссабон и были присоединены к 1-й бригаде, причем 3/95-я рота, ранее входившая в состав II А, также была присоединена к той же бригаде.

Драммонд умер до 8 сентября, и Ванделер был назначен в освободившуюся бригаду 30 сентября. К 1 октября к 1-й бригаде была присоединена еще одна рота - 2,95-я.

7-я дивизия. 5 марта были отданы приказы о формировании этой дивизии, которая должна была состоять из двух британских бригад под командованием К. Альтена и Лонга и португальской бригады Коулмана, *то есть* 7-й и 19-й линейных и 2-й касадорской. Состав британских бригад не приводится, но общие приказы гласят, что брауншвейгский полк должен быть в бригаде Альтена, а британские егеря (прибыли в Лиссабон из Кадиса 28 января) - в бригаде Лонга. Другими полками дивизии были 51-й (прибыл в феврале), 85-й (прибыл 4 марта), которые входили в бригаду Лонга, и 1-й и 2-й легкие батальоны KGL в Альтене. Эти последние высадились только 21 марта и не присоединялись к дивизии до тех пор, пока она не прибыла вместе с Веллингтоном из Алмейды в Гвадианскую долину для второй осады Бадахоса. До этого они были приданы силам под командованием Бересфорда: Швертфегер (*Справочник по КГБ*, i. 317) говорит, что батальоны входили в состав 2-й дивизии, но это не кажется точным. Поскольку у них не было потерь при осаде Бадахоса, в ходе которой серьезно пострадала 7-я дивизия, можно предположить, что они, наконец, присоединились к дивизии после снятия осады.

Таким образом, британская бригада (сначала была только одна) состояла из 51-й, 85-й британских егерей, брауншвейгского полка. 31 марта Зонтаг был назначен на должность *заместителя* Лонга, 19 марта переведен командовать кавалерией Бересфорда.

19 июля 68-й (только что прибыл) был направлен в VII В.

Хьюстон по инвалидности был отправлен домой до 1 августа, Зонтаг командовал дивизией. К октябрю он тоже был признан инвалидом (его адъютант получил приказ вернуться в свой полк 29 октября). Альтен временно командовал бригадой, К. Хэлкетт командовал своей бригадой. VII В была без командира с 15 октября, пока 23 декабря его не получил де Берневиц.

3 октября 85-му (однобатальонному полку) было приказано отправиться домой для набора.

14 марта Ле Кор был направлен в бригаду Коулмана; в Фуэнтесе он был у Дойла.

Португальский. Похоже, что ни в дивизии Гамильтона, ни в бригаде Пака никаких изменений не произошло, но другая отдельная бригада находилась под командованием Макмахона в сентябре и включала 13-ю и 22-ю линейные части и 5-ю Касадорес, 12-я линия была передана 6-й дивизии.

Организация на 1 января 1812 года

1812.

На 1 января организация армии была следующей:—

Кавалерия. 1-я дивизия. Г.О.К., Хлопок. В [Слейд], 1-й драгунский полк, 12-й легкий драгунский полк; С [нет Г.О.К., Г. Энсон отсутствует], 14-й и 16-й легкие драгунские полки; Е [Формирование 11-го легкого драгунского полка в отсутствие В. Альтена], 11-й легкий драгунский полк, 1-й гусарский полк, К.Г.Л.; А [нет Г.О.К., де Грей отсутствует], 3-й гвардейский драгунский полк, 4-й драгунский полк; F [Ле Маршан], 4-й и 5-й гвардейский драгунский полк, 3-й драгунский полк.

Кавалерия. 2-я дивизия. Без кавалерии; D [Длинный], 9-й и 13-й легкие драгуны, 2-й гусарский полк, KGL

1-й дивизион. Г.О.К., Грэм. А [Х. Кэмпбелл], 1-я Колдстримская, 1-я шотландская, 1-я 5/60-я рота; Б [Блантайр за Стопфорд], 2/24-я, 1/26-я, 2/42-я, 1/79-я, 1-я рота, 5/60-я; С [Löw], 1-я, 2-я и 5-я линии, K.G.L.

2-я дивизия. Г.О.К., Хилл. А [Ховард], 1/50-я, 1/71-я, 1/92-я, 1 рота 5/60-я; В [Бинг], 1/3, 1/57-й, 1-й временный батальон (т.е. 2/31-й и 2/66-й), 1 рота 5/60-я; С [Уилсон], 1/28-я, 2/34-я, 1/39-я, 1 рота 5/60-я; также португальский Эшворта.

3-й дивизион. Г.О.К., Пиктон. А [Маккиннон], 1/45-й, штаб-квартира 5/60-й, 74-й, 1/88-й; Б [Дж. Кэмпбелл из Колвилла], 2/5-й, 77-й, 2/83-й, 94-й; также португалец из "Палмейрима".

4-й дивизион. Г.О.К., Колвилл (за Коула). А [Кеммис], 3/27-я, 1/40-я, 1-я рота, 5/60-я; Б [Пакенхэм], 1/7-я, 1/23-я, 1/48-я, 1-я рота Brunswick Oels; также португальский у Коллинза.

5-я дивизия. Г.О.К., Лейт. А [Хэй], 3/1-я, 1/9-я, 2/38-я, 1-я рота "Брансуик Оелс"; Б [Уокер], 1/4-я, 2/30-я, 2/44-я, 1-я рота "Брансуик Оелс"; также португалец Спри.

6-я дивизия. Командира нет, Берн временно за главного. А [Халс], 1/11-я, 2/53-я, 1/61-я, 1 рота, 5/60-я; Б [Берн], 2-я, 1/32-я, 1/36-я; также португальский Мэддена.

7-я дивизия. Командующего нет, Альтен временно у руля. А [С. Хэлкетт в Альтене], 1-й и 2-й легкие батальоны, К.Г.Л., Брансуик Оелс; Б [де Берневиц], 51-й, 68-й, британские егеря; также португальский Коулмана.

Легкий дивизион. Г.О.К., Р. Кроуферд. А [Барнард], 1/43-я, 4 роты 1/95-я, 2 роты 2/95-я, 5 рот 3/95-я, 1-я касадорес; Б [Ванделер], 1/52-я, 2/52-я, 4 роты 1/95-я, 3-я Касадорес.

Португальский. Дивизия Гамильтона с бригадами под командованием Фонсеки и Арча. Кэмпбелл. Отдельные бригады под командованием Пака и Макмахона.

Последующими изменениями были:—

Кавалерия. 1 января 1-й и 2-й драгунские полки KGL под командованием Бока прибыли в Лиссабон: они оставались поблизости до 12 марта, присоединившись к армии в Эштремоше 23 марта и будучи причислены ко 2-й бригаде (= G) 2-й кавалерийской дивизии.

К 8 января В. Альтен снова командовал своей бригадой.

Согласно приказам, изданным 29 января, произошли некоторые изменения; 3-й и 4-й гвардейские драгунские полки были приданы бригаде Слейда, из которой 12-й легкий драгунский полк был переведен в Г. 4-й драгунский полк Энсона заменил 4-й гвардейский драгунский полк Ле Маршана, а бригада де Грея исчезла. Ф. Понсонби из 12-го легкого драгунского полка принял командование С в отсутствие Энсона.

К 8 апреля Эрскин возобновил командование 2-й кавалерийской дивизией, в которую 14 апреля была передана бригада Слейда, а Бок присоединился к 1-й дивизии.

1 июля был произведен обмен между 11-м и 14-м легкими драгунскими полками: Г. Энсоном, который возобновил командование своей бригадой с 11-м, 12-м и 16-м легкими

драгунскими полками, В. Альтеном, 14-м легким драгунским полком и 1-м гусарским полком KGL

При Саламанке Коттон был ранен, а Ле Маршан убит. Пока Коттон был инвалидом, Бок командовал кавалерией, у де Жонкьера была его бригада. У. Понсонби из 5-го гвардейского драгунского полка сменил бригаду Ле Маршана (приказом от 23 июля). Коттон вернулся до 15 октября, но в декабре был вынужден снова отправиться домой по инвалидности. С 1 августа В. Альтен отсутствовал, но вернулся к середине сентября.

Приказом от 17 октября 2-й гусарский полк К.Г.Л. был переведен в бригаду В. Альтена.

1-я дивизия. Стопфорд возобновил командование Ib до 1 февраля, но к 8 апреля снова ушел. 7 мая Уитли был назначен командовать бригадой до возвращения Стопфорда.

1/26-й, будучи слишком болезненным для полевой службы, выбыл из Ib перед 8 марта, будучи направлен в Лиссабон, а оттуда в гибралтар на смену 1/82-му. Их место в I B занял 1/42-й, только что прибывший из Англии и отправленный в I B 23 апреля. 19 Мая 2/42-й был отправлен домой, переведя свой рядовой состав в 1/42-й. Приказом от 2 апреля 2/58-й был направлен в Ib; 1 июня был отдан приказ о его переводе в Vb, но “позже будут отданы приказы о присоединении полка к бригаде”. Похоже, он оставался в Ib до окончания отступления из Бургоса.

Грэм заболел и отправился домой 6 июля, Х. Кэмпбелл был назначен командовать дивизией, Фермор получил И.О.

Уитли умер 1 сентября, Стирлинг (из 1/42-й) был назначен в I B 11 сентября.

11 октября Э. Пейджет был назначен командовать дивизией, но 17 ноября он был взят в плен, его место занял У. Стюарт, который только что вернулся на полуостров.

После отступления из Бургоса дивизия была реорганизована. Была добавлена новая гвардейская бригада, состоящая из 1/1-й (гренадерской) гвардии, которая прибыла в Корунью из Англии 1 октября и присоединилась к армии на Кэррионе 24 октября, и 3/1-й гвардейской, которая была в Кадисе и подошла к Мадриду с колонной Скерретта. Этот приказ был отдан 17 октября, но не мог быть выполнен раньше. 10 ноября Говарда перевели из II A командовать этой бригадой. 11 ноября бригаде Стирлинга было приказано перебазироваться в 6-ю дивизию, приданная ей 5/60-я рота осталась в 1-й дивизии. 6 декабря 1-й и 2-й легкие батальоны КГБ были переведены из VII A в бригаду КГБ 1-й дивизии.

2-й отдел. Приказом от 14 апреля Тилсон-Чоун (ранее Тилсон) был назначен командовать дивизией “под командованием Хилла”, но, хотя и присутствовал в Альмаразе в мае, похоже, не присутствовал до конца года. Ховарда перевели в 1-ю дивизию, 10 ноября Кадоган (из 1/71-й) принял командование II A.

3-й дивизион. В Сьюдад—Родриго Маккиннон был убит (19 января), его бригада отправилась в Лагерь, получив приказ 8 февраля.

В Бадахосе Пиктон и Кемпт были ранены (6 апреля), Уоллес принял бригаду Кемпта, а также временно командовал дивизией, когда Пиктон был выведен из строя: Форбс (из 1/45-й) тогда командовал III A.

После падения Бадахоса 77-й (единственный батальон полка) был отправлен в Лиссабон, будучи значительно сокращенным.

28 июня Пакенхэм был назначен командовать “бригадой Колвилла в 3-й дивизии”, *то есть* III В. В Саламанке он командовал дивизией, Пиктон снова заболел, бригады достались Уоллесу и Дж. Кэмпбеллу.

1/5-й, прибывший в мае, был направлен в III В 1 июня, оба батальона находились в Саламанке, но 27 июля 2/5-й был призван в 1/5-й, остов отправился домой в октябре.

Приказом от 17 октября 2/87-й, прибывший из Кадиса вместе со Скерреттом, был направлен в III В, тогда еще называвшийся “Колвилл”.

Уоллес вернулся домой инвалидом после отступления из Бургоса.

Пакенхэм должен был сохранить командование дивизией до возвращения “Колвилла или кого-либо другого” (WD, ст. 399), его имя не фигурирует в Штатах как командующего III В после 1 ноября: Колвилл, по-видимому, вернулся до конца года: *Д. Н. Б.* говорит в октябре.

8 апреля Власть перешла к португальской бригаде Шамплемонда, у которой к 17 марта был *вице* Палмейрим, поскольку она была ранена в Бадахосе: 8 апреля к ней добавилось 12 касадоров.

4-й отдел. 9 февраля Боуз был назначен командовать “бригадой, находившейся под командованием Пакенхэма”, *то есть* IV В. В апреле Колвилл был ранен под Бадахосом, и дивизия осталась без командира, пока Коул не вернулся — до 8 июля.

В Саламанке (22 июля) Коул был ранен и вследствие этого отсутствовал до 15 октября. В отсутствие Коула У. Энсон, который был назначен в IVA 9 апреля, командовал бы дивизией. Вакансия в IV А была вызвана уходом Кеммиса — до 1 апреля: в Бадахосе Харкорт (из 1/40-й) командовал IV А.

Боуз был переведен в 6-ю дивизию 2 мая, и, судя по всему, Эллис (из 1/23-й) временно командовал IV В. Он определенно отвечал за это в Саламанке и, очевидно, хранил до тех пор, пока этим не занялся Скерретт. Тогда он все еще назывался “у Пакенхэма”, как это было и 28 ноября. Скерретт был назначен на эту должность 17 октября, но его силы из Кадиса присоединились к Хиллу только 26 октября, и мероприятия, заказанные 17 октября, вряд ли могли быть выполнены сразу.

Бригада Скерретта (3/1-я гвардейская, 2/47-я, 2/87-я и 2/295-я роты), похоже, действовала с IV после присоединения к силам Хилла, но была распущена, когда операции прекратились.

Приказы от 17 октября предписывали 1/82-му, который прибыл из Гибралтара в июне и находился с 4-й дивизией в Мадриде, присоединиться к IV В, но приказом от 28 ноября батальон был переведен в VII А, а 20-й, прибывший в декабре, вместо этого был направлен в IV В. После присоединения 1/82-го, 1/48-й был переведен в IV А.

6 декабря 2-й временный батальон (*т.е.* 2-й и 1/53-й) был направлен в IV А.

У Саламанки Стаббс принял командование португальской бригадой, которая к 17 марта находилась под командованием Харви и участвовала в осаде Бадахоса.

5-й отдел. В Бадахосе Уокер был ранен (6 апреля): в его бригаде не было постоянного командира, пока Прингл не был назначен в нее 28 июня.

10 мая 2-4-го прибыл в Лиссабон в апреле, был направлен в V B. В июне 1/38-го вышла и присутствовала в Саламанке, по-видимому, с Va, но она фигурирует как часть этой бригады только в “Штатах” от 8 августа и впоследствии.

Приказами от 1 июня 2/58-му было предписано присоединиться к Vb, но батальон, похоже, находился в Ib до реорганизации в составе 3-го временного батальона в декабре.

Хэй отсутствовал с 8 июня, Гревилл из 1/38-й командовал бригадой до 31 июля, когда в нее был переведен Халс. Халс, должно быть, тоже командовал дивизией, поскольку Лейт был ранен под Саламанкой и вернулся домой инвалидом. Халс умер (6 сентября), Прингл командовал дивизией, пока на нее не был назначен Освальд (25 октября), после чего Прингл вернулся в свою бригаду, которой командовал Брук (4-й).

Приказы от 18 июня предписывали 1/9-й произвести обмен с 2/30-й и 2/44-й, но они были отменены 28 июня. Э. Барнс получил приказ командовать Va 28 октября, но, похоже, был с бригадой на Вилле Мюриэль тремя днями ранее. 6 декабря его перевели в VII A. Хэй, похоже, вернулся до 31 декабря.

6 декабря приказом было предписано преобразовать 2/4-ю в 1/4-ю, а 2/38-ю - в 1/38-ю, скелеты были отправлены домой, также для формирования 2/30-й и 2/44-й временных батальонов, 4-го. Приказом от 17 октября 2/47-я колонна Скерретта была направлена в Vb, которая тогда называлась бригадой Уокера.

6-я дивизия. 9 февраля командовать дивизией был назначен Х. Клинтон.

К 1 апреля VI B осталась без бригадира: Боуз был назначен на нее 2 мая, но он был убит во время атаки на форты Саламанки (24 июня). На этот раз Хинде из 32-й бригады командовал бригадой, будучи назначен на нее окончательно 30 сентября, но предварительно до июня.

31 июля, когда Халса перевели в Va, VI A осталась без бригадира Бингхэма из 2/53-й, который фактически командовал до объединения двух бригад приказом от 11 ноября. В то же время бригада Стирлинга была переведена из состава 1-й дивизии в состав 6-й, 1/91-й, которая прибыла в Ла-Корунью 8 октября, будучи присоединенной к ней Приказом от 28 ноября - фактически она присоединилась 14 декабря.

6 декабря были изданы приказы о формировании 2-го и 2/53-го в качестве 2-го временного батальона и 2/24-го и 2/58-го в качестве 3-го временного батальона и об их переводе в IV A и VII A соответственно.

Португальская бригада находилась под командованием Эбена до 30 апреля, когда командование принял конде де Резенде. 10 апреля к ней присоединился 9-й Касадорес. Резенде был признан недействительным в ноябре, и его сменил Мэдден.

7-я дивизия. 2 мая Альтена перевели командовать Легкой дивизией: Джон Хоуп получил командование 7-й. Хэлкетт из 2-го легкого батальона КГБ, похоже, командовал VII A, хотя в “Штатах” ни один бригадир не назван со 2 мая по 6 декабря, когда в него был назначен Э. Барнс.

Хоупу пришлось уволиться из армии по состоянию здоровья 23 сентября, и дивизия не имела командира до 25 октября, когда на нее был назначен лорд Далхаузи, зачисленный в штаб армии 12 сентября.

28 ноября 1/6-й, только что прибывший из Англии, был присоединен к VII A, тогда называвшемуся “полковником Хэлкеттом”, а 1/82-й, из IV B, был присоединен к VII B.

Приказами от 6 декабря предписывалось передать Легкие батальоны КГБ в 1-ю дивизию, при этом 3-й временный батальон (*т.е.* 2/24-й и 2/58-й) был добавлен в VII А.

Португальская бригада находилась под Палмейримом в марте: позже, кажется, она находилась под командованием Дойла из 19-й линии.

Легкая дивизия. При Сьюдад-Родриго (19 января) Крауферд был убит, а Венделер ранен; затем Барнард принял командование дивизией, а Гиббс - 1/52-й из 2-й бригады. К 15 апреля Венделер возобновил командование, приказом от 23 февраля 2/52-й был переведен в 1/52-й, скелет был отправлен домой.

2 мая К. Альтен принял командование дивизией.

К 8 мая 1/95-й был объединен во 2-ю бригаду, но приказом от 24 августа его снова разделили, по 3 роты в каждой бригаде: до конца года он был снова объединен и переведен в 1-ю бригаду.

Еще две роты 2/95-й вышли из Англии в мае и присоединились к тем, которые уже вышли, причем все четыре были во 2-й бригаде. Вместе со Скерреттом из Кадиса прибыли еще двое и присоединились к бригаде.

3/95-я, кажется, была временно переведена во 2-ю бригаду, но к концу года вернулась в 1-ю.

20-й португальский полк, пришедший со Скерреттом, был направлен в “бригаду Беквита” 17 октября.

Португальский. В апреле 1812 года Власть сменила Арча. Кэмпбелл командовал 4-й бригадой, в то время как у Брэдфорда был 11-й *заместитель* Макмахон: теперь в нее входили 5-й Касадорес, 13-я и 24-я линии.

К июлю Пауэр заменил 4-ю бригаду на 8-ю, входившую в состав 3-й дивизии. А. Кэмпбелл, по-видимому, снова командовал 4-й, к которой 8 апреля были добавлены 10 касадоров.

Изменения в 1813 году

1813.

На 1 января Армия была организована следующим образом:—

Кавалерия. 1-я дивизия. Генералов нет, Коттон отсутствует. F [W. Понсонби], 5-й гвардейский драгунский, 3-й и 4-й драгунские; C [G. Энсон], 11-й, 12-й и 16-й легкие драгунские; E [V. Альтен], 14-й легкий драгунский полк, 1-й и 2-й К.Г.Л. гусары; G [Бок], 1-й и 2-й К.Г.Л. драгуны.

Кавалерия. 2-я дивизия. Нет рядовых B [Слэйд], 3-го и 4-го гвардейских драгун, 1-го драгунского полка; D [Длинный], 9-го и 13-го легких драгун.

1-й дивизион. Г.О.К., У. Стюарт. A [Говард], 1/1-я гвардейская, 3/1-я гвардейская, 1 рота 5/60-я; B [Фермор], 1-я Колдстримская, 1-я шотландская, 1 рота 5/60-я; C [Лев], 1-я, 2-я и 5-я линии, К.Г.Л., 1-й и 2-й легкие батальоны, К.Г.Л. [350](#)

2-я дивизия. Г.О.К., Хилл. А [Кадоган], 1/50-й, 1/71-й, 1/92-й, 1 рота 5/60-я; В [Бинг], 1/3-й, 1/57-й, 1-й временный батальон (= 2/31-й и 2/66-й), 1 рота 5/60-я; С [Уилсон], 1/28-й, 2/34-й, 1/39-й, 1 рота 5/60-я; также португальский Эшворта.

3-й дивизион. Г.О.К., Пакенхэм. А [нет бригадира], 1/45-й, штаб-квартиры 5/60-й, 74-й, 1/88-й; Б [Дж. Кэмпбелл от Колвилла], 1/5-й, 2/83-й, 2/87-й, 94-й; также Пауэр португалец.

4-й отдел. Г.О.К., Коул. А [W. Энсон], 3/27-й, 1/40-й, 1/48-й, 2-й временный батальон (= 2-й и 2/53-й), 1 рота 5/60-я; Б [Скерретт], 1/7-я, 20-я, 1/23-я, 1 рота Брансуик Элс; также португальский Стаббса.

5-й отдел. Г.О.К.,? Хэй, исполняющий обязанности. А [Хэй], 3/1-я, 1/9-я, 1/38-я, 1 рота Brunswick Oels; В [Прингл], 1/4-я, 2/47-я, 4-й временный батальон (= 2/30-я и 2/44-я), 1 рота Brunswick Oels; также португальский Спри.

6-я дивизия. Г.О.К., Х. Клинтон. А [Стерлинг], 1/42-я, 1/79-я, 1/91-я, 1 рота 5/60-я; В [Хинде], 1/11-я, 1/32-я, 1/36-я, 1/61-я; также португальский Мэддена.

7-я дивизия. Г.О.К., Далхаузи. А [Барнс], 1/6-й, 3-й временный батальон (= 2/24-й и 2/58-й), Штаб и 9 рот Брансуик-Элс; В [де Берневиц], 51-й, 68-й, 1/82-й; Британские егеря; также португальский Дойла.

Легкая дивизия. Г.О.К., К. Альтен. А [бригадного генерала нет: по-прежнему называется Беквитом], 1/43-й, 1/95-й, 3/95-й, 1-й Касадорес; Б [Ванделер], 1/52-й, 2/95-й, 3-й Касадорес,? 20-й португальский.

Португальский. Дивизия Гамильтона, бригады под командованием (?) Фонсеки и Кэмпбелла. Отдельные бригады, "Пак" и "Брэдфорд".

Последующими изменениями были:—

Кавалерия. К 25 января была добавлена новая бригада (Н), состоящая из двух эскадронов 1-й и 2-й лейб-гвардии и Королевской конной гвардии в каждом, очевидно, командовать ею был назначен О'Логлин, но приказом от 28 ноября 1812 года Ф. С. Ребоу был назначен командовать ею вместо него. Она числилась 3-й бригадой 2-й дивизии, но 5 февраля была переведена в 1-ю. В марте ею командовал сэр Роберт Хилл, Ребоу уехал домой.

Приказы от 13 марта предписывали распределить среди полков, оставшихся на полуострове, лошадей 4-го гвардейского драгунского полка, 9-го и 11-го легких драгунских полков и 2-го гусарского полка Королевской гвардии, эти полки отправлялись домой. Их место заняла новая бригада (I) 15-го гусарского полка под командованием Колкхуна Гранта, состоящая из 10-го, 15-го и 18-го гусарских полков: впервые это появляется в "Штатах" 15 апреля.

21 апреля были отданы приказы об объединении двух дивизий "под командованием сэра С. Коттона": Коттон, однако, вернулся только 25 июня, и в его отсутствие Бок, по-видимому, командовал кавалерией, его бригадой командовал Бюлов.

20 мая Фейн, назначенный генерал-майором в Штаб 24 апреля, получил должность заместителя Б Слейда, которому было приказано вернуться домой 23 апреля.

2 июля был отдан приказ о переводе 18 - го гусарского полка в V. Бригада Альтена, вместо 14-й легкой драгунской, перешла к бригаде Лонга, которая была сокращена до одного полка после ухода 9-й легкой драгунской (из "Штатов" к 4 апреля). Лорд Э. Сомерсет в то же

время получил под командование гусарскую бригаду *вице* Гранта и Венделера, бригаду *вице* Г. Энсон, переведен в штат Домашнего персонала.

6 сентября Грант был назначен командовать бригадой Лонга, Лонг, по-видимому, отправился домой перед битвами на Пиренеях, поскольку его имени не было среди командиров кавалерийских бригад, которым парламент поблагодарил 8 ноября за эти операции. 24 ноября на место Гранта была назначена Хасси Вивиан.

7-й гусарский полк прибыл в Испанию в сентябре и был включен в состав гусарской бригады. Судя по всему, они были в бригаде к 21 октября, но не получили Приказа до 24 ноября.

В октябре О'Логлин, похоже, возглавил Бригаду по хозяйству, он был зачислен в штат 17 июня.

1-й дивизион. В марте Ховард сменил У. Стюарта на посту командующего, но 19 мая Грэм был назначен командовать дивизией, Ховард исполнял обязанности его помощника, в то время как Грэм командовал левым крылом армии. 8 октября Грэм подал в отставку с командования и заболел и отправился домой. Сэр Джон Хоуп³⁵¹ занял его место: он был зачислен в Штат 10 октября, начиная с 25 сентября.

Пока Говард командовал дивизией, его бригадой командовал Ламберт; она пропустила Витторию, поскольку была слишком слаба, чтобы выступать в бой с армией, и присоединилась к ней только в августе.

2 июля Ламберта перевели в VI В, а Мейтленд получил бригаду.

Лев отправился домой 6 мая, поскольку KGL, безусловно, была всего лишь одной бригадой в Виттории, где ими командовал Хэлкетт.

Бригада лорда Эйлмера (76-я, 2/84-я и 85-я), которая впервые упоминается в Приказах от 23 июля и присоединилась к армии в августе, может считаться частью 1-й дивизии, с которой она всегда действовала. Приказом от 17 октября к нему был добавлен 2/62-й, а 2/84-й передан V В. 24 ноября к нему был добавлен 77-й (из Лиссабона).

20 октября Хинюбер был назначен командующим пехотой КГБ.

2-я дивизия. 25 марта У. Стюарт был назначен командовать дивизией “под руководством Хилла”. В то же время Г. Т. Уокер получил бригаду Ховарда, а последний принял от Стюарта 1-ю дивизию.

Уилсон умер в январе, и О'Каллаган из 39-й бригады командовал ею до 23 июля, когда в нее был назначен Прингл. 1 мая Веллингтон написал, что оставляет это место вакантным для Освальда, если Лейт выйдет и примет командование 5-й дивизией.

В Виттории Кадоган был убит, а Дж. Камерон из 92-го принял командование II А; он был ранен в Майе (25 июля), и Фицджеральд из 5/60-го командовал, пока Уокер фактически не присоединился к ним в августе. 18 ноября Уокер был переведен командовать 7-й дивизией, а Барнс был назначен во II А 20 ноября.

3-я дивизия. Пакенхэм был переведен в 6-ю дивизию 26 января, дивизией командовал Колвилл, который вернулся до этой даты. Пиктон вернулся к работе в мае, а Колвилл

вернулся к командованию своей бригадой. Пиктон снова отсутствовал с 8 сентября, но вернулся незадолго до конца года. Колвилл командовал в Нивелле (ноябрь), но был переведен командовать 5-й дивизией, когда Пиктон вернулся в декабре.

11-й касадорес был направлен в бригаду Пауэра до 26 апреля, заняв место 12-го.

Брисбен, назначенный в штаб армии 7 января, получил командование III A, *вице* Кемпт, 25 марта.

8 августа Колвилл получил временное командование 6-й дивизией, Кин командовал III B, как и тогда, когда Колвилл вернулся в дивизию.

4-й отдел. Приказом от 2 июля Скерретт был переведен в Легкую дивизию, его бригада 20-го числа отправилась в Росс.

К 1 сентября португальская бригада находилась под командованием Миллера: при Нивелле (10 ноября) она досталась Васконселлосу.

5-я дивизия. Пока Хэй командовал дивизией, у Гревилла из 38-й была своя бригада. В апреле Освальд принял командование дивизией и командовал ею до возвращения Лейта — 30 августа. Лейт был ранен при Сан-Себастьяне 1 сентября, и Освальд снова принял командование; но при Бидассоа (9 октября) командовал Хэй, а у Гревилла был Va. 9 марта Робинсон был назначен в “бригаду Уокера”, *то есть* В Б.

12 апреля 2/59-й из Кадиса был присоединен к Vb; 10 мая 4-му временному батальону было приказано вернуться домой. 17 октября 2/84-я из бригады лорда Эйлмера была присоединена к Vb, 2/47-я была переведена в Va. Робинсон был ранен под Байонной 10 декабря, а его преемник, Пайпер из 4-го, был ранен на следующий день, командование перешло к Тонсону из 2/84-го.

При переходе Бидассоа португальской бригадой командовал де Регоа и до конца года.

6-я дивизия. 26 января Пакенхэм был назначен командовать дивизией в отсутствие Клинтона. 25 июня он был назначен генерал-адъютантом, а Клинтон вернулся и возобновил командование. К 22 июля Клинтон снова отсутствовал, Пак получил дивизию. При Сораурене (28 июля) Пак был ранен, и Пакенхэм временно принял командование дивизией, передав ее Колвиллу до 8 августа, Колвилл, похоже, все еще командовал при переходе Бидассоа (9 октября), но затем Клинтон вернулся, и Колвилл вернулся в 3-ю дивизию.

Пак был назначен командующим VI A, *вице* Стирлингом, 2 июля, Ламберт в то же время получил VI B, *вице* Хайнда. Стирлинг командовал VI A, когда Пак получил дивизию, но в октябре уехал домой.

Португальская бригада находилась под командованием Мэддена до осени: Дуглас из 8-й линии командовал ею при Нивеле.

7-я дивизия. К 16 апреля де Берневиц уже не командовал своей бригадой, на которую Инглис был назначен 21 мая, хотя в Виттории Грант из 1/82-й дивизии командовал ею, но Инглис взял командование на себя перед Пиренеями.

Ле Кор получил командование португальской бригадой 9 марта. Когда в ноябре его повысили, она была у Дойла.

Далхаузи отправился домой после Бидассоа 9 октября, а в Нивеле (9 ноября) командовал Ле Кор. 18 ноября Г. Т. Уокер получил командование “в отсутствие Далхаузи”. Ле Кор, по-

видимому, был переведен командовать португальской дивизией, ранее находившейся под командованием Гамильтона.

Когда Барнс вернулся во 2-ю дивизию 20 ноября, его бригада, похоже, перешла к Гардинеру.

Легкая дивизия. 23 марта Кемпт был назначен в А. 2 июля Ванделер был переведен в кавалерийскую бригаду, а Скерретт получил Б. При переходе Бидассоа и до конца года Колборн из 52-го полка командовал подразделением В, вице-Скерретт, который отправился домой в сентябре.

20-й португальский так и не присоединился к дивизиону: вместо них 26 апреля 17-й португальский появится в своем “Штате”.

Португальский. Гамильтону пришлось отказаться от командования своей португальской дивизией в феврале из-за плохого состояния здоровья, из-за чего она находилась под командованием Силвейры, а бригады были под командованием Да Кошты и Кэмпбелла во время сражений на Пиренеях. К моменту переправы через Нивель (9 ноября) Гамильтон снова командовал, у Бьюкена была бригада Да Кошты, но во время боев на Ниве (9-11 декабря) дивизия была у Ле Кора, а бригады - у Бьюкена и Да Кошты. 9 ноября Бьюкену было приказано перейти в португальскую бригаду 7-й дивизии, но этот шаг был отменен.

Когда Пак был передан британскому командованию (2 июля), его бригада перешла к Уилсону, который командовал ею при Бидассоа, но был заменен А. Кэмпбеллом у Нива (9 декабря), поскольку Уилсон был ранен 18 ноября.

Брэдфорд, похоже, сохранил вторую отдельную бригаду на весь год.

Организация на 1 января 1814 г.

1814.

На 1 января деятельность организации была следующей:—

Кавалерия. Г.О.К., Коттон. Я [О'Логлин], 1-й и 2-й лейб-гвардейские, R.H.G.; F [W. Понсонби], 5-й гвардейский драгунский полк, 3-й и 4-й драгунские; C [Ванделер], 12-й и 16-й легкие драгунские; D [Вивиан], 13-й и 14-й легкие драгунские; E [V. Альтен], 18-й гусарский полк, 1-й гусарский полк К.Г.Л.; G [Бок], 1-й и 2-й драгунский полк К.Г.Л.; B [Фейн], 3-й гвардейский драгунский полк, 1-й драгунский полк; H [Сомерсет], 7-й, 10-й и 15-й гусарский полк.

1-я дивизия. Г.О.К., Хоуп, с Ховардом в качестве помощника; A [Мейтленд вместо Ховарда], 1/1-я гвардейская, 3/1-я гвардейская, 1 рота 5/60-я; B [Стопфорд], 1-я Колдстримская, 1-я шотландская, 1 рота 5/60-я; C [Хинюбер], 1-я, 2-я и 5-я линии, К.Г.Л.; 1-й и 2-й легкие батальоны, К.Г.Л.; D [Эйлмер], 2/62-я, 76-я, 77-я, 85-я.

2-й отдел. Г.О.К., У. Стюарт. A [Барнс], 1/50-й, 1/71-й, 1/92-й, 1 рота 5/60-я; B [Бинг], 1/3-й, 1/57-й, 1-й временный батальон (2/31-й и 2/66-й), 1 рота 5/60-я; C [Прингл], 1/28-й, 2/34-й, 1/39-й, 1 рота 5/60-я; также португальский Эшворта.

3-й дивизион. Г.О.К., Пиктон. A [Брисбен], 1/45-я, Штаб-квартира 5/60-я, 74-я, 1/88-я; B [Кин], 1/5-я, 2,83-я, 2,87-я, 94-я; также Пауэр - португалец.

4-й отдел. Г.О.К., Коул. А [W. Энсон], 3/27-й, 1/40-й, 1/48-й, 2-й временный батальон (2-й и 2,53-й), 1 рота Brunswick Oels; Б [Росс], 1/7-я, 1/20-я, 1/23-я, 1 рота 5/60-я; также португальский Васконселлос.

5-я дивизия. Г.О.К., Колвилл. А [Хэй], 3/1-я, 1/9-я, 1/38-я, 2/47-я, 1-я рота Брансуик Оелс; Б [Робинсон], 1/4-я, 2/59-я, 2/84-я, 1-я рота Брансуик Оелс; также португалец де Регао.

6-я дивизия. Г.О.К., Клинтон. А [Рак], 1/42-я, 1/79-я, 1/91-я, 1 рота, 5/60-я; В [Ламберт], 1/11-я, 1/32-я, 1/36-я, 1/61-я; также португальский Дугласа.

7-я дивизия. Г.О.К., Уокер. А [Гардинер], 1/6-й, 3-й временный батальон (2/24-й и 2/58-й), штаб-квартира Брансуик Элс; Б [Инглис], 51-й, 68-й, 1/82-й, британские егеря; также португальский Дойла.

Легкая дивизия. Г.О.К., К. Альтен. А [Кемпт], 1/43-й, 1/95-й, 3/95-й, 1-й Касадорес; В [Колборн], 1/52-й, 2/95-й, 3-й Касадорес, 17-й португальский.

Португальский. Дивизия Ле Кора, бригадами которой командуют Да Коста и Бьюкенен. Отдельные бригады под командованием А. Кэмпбелла и Брэдфорда.

Последующими изменениями были:—

Кавалерия. К 16 января произошло несколько изменений: В. Альтен ушел, а Вивиан была переведена в его бригаду, Фейн перешел из В в D (бригада покойной Вивиан). Бок тоже отправился туда (он утонул у берегов Бретани в феврале) примерно в то же время.

С 25 января У. Понсонби отсутствовал, его бригадой командовал лорд К. Мэннерс из 3-го драгунского полка.

К 25 марта Аренчильдту (из 1-го гусарского полка К.Г.Л.) была придана старая бригада Бока: после ранения Вивиан (8 апреля) Аренчильдта перевели в Е, а Бюлов получил “Немецкую тяжелую бригаду”.

Имя Фейна фигурирует в “Штатах” как командующий В и D. Согласно "Истории полка 14-го гусарского полка" (автор - полковник Х. Б. Гамильтон), он командовал обоими, используя их практически как дивизию, причем бригадами соответственно командовали Клифтон из Королевского полка (В) и Доэрти из 13-го легкого драгунского полка (D).

1-я дивизия. 1/37-я присоединилась к бригаде Эйлмера до 25 марта. 14 апреля Стопфорд был ранен под Байонной, и его дивизия отошла к Гизу.

2-я дивизия. 15 февраля Прингл был ранен, и бригадой командовал О'Каллаган.

Было условлено, что, когда лорд Далхаузи вернется и возобновит командование 7-й дивизией, Уокер вернется во II А, а Барнс возьмет на себя III В, но Уокер был ранен под Ортезом и уехал домой, так что договоренность так и не была выполнена.

К 16 января Хардинг сменил Эшворта на посту командующего 5-й португальской бригадой.

3-я дивизия. Без изменений: брисбен был легко ранен под Тулузой.

4-я дивизия. Росс был ранен под Ортезом (27 февраля), и бригада осталась без командира

5-я дивизия. После 1 февраля Робинсон отсутствовал. Хэй был убит перед Байонной 14 апреля.

6-я дивизия. Пак был ранен под Тулузой, как и Дуглас.

1/32-ю пропустил "Тулузу", находясь на переоборудовании в Сан-Жан-де-Люз.

7-я дивизия. Уокер был ранен под Ортезом и отправился домой: Далхаузи прибыл почти сразу после сражения и возобновил командование.

К 16 января португальская бригада находилась под командованием Дойла (возможно, он получил ее, когда Ле Кор получил командование португальской дивизией).

Легкая дивизия. 1/43-я и 1/95-я не попали в Ортез, поскольку были на переоснащении.

Португальский. Да Коште было приказано вернуться в Португалию до 15 марта.

ПРИЛОЖЕНИЕ III. АВТОБИОГРАФИИ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА С ПОЛУОСТРОВА И Т.Д.

Приведенный ниже список, включающий все печатные автобиографии, дневники и серии писем, использованные в этом томе, не претендует на исчерпывающий характер. Однако он содержит все наиболее важные оригинальные источники этого характера, в отличие от официальных историй, противоречивых монографий и биографий офицеров полуострова, написанных авторами, которые сами не участвовали в войне. Но я добавил к списку те более поздние биографии, которые содержат значительную долю оригинальных писем или дневников того времени, таких как "Жизнь лорда Линедоха" Делавауа, "Жизнь лорда Гофа" Рейта, "Жизнь сэра Джона Бергойна" Роттсли и "Жизнь лорда Вивиана" К. Вивиана. В такие работы вложено много ценной информации из первых рук.

Книги распределены по рубрикам в соответствии с должностью, которую автор занимал во время войны на полуострове, в основном по полкам, но частично по разделам департаментов [штаб, комиссариат, медицинский и т.д.]. Я надеюсь, что этот список может оказаться полезным для тех, кто желает составить летопись полка, бригады или дивизии за любой период войны.

I. ПЕРСОНАЛ.

[Включая дневники, мемуары, переписку и т.д. генеральских офицеров, их адъютантов и офицеров, прикрепленных к штабу.]

Блейни (Лорд). Рассказ о вынужденном путешествии через Испанию и Францию генерал-майора лорда Блейни [Экспедиция в Фуэнхироу и др.]. Лондон, 1814.

Бюргерш (лорд). Мемуары о начале кампании герцога Веллингтона в Португалии и Испании [аноним]. Лондон, 1820 год.

Коттон, сэр С. Жизнь и переписка фельдмаршала лорда Комбермира [сэра Стэплтона Коттона], под ред. виконтессы Комбермир и капитана У. Ноллиса. Лондон, 1866 год.

Дуглас, сэр Х. Жизнь генерала сэра Говарда Дугласа из его заметок, бесед и писем [Кампании 1811-14 гг.]. Лондон, 1863.

Фицкларенс, А. Отчет подполковника о британской кампании 1809 года под командованием сэра А. Уэлсли в Португалии и Испании. Фицкларенс [граф Мюнстерский]. Лондон, 1831.

Грэм, сэр Т. Жизнь и письма сэра Томаса Грэма, лорда Линедока, капитана А. М. Делавау. Лондон, 1868.

Гомм (сэр У.). Его письма и дневники с 1799 года до Ватерлоо [1808-9 и 1810-14]. Лондон, 1881.

Хилл, Господь, Жизнь и письма преподобного Э. Сидни. Лондон, 1845.

Ларпент, Ф.С. Личный дневник судьи-адвоката Ф. С. Ларпента, прикрепленный к штаб-квартире лорда Веллингтона, 1812-14. Лондон, 1853 год.

Лейт Хэй, А. Рассказ о войне на полуострове, сэра Эндрю Лейта Хэя [адъютанта генерала Лейта]. 2 тома. Лондон, 1879.

Маккиннон, генерал Генри. Журнал в Португалии и Испании, 1809-12 [Напечатано частным образом]. 1812.

Мур, сэр Дж. Дневник сэра Джона Мура, под ред. генерала сэра Т. Ф. Мориса. 2 тома. Лондон, 1904.

Пиктон, сэр Т. Мемуары и переписка генерала сэра Т. Пиктона, автор Х. Б. Робинсон. 2 тома. Лондон, 1836 год.

Портер, сэр Р. К. Письма из Португалии и Испании, написанные во время марша британских войск [сэром Робертом Кер Портером], 1808-9. Лондон, 1809 год.

Шоу-Кеннеди, Т. [Адъютант генерала Кроуферда]. Дневник 1810 года, напечатанный в "Руководстве по обязанностям на заставах" лорда Фитцкларенса. Лондон, 1849.

Сорелл, Т. С. Заметки о кампании 1808-9 гг., лейтенант-полковник Т. С. Сорелл, адъютант сэра Д. Бэрда. Лондон, 1828 год.

Стюарт, сэр Чез. Жизнь и переписка Второго и Третьего маркизов Лондондерри [третьим был Чез. Стюарт, генерал-адъютант Веллингтона. 3 тома. Лондон, 1861.

Вере, К. Б. Марши, передвижения и операции 4-й дивизии в Испании и Португалии, 1810-12 гг., Ч. 1. Брук Вир, помощник генерал-квартирмейстера дивизии. Ипсвич, 1841 год.

II. ПОЛКОВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ И ДНЕВНИКИ.

а) Кавалерия.

7-й гусарский полк. Вивиан (лорд). Ричард Хасси Вивиан, первый барон Вивиан, Мемуары и письма почтенного. Клод Вивиан [1808-9 и 1813-14]. Лондон, 1897.

11-й легкий драгунский полк. Фармер Г. "Легкий драгунский полк", история Гео. Фармер, 11-й легкий драгунский полк, ред. преподобный Г. Р. Глейг [1811 и Ватерлоо]. Лондон, 1844.

14-й легкий драгунский полк. Хоукер, Питер. Дневник кампании 1809 года, лейтенант-полковник. Хоукер, 14-й легкий драгунский полк. Лондон, 1810 год.

--. Воспоминания корнета Фрэнсиса Холла о 1811-12 годах. В журнале United Service Institution за 1912 год.

16-й легкий драгунский полк. Хэй, У. Воспоминания при Веллингтоне, 1808-15 гг., капитана 52-го пехотного и 16-го легкого драгунского полков Уильяма Хэя. Лондон, 1901.

- . Томкинсон У. Дневник кавалерийского офицера во время кампаний на полуострове и при Ватерлоо, 1809-15. Лондон, 1894.

18-й гусарский полк. Вудберри Г. Дневник лейтенанта Вудберри в кампаниях 1813-15 гг. Париж, 1896.

20-й легкий драгунский полк. Ландшайт (Н.). Гусар: история Норберта Ландшайта, сержанта Йоркских гусар и 20-го легкого драгунского полка, под ред. преподобного Г. Р. Глейга. Лондон, 1837 год.

Аноним. Заметки из "Моего сабрета", сделанные пенсионером из Челси [Кампании 1813-14 гг.]. Лондон, 1847.

- . Личный рассказ офицера кавалерийского корпуса о приключениях во время войны на Пиренейском полуострове 1812-13 гг. Лондон, 1827.

b) пехота.

1-я пехотная гвардия. Бэтти Р. Кампания в Пиренеях и Южной Франции, 1813-14 гг., капитан Роберта Бэтти, 1-я пехотная гвардия. *Иллюстрированный*. Лондон, 1823.

2-й Пеший стражник. Степни, С. К. Листы из дневника офицера гвардии, Зарисовки из жизни в походах, лейтенант-полковник С. Коуэлл Степни, К.Х., гвардия Колдстрима [Кампании 1810-12 гг.]. Лондон, 1854 год.

3-й Пеший стражник. Стивенсон, Дж. Двадцать один год в британской пехоте, автор Джон Стивенсон, 3-й пехотный полк, шестнадцать лет унтер-офицер, сорок лет веслианский классный руководитель [Кампании 1809-11 гг.]. Лондон, 1830 год.

3-я пехотная гвардия. Стотерт, У. Дневник кампаний 1809-11 гг. капитана Уильяма Стотерта, 3-я пехотная гвардия. Лондон, 1812 год.

3-я Нога (удары). Воспоминания ветерана о личных и военных приключениях на полуострове и т.д., написанные генерал-лейтенантом Т. Банбери [в "Любителях" только 1808-9). Лондон, 1861.

5-я пехотная. Морли, С. Воспоминания сержанта 5-го пехотного полка, сержанта Стивена Морли, 5-я пехотная [Кампании 1808-11 гг.]. Эшфорд, 1842 год.

7-й фут. Купер, Дж. С. Черновые заметки о семи кампаниях в Португалии и др., написанные Джоном Спенсером Купером, сержантом 7-го Королевского стрелкового полка. Карлайл, 1869 год.

- . Ноулз, Р. Письма лейтенанта. Роберт Ноулз, 7-й стрелковый полк, во время кампаний 1811-13 гг., под ред. сэра Лиса Ноулза, барта. Болтон, 1909.

9-й фут. Хейл, Дж. Дневник Джеймса Хейла, покойного сержанта 9-го Фута [1808-14]. Сайренсестер, 1826.

20-й фут. Стивенс, К. Воспоминания полковника. Ч. Стивенс, 1795-1818 [Кампании 1808 и 1813-14 годов]. Винчестер, 1878 год.

24-я пехотная. Аккуратный, К. Воспоминания старого солдата, биографический очерк покойного полковника. Аккуратный, К.Б., 24-я обл. [1808]. Лондон, 1849 год.

28-й пехотный. Каделл, К. Повествование о кампаниях 28-го полка. с 1802 по 1832 год, автор: полковник. Час. Каделл [1809-1814]. Лондон, 1835.

- Блейкни Р. Заслуги, приключения и опыт капитана. Роберт Блейкни, "Мальчик на войне на полуострове", под редакцией Джулиана Стерджиса [1808-14]. Лондон, 1899.

29-й пехотный. Лесли. Дневник полковника Лесли Балкуэн во время войны на полуострове и др. [1809-14]. Aberdeen, 1887.

- Лейт Хэй, А. Рассказ о войне на полуострове, сэра Эндрю Лейта Хэя (личные приключения, сначала в 29-м полку, затем в качестве адъютанта генерала Лейта). Лондон, 1839 год.

31-я ступень. Л'Эстранж Г. Воспоминания сэра Джорджа Л'Эстранжа, 1812-14. Лондон, 1873.

32-й Фут. Росс-Левин, Х. Жизнь солдата, рассказ о 27 годах службы в разных частях света, написанный оперативным офицером [майор Х. Росс-Левин] [1808-14]. 2 тома. Лондон, 1834 год.

34-я пехотная. Белл Г. Черновые заметки старого солдата за пятьдесят лет службы, от прапорщика до генерал-майора. 2 тома. [Кампании 1811-14 гг.]. Лондон, 1867.

40-й пехотный. Лоуренс, У. Автобиография сержанта У. М. Лоуренс, 40-й полк, под ред. Г. Н. Бэнкса [Кампании 1808-14 гг.]. Лондон, 1901.

42-й Фут. Ретроспектива военной жизни в самый насыщенный событиями период последней войны, написанная Джеймсом Антоном, квартирмейстер-сержантом 42-го горного полка [1813-14]. Эдинбург, 1841 год.

- Малкольм, Дж. Воспоминания о кампании в Пиренеях и на юге Франции в 1813-14 гг., Джона Малкольма, лейтенанта. 42-я ступень: в мемориалах Констебля о последних войнах. Эдинбург, 1828.

... Аноним. Личный рассказ рядового, прослужившего в 42-м горном полку двенадцать лет [1808-9 и 1811-14]. 1821.

43-я пехотная. Кук, Дж. Х. Мемуары о конце войны, личное повествование капитана Дж. Х. Кука, 43-я легкая пехотная [Кампании 1811-14 гг.]. Лондон, 1831 год.

— —. Повествование о событиях на юге Франции и в Америке, 1814-15 [продолжение вышесказанного]. Лондон, 1835 год.

--. Нейпир, Гео. Ранняя военная жизнь генерала. Сэр Гео. Нейпир, К.К.Б., написано им самим. Лондон, 1886.

... Аноним. Мемуары покойного сержанта 43-го полка легкой пехоты до и во время войны на полуострове, включая отчет о его переходе из папства в протестантскую религию. Лондон, 1835 год.

47-й пехотный. Харли, Дж. Ветеран, или сорок лет на британской службе, автор капитан. Джон Харли, покойный казначей 47-го полка. [Кампании 1811-14 гг.]. Лондон, 1838.

48-й фут. Мойл Шерер, Г. Воспоминания о полуострове, полковник Г. Мойл Шерер [Кампании 1809-13 гг.]. Лондон, 1823 год.

50-й фут. Маккарти, Дж. "Буря Бадахоса", с заметкой о битве при Корунье, Дж. Маккарти, конец 50-го года. Лондон, 1836 год.

- . Нейпир, глава. Жизнь и мнения сэра Чарльза Джеймса Нейпира, сэра Уильяма Нейпира [Первый том. к 50-летию в Ла-Корунье и др.]. Лондон, 1857.

50-й пехотный полк. Паттерсон, Дж. Приключения капитана Джона Паттерсона, с уведомлениями офицеров 50-го королевского полка, 1807-21. Лондон, 1837 год.

- . Паттерсон, Дж. Лагерь и расквартировки, сцены и впечатления военной жизни того же автора. Лондон, 1843.

51-я пехотная. Уилер, У. Дневник с 1809 по 1816 год Уильяма Уилера, солдата 51-го полка или королевской легкой пехоты. Корфу, 1824 год.

52-й пехотный полк. Хэй, У. Воспоминания при Веллингтоне, 1808-15, капитана 52-го пехотного и 16-го легкого драгунского полков Уильяма Хэя. Лондон, 1901.

- . Ситон (Лорд). Жизнь и письма сэра Джона Колборна [лорда Ситона], под ред. Г. К. Мур-Смита. Лондон, 1903.

66-й пехотный. Генри У. События военной жизни, включая воспоминания о службе на полуострове и т.д. Уолтера Генри, хирурга 66-го полка. [Кампания 1812-14 гг.]. Лондон, 1843.

68-й пехотный. Грин, Дж. Превратности солдатской жизни, Джон Грин, бывший командир 68-го Даремского легкого пехотного полка. Лаут, 1827.

71-й фут. Аноним. Превратности жизни шотландского солдата с 1808 по 1815 год, включая некоторые подробности битвы при Ватерлоо. Лондон, 1827 год.

- . Аноним, Ц. Журнал Т. С. 71-го хайлендского легкого пехотного полка, в Памятниках последних войн [ред. Констебль]. Эдинбург, 1828 год.

82-й пехотный. Вуд Г. Младший офицер, рассказ капитана Гео. Вуд из 82-го полка добровольцев принца Уэльского [1808 и 1813-14]. Лондон, 1825 год.

85-й Фут. Глейг, Г. Р. Младший офицер [Кампании в Пиренеях и на юге Франции, 1813-14], Г. Р. Глейг, 85-й пехотный полк. Лондон, 1823 год.

87-я ступень. Гоф [Лорд]. Смотрите Письма 1809-14 в книге Р. С. Рейта "Жизнь лорда Гофа".

88-я пехотная. Граттан, У. Приключения с рейнджерами Коннахта, 1804-14, лейтенант. Ум. Граттан. Лондон, 1847 год.

- . -. Вторая серия воспоминаний. Лондон, 1853.

92-й пехотный. Хоуп, Дж. Военные мемуары офицера пехоты, 1809-16 [Лейтенант. Яс. Хоуп, 92-й горский полк]. Лондон, 1833 год.

92-й пехотный. Аноним. Письма из Португалии и др., написанные британским офицером во время кампаний 1811-14 годов [92-й Гордон Хайлендерс]. Лондон, 1819 год.

- . Робертсон, Д. Дневник сержанта Д. Робертсона, покойного горца 92-го полка, во время кампаний между 1797 и 1818 годами. Перт, 1842 год.

94-й Фут. Воспоминание Джозефа Дональдсона, сержанта 94-й Шотландской бригады, о богатой событиями жизни, в основном проведенной в армии [1809-14]. Лондон, 1825 год.

95-я [стрелковая бригада]. Костелло Э. Воспоминания Эдварда Костелло из стрелковой бригады, включающие рассказы о кампаниях Веллингтона на полуострове и др. Лондон, 1857 год.

- Фернихоф, Р. Военные мемуары четырех братьев, написанные оставшимся в живых лейтенантом Р. Фернихофом, Стрелковая бригада. Лондон, 1829 год.

--. Грин, У. Краткий очерк путешествий и приключений У.М. Грин, горнист стрелковой бригады, в течение десяти лет, 1802-12. Ковентри, 1857 год.

- Харрис. Воспоминания стрелка Харриса, под ред. капитана. Керлинг [1808-09]. Лондон, 1848 год.

- Кинкейд, Дж. Приключения в стрелковой бригаде на полуострове, Франция и Нидерланды, 1810-15, капитана сэра Джона Кинкейда. Лондон, 1830 год.

- -. Случайные выстрелы стрелка [Разные анекдоты]. Лондон, 1835.

- Лич, Дж. Грубые наброски жизни старого солдата во время службы в Вест-Индии, на полуострове и т. Д. [1808-14], Лондон, 1831.

- -. Прогулки по берегам Стикса [Воспоминания о полуострове], того же автора. Лондон, 1847.

Симмонс Г. Британский стрелок: Дневники и переписка майора Гео. Симмонс (95-й) во время войны на полуострове и др., ред. полковник. Уиллоуби Вернер. Лондон, 1899.

- Смит, Х. Автобиография генерала сэра Гарри Смита [том i содержит Воспоминания с полуострова], под ред. Г. Мура Смита. Лондон, 1901.

- Сертис, У. Двадцать пять лет в стрелковой бригаде, автор У.М. Сертис, квартирмейстер [1808, 1811-14]. Лондон, 1833 год.

III. АРТИЛЛЕРИЯ.

Диксон, Алекс. Документы Диксона, дневники и переписка генерал-майора сэра Александра Диксона, серия G.C.V. 1809-18. под ред. майора Джона Лесли, R.A., 2 тома. Вулвич, 1908-12.

Фрейзер, А. С. Письма сэра Огастеса Саймона Фрейзера, К.К.Б., командующего Королевской конной артиллерией под командованием Веллингтона, написанные во время кампаний на полуострове. Лондон, 1859.

[Смотрите также многочисленные короткие дневники и серии писем в журнале Королевского артиллерийского института, Вулвич, за последние годы, Шваби, Ингилби, Даунман и др.]

IV. ИНЖЕНЕРЫ.

Бергойн, Дж. Ф. Жизнь и переписка сэра Джона Фокса Бергойна, изд. Достопочтенный Гео. Роттсли. Лондон, 1873.

Бутби, К. Под флагом Англии, 1804-9, Мемуары, дневник и переписка капитана К. Бутби, Р.Э. [Кампания в Ла-Корунье]. Лондон, 1900.

- . Пленник Франции, участник тех же кампаний в Порту и Талавере. Лондон, 1898.

Ландман, Г. Т. Воспоминания о военной жизни, 1806-8 [Кампания в Вимейру], полковник Гео. Ландман, Р.Э. Лондон, 1854.

Против ПОЕЗДА И КОМИССАРИАТА.

Даллас, А. Автобиография преподобного Александра Далласа, включая его службу на полуострове [1811-14] в департаменте Комиссариата. Лондон, 1870 год.

Честертон, Г. Л. Мир, война и приключения, Автобиография Джорджа Лаваля Честертона [том I содержит службу в Каталонии 1812-14]. Лондон, 1853 год.

Грэм У. Путешествия по Португалии и Испании, 1812-14, Уильяма Грэма из Комиссариатского департамента. Лондон, 1820.

Хед, Ф. Воспоминания помощника генерального комиссара (в войне на полуострове), написанные генералом Ф. Хедом. Лондон, 1840 год.

Хеннеган, Р. Д. "Семь лет на полуострове и в Нидерландах" сэра Ричарда Д. Хеннегана из "Полевого поезда" [Кампании 1808-14 гг.]. Лондон, 1846 год.

VI. МЕДИЦИНСКИЙ ОТДЕЛ.

Генри, У. События военной жизни, Воспоминания о войне на полуострове и т.д., хирург Уолтер Генри, 66-й полк. Лондон, 1843 год.

Макгригор, Дж. Автобиография и заслуги сэра Джаса. Макгригор. Барт., покойный генеральный директор Медицинского департамента [1812-14]. Лондон, 1861.

Нил, А. Письма из Португалии и Испании [Вимейру и Коруньи], Адама Нила, доктора медицины, Лондон, 1809.

VII. ТРУДЫ КАПЕЛЛАНОВ.

Брэдфорд, У. Зарисовки страны, характера и костюма Португалии и Испании, 1808-189 гг., преподобного У. М. Брэдфорда, капеллана бригады. 40 цветных тарелок. Лондон, 1810 год.

Ормсби, Дж. У. Операции британской армии в Португалии и Испании, 1808-9, преподобный Джас. Уилмот Ормсби, с приложениями и др. Лондон, 1809 год.

VIII. ОФИЦЕРЫ КОРОЛЕВСКОГО ГЕРМАНСКОГО ЛЕГИОНА.

Hartmann, Sir Julius, Ein Lebenskizze, 1808-15. Berlin, 1901.

Омптеда, барон, С. Мемуары и письма барона Кристиана Омптеды, полковника королевского германского легиона [Кампании 1812-14 гг.]. Лондон, 1894.

Аноним. Дневник офицера королевского германского легиона, 1803-16. Лондон, 1827.

IX. РАБОТЫ ОФИЦЕРОВ ПОРТУГАЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ.

Блейкистон, Дж. Двенадцатилетнее военное приключение в трех четвертях земного шара [майора Джона Блейкистона], 1813-14, с португальскими касадорами. 1829.

Банбери Т. Воспоминания ветерана, личные и военные приключения на полуострове и т. Д. [1810-14 гг. с 20-й португальской линией]. 1861.

Мэдден, Г., Услуги, 1809-13, автор: Друг. Лондон, 1815.

Мэйн Р. и Лилли Дж. У. Верный Лузитанский легион, 1808-10. Лондон, 1812.

Уорре, Г. Письма сэра Джорджа Уорре [из Португальского штаба], 1808-12, под ред. преподобного Э. Уорре, д.д. Лондон, 1909.

Х. ОФИЦЕРЫ НА ИСПАНСКОЙ СЛУЖБЕ.

Уиттингем, сэр С. Воспоминания [и переписка] генерал-лейтенанта. Сэр Сэмюэл Форд Уиттингем. Лондон, 1868 год.

СНОСКИ

1 Книга Джона Шиппа - единственная из "рядовых", которая, по-моему, переиздавалась за последние десять лет. Мистер Фитчетт воспроизвел несколько глав Антона и других в своей довольно разочаровывающей книге "Люди Веллингтона".

2 Кинкейд, Случайные выстрелы стрелка, стр. 8.

3 Это был Вудберри из 18-го гусарского полка.

4 Жизнь сэра Уильяма Гомма, стр. 31.

5 Смотрите его любопытную депешу из Картаксо от 6 февраля 1811 года, касающуюся офицеров-проповедников.

6 Он описывает себя как "катающегося по полу, словно обезумевший, с адскими муками, овладевающими мной, и надеждой, которая, кажется, навсегда изгладилась из моего сознания". —Сертис, с. 172.

7 Он называет свою маленькую книгу "Мемуары покойного сержанта 43-го полка легкой пехоты до и во время войны на полуострове", включая отчет о его переходе из папства в протестантскую религию.

8 Джон Стивенсон из шотландских гвардейских фузилеров.

9 Жизнь сэра У. Нейпира, i. 235, 236.

10 Депеш, vii. стр. 559.

11 Там же. vi. стр. 485.

12 Это нелепое замечание можно найти на стр. 28 тома vi.

13 Напечатано только в 1894 году.

14 Под редакцией полковника. Уиллоуби Вернера.

15 Опубликовано в 1881 году. Бесценно как личное досье для сотрудников.

- 16 Отредактировано его родственником, нынешним ректором Итона.
- 17 Ларпент был юристом, который выступал в качестве судьи-защитника Веллингтона.
- 18 Вряд ли нужно упоминать "Небольшой набросок" Джонса (1818) или "Массу непереваренного современного материала" Годдарда (1814).
- 19 Дневник в "Жирод де л'Эйн", стр. 98.
- 20 Говорят, что его хорошо написанные два тома (выпущены в 1829 году) были в значительной степени работой его адъютанта Сен-Сир-Нуга.
- 21 "Всеобщая история войны в Италии" Вачани очень мало рассказывает об английской стороне, поскольку в основном посвящена действиям итальянцев в Каталонии.
- 22 Опубликовано Джулианом Корбеттом под довольно романтическим названием "Мальчик на войне на полуострове" (что наводит на мысль о художественном произведении) в 1899 году.
- 23 Опубликовано в "Испанском ревю" в 1907 году.
- 24 См. стр. 7.
- 25 Опубликовано в 1831 году. Первоклассный авторитет в вопросах стрелковой бригады и легкой дивизии.
- 26 Из 29-й редакции. Опубликовано только в 1887 году.
- 27 Опубликовано в 1867 году.
- 28 лет, не путать с сэром *Джорджем* Беллом.
- 29 Разбор и опровержение этой истории смотрите в "Ватерлоо" Роупса, стр. 238-242, 3-е издание. Мистер Хорсбург (стр. 138) и другие принимают эту историю. Но, несмотря на замечание леди Шелли, это действительно невероятно.
- 30 Анализ ошибок Марбо см. в эссе о его методах в книге Холланда Роуза "Питт и Наполеон", стр. 156-166.
- 31 Блейкни писал примерно в 1835 году в Паксоне на Ионических островах; Смит - в 1844 году в Индии; Кинкейд - в 1847 году.
- 32 Его необычайно яркий рассказ о судьбе временного батальона Брауна в Баррозе в деталях противоречит свидетельствам современников, в которых нет причин сомневаться, *например*, относительно численности батальона и точного поведения генерала Уиттингема.
- 33 Ярким примером является случай с сержантом 43-го полка, упомянутый выше на стр. 7, который впускает обрывки Нейпира в свое лоскутное одеяло с самым печальным результатом.
- 34 Но опубликовано издательством Constable & Co. только в 1828 году. Подробнее о его истории читайте в главе "Рядовые".
- 35 Автобиография сержанта Лоуренса была опубликована только в 1886 году. Книга Купера "Семь кампаний в Португалии" и др. вышла в 1869 году.

36Напечатано совсем недавно в "Испанском ревю" за 1907 год.

37Ганновер, 1907, 2 тома.

38Опубликовано в Лиссабоне в 4-х томах., 1862-80.

39Его книга называется "Воспоминания ветерана" и была опубликована только в 1861 году.

40Двенадцать лет военных приключений, опубликовано в 1829 году.

41Опубликовано в 1880 году.

42Опубликовано в 1835 г., в 2 т.

43Опубликовано в 1845 году.

44Два тома., опубликовано в 1856 году.

45Д. Бересфорд-Пак, 1905.

46Достопочтенного. Клод Вивиан, 1897.

47Два тома., 1904.

48Например, кавалерийский генерал Лонг, который писал весной 1810 года, что “следующая кампания на полуострове, насколько мы можем судить, закроет насыщенную событиями сцену на полуострове. Я твердо убежден, что ни "маршал" Веллингтон, ни "маршал" Бересфорд не предотвратят приближающегося порабощения Португалии”. И снова: “Веллингтон, я подозреваю, чувствует, что шатается на своем троне, и желает пойти на любые жертвы”.

49Кинкейд, глава v., май 1811 г.

50Повествование Кука о событиях на юге Франции, стр. 47, 48.

51Беседы Стенхоупа с герцогом Веллингтоном, стр. 14.

52Любопытный пример подобного рода в 92-м полку см. в "Военных воспоминаниях пехотного офицера" Хоуп, стр. 449-451. Ср. Автобиографию сэра Джорджа Нейпира, стр. 125-128.

53Воспоминания Гронова, стр. 66.

54Автобиография Макгригора, стр. 304, 305.

55При отправке его командовать в Индию.

56Эти два письма находятся в переписке Райс-Джонса (этого офицера Р.Э. не следует путать с сэром Джоном Джонсом, историком), предоставленной мне достопочтенным Дж. Генри Шор из Маунт-Элтона, Кливдон.

57См. "Жизнь и письма Колборна", изд. Мур Смит, стр. 126, 127; 235, 236.

58Нейпир, vi. стр. 175.

59Граттан, стр. 332.

60 Меморандум находится на стр. 261-263 тома iv Депеш веллингтона.

61 Депеши, т. v. стр. 123, 124.

62 Интересную главу о приключениях Колкхауна Гранта смотрите в автобиографии его шурина, сэра Дж. Макгригора.

63 Беседы Стенхоупа с герцогом Веллингтоном, стр. 19.

64 Дневник Фоя в "Жирод де л'Эйн", стр. 178.

65 Для анализа противоречия обратитесь к предисловию Дюмолина к его "Краткому изложению действий революции" и сравните книгу Колина "Военное образование Наполеона".

66 См., в частности, отчет о крупных атаках Англии и Австрии на французскую пехоту при Виллер-ан-Коши, Бомоне и Виллемсе (Британская армия Фортескью, стр. 240-56).

67 Французский батальон тогда состоял из девяти рот, из которых одной, роты Вольтижеров, в колонне не было.

68 Из эссе, озаглавленного "Характер армий различных европейских держав", в сборнике "Очерки теории и практики военного искусства". 3 тома. Лондон: Philips & Co.

69 Хотя маршал Бройль использовал нечто похожее на подход к постоянным подразделениям во время Семилетней войны: см. "Военные преобразования" Колина, стр. 97.

70 Колин приводит в качестве плохих примеров французские армии, вступающие в бой рассеянно, без надлежащего времени и взаимодействия, Ваттиньи, Нересхайм (1796) и все операции Моро за Рейном в том году от Раштадта до Эттлингена (Военные преобразования, стр. 99).

71 См. "Краткий обзор военной истории" Дюмолина, x, стр. 263, и "Тактику и дисциплину" Колина, стр. lxxxv.

72-я дивизия Ожеро в Арколе атаковала мост через возвышенную дорогу, проходящую над дамбой шириной всего 30 футов с болотами по обе стороны. Там было три полка, один позади другого. Колонна Когорна в Эберсбурге была не такой большой, всего лишь бригада. Но ему пришлось дефилировать по мосту длиной 200 ярдов.

73 Например, это было формирование 3-го корпуса в Лютцене, см. Фабри, Журнал 3-го ^{мения} и 5-го ^{мения} корпуса за 1813 год, стр. 7.

74 Военная борьба Фоя, изд. Жирод де л'Аин, стр. 107.

75 Обычно, но не неизменно: например, об использовании восьми стрелковых рот из пяти батальонов при Вильямуриэле 12 октября, у Мосюна, см. Дневник Бешо, стр. 406-7, в "Этюдах Наполеонима I."

76 Сэр Джеймс Синклер в своих наблюдениях о военной системе Великобритании, насколько это касается формирования пехоты, подробно рассматривает эту идею и предлагает иметь 160 стрелков в каждом батальоне численностью 640 человек.

77См. Fortescue, British Army, iv. стр. 921.

78Посмотрите анекдот о 28-м полке в Александрии, задняя шеренга которого развернулась и сражалась спина к спине с передней шеренгой, когда на нее неожиданно напала сзади французская кавалерия, прорвавшаяся через брешь в линии. Отсюда и выдача полку двойного кивера, спереди и сзади.

79До недавнего времени я предполагал, что у Ренье было по крайней мере левое крыло, или ударный *эшелон*, в колоннах батальонов, но доказательства, представленные мне полковником Дж. Джеймс доказывает, что, несмотря на то, что французские повествования этого не показывают, по крайней мере, большинство людей Ренье были задействованы. Это подтверждается повествованием Банбери, стр. 244, где это определенно указано, а также Бутби, стр. 78.

80Тех, что были у Ренье. См. главу "Война на полуострове", Буссако.

81См. "Беседы Стенхоупа с герцогом Веллингтоном", стр. 109.

82Фраза взята из рукописи Де Роса, процитированной в книге Максвелла "Жизнь Веллингтона", ii. стр. 20.

83Военная борьба Фоя, изд. Жирод де л'Аин, стр. 270, 271.

84—бригада Донкина, последний резерв Веллингтона, которая за весь день ни разу не вступала в бой с пехотой, потеряла 195 человек без единого выстрела - за исключением своих стрелков.

85См. Fortescue, iv. стр. 841.

86 В интересном циркуляре для бригадиров, передающем эту информацию, говорится: "Командующий Вооруженными силами рекомендует ротам 5/60-го полка особое внимание офицеров, командующих бригадами, к которым они прикреплены: они сочтут их наиболее полезными, активными и храбрыми войсками в полевых условиях, и они существенно увеличат численность своих бригад". — Общие распоряжения, стр. 262.

87 Эти "независимые стрелковые роты" КГБ, которые фигурируют во многих "утренних штатах", были отдельными солдатами, оставленными (в основном, без сомнения, в госпиталях) двумя "Легкими батальонами" КГБ, когда они покидали Португалию в сопровождении сэра Джона Мура.

88Если вдаваться в подробности, то в мае 1811 года 5/60-й полк снабдил легкие роты бригадами Стопфорда, Найтингейла, Маккиннона (3 роты), Майерса, Халса, Колборна, Хогтона и Аберкромби. "Брансуик Оелс Егерс" предоставили дополнительную роту бригадам Хэя и Данлопа, в то время как остальная часть батальона находилась в бригаде Зонтага. 3/95-й полк передал роту бригаде Говарда, в то время как другие батальоны этого знаменитого стрелкового корпуса входили в состав двух бригад Легкой дивизии. У немецкой бригады Лева были свои "независимые легкие роты". Только бригады Колвилла и Берна не имели такого обеспечения во всей армии.

89 За исключением португальской дивизии Гамильтона, которая получила свои касадорские батальоны только в 1812 году.

90 В 1811 году в армиях, противостоявших Веллингтону (Сульта и Мармона), была одна дивизия из 6 батальонов, одна из 9, две из 10, одна из 11, семь из 12, одна из 13. Численность батальонов варьировалась от 400 человек в 5-м корпусе до более чем 600 в 1-м корпусе. В среднем было около 500 человек, не считая солдат, откомандированных или находящихся в госпитале. В *компании* вольтижеров было бы от 80 до 110 человек.

91 Обратите особое внимание на отчет Виго-Руссильона о Баррозе, где он говорит о том, что его полк прорвал первую линию британцев, хотя все, что он действительно сделал, это отбросил назад четыре роты 95-го стрелкового полка и две из 20-й португальской. Точно так же в отчете Ренье о Буссако говорится, что дивизия Мерле прорвала линию фронта у Пиктона и потерпела неудачу только перед его второй. Но на “передовой” было всего пять легких рот.

92 Веллингтон Бересфорду, Депеши, vii. стр. 427.

93 Если *боевой порядок* был сформирован полком из трех батальонов по 600 человек в каждом, то только 634 человека из 1800 находились в первых двух рядах. Если бы полк состоял из четырех батальонов (два развернутых, два в колонне на флангах), был бы получен чуть лучший результат - 1034 человека из 2400, способных использовать свои мушкеты.

94 Это у меня есть из документа в архивах Военного министерства в Париже, в котором говорится, что “линия атаки была сформирована бригадой в колонне атаки. Справа и слева от него линия фронта была в смешанном строю; то есть с каждой стороны центральной колонны было по батальону, развернутому в линию, а с каждой из внешних сторон развернутых батальонов было по батальону или полку в колонне, так что на каждом конце линии было по колонне, готовой образовать каре на случай, если вражеская кавалерия попытается атаковать один из наших флангов”.

95 Фраза, произнесенная французским маршалом при Буссако!

96 Перепечатано генералом Трошу в его “Французской армии” за 1867 год, стр. 239, 240.

97 См. стр. 87 выше.

98 Подробнее см. Ниже, в главе, посвященной генералу Пиктону, стр. 134.

99 Хотя несколько поредевших полков также отправились домой, так что общая численность никогда не превышала 18 полков, 9000 всадников или менее, всего 70 000 человек. См. Страницы 192-3.

100 См. Депеши, том. viii. стр. 112.

101 Общие распоряжения (сборник), стр. 481, 482.

102 См. *Chapter XVIII.*, “Заметки об осадах”.,,

103 Смотрите Дневник майора Брука в “Блэквуде” за 1908 год, стр. 448, который я редактировал.

104 Воспоминания сержанта Дональдсона (94-й), ii. стр. 217, и ср. похожую историю у стрелка Харриса, стр. 30, 31.

105См. "Жизнь лорда Хилла" Сиднея, стр. 228.

106Он хотел, писал он, "иметь место для встреч, где они могли бы наслаждаться общественным общением в сочетании с экономией и поддерживать старые знакомства, завязанные на службе". До сих пор "офицеров, приезжавших в город на короткое время, загоняли в дорогие и плохие таверны и кофейни, без возможности встретиться со своими друзьями или с каким-либо хорошим обществом".

107Двадцать пять лет в стрелковой бригаде, Сержанты 95-го.

108Кадделл из 28-го, стр. 99.

109Особенно в Банбери, Далласе и Блейкни.

110 "Le général était de haute stature," says Vigo-Roussillon: "il avait les cheveux tous blancs, et était encore alerte et très vif, quoiqu'il avait soixante ans. Sa physionomie noble et ouverte m'avait inspiré le respect, même sur le champ de bataille."—Revue des deux Mondes, August, 1891.

111 Беседы Стэнхоупа с Веллингтоном, стр. 69.

112Кинкейд, стр. 116.

113 О том, что он обратился с такой просьбой, определенно говорится в Беседах Стэнхоупа, стр. 69.

114Приключения Граттана с рейнджерами Коннахта, стр. 16.

115Граттан, стр. 116, 117.

116 См. "Осаду бадахоса" Маккарти, стр. 35, и "Жизнь Пиктона" Робинсона, ii. стр. 170.

117Осада бадахоса Маккарти, стр. 41.

118 Жизнь Робинсона в Пиктоне, ii. стр. 390.

119 См., в частности, Маккарти, процитированного выше, и Макферсона (заметки в Robinson, ii. стр. 394-397).

120"Генералы полуострова" Коула, ii. стр. 84.

121Его брат, сэр Чарльз Кроуфорд, женился на вдовствующей герцогине Ньюкаслской, и поскольку герцог был несовершеннолетним, его мать и ее муж отказались от карманных округов Пелхэм и другого покровительства.

122Он отсутствовал в отпуске с зимы 1810 по май 1811 года и вернулся как раз к битве при Фуэнтес-де-Оньоро.

123Все это взято из дневника Шоу-Кеннеди, который подробно напечатан в самом неподходящем месте — Приложении к "Руководству по дежурствам на заставах" лорда Ф. Фицкларенса, книге 1840-х годов.

124См. Журнал Ларпента, стр. 85, и Алекса. "Жизнь генерала Роберта Кроуфорда", стр. 184, 185.

125 Уильям Нейпир отказался подписаться под отзывом об Альтене в конце войны, открыто заявив, что не видит в нем достаточных заслуг.

126 Горькую историю о том, как отзывались о нем его бригадиры, Барклай и Беквит, см. в "Жизни Колборна" Мура-Смита, стр. 174. Ср. также стр. 35 Воспоминаний Хэя 1808-15 гг., где приводится анекдот о том, как Кроуферд время от времени пренебрежительно относился к своим офицерам. Ср. также "Британский стрелок" Джорджа Симмонда, стр. 26, 27.

127 20 января 1912 г., в письме полковника Уиллоуби Вернера.

128 См. "Воспоминания о полуострове" Хэя, 1808-15.

129 См. Rifleman Harris, стр. 206.

130 Хардиндж посоветовал наступать, но именно Коул, будучи ответственным командиром, отдал приказ и выполнил его. Именно ему следует отдать должное как за решительность, так и за тактику.

131 См. Обращение Веллингтона к Торренсу (секретарю патронажа конной гвардии), 4 августа 1810 г.

132 См., например,, Веллингтон, Дешеш, vi., под 4 октября 1810 г. Среди генералов, к уходу которых он отнесся (по разным причинам) хладнокровно, были сэр Роберт Уилсон, Лайтберн, Тилсон и Найтингейл.

133 *Протокол* на стр. 572 сборника *Общих распоряжений*.

134 Стюарта раздражали его щеки, и он с горечью писал Каслри о незначительности своего положения.

135 См. Главу XVIII. об осадах, стр. 286.

136 Для получения особого указания относительно функций "Штабного кавалерийского корпуса", созданного в марте 1813 года, см. Общий приказ на эту дату. Этот орган следует тщательно отличать от Штабного корпуса, о котором см. "Британская армия" Фортезкью, iv. стр. 881: это был своего рода вспомогательный корпус военных механиков, независимый от Управления боеприпасов, к которому принадлежали "Королевские военные механики". Это было порочное дублирование параллельных организаций.

137 Генеральный орден, Френеда, 1 ноября 1811 г.

138 Личный журнал судьи-адвоката Ларпента, 1812-14, опубликован в Лондоне в 1853 году.

139 Имен может быть достаточно, чтобы показать класс, из которого они были взяты: маркиз Вустерский, лорд Марч, Батерст, Бувери, Бюргерш, Каннинг, Мэннерс, Стенхоуп, Фримантл, Гордон, де Бург, Кадоган, Фицрой Сомерсет.

140 См. [примечание](#) на странице 270 главы xvi о "Препятствиях".

141 См. Общий приказ от 4 мая 1809 г.

142 Его самыми амбициозными усилиями были небольшие карты, напечатанные в Камбре во время оккупации Франции после Ватерлоо, с примечаниями полковника Дж. Кармайкл Смит, р.Э., и Общие приказы за 1815 год, напечатанные в Париже сержантом 3-й гвардейской армии Бьюкеном, главным печатником Оккупационной армии.

143 См., например, Алкмарскую депешу Йорка от 6 октября 1799 г.

144 Например, в книге Уолша “Экспедиция в Голландию в 1799 году”, стр. 22, все первоначальные силы британского десанта, 15 000 штыков, называются "первой дивизией", но только в отличие от войск, которые еще не высадились, не технически.

145 За исключением, конечно, того, что 1-й и 3-й касадорские батальоны всю войну служили в двух бригадах Легкой дивизии.

146 См. стр. 83.

147 1/43-я, 1/52-я, 1/95-я.

148 2/5-й, 1/11-й, 2/28-й, 2/34-й, 2/39-й, 2/42-й, 2/58-й. 1/40-й и 2/24-й присоединились к Веллингтону как раз к Талавере.

149 Первоначальная британская бригада 5-й дивизии состояла из 3/1, 1/9 и 2/38-й.

150 2/30-й и 2/44-й, к которым впоследствии была добавлена 1/4-я.

151 Название Армейский корпус впервые появляется в кампании при Ватерлоо 1815 года.

152 Преемственность бригадиров, по-видимому, состояла в том, что в одной бригаде за Стаей следовали Уилсон и Алекс. Кэмпбелл; в другом случае Брэдфорд оставался почти на протяжении всей войны, но Мак-Магон командовал частью войск в 1811-12 годах. После июня 1811 года бригада Эшворта регулярно присоединялась ко 2-й дивизии.

153 Теперь он больше не нужен, поскольку Лейт получил свою вторую британскую бригаду.

154 2-й, 1/36-й и (добавленный много месяцев спустя) 1/32-й.

155 1/50-й, 1/71-й и 1/92-й.

156-я 51-я, 85-я, с британскими егерями и брауншвейгскими оленьими егерями. 68-й присоединился в июле, но 85-й отправился домой в октябре.

157 1-й и 2-й легкие батальоны KGL, которые высадились очень поздно, присоединились к армии Бересфорда в Эстремадуре и соединились со своей дивизией только в июне.

158 Смотрите примечания об этих батальонах в главе “Вспомогательные силы”.

159 После Альбуэры их прозвище было изменено на “Энтузиасты”.

160 Это произошло с 5-м, 28-м, 38-м, 39-м, 42-м. 2/4-й и 2/52-й полки вышли на короткое время, а затем отправили своих годных к службе людей в свой 1-й батальон и разошлись по домам.

161 См. стр. 166.

162 Этими тридцатью семью были 2-й, 12-й, 13-й, 16-й, 17-й, 19-й, 20-й, 22-й, 29-й, 33-й, 37-й, 41-й, 46-й, 49-й, 51-й, 54-й, 55-й, 64-й, 65-й, 68-й, 70-й, 74-й, 75-й, 76-й, 77-й, 80-й, 85-й, 86-й, 93-й, 94-й и с 97 по 103-й.

163 Которые предназначались только для службы на дому и назывались “Армией резерва”. Но вскоре их стали использовать для общего обслуживания.

164 Полками, которые сформировали запоздавшие вторые батальоны, были 12-й (в 1813 году), 22-й (в 1814 году), 37-й (в 1811 году), 41-й (в 1814 году), 73-й (в 1809 году), 86-й (в 1814 году), 93-й (в 1814 году). 95-й (в 1809 году) и 56-й в 1813 году сформировали *третий* батальон.

165 Информацию обо всех заведениях смотрите в Таблице в Приложении I.

166 Так было с 7-м, 48-м, 52-м и 88-м полками в 1811 году.

167 3-й гусарский полк KGL, 2/14-й, 2/23-й, 2/43-й, 2/81-й, так и не вернулся на службу под командованием Веллингтона в 1809-14 годах.

168 В 1810 году в Португалию вернулись 3/1-я, 1/4-я, 1/9-я, 1/50-я, 1/71-я, 1/79-я. В 1811 году следующие: 2-я, 1/26-я, 1/28-я, 1/32-я, 1/36-я, 51-я, 2/52-я, 1-я и 2-я легкие кавалерийские дивизии В 1812 году следующие: 1/5-я, 1/6-я, 20-я, 1/38-я, 1/42-я, 2/59-я, 1/82-я, 1/91-я. В 1813 году 7-й, 10-й, 15-й, 18-й гусарские полки, первый и третий батальоны 1-го пехотного гвардейского полка и 76-й.

169 Это были 1/3-й, 2/9-й, 29-й, 1/40-й, 1/45-й, 5/60-й, 97-й, 1-й, 2-й, 5-й, 7-й линейные батальоны КГБ и 20-й легкий драгунский полк, последний из названных неполных.

170 Полки, прибывшие с Уэлсли или до него весной и предыдущей зимой 1808-1809 годов, зимой составляли 3/27-й, 2/31-й и 14-й легкие драгунские полки; в апреле - 1-й гвардейский Колдстрим, 1-й шотландский гвардейский стрелковый полк, 2/7-й, 2/30-й, 2/48-й, 2/53-й, 2/66-й, 2/83-й, 2/87-й, 1/88-й, 16-й легкий драгунский, 3-й гвардейский драгунский, 4-й драгунский.

171 С апреля выступили 23-й легкий драгунский, 1-й гусарский полк, KGL, 1/61-й, 1/48-й, 2/24-й; но 20-й легкий драгунский был списан (отправлен на Сицилию), в то время как 2/9-й и 2/30-й были отправлены обратно в Лиссабон для перехода в Гибралтар. Таким образом, чистый прирост в период с апреля по июль составил всего один кавалерийский полк.

172 Чтобы еще раз подытожить. 1-й батальон: 1/3, 1/40-й, 1/45-й, 1/48-й, 1/61-й, 1/88-й. 2-й батальон: 2,7-й, 2,31-й, 2/24-й, 2,48-й, 2,53-й, 2,66-й, 2,83-й, 2,87-й. Другие младшие батальоны: 3/27-й (оставлен в Лиссабоне), 5/60-й. Отдельные батальонные полки, 29-й, 97-й. Было также два “Батальона заградотрядов”.

173 Самыми сильными батальонами в Талавере были 1/3-й пехотный 1019-й гвардейский, 1-й Колдстрим 970-й, 1/48-й 807-й; самыми слабыми были 2,66-й 526-й, 97-й 502-й, 2,83-й 535-й.

174 А именно: 2,7-я, 2,48-я.

175 2/24-я, 2/31-я, 2/53-я, 2/66-я. Первые батальоны трех из них находились в Ост-Индии, четвертого - на Сицилии.

176 1/7-я, 1/11-я, 1/23-я, 1/37-я, 1/39-я, 1/57-я.

1772/5-й, 2/34-й, 2/38-й, 2/44-й, 2/47-й, 2/58-й, 2/62-й, 2/84-й.

17868-й, 74-й, 77-й, 85-й, 94-й.

179 Так было со 2/62-м, 77-м, 1/37-м, 2/84-м полками.

180 Шестым подразделением временных батальонов является отдельный батальонный корпус, 2-й пехотный или Ферзевый.

181 Типичные цифры — 77-е место, высадилось в июле 859 человек всех рангов - в сентябре их было всего 560. В 68-м, приземлившемся примерно в то же время, было 233 заболевших против 412 эффективных: в 51-м, приземлившемся в апреле, было 246 заболевших против 251 эффективного! Но 51-й полк потерял людей во время второй осады Бадахоса. Два других полка почти не несли службы.

182 Более 14 000 человек в октябре 1811 года.

183 Веллингтон написал военному министру (лорду Батерсту): “Уверяю вас, что одними из лучших батальонов армии являются временные батальоны. Недавно я видел, как сражались две из них, сформированные из 2/24-го и 2/58-го полков, а также сформированные из 2-го Королевского и 2/53-го: ни одно войско не может вести себя лучше. Та же схема теперь могла быть с большим преимуществом применена к 51-му и 68-му, а также к другим полкам” (Депеши, х. стр. 629). В 1812-13 годах на короткое время существовал еще один “временный батальон”, состоявший из 2/30-го и 2/44-го полков.

184 Вероятно, год спустя Веллингтон не позволил бы 29-му и 97-му бывшим одnobатальонным полкам, отправленным домой после Альбуэры, уйти, но объединил бы их в качестве “временного батальона”. В своей частной переписке он выражает глубокое сожаление по поводу потери двух превосходных подразделений, потому что в каждом из них было убито около 250 человек.

185 После Альбуэры, где они оба тяжело пострадали, 2-й полк был отправлен домой, переведя своих годных к службе людей в 1-й, который был первым соединением с сестринским батальоном, которое у него было.

186 Однако иногда встречаются такие цифры, например, 1/4-й в Буссако и 1/43-й в сентябре 1811 года насчитывали более 1000 человек всех рангов. Как и 1/42-я в Саламанке.

187 Так получилось, что они оказались 1/43-м и 2/38-м соответственно. В то время в двух гвардейских батальонах насчитывалось чуть менее 900 человек всех званий в каждом.

188 3-й гвардейский драгунский, 1-й и 4-й драгунские, 14-й и 16-й легкие драгунские, 1-й гусарский полк, К.Г.Л.

189 13-й легкий драгунский полк.

190 3-й, 4-й, 5-й гвардейские драгуны; 1-й, 3-й и 4-й драгунские полки; 9-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 16-й легкие драгунские полки; 1-й и 2-й тяжелые драгунские полки KGL; 1-й и 2-й гусарский KGL

191 Томкинсон в своем дневнике отмечает (стр. 230), что 11-й легкий драгунский был не в таком плохом состоянии, как другие обреченные полки, но что их полковник был настолько

старше по званию, что препятствовал назначению нескольких более способных офицеров командовать бригадами - поэтому Веллингтон решил вывезти его из страны.

192Депеши, vii. стр. 58. лорду Ливерпулю.

1939-й и 11-й легкие драгунские полки, 4-й гвардейский драгунский полк, 2-й гусарский полк К.Г.Л.

194А именно: 1-й королевский, 13-й, 14-й и 16-й легкие драгунские и 1-й гусарский полк К.Г.Л. См. Общие приказы от 2 октября 1811 г.

195 В армии Талавера, по общим данным, было от 536 лейтенантов до 259 прапорщиков; в армии Буссако от 624 до 237; в армии 1811 года (март) от 739 до 323 — в каждом случае более двух к одному.

196убитых, бригадный генерал. Хогтон и один майор, ранены два подполковника и два майора.

197 Пиктон, хотя и был ранен в ногу при Бадахосе, некоторое время находился со своей дивизией после того, как она выступила из Эстремадуры на Север, но рана воспалилась, и он был вынужден лечь в госпиталь, и Уоллес занял его место на несколько недель в июне, а Пакенхэм появился в качестве командира дивизии в июле.

198Смотрите горькие замечания к автобиографии Блейкни на стр. 367-369. Ряд иллюстративных анекдотов смотрите в любопытной маленькой книжке Лича "Прогулки по берегам Стикса", которая полна жалоб жителей полуострова.

199 Намек на темное влияние при распределении коммиссионных, которым, как говорят, пользовалась любовница герцога Йоркского, миссис Мэри Энн Кларк.

200Подробнее об этой брошюре читайте в "Личной истории конной гвардии" Стоквелера, стр. 60-67.

201Поразительную историю прапорщика, который работал маркером на бильярде в Дублине и в конечном итоге был уволен за кражу, см. В статье полковника Дж. Воспоминания Банбери, том i, стр. 26-28.

202Воспоминания капитана Джорджа Эллерса, 12-я пехотная, стр. 43.

203Смотрите примеры в Общих приказах от 23 апреля 1810 г. и 16 июля 1812 г.

204Хороший пример см. В Документах Диксона, стр. 622, 623, где хороший Диксон заставляет одного офицера признать, что его "предали в момент опьянения" оскорбительными словами, а другого сказать, что встречное обвинение, которым он ответил, было выдвинуто "в момент сильного раздражения и страсти". Оба извинения были признаны удовлетворительными.

205Серия судебных процессов в одном батальоне на полуострове показывает нам такую картину: полковник с одной стороны и два майора с другой. Первый подал в суд на старшего майора за растрату, в то время как в тот же момент младший офицер был "разорен" за утверждение о том, что младший майор проявил трусость на поле боя. Конногвардейцы в конце концов разогнали всех офицеров по разным корпусам, как единственный способ положить конец вражде.

206См. стр. 121-2 тома ii "Жизни Робинсона в Пиктоне".

207 Письмо напечатано в "Военной жизни", изд. Жиро де л'Аин, стр. 98.

208Смотрите заголовок "Лиссабон" в сборнике общих распоряжений, стр. 206, 207.

209Генеральных приказов, Френеда, 4 декабря 1811 года. Истории о склонности этого офицера к увиливанию от дел смотрите на стр. 27-36 второй серии "Приключений Граттана с рейнджерами Коннахта". В конечном счете его уволили.

210Воспоминания Глейга о Веллингтоне, стр. 303.

211 Беседы с герцогом Веллингтоном, стр. 13 и 18.

212См., например, стр.249-50.

213 Когда в 1794 году был учрежден 90-й корпус, из 746 человек 165 были англичанами и 56 ирландцами — не намного меньше трети от общего числа. Ср. "Историю 90-х" Делавау, стр. 3. В кампании при Ватерлоо в 71-м полку было 83 англичанина и 56 ирландцев в своих рядах.

214"История 77-го века" Вулрайта, стр. 29.

215История 53-го полка Роджерсона, стр. 35.

216См. "Историю британской армии" Фортеस्कью, vi. стр. 180-183.

217 Процитирую интересную пояснительную записку из автобиографии Морриса 73-го. "Ополчение выстраивалось в шеренгу, и офицеры полков, которым требовались добровольцы, давали яркое описание своих нескольких корпусов, описывая одержанные ими победы и почести, которые они приобрели, и в заключение предлагали награду. Если эти стимулы не помогали привлечь людей, принимались принудительные меры: полковник милиции проводил тяжелые и длительные учения в полевых условиях, которые были настолько утомительными и угнетающими, что многие мужчины соглашались на альтернативу и записывались добровольцами в регулярные войска" (стр. 13).

218Хитрый шотландец объясняет свое волонтерство способом, сочетающим патриотизм, любовь к приключениям и расчетливость. "В ополчении я служу в безопасности жизни и здоровья, но без перспективы получения в будущем пособия по старости (пенсии), которого я могу достичь. Лучше рисковать и тем, и другим за границей на регулярной службе, чем иметь бедность и тяжелый труд, сопровождающие меня до мирной могилы дома". Ретроспектива военной жизни Антона, стр. 39.

219Посмотрите забавный рассказ лоуренса 20-го и его две увертки от своего работодателя-каменщика.

220См. Беседы Стенхоупа с Веллингтоном, стр. 13.

221Журнал Т. С. 71-го в "Мемориалах Констебля о последней войне", i. стр. 25.

222Примечание Колборна на стр. 396 книги Мур-Смита "Его жизнь".

223Стрелок Харрис, стр. 10-16.

224 В военном суде над рядовыми, напечатанном в Общих приказах, из 280 судебных процессов я различаю 80 определенно ирландских имен и гораздо больше, вероятно, ирландских, в то время как шотландцев всего 23. Конечно, ирландцев в армии полуострова было не в четыре раза больше, чем шотландцев, хотя их было более чем в два раза больше.

225 См. также Беседы Стенхоупа с Веллингтоном, стр. 6.

226 Двадцать пять лет в стрелковой бригаде, стр. 47, 48.

227 Разумеется, оба предстали перед военным трибуналом: см. Общие приказы, том vii.

228 Этот случай описан в ненапечатанных письмах Ф. Монро, Р.А., переданных мне его сегодняшними родственниками.

229 Одно из едких обобщений герцога по этому поводу гласило: “гвардейские унтер-офицеры регулярно напивались раз в день, к восьми вечера, и вскоре после этого ложились спать, но они всегда старались сначала выполнить то, что им приказывали”. — Беседы Стенхоупа с герцогом Веллингтоном, стр. 18.

230 Смотрите "Ретроспективу военной жизни" Антона (42-й, Черная стража), стр. 239, 240.

231 Ретроспектива военной жизни, стр. 57, 58.

232 Мемуары сержанта Морли, 5-й Фут, стр. 101.

233 В 1809 году в живых остались полки де Мерона, Ролля, Диллона и де Ватвиля.

234 Это условие не было ни представлено, ни одобрено британским правительством, которое отказалось принять его к сведению. Наполеон во время многих споров об обмене пленными в последующие годы всегда находил хороший предлог для прекращения переговоров в том факте, что он считал, что 4000 или 5000 ганноверцев из КГБ следует считать людьми, требующими обмена.

235 Я отмечаю среди дезертиров из Немецкого легиона в 1812-14 годах странные и нетевтонские имена Гормовски, Мелофски, Шилински, Вутгок, Прочинский, Борофски, Фердинандо, Пандеран, Ковальзух, Маттейвич и др.

236 Два других имени - одно швейцарское, другое хорватское.

237 Такие имена, как Дэви, Вудгейт, Галифф, Эндрюс, Маккензи, Холмс, Линстоу, Уинн, Джойс, Гилберт, безошибочно являются британскими. Смотрите "Историю 5/60-го полка" полковника Риго, Приложение i.

238 См. стр. 120.

239 См. стр. 168-9.

240 Этот корпус сформировал свой второй батальон только в 1811 году.

241 Алгарве, № 2 (Лагос) и 14 (Тавира). Алемтехо, № 5 и 17 (1-й и 2-й от Эльваса), 8 (Эвора), 20 (Кампомайор), 22 (Серпа). Лиссабон, № 1, 4, 10, 16. Эстремадура, № 7 (Сетубал), 19 (Кашкаеш), 11 (Пенише). Бейра, № 3 и 15 (выросли в районе Ламего), 11 и 23 (1-й и 2-й в Алмейде). Регион

Порту, № 6 и 18 (1-й и 2-й в Порту), 9 (Виана), 21 (Валенса). Трас-ос-Монтес, № 12 (Чавес) и 24 (Браганса).

242 Три лузитанских батальона носили форму цвета плюща, девять других - темно-коричневую. Покрой обоих был выполнен в подражание покрою британской стрелковой бригады.

243 Бересфорд Веллингтону, Дополнительные депеши, vi. стр. 774.

244 Из меморандума Бенджамина Д'Урбана, генерального квартирмейстера Бересфорда, или, скорее, начальника штаба, опубликованного в неопубликованных документах Д'Урбана.

245 Из письма своему другу Дж. Уилсону из неопубликованной переписки Д'Урбана.

246 Общих приказов, Санта-Маринья, 25 марта 1811 г.

247 Случай с офицером, который открыто сожительствовал с женой рядового, дрался с ее небезосновательно ревнивым мужем и избивал его.

248 См. Общие распоряжения от 2 июля 1813 г.

249 Существует давняя ссора подобного рода между полковником Кокрейном из 36-го полка и генералом А. Кэмпбеллом, первоначальной причиной которой были детали неправильного руководства при победе Бренны из Алмейды.

250 Генеральных приказов, Лесака, 20 сентября 1813 года. В этом случае лейтенант 5/60-го полка был осужден за яростное сопротивление старшему по званию при выводе его лошадей из конюшни, "использование оскорбительных выражений" и угрозу ударить его.

251 Общий приказ Гарриса от 24 февраля 1814 г.

252 Там же., Френеда, 3 февраля 1813 г.

253 См. "Депеши Веллингтона", том ii, стр. 330 и 369, а также Дневник Степни, посвященный его поимке, стр. 55.

254 Дело капрала Хэммонда из 87-го полка, 24 января 1810 г.

255 А именно: 5/60-я, 97-я, 1, 2, 5, 7-я линии К.Г.Л., 1 и 2-я Легкие К.Г.Л., Брауншвейгские войска и британские егеря.

256 Рассказ взят из стр. xxxi Введения к Собранию Общих распоряжений.

257 Общих приказов от 22 сентября 1809 г.

258 См. печатный отчет Длительного военного трибунала над полковником Квентином, Лондон, 1814 г., стр. 272.

259 Напечатано в "Общих приказах", т. v. 1813, обвиняемый полковник. Архидалл 1/40-го.

260 "Богатая событиями солдатская жизнь сержанта Дональдсона", стр. 145, 146.

261 Существуют медали за примерное поведение периода полуострова для 10-го и 11-го гусарских полков (начиная с 1812 года), 5-го пехотного (Нортумберлендские стрелки), 7-го стрелкового, 22-го, 38-го, 52-го, 71-го, 74-го, 88-го, 95-го, 97-го и некоторых других корпусов, не

говоря уже о других, которые были медалями за особые подвиги храбрости или за меткую стрельбу.

262См. "Воспоминания пехотного офицера" Хоуп, 1808-15, стр. 459-60.

263Говорят, что так было в 1/48-м полку, когда им командовал полковник Доннеллан, который пал при Талавере.

264Автобиография сержанта Уильяма Лоуренса, стр. 48, 49.

265Черновые заметки сэра Джорджа Белла, i. стр. 120.

266Вероятно, речь идет о рядовом 34-го полка, который в ярости ударил своего капитана. Эта порка (1813) была единственной такой жестокости, которая произошла в полку за то время, пока Белл служил в нем в 1812-1814 годах.

267См. сноску к стр. xxv Избранных общих распоряжений.

268Их можно найти в упомянутом выше "Fitzclarence on Outpost Duty", где они были напечатаны полностью. Его по-прежнему легко достать.

269Дональдсон из 94-го полка, стр. 179-181.

270Общий приказ от 23 мая 1809 г.

271Смотрите порицания в 1811 и 1812 годах в сборнике общих распоряжений, стр. 20.

272“По приказу сэра Джона Мура лошадь или мул были разрешены каждому капитану пехотной роты, а лошадь или мул были общими для младших офицеров. И по приказу сэра Джона Крэдока, который был правилом для этой армии, младшим офицерам разрешалось иметь лошадь или мула на двоих” (Общие распоряжения, стр. 122).

273 Я нахожу, *например*, в дневниках, что 2-й лейтенант. Хаф, Р.А., получил “двух слуг, деревенскую лошадь и мула” сразу после приземления. Гео. Симмонс и Гарри Смит из 95-го, безусловно, обычно ездили верхом, когда были всего лишь лейтенантами. Как и Граттан из 88-го. Белл из 34-го, будучи бедным, имел “только половиноуслика вместе с другим парнем”. У Банбери из "Баффс" была половина лошади и половина мула вместе с другим младшим офицером. Хэй из 52-го полка в своей первой кампании был только с одним мулом при себе, но купил португальскую кобылу еще до того, как провел год в полевых условиях.

274Из той забавной песенки (строго современной) Военные приключения Джонни Ньюкома.

275Примечания к Джонни Ньюкому, стр. 30.

276 Граттан из 88-го полка, продавший свою лошадь при выезде с полуострова на Лиссабонской конной ярмарке, говорит, что получил за нее 125 долларов, что по тогдашнему обменному курсу равнялось 31,5 *фунтам стерлингов*. Бутби, Р.Э., покупая английского жеребца рыжей масти, считает, что ему очень повезло, что он купил его за 30 гиней. За осла дали всего около 15 долларов.

277 Есть несколько судебных процессов над офицерами, которые (игнорируя этот приказ) исключили солдата-слугу или батмана из рядов.

278 Один офицер рассказывает, что в Саламанке он наткнулся на своего собственного погонщика мулов в возрасте десяти или двенадцати лет, намеренно вышибавшего мозги раненому французу большим камнем. Другой автор дневника рассказывает о том, как он устроил раненого француза поудобнее, пока тот ходил за хирургом, а вернувшись, обнаружил его заколотым и раздетым. Третий (Ф. Монро, Р.А.) говорит: “Я оказался среди мертвых и умирающих, к стыду человеческой природы, оба были раздеты, некоторые полуголые, некоторые совсем обнаженные, и это сделали в основном те адские дьяволы в обличье смертных, жестокие, трусливые португальские последователи, бесчувственные негодяи. Португальцы грабили *наших собственных раненых офицеров* еще до того, как они были мертвы!”

279 См. книгу Росса Левина "С 32-м полком в войне на полуострове", стр. 205.

280 Взгляд сержанта Антона на военную жизнь, стр. 60, 61.

281 Черновые заметки старого солдата, т. i. стр. 74, 75.

282 Веллингтон (Общий приказ от 26 апреля 1814 г.) делает уступку, согласно которой полковники могут разрешить “нескольким лицам, зарекомендовавшим себя полезными и регулярными”, сопровождать солдат, к которым они прикреплены, “с целью окончательного вступления в брак”.

283 Подробнее см. в книге Дональдсона "Богатая событиями жизнь солдата", стр. 231, 232.

284 История войны на полуострове, том iv. стр. 276. Также упоминается в Дневнике Томкинсона, стр. 185.

285 Воспоминания Лежена, том ii. стр. 108. Я немного склонен думать, что это, возможно, было домашнее заведение старшего адъютанта Хилла Карри, поскольку Лежен видел это зрелище в направлении Эльвас-Оливенца, где тогда была расквартирована 2-я дивизия.

286 См. Документы Диксона I., стр. 448.

287 Это письмо, найденное среди бумаг лорда Ливерпуля в 1869 году, было передано мне мистером Ф. Тернером из Фрома.

288 См. книгу Коннолли "Королевские саперы и минеры", стр. 187-8 и 194.

289 Джонс, "Осады полуострова", i, стр. 169.

290 Общие распоряжения, стр. 275.

291 "Осады полуострова" Джонса, ii. стр. 97.

292 Граттан в "Коннахт Рейнджерс", стр. 193, 194.

293 Граттан, рассказывающий о шторме Родриго, стр. 145.

294 Сержант Дональдсон, стр. 155: он говорит о последнем штурме Бадахоса.

295 Вместо латунной таблички со значком полка или номером Легкая пехота и винтовки имели только горн.

У 296-й легкой пехоты спереди на кивере был небольшой зеленый хохолок; у остальных линейных полков сбоку был прикреплен более крупный вертикальный плюмаж.

297 Кук из 43-го полка говорит (в своем Повествовании о событиях на юге Франции, стр. 67), что “искаженные чередованием дождя и солнечного света, а также тем, что наши фуражки служили подушками и ночными колпаками, они приняли самые чудовищные и гротескные формы”.

298 “Коннотские рейнджеры” Граттана, стр. 51.

299 См. издание Лесли the Dickson Papers, ii. стр. 994.

300 Мемуары капитана Эллерса, стр. 124 (относятся к 1800 году). “Он никогда не пудрился, хотя это было предписано правилами. Его волосы были коротко подстрижены. Я слышал, как он говорил, что пудра для волос очень вредна для здоровья, так как препятствует потоотделению, и он, без сомнения, был прав”.

301 Смотрите, например, описание 43-го полка, готовящегося штурмовать Родриго, в “Граттане”, стр. 145.

302 Военный журнал полковника. Лесли Балкуэн, стр. 229.

303 Воспоминания капитана Кука, ii. стр. 76.

304 7-го, 10-го, 15-го гусарских полка. В 1808 году 18-й полк все еще назывался Легким драгунским.

305 В апреле 1813 года 10-й, 15-й, 18-й гусарские полки, 7-й гусарский полк последовал за ними в сентябре того же года.

306 Письма Кертера из Португалии и Испании, 1808-9, стр. 219.

307 Королевские военные ремесленники в первые годы века носили самый необычный и уродливый головной убор - высокий цилиндр с полями, который больше подходил для гражданской одежды и в котором не было ничего военного, кроме “кисточки для бритья”, воткнутой сбоку. Однако она мало чем отличалась от шляпы морской пехоты. Для иллюстрации смотрите Таблички в книге Коннолли “История королевских саперов и шахтеров”, том i.

308 В книге Граттана “Коннахтские рейнджеры” есть множество историй о нем. Это, однако, из черновых заметок Белла, i. 95.

309 Смотрите письмо в “Истории генерала Риго” за 5/60-е годы.

310 Смотрите иллюстрацию на [табличке 8](#), изображающую сержанта и рядового в зимнем походном порядке.

311 В дневнике (стр. 28) Купера из 1/7-го полка есть любопытный анекдот о сержанте, который, бегая с низко опущенным острием своей пики, зацепился ею за землю и упал вперед на ее острие, которое прошло прямо сквозь его тело.

- 312*Например.* есть история Ватерлоо о сержанте 18-го гусарского полка, который долго сражался с кирасиром и, не имея возможности добраться до него из-за доспехов и шлема, в конце концов убил его ударом в рот. Мне бы не хотелось воспринимать это как нечто определенное.
- 313Подробные сведения о них см. в книге м-ра Милна "Штандарты и цвета армии", Лидс, 1893.
- 314Автобиография Сержанта. Лоуренс, стр. 239.
- 315См. выше, стр. 161.
- 316См. стр. 283.
- 317См. стр. 266 выше.
- 318Семилетняя кампания Хеннегана, i. стр. 52.
- 319-й Даллас заботился о бригаде Скерретта, которая в то время (октябрь 1812 г.) шла маршем из Севильи в Аранхуэс, прямо через Центральную Испанию.
- 320Автобиография преподобного Александра Далласа, Лондон, 1871, стр. 59, 60.
- 321Что касается невыносимых задержек, вызванных невозможностью найти обоз с мулами, готовый вернуться на фронт, хороший пример можно найти в автобиографии квартирмейстера 95-го Сертиса, который поздней осенью 1812 года на бесконечные недели застрял в Абрантеше с новым обмундированием своего батальона, который (как он знал) жестоко страдал от его нехватки.
- 322См. "Богатую событиями жизнь солдата" Дональдсона, стр. 219, 220.
- 323Двадцать пять лет службы Сертиса в стрелковой бригаде, стр. 173, 175.
- 324Из "Путешествий и приключений горниста Уильяма Грина, покойного из стрелковой бригады, Ковентри, 1857 год" — интереснейшая маленькая книжечка.
- 325Мемуары Джона Стивенсона, 3-я пехотная гвардия, стр. 191.
- 326Записано в исторических медалях Танкреда: подробнее см. Стивенсона, а также "Жизнь шотландского солдата", 71-я книга (стр. 118).
- 327Можно вспомнить абсурдную полурелигиозную переписку герцога и "мисс Дж." в 1840-х годах, опубликованную около десяти лет назад.
- 328Сэр Х. Калверт, генерал-адъютант, в Веллингтоне, 8 ноября 1811г.
- 329См. Стивенсон, стр. 172.
- 330Иллюстраций, стр. 177-9.
- 331О "белемитах" см. Выше, стр. 204-5.
- 332Который "никогда не начинал действовать, не подвергнув себя строгому самоанализу, когда, примирившись (как он смиренно надеялся) с Богом, он оставлял результат в Своих руках

с полной уверенностью, что Сам определит, что для него лучше”. - См. "Генералы полуострова" Коула, ii. 292.

333 В 1809 году 14-й округ, бывший Бедфордшир, получил территориальное обозначение Бакс; а 16-й, бывший Бакс, стал Бедс.

334 Из этих 25 человек двадцать были с армией Мура при отступлении из Ла-Коруньи, а 23 отправились в Вальхерен.

335 Из этих 42 человек семеро были с армией Мура при отступлении из Ла-Коруньи, а 14 отправились в Вальхерен.

336 Из этих 11 трое (1/43-я, 1/52-я, 1/95-я) были в армии Мура.

337 Из этих 3 человек один (3/1-й) был с армией Мура при отступлении из Ла-Коруньи и отправился в Вальхерен.

338 9-й, 30-й, 47-й, 48-й, 53-й, 56-й, 83-й, 84-й, 87-й. 83-й был намного выше этой цифры, 2461, что являлось совершенно исключительной силой.

339 4-й, 5-й, 7-й, 11-й, 23-й, 24-й, 28-й, 31-й, 42-й, 43-й, 44-й, 52-й, 66-й, 67-й, 81-й, 88-й, 89-й.

340 6-й, 21-й, 32-й, 34-й, 35-й, 38-й, 39-й, 40-й, 50-й, 58-й, 61-й, 71-й, 78-й, 79-й, 82-й, 92-й.

341 3-й, 8-й, 10-й, 18-й, 26-й, 36-й, 45-й, 57-й, 62-й, 63-й, 72-й, 90-й.

342 15-й, 25-й, 59-й, 69-й, 73-й, 91-й, 96-й.

343 13-й, 17-й, 29-й, 76-й, 80-й, 93-й.

344 2-й, 12-й, 19-й, 20-й, 22-й, 33-й, 49-й, 51-й, 64-й, 97-й, 90-й, 101-й, 102-й.

345 37-й, 41-й, 54-й, 55-й, 65-й, 68-й, 70-й, 74-й, 75-й, 77-й, 85-й, 86-й, 94-й, 99-й, 100-й.

346 16-й, 46-й, 103-й.

347 94-й полк отправился в Кадис в 1810 году; 75-й, незадолго до этого вернувшийся из Индии, был очень слаб и не поступал на иностранную службу (Сицилия) до 1812 года.

348 Эта бригада была присоединена к IV 2 января.

349 Эти полки прибыли в Лиссабон в апреле, но, побывав в Вальхерене, сначала не были отправлены в поход до июля, с 8 числа которого они были представлены как бригада под командованием Лейта.

350 Некоторые источники представляют Легкие батальоны как отдельную бригаду под командованием Хэлкетта.

351 Не тот человек, который командовал 7-й дивизией в 1812 году, а 1-й граф Хоуптаун.

КОНЕЦ

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ WILLIAM CLOWES AND SONS, LIMITED,
ЛОНДОН И БЕККЛЗ

Примечания переписчика

Пунктуация, переносы и орфография были приведены в соответствие, когда было обнаружено преобладающее предпочтение в этой книге.

Были исправлены простые типографские ошибки; несбалансированные кавычки были исправлены, когда изменение было очевидным.

Двусмысленные дефисы в концах строк были сохранены.

Указатель систематически не проверялся на правильность расположения в алфавитном порядке или ссылок на страницы.

Примечания в этой электронной книге содержат текст заголовков в оригинальной книге. Они были размещены между абзацами, которые были рядом с этими заголовками. Как и оригинальные заголовки, побочные примечания не обязательно находятся в начале тем, к которым они относятся.

Страница [193](#): “потерял столько людей, что 2-я” была напечатана с ошибкой, с пробелом там, где должно было быть слово “как”; исправлено здесь.

Страница [252](#): “двоим из троих” было напечатано именно так.

Страница [295](#): Переписчик добавил недостающую заключительную кавычку после слов “если бы нам это понравилось”. Правильная позиция может быть позже в этом абзаце.

Таблицы на страницах [333](#), [340](#) и [341](#): Звездочки в этих таблицах не являются ссылками на сноски; их назначение объясняется на странице [333](#): “Звездочка *, прикрепленная к месту дислокации батальона, означает, что он только что вернулся из кампании сэра Джона Мура под Коруньей”.

Страница [339](#): “только две (2/5-я, 2/34-я, 2/38-я)” были напечатаны таким образом, с “двумя” и без запятой после первой цифры.

[Сноска 344](#), первоначально на странице [338](#): “97-я, 90-я, 101-я, 102-я”, вероятно, содержит опечатку, поскольку “90-я” нарушена последовательность и уже упоминалась в [сноске 341](#).